

Родная ДАДОГА № 1(35)' 2016

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); **Громов А. В.** (Самара); **Денисов Н. В.** (Тюмень); **Казин А. Л.** (Санкт-Петербург); **Коняев Н. М.** (Санкт-Петербург); **Корольков А. А.** (Санкт-Петербург); **Корытин С. Н.** (Санкт-Петербург); **Орлов Б. А.** (Санкт-Петербург); **Сдобняков В. В.** (Нижний Новгород); **Семёнов В. Е.** (Санкт-Петербург); **Смолькин И. А.** (Псков); **Швечиков А. Н.** (Санкт-Петербург); **Яснев В. А.** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегических исследований, генерал-лейтенант.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

Рождественский РАССКАЗ

Сергей Котьяло. Свет и во тьме светит	5
Татьяна Грибанова. Три девицы под окном	18

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Галина Кучина. Рождество в Австралии	13
--	----

ПОЭЗИЯ

Светлана Кекова	25
Андрей Попов	28
Сергей Донбай	102
Василий Забелло	106
Владимир Сорочкин	193
Вера Бурдина	196
Сергей Корытин	288
Галина Таланова	292
Николай Зиновьев	310
Дennis Балли	312

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов). История Православия на Карельской земле. Доклад на конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской Карельской епархии	32
---	----

Родная РЕЧЬ

Александр Камчатнов. О лингвистическом статусе церковно-славянского языка ...	46
---	----

Пути ПОЗНАНИЯ

Рудольф Кесарев. Несколько слов об иконе Андрея Рублева «Святая Троица»	55
Наталья Голубева-Монаткина. Из Франции с нелюбовью. Заметки об идеологических нюансах в современных французских словарях	77

ПРОЗА

Владимир Крупин. У отца и матери	64
Дмитрий Володихин. Самойло Звон	72
Михаил Зарубин. Кровные братья. Повесть	82
Павел Кренин. Дядя Вася	180
Владимир Казмин. Бантик. Рассказ	200
Николай Лугинов. Восхождение. Повесть-притча	277
Наталья Филимошкина. Магазин игрушек. Рассказы	294

ЛЕГЕНДА

Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца	68
Валерий Сдобняков. Нравоучительные и полемические сочинения преподобного Максима Грека	304

Русские СУДЬБЫ

Татьяна Дорониная. Страна довоенного детства. Из дневника актрисы 91

ДОСПЕХИ

Леонид Ивашов. О вечном противостоянии «моря и суши». *Геополитическая сущность «холодной войны»*..... 110

Василий Новиков. Эдуард Филиппов. «Мужество высшей пробы». *Г. К. Жуков: маршал Победы, маршал долга и спасения* 153

Точка ЗРЕНИЯ

Александр Дутин. Бегство Аполлона или Бездна под названием «современная Европа» 125

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Чеслав Кирвель. Современный рынок и экологический императив: драма противостояния 135

Анатолий Грешневиков. Регионам не под силу сохранить леса 188

БЕСЕДА

Наше прошлое это наше будущее. *Интервью с известным общественным деятелем и меценатом, членом Межпарламентской ассамблеи СНГ Грачье Мисаковичем Погосьяном. Беседовала Валентина Ефимовская*..... 164

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Леонид Савин. Десять кризисов Европейского Союза..... 173

Славянское БРАТСТВО

Светлана Савицкая. Сербия — десять тайн и открытий..... 208

Великая ПРОВИНЦИЯ

Игорь Изборцев. Моя Сибирь, моя Россия! *История одного путешествия* 224

Никита Шевцов. Елена Наумова. Поездка в Карамзинку 260

РЕХИ

Николай Коняев. Ich bin russische птица 249

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей Любегин. Жить без суеты 257

Связь ВРЕМЕН

Анатолий Хазанов. Вхождение в большую жизнь 268

ИСКУССТВО

Валентина Ефимовская. Живописная симфония Филиппа Москвитина. *К 100-летию Георгия Свиридова*..... 315

Рождественский РАССКАЗ

Сергей КОТЬКАЛО

СВЕТ И ВО ТЬМЕ СВЕТИТ

Сергей Иванович Котыкало — секретарь Правления Союза писателей России, автор многочисленных рассказов, опубликованных в журналах «Молодая гвардия», «Россияне», «Роман-журнал. XXI век», книг «Лепет обманутого восторга», «Дурман», «Монастыри России», «Крик журавля», главный редактор журнала «Новая книга России». **Живет в Москве.**

«А любовь как сон...» — вьюном вилась в голове назойливая строчка из старой песни, но тут же на нее наплывал призыв: «Смерть врагам!» — отчего настроение невольно изменилось. Оглянулся по сторонам и не нашел глазами даже в ясную погоду этого врага, потому что тот на открытый поединок не выходил. Враг исподтишка, с дальнего расстояния, заправски стрелял «смерчами» и «градами», стрелял беспорядочно и бесцельно, — как казалось наивным, забитым, изнуренным полугодовым огненным испытанием жителям на Донце. Но это неправда, и Егор знал наверняка, чему свидетель его несгибаемая, нежилая в черной перчатке рука. Стреляли они всерьез и прицельно. Стреляли беспощадно. Стреляли так, чтобы жизнь до весны умерла и на месте их, еще недавно размеренной жизни, домов и цветущих палисадников образовалась голая степь, чтобы вернулось гуляй-поле гайдуков...

«А любовь как сон...» — возвращалась мелодия в шевеление мозга и понуждала его замереть, обратить внимание, как белый туман застлал стекла, чудом уцелевшие от сотрясения бомбами, выйти во двор, или, точнее, в пределы контура бывшего забора его усадьбы. В хуторе и прежде было не много дворов и насельников. Теперь один он остался да старая дворняга, которая с первых дней обстрела, еще в начале лета, сама по себе перебралась под печь и уже никогда не оставалась одна вне дома. Он тоже не то, чтобы признал правильность ее выбора, скорее, даже не заметил, так велика была печаль, пережитая после первых обстрелов, после гибели тех, кто жил рядом, но сгорел вместе с усадьбами либо подорвался на минном поле...

— Эх, да что там, — ступая босыми ногами по первому снегу, повторял он после первой, врезавшейся бесцельно строки из песни, вспомнил свою Незабудку, ее русую косу, синие очи и слезинку, что сорвалась тогда с размаху на снег и прожгла сквозь глубину дыры землю, как бы ужаленная первым его прикосновением, — на том же месте, в тот же час, — как уже на груди его душегрейки заиндевила круглой жемчужинкой другая слеза...

Его долгий отчужденный, застывший пред внезапно выпавшим снегом взгляд разбудил заяц, вынырнувший из-под кочи, и тоска вавилонской строки: «А любовь как сон...» — и далее крик ворона, что иерихонской трубой на всю Ивановскую улицу каркал одному ему ведомую тревожную песнь. И что удивительно, слушать вместе с ним ворона спустились с чердака белая горlinkа промеж простых сизарей и белка, забежавшая вершинами елей на орех... Ожили в овине куры, утки и гуси... Живенько так загалдели, что он невольно ухмыльнулся, расцвел радостью, но тотчас уныло голову свесил на грудь: «Кто, — спросил он у ветра, — скажи мне, имеющий душу, способен вынести это...»

Он действительно с трудом выносил. Правда, курочек было три, уток полторы — одна хроменькая, лапку осколком мины снесло, да и гусей, как водится, осталось два: один — белый, второй — серый, веселые, в отличие от курочек и уток, гуси... Удивительно, право дело, людей не осталось, а эти живут, кормятся... Поди ж ты, подумай, как прокормить их в безжизненном пространстве, а он их держит при себе, разговаривает.

— А у тебя в детстве были птицы? — вспомнил он, как спросил его приятель когда-то давно, на пороге Ливадийского дворца, где они наслаждались хвойным ароматом, веселым пернатым гомоном, бушующим внизу Черным морем...

— Конечно, — сверх меры простовато ответил тогда, — индюки, куры, гуси... — и оба расхохотались над столь явной его непосредственностью.

Вот и теперь он не заметил, что бредет по снегу босыми ногами, совершенно бесчувственными к холоду, но не к дрожи земли, от дальних разрывов, тупо отдававшихся в груди...

«А любовь как сон...» — вновь аукнулась неумной мухой строка в ушах зачарованно, и ворон в ответ, с высоты далека, над дымоходом каркнул, и голуби встрепнулись, а за ними нервически закудахтали куры, утки закрикали, и застучали крыльями гуси: «Га-га-га...» И он справно зашагал босыми ногами к овину:

— Сейчас-сейчас, мои хорошие, — говорил к ним с ласковой взаимностью, — будет вам и зернышко, будет и вода...

Господи, подумать только, откуда в этой безлюдной пустыне зернышко, если сам уже который месяц хлеба не то что белого, а и черного не едал, однако ж не хлебом единым жив человек...

— Чу! — дважды из Заречья, удар за ударом, возвестили колоколом от сельской церкви Георгия Победоносца, что обедня у них благополучно завершилась и поп начинает править панихиду по тем, что лежат в своих домах лицом к алтарю, всю ночь слушавшие безмездно Псалтырь старушки-монахини и пронзительный свист сверчка от железом обитой трубы.

«А любовь как сон...» — сверлило голову, тогда как колокол вновь дал: «Чу!» — два похоронных удара, и он перекрестился за тех, кто обрел душе вечный покой, кого отправят на санках последней дорогой без лишних рыданий...

Заступившие с севера серые стальные облака поглотили недолгий свет солнца.

— Короток век, — закрывая калитку овина, огрызнулся на самого себя — а песня житья не дает...

— Га-га-га! — проводили его два веселых гуся.

Их веселье переменяло дух Егора.

«А любовь как сон...» — в который раз завелась пластинка в его голове; облезлый, заспанный дворняга как-то уж очень бодро высунул нос из двери дома, смело загавкал на Заречье, откуда завьюжило и уже напирало снега на их хутор.

— Так, и чему радуешься, глупый, — потрепал Егор собаку, — впрочем, Сочельник ведь, — и пошел внутрь дома.

Затопил дровами печь. Поставил в ковшиках варить для кутьи размоленную пшеницу и узвар из сухих яблок, груш, абрикосов и слив, заготовленных Незабудкой с прошлого года. Трижды убежала вода на чугунок. Трижды обжегся, прежде чем довел узвар до кипения. Трижды принимался стелить праздничную скатерть на стол, но всякий раз останавливался строкой из песни: «А любовь как сон...»

* * *

Меж тем, время давно перевалило за полдень. Метель выла уже настоящему, кидала в окно снегом. Но на душе у Егора пребывала радость, неведомое торжество чего-то такого, чего и сам не понимал. Куда подевалось чувство одиночества, брошенности, войны, дрожания земли и грохота пушек. Заживлялось, разгоралось вместе с печкой сердце жизни. Он даже парадную тройку достал, брюки отутюжил... Сапоги начистил, но убрал в шкаф. Примерил битые серые валенки с галошами, загнул навыворот края. Походил по дому туда-сюда. Дворняга выглянула из-под припечка, дивилась странному поведению хозяина, игриво в такт походке поскулила.

— Дивны дела Твои, Господи, — сам себя не понимая, сказал Егор на Образ и перекрестился, задумался.

Правда, не так давно от себя услышал такие слова, да и креститься...

«А любовь как сон...» — снова сшибла с мысли застрявшая в уме мелодия.

— Смэрть врагам! — невесть откуда громом грянул чужой в доме голос в ту самую минуту, когда Егор, нагнувшись долу, снимал с ног валенки.

— Помогите, Господи, — нисколько не смутившись, не вставая с табуретки, сказал он трем бравым, экипированным служивым...

— Сказали Боги, щоб и вы помоглы, — продолжая стоять у порога, ответил один из них, — а то так хочется исты, що ниде и переспаты...

Егор поднялся. Служивые, хоть и вооружены до зубов, пусть и на слово быстрые, но худосочные и по зоркости взгляда — трусоваты — за оружие крепко держатся. Тот из них, что посмелее и горластей, продолжил:

— Здорово живэтэ.

— И вам не хворать, — сказал Егор. — Мою, вот, — тыча рукою в подприпечье, откуда торчал нос дворняги, — в такую погоду из дома не выгонишь...

— Не бойсь, — перебил единственно говорящий, — нэ довго осталось...

— Так и я перебоюсь свое, и один на хуторе остался. А вы проходите, садитесь, — Егор указал на стулья и кресла.

— Нэ час ще сыдиты, дома жинка та диты, а твои дэ? Хто ще на хутори живэ?

Егор взгрустнул выдохом:

— Сорока-воровка на дубе, да белка на ели...

— Шутковать, брат з намы не трэба, — зло оборвал говорун. — Ше нэ вмерла Украина.... Мы и про тэбэ всэ знаем. Живы пока соби на здоровье, а птыця твоя вже нэ литае. З намы пойдэ пидтрымуваты рэволюцию... Хлопцям, сам розумиешь, розговляться трэба, — продекларировал цель прибытия и вышел за служивыми...

Внутри Егора мгновенно вскипела обида, он даже что-то было уже хотел..., как в его голове опять запелась песнь: «А любовь как сон...» — и это его остановило.

Служивые так же бесшумно исчезли, как и появились. Следы их пребывания тотчас замела выюга. Лишь калитка овина бесхозно качалась на ветру.

— Вот и допелись, — сказал Егор дворняге, — и остались с тобою вдвоем, тогда как еще утром были куры, и утки, и два веселых гуся. Не доглядели мы с тобой, не защитили наших певчих, сами не ели — им отдавали, а они... Улетели! Эх-х! Что проку плакать и тужить, — смахнул рукою разочарованье. — Потеряли бдительность, не сберегли для Незабудки, а так хотелось...

Безмысленно присел на табуретку Егор, посидел. Снова натянул валенки. Снял. Он растерялся, искал за что зацепиться, как и куда направить свое отчаянье, и тут снова к нему прилетели слова: «А любовь как сон...»

«Да, — екнуло в сердце, — Сочельник, надо елку наряжать... До первой звезды наряжать...»

Егор вышел на террасу и вернулся с пышной, пахнущей морозной свежестью маленькой елью, уже встроенной в треногу, поставил ее на стол. Снял со шкафа перевязанную старую коробку с новогодними игрушками, где вместе с Дедом Морозом и Снегурочкой, в крахмаленных белых шубах, жили бумажные пятнистые ослики, беленькие зайчата, сизари и краснопузые снегири, стеклянные серебряные сосульки, перламутровые ангелочки, шишки и орехи, золотые рыбки, волхвы с дарами на верблюдах, оранжевые китайские фонарики, свечи... И, конечно же, шары... Много шаров... Большие и маленькие, красные, синие, золотые...

«А любовь как сон...» — егозила, зудила строка и понуждала украшать елку.

Всю свою жизнь Егор сам наряжал елку. Это было особенное действо, ежегодное возвращение в детство. Он развешивал стихийно игрушки, обволакивал елку бусами, мишурой и гирляндами так, чтобы они не закрывали композицию движения игрушек. Водружал Вифлеемскую звезду над всем

разноцветьем и лишь затем ставил Деда Мороза и Снегурочку под елку так, будто они гуляют в Рождественскую ночь по лесу.

Время бежало быстро. Егор напрочь забыл незваных гостей. Прибравшись в тройку, разве что бабочку не напялил на ворот белой рубахи... Опять в валенки обулся. Пальто классическое из полшерстяного драпа надел, навернул вокруг шеи шерстяное красное в белую клетку кашне по погоде, чтобы можно было спрятать часть лица и нос от холода и ветра... Прямо франт городской, а не хуторянин, если бы не битые валенки...

* * *

— Дни коротки, ночи длинные, — сказал Егор, заглянув в окошко.

Вьюга стихла. Двор и овин замело снегом. Первая звезда едва-едва пробивалась сквозь синь вечера. Красота неземная, будто и не было пурги, будто и не жили его птицы в овине...

— Чу! — позвал колокол святого Георгия.

— Вот и пойду, — ответил Егор, — не солоно хлебавши, поисповедуюсь у отца Петра, поплачемся друг дружке в жилетку... — Прикрыл в печке тепловую вытяжку, потрепал мордашку дворняги: — Не скули! Вернусь, разговеемся...

Вышел из дома, утоп в снегах белых, а в голове слова песни: «А любовь как сон...» — и радость на сердце нечаянная.

Откуда берется? — неведомо.

По пояс в снегу бредет наобум. Темень густющая. Ни зги не видать. Только вдали, из Заречья, доносится выразительное нечастое:

— Чу! — от святого Георгия, и мороз по штанам пробирает свежестью.

Колокол глухо гудит, зовет в церковь прихожан, и нельзя сказать, что зовет сурово и властно. Напротив, даже в глухом ударе колокола слышится сладкая благость. Народ тянется, где реденько из хуторов, где гуще из самого Заречья... Что-то такое разгорается, развидневается сначала в душе каждого, затем вблизи самого святого Георгия.

Егор брел через Донец так же, как когда-то бесстрашно брела в Заречное его мать и пела, чтобы отогнать от себя подальше волчьи горячие очи. Пела отчаянно, открыто, но по-женски сердечно. Пела русские и украинские песни. В церкви ее, отроковицу, школьницу, однажды спросил покойный настоятель:

— А что, Верочка, ты не поешь Псалмы или хотя бы колядки?

— Пою, батюшка, в церкви и дома пою, а среди волков спиваю... — и потом заплакала, да и брякнула: — Вы бы, батюшка, с волками еще и не то б запели...

Егор все порывался спросить у мамы, когда она еще жива была, что же такое «не то б запели», но так и не успел. Лишь годы спустя узнал, на побывке. Махнули они с Софийкой, сестрой-покойницей, — один всего-то раз и было, — на Николу Зимнего в Заречье, в бесснежье. Силищи Егор слыл недюжинной, ничего и никого не боялся, а ледок под ними слабенький, еще не окреп, потрескивает. Сестра заволновалась, заохала. И это бы ничего, но в темноте загорелись волчьи очи. Пуще прежнего забоялась Софийка, затрепетала. Схватил Егор ее в охапку, прижал к сердцу и пошагал, что

было духу, уверенной поступью прямо на волков. Сестрица и запела ни к селу, ни к городу:

*Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой!..*

Да так красиво запела и пела от начала и до конца громко и правильно, нутром, словно не на льду Донца, а в самом Большом театре. Егор даже пожалковал, что раньше за ней не знал такого таланта...

Вышли на берег. Волки отступили. Софийка смолкла. Он и говорит сестре:

— Что ж ты смолкла, пой.

— Нет, — говорит ему, — на берегу не могу. Я, как мама, только на воде пою.

Так, вспоминая сродников, Егор и догреб по снегу до Заречья.

* * *

Наплывая неторопко на гору по шуршащему снегу, взбирался в синем свете к святому Георгию. Слух сердца сладко щекотал малиновый звон дымящейся в звездной россыпи в серебряных покровах колокольни. Помимо воли, едва шевеля губами, Егор пел «Свете тихий...» Самую малость оставалось, чтобы перенестись уже на тропу вдоль церковной ограды, но он притормаживал ход, продлевая удовольствие слушать ласковую молитву самой природы, славящей Рождество Божественного младенца.

*Рождество Твое, Христе Боже наш,
Возсия миру Свет Разума...*

Перекрестясь на входе на икону Георгия Победоносца, пронзающего копием змия, нарядные прихожане, укрепившись ангельскою силой, входили ко всенощной в церковь. Но вот в двери застряла ожидавшая прибавления молодая мать. Крошка-малыш тянул ее обратно, потому как не успел наглядеться на рождественскую звезду с лиловым отливом. Помог матери старенький настоятель, скоренько семенивший коротенькими шажками, пришаркивая на паперти:

— Пойдем-пойдем, — ручкой легонько похлопывая шубку малыша, — я тебе большую звезду покажу, — и мальчуган резвенько побежал, увлекая всех за собой.

Народ в притворе тянул руки к настоятелю, вопросы спрашивал... Он благословлял, отвечая:

— Нет-нет, — говорил, — кто не исповедался, ждите до «Отче наш», — пробивался сквозь строй внутрь храма.

Маленьким, бледненьким, беленьким, совсем неземным показался священник Егорю.

— Маленький, да удаленький, — громко и весело сказался безадресно отец Петр. — Ты, брат, сантименты у нас в церкви не разводи, — наугад бур-

лаков в движении продолжал батюшка. — Да-да, Егор, не разводи. В храме надо держаться молитвы, не жалости... Ступай к аналою, там доскажу...

Сказал и пошаркал своим чередом к солее, цепляясь за рассыпанный по полу ельник. Огни в церкви еще в полную мощь не зажгли, но и так все сияли как херувимы и серафимы на небе под куполом. Вольноопределяющийся, как звал его батюшка, псаломщик Василий монотонно читал на клиросе великое повечерие. Однако, почуяв приближение настоятеля, голосом оживел, с выражением читал, как в драматическом театре, чего, собственно, и не любил отец Петр, эту нарочитую выпренность псаломщика. Народ по случаю праздника слушал Василия внимательно, крестился и вздыхал...

— Ты, Егор, не унывай, — сокрушаясь, прервал исповедника батюшка. — Послушай старика никчемного, — сочувственно гладил по голове. — Впереди зима, а за ней — лето. Будет тебе два веселых... Беленький и рыженький... Сиротки, — иносказательно, духом говорил ему, — прими с миром на хутор. Пусть твоя Незабудка их обихаживает...

— Так нет же ее, — сорвался Егор...

— После службы все будет, — сказал отец Петр ему и покрыл голову епитрахилью.

Слова батюшки крепко зацепили Егора. Так крепко, что он еще сколько-то времени пребывал в неведении, где небо и земля, и лишь отдаленно слышал, как долго читает псаломщик. Собственно, в забытии пребывал, пока вольноопределяющийся не вытянулся над полнотою храма во фронт и уж очень торжественно воззвал:

— С нами Бог! Разумейте языцы...

Далее за псаломщиком браво вступил хор:

— С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!

А с высоты купола эхо вторило:

— Яко с нами Бог!..

Отец Петр, уже облачившись белую ризу, спешно открыл Царские Врата.

— Услышите до последних земли, яко с нами Бог, — единым духом гремел сводный зареченский хор из двенадцати прихожан. — Могущии покоряйтесь: яко с нами Бог...

Полилась Рождественская служба давно заведенным правилом. Полились белым светом огни паникадила, заиграли в малиновых лампадах огненные, желтые языки, выступили на свет образа святых праведников... Прихожане пели вместе с хором. Сердца вторили молитвы, а с глаз непрерывно слезы катились...

Во всю службу Егору некогда было даже о чем-то подумать. Уже и «Херувимскую» пропели, а он не надышится ладаном...

* * *

И вот завершилась служба, вдоволь, казалось, напелись. Отец Петр в третий раз вышел на солею с золотым крестом в руке после уже сказанного настоятельского слова, потому как прихожане не расходятся, благословил всех, и говорит:

— Правильно знаете, что с Рождественской службы никто у нас пустым не уходит. Хорошо вы молились, и за то будут вам пироги с творогом

на дорожку, — и хитровато, с прищуром смотрит поверх голов в дверной проем притвора. — Вы, дорогие, раздвиньтесь, Христа ради, пропустите благодетелей.

Народ завертел головами, высматривая того, о ком говорит настоятель. Егор, напротив, стоит колуном с закрытыми глазами, в состоянии полудремы, никого не видит...

И опять же песнь старая в нем занялась: «А любовь как сон...»

Что? Откуда?

С притвора Снегурочка в белом платье, в белой газовой врачебной шапочке с красным крестом на лбу шагала торжественным маршем с корзиной в два обхвата, полной пирогов. За ней два ангелочка в синих пуховых пальтишках чинно семенят, у каждого небольшое лукошко с конфетами... Прихожане только рты разинули в изумлении, а Егор, может и правда приснул в фантазиях стоя, возьми и качнись, да одного ангелочка о другого, — маленькие ведь, легенькие, — пни, а они, огольцы, Снегурочку лукошком... Конфеты на пол. Взрослые и ребятишки, понятно, хоть и намоленные, скорее хватать... Хорошо еще, Снегурочка на ногах устояла...

Хористы, надо отдать должное, для порядку запели:

*Рождество Твое, Христе Боже наш,
Возсия миру Свет Разума...*

Прихожане, ничего, сообразили, вернулись на место, кроме Егора. Стоит как вкопанный, глазами лупает на Снегурочку...

— Ну что, — спрашивает его отец-настоятель, — Развиднелось?

— А любовь как сон... — глуповато сказал он батюшке.

— Нет, Егор, любовь, она во сне и наяву. Вернулась с войны твоя Незабудка, — говорит отец Петр, — вернулась наш доктор Марыся... С двумя крылами вернулась. Сиротки безродные: один белый, второй рыжий...

Марыся, «звездой оучахуся», держала впереди себя корзину. Отец Петр раздавал прихожанам пироги, чтобы «кланялись Солнцу правды»...

Все они в эту дивную Рождественскую ночь верили, что с высоты Востока возсияет миру Свет Разума.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Галина КУЧИНА

РОЖДЕСТВО В АВСТРАЛИИ

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 г. в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее разворачивает свиток» (СПб., 2007). **В 1957 г. вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.**

Прилетели мы в Австралию в августе, а сентябрь — это начало весны. Быстро летят дни за днями, и, вдруг, мы видим, как преобразается город. На главных улицах появились гирлянды цветов. А вечерами с подсветкой, создавая чарующее настроение, украшая улицы, заполненные озабоченными, вечно торопящимися куда-то людьми, появляются елки, вертепы, в витринах магазинов выставки на тему Рождества, и всюду звучит рождественская музыка.

Что происходит? Начинаем понимать, что это предрождественский период. За пару месяцев до Рождества.

В торговых центрах города водружается трон с восседающим на нем Santa Claus, где может с ним сфотографироваться любой ребенок и тут же получить фотографию, уплатив соответствующую сумму денег.

Нужно сказать, что в западном мире образ Деда Мороза ассоциируется с образом Святителея Николая, щедро раздающего подарки детям и отвечающего на их письма.

Несмотря на то, что Австралия страна многонациональная и официально секулярная, Рождество является самым главным, ярко отмеченным в календаре праздником. В разговоре обывателей постоянно слышишь: сколько недель или дней осталось до Рождества. Купили ли все подарки? Отправили ли поздравления? Куда едете на рождественские каникулы?

Приехав в Австралию, мы столкнулись с календарной проблемой. Ведь западный церковный мир живет по новому стилю, и Рождество празднуется 25 декабря, а не 7 января, как праздновали мы. Нужно отметить, что православные греки, населяемость которых в Австралии очень высока, живут тоже по новому стилю. Мельбурн является третьим городом в мире по населенности греками.

После того, как в Мельбурне был основан миссионерский православный приход Московского Патриархата, сейчас мы официально празднуем оба Рождества. Это разрешило проблему в смешанных браках, устранило проблему с детьми. Как нашему русскому ребенку объяснить, почему у всех детей Австралии праздник уже начинается, у них в домах стоят елки, а нам нужно ждать до 7 января, чтобы встретить Рождество. Я ясно помню, как в Сочельник мама с папой тихонько украшали елку, а я, проснувшись, делала вид, что сплю, чтобы не нарушить тайну, так бережно хранимую родителями. Мне долго хотелось верить, что Дед Мороз именно в Сочельник принесет елку и подарки.

По светским понятиям избежать предрождественские торжества просто невозможно, потому что на работе обязательно устраивается party (встреча), в которой невольно принимаешь участие.

В госпитале, в котором я проработала более тридцати лет, уже за недели до Рождества врачи приносили подарки, в основном шампанское, печенье, шоколад и прочее. В последний день работы в операционной, отправив последнего пациента в палату, recovery room (комната, где происходит наблюдение за оперированными больными) превращается в праздничный зал, куда собираются доктора из всех госпиталей, закончив свой рабочий день — в основном хирурги, анестезиологи, а мы, заранее приготовив обильный стол разнообразных закусок, принимаем гостей. Я всегда была хозяйкой торжества и по настоятельной просьбе коллег приносила всеми любимые пельмени. Бутылки шампанского открывались одна за другой, пробки летели в потолок, на котором долгое время находили продавленные ими следы. Я очень любила открывать бутылки. Открывая бутылку, я уже пьянела, а выпив бокал, кажется, что весь мир празднует со мной, а я с ним. Все счастливы, веселы, от усталости трудно проведенного дня нет и следа. Сколько серьезных операций проведено в этот и все предыдущие дни, сколько жизней спасено, сколько помощи оказано больным и сколько радости этот дружный коллектив врачей и сестер несет пациентам. Атмосфера в нашем госпитале была необыкновенно хороша, а в предрождественское время — полна любви и восторга.

Но это было в прошлом. Сейчас, с введением строгого контроля в сфере безопасности на дорогах, люди стали более осторожными, и «возлияния» стали умеренными, символическими.

Город ликует, в храмах католических и протестантских в Сочельник, 24 декабря, проходят ночные богослужения, светская жизнь кипит тоже. Театры переполнены, концерты и гулянья не могут вас оставить в стороне, но когда наступает наше русское Рождество, мы отмечаем его духовно.

Существенная разница еще заключается в том, что у нас, у русских, самое торжество праздника начинается в Сочельник, с 6 на 7 января, и перед праздником идет активная подготовка к нему, а в западном мире торжество начинается за три месяца до праздника, и на второй день Рождества, 26 декабря, все закончено.

Примерно за два-три месяца до Рождества все большие торговые дома украшены атрибутами праздника — наряженными елками, сверкающими подарками, цветами. Улицы, как я писала выше, украшены горящими гирляндами, елками и вертепами. В самом большом торговом доме Муег все витрины в художественном оформлении последовательно освещают весь путь

Святой Семьи, следовавшей на перепись народа, вплоть до яслей. На это оформление витрин люди приезжали специально посмотреть и запечатлеть на фотокамеру.

Многие украшают свои дома разноцветными лампочками, из них создавая рождественские картины, а в одном районе города целый бульвар утопает в огнях. Каждый дом представляет собой образец искусства и фантазии.

Все это продолжалось много лет, но иноверные старались прекратить христианские проявления грядущего события. Были возмущения, дискуссии, но остановить христианскую тематику полностью не удалось, несмотря на то, что Австралия официально является страной секулярной.

Меня очень радует, что перед Рождеством в главном парке города на сцене амфитеатра Sydney Myer Music Bowl (сцена в форме раковины) проходит большой благотворительный концерт Carols By Candle Light в пользу слепых Royal Victorian Association for blind с участием лучших сил страны — музыкантов, вокалистов, которые жертвуют свои таланты на эту организацию. При многотысячной аудитории выступает хор слепых детей, хор взрослых, молодые участники страны и звезды эстрады. Все лучшие таланты Австралии и часто приглашенные гости. Особенно трогательно звучит неизменная Silent night, Holy night, и весь народ, расположившийся на лужайке, поет вместе с солистом со свечами в руках. Потрясающая картина, когда тысячи свечей сливаются с музыкой и пением этого замечательного песнопения.

Традиция этого благотворительного концерта имела начало в Мельбурне. Вход был свободен, но с годами Carols By Candle Light приняли такой головокружительный успех, что из-за бурного наплыва людей пришлось сделать вход платный, и сейчас билеты раскупаются с такой быстротой, что далеко не все могут попасть на это замечательное мероприятие.

Прямо перед сценой установлено несколько рядов стульев, которые обычно заполнены людьми более старшего возраста и в случае непогоды они не промокнут, а будут находиться под навесом.

Дальше же на пригорке огромная открытая лужайка, предоставленная народу. На травке поудобней устраиваются семьи с детьми, наряженными в рождественские колпаки, со свечами, фонарями, флажками, с бутербродами и закусками, неизменным шампанским или пивом — целое море людей, ликующая толпа! Все сидят на раскинутых привезенных из дома шезлонгах или одеялах и слушают замечательный концерт.

Приятно, конечно, быть среди счастливых и веселых людей на зеленой лужайке, но чтобы получить это удовольствие, нужно приехать много раньше до начала концерта, чтобы запарковать машину. А из-за огромного количества людей — более десяти тысяч, часто невозможно запарковаться поближе. Из-за этого приходится нести все в руках, чтобы обеспечить себе удобства и получать эстетическое удовольствие от концерта, и отдать должное Баху. Ведь хочется и выпить, и закусить, и ребеночка накормить, дать бутылочку молочка, все, как на пикнике. Ведь большинство людей — молодые семьи. Они с детьми всех возрастов, начиная с грудничков.

Мы не пропускали эти концерты, которые называются Carols By Candle Light, но не на лужайке, а в уютной гостиной у себя дома с неизменным бокалом шампанского и легкой закуской.

Тема концерта рождественская. Эта традиция распространилась по всем городам Австралии. Сейчас стали проводить подобные вечера в парках в разных районах города, что очень удобно, учитывая расстояния большого города. Очень широко раскинуты города в Австралии. Жизнь людей в австралийских городах не сосредоточена в центре в многоэтажных домах. Больше половины австралийцев живут в собственных домах, поэтому в городе масса микрорайонов, в которых и свой муниципалитет, и театр, торговые центры, госпитали, аптеки, школы, детские сады и свой член парламента. Можно прожить в своем районе года, не выезжая в центр.

Печальным фактом является то, что коммерция погубила духовную сторону праздника. Значение его стирается этой предпраздничной суетой. Традиционно все дарят друг другу подарки. Это не только в семье, но распространено на всех, с кем мы общаемся. Ввиду того, что для многих сложно справиться с бюджетом, предлагают какие-то сберегательные рождественские книжки. Поздравительные открытки — это прекрасно, когда у вас несколько близких людей, кого вы хотите поздравить, а вот в моем случае: у меня всегда было 100—110, которые нужно отправить по всему свету! Время, труд, деньги, но общение выше всего этого. Сейчас стало много легче благодаря Интернету и более доступной телефонной связи.

Необходимо отметить, что Новый год в Австралии абсолютно не отмечается. После Рождества он проходит совсем незаметно. Люди встречают Новый год в семьях, с друзьями, в ресторанах, но без всякой помпы. Это личный праздник в каждой семье. В нашем храме вечером накануне Нового года служитя молебен, после которого за чашкой чая и бокалом шампанского или любого вина поздравляем друг друга с Новым годом. Иногда люди приходят на молебен уже одетые нарядно, чтобы ехать встречать Новый год в кругу друзей. Некоторые собираются в домах, с балконов которых видны фейерверки, молодежь гуляет в парке и на улицах города, где теперь ведется контроль за употреблением алкоголя.

За два дня до Рождества магазины открыты 24 часа! Толпы людей покупают подарки, и часто бывает так, что после Рождества их меняют или передаривают.

Подходит Рождество. Семьи собираются на обед у родителей жены, на ужин у родителей мужа или наоборот. Прежде всего звучат поздравления. Открываются подарки. Горы оберточной бумаги, безжалостно смятой и разорванной, заполняют пространство, и только после получения подарков, радости и восторгов весь мусор выносятся из комнаты и семья приступает к рождественской трапезе. Иногда приходилось слышать, что семейные рождественские обеды не всегда были очень счастливыми и веселыми. Ввиду того, что семьи собирались раз в год, часто выяснялись отношения, иногда приводившие к скандалам, но в большинстве случаев — это радостный день, ведь только в один день в году семьи стараются объединиться, а завтра — Boxig Day, все кончено.

По английской традиции рождественское меню состоит из жареной индюшки, пудинга, рождественского торта, мелкого печенья, всех сортов орехов, сезонных фруктов, конфет и прочие. Все рассчитано на зимний английский климат, но ведь у нас Австралия. В это время уже жаркое лето, и горячий обед становится все более неприемлемым. Стали менять меню. Вместо индюшки — омар и дары моря. Овощи, фрукты, мороженое всех

сорт, но Christmas cake остается неизменным. Это торт с изюмом, орехами и всякими специями, выдержанными в коньяке. Торт печется за несколько недель до Рождества, потом поливается коньяком и выдерживается до самого Рождества.

Из-за климата появилась новая традиция в Австралии. Все-таки было трудно расстаться с традиционным меню с индюшкой, поэтому хитроумный народ решил, что можно повторить празднование Рождества в холодное время года, т. е. в июле, когда у нас зима, и объявить второе Рождество Christmas in July с горячей индюшкой, пудингом, облитым заварным кремом и коньяком, и неизменным рождественским тортом. Так и сделали. Гулять так гулять!

Со мной произошел курьезный случай, о котором даже стыдно вспомнить. Я работала в католическом госпитале. Шефом в кухне госпиталя была монахиня, которая изумительно готовила и делала потрясающие выпечки. Перед Рождеством продавали билеты на розыгрыш Christmas cake. Вдруг меня вызывают в кухню и торжественно сообщают, что я выиграла главный приз, которым являлся Christmas cake. Я с благодарностью и радостью взяла его. Попыталась поднять, оказалось, что он очень тяжелый, а из-за ингредиентов — еще и очень дорогой. Не представляю, сколько бы он мог стоить, если бы его заказывали для какого-то мероприятия.

Короче говоря, я с трудом донесла его до лифта, спустилась на свой этаж и пригласила весь обслуживающий персонал в комнату на чашку чая с рождественским тортом. Все обалдели, кроме меня. Я пытаюсь его резать, меня останавливают, что-то объясняют, но я неумолима. Русское гостеприимство берет верх. Как я поняла позже, это традиционный торт, который разрезается на маленькие кусочки в день Рождества, а не на такие огромные куски за неделю до праздника. Теперь мне стыдно об этом вспоминать — ignorant new Australian! Так называют новоприбывших эмигрантов, приехавших в Австралию.

26-го все стремятся в магазины, чтобы поменять ненужные подарки или воспользоваться большой скидкой.

Начинается снова коммерция. Многие не пропускают этой возможности и скупают все, включая рождественские атрибуты по сниженной цене, чтобы на следующий год обеспечить себя рождественскими карточками и подарками, чтобы сократить расходы в следующем году. Где же здесь думать о душе, о значении этого дивного праздника, о рождении Христа, Спасителя Мира?!

Рождественский РАССКАЗ

Татьяна ГРИБАНОВА

ТРИ ДЕВИЦЫ ПОД ОКНОМ

Татьяна Ивановна Грибанова — родилась в д. Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор четырех поэтических книг, нескольких книг прозы, печаталась во многих известных журналах, альманахах. Член Союза писателей России. Награждена специальным Дипломом «Прохоровское поле» за поэтическую поэму «Судбищенская битва» (2013). Лауреат премии им. Е. И. Носова (2014) и других. **Живет в Орле.**

— Ишь, неумнай, опять бесовский пляс затеяли! Кабы батюшку на них, наложил бы лет на шесть епитимью за козьи рожи! — вспомнились из детства бабушкины причитания.

Как только подкатывали Святки да на лихом Крещенском морозе разгорались игрища, бабуля ворчала на ряженных, щуняла «молодежь». Но сколько бы ни сердилась старушка, Святки гулялись. Святки есть и долго еще не переведутся, пока будет сама Русь, пока будем хранить свои славянские корни.

Испокон века Святочная неделя — самый неугомонный, самый любимый праздник. Начинался он вечером шестого января, когда на деревенские улицы выкатывались толпы ряженных. Переваливаясь из хаты в хату, с шутками и колядками колобродили в ожидании первой звезды. Уж если наш мужичок загулял, поди удержи его! До самого Крещения продолжалось народное гуляние.

То ли отвечая потребностям широкой русской души, то ли потому, что бережем в закоулках памяти обряды пращуров, не понять уже и отчего, но (который век!) Святки ждут, к ним готовятся и лихо гуляют по городам и весям и стар, и мал.

Грешит мужичок в разухабистые деньки и не помнит уже, что осталось в этом веселье от древности, чем обогатило это празднование Христианство. Надеется люд российский: наступит Крещенский сочельник, окунется мужичок в прорубь, запасется водицей освященной и омоется от святочных проказ.

Сочельник, вечер перед Рождеством, у нас зовут Сочевник. Помнится, девчонкой выбегала минутно в сенцы, сквозь морозное оконьшко не разглядеть, взошла ли первая звезда. Все никак не могла дожждаться ее, той, самой важной в

году, которая возвестила волхвам о рождении Сына Божия в Вифлееме Иудейском.

Рождество никогда не обходилось в нашем доме без сочива (кутья). Бабушка в этот день не стряпала, а священнодействовала. В мои обязанности входило перебирать зерно. Бабуля промывала ячмень, пшеницу и рис. На лучшем меду, хранимом для Великих праздников, варила из них кашу. Добавляла самую малость елея (оливкового масла), лещинки, изюмцу. На меду же томила в печи из сушеных яблок и слив взвары. Оладьи тоже щедро поливала медом.

В такой день одной бабуле не справиться. Мама и я летали по кухне на подхвате. Выпечку, резных овечек да коровок, наготовливали целую корзину, чтобы на все Святки хватило. Последние печеньица подбирались на Крещение — обмакивали в святой воде.

Бабуля наша хоть и доброго нраву, но строго соблюдала раз и навсегда усвоенные, вероятно, еще от ее бабушки, житейские правила. Под Крещение наводили порядок, а собранный сор сжигали в огороде на костре. Мол, и в доме беды повымели, и землю освятили. Бабуля говаривала о Святочных праздниках как о живых существах. По мосточку, слаженному Овсеном, приходят в эти дни «братцы» — Роштво, Хрищенье и Василев день. Старушка не любила слово «колядовать» и всегда поправляла — «Христа славить». Топчась спозаранку у печи, напевала:

*Рождество, Твое, Христе Боже наш,
Возсия миру Свет Разума...
Тебя видят с высоты Востока,
Тебе кланяется солнце правдою...
Волхвов привечайте,
Святое встречайте.
Пришло Роштво,
Начинаем торжество!
С нами Звезда идет,
Молитву поет...*

А с улицы доносилось:

*Пришла коляда
Накануне Рождества,
Дайте коровку,
Масляну головку!
А дай Бог тому,
Кто в этом дому.
Кто в этом дому,
Ему рожь густа,
Рожь ужениста;
Ему с колоса осьмина,
Из зерна ему коврига,
Из полузерна пирог.
Наделил бы вас Господь
И житьем, и бытьем,
И богатством,*

*И создай вам, Господи,
Еще лучшие того!*

Бабушка противилась тому, чтобы я участвовала в колядках, заставляла предпраздничными делами: и холодец разобрать помощи, и белки взбей, и печенюшки смажь. Но как отстать от подружек? Улучив минутку, я выскальзывала за двери. А там! Милку, подружку мою, нарядили поверх шубы в специально сшитую белую рубаху. Усадили в сани. Парни в них впряглись, по деревне Коляду возят, распевают:

*Уродилась Коляда
Накануне Рождества...*

На саях лежат мешки, в них складывается все, чем угощают колядующих за то, что хозяйина хаты величают «светлый месяц», хозяйку — «красно солнышко», а деток — «звезды ясные».

Мила-Коляда, коли не отворяли, стучала в окошко и грозилась:

*Кто не даст пирога —
Сведу корову за рога,
Кто не даст ветчины —
Покою все кубаны!*

Почередив, наозорничавшись, бросали сани посередь улицы — перегородивали дорогу и сваливались уплетать наколядованное в Милкину хату, благо родители ее сами были не прочь повеселиться, пировали на другом конце деревни.

Подъез рожественские угощения, под Крещение пускались снова по дворам. Гулять так гулять!

Современные игры на Святках не были в ходу. У стариков выпытывали водившиеся в их времена забавы и развлекались, внося свои придумки.

Играли, к примеру, в молчанку. Водящий командовал: «Раз, два, три!» и все замирали: ни двинуться, ни сказать, даже ни улыбнуться. Выдержать так долго никто не мог. И вот уже проштрафившийся Сашка Филькин ест горсть опилок. Наказание могли придумать и похитрей: прокатить Милкину бабулю вдоль деревни на спине, или — укротить, запрячь в санки Степкиного полудикого пса Буянку, да чтоб не вывалил девчат в сугроб.

Бедная моя бабушка! Выговаривала мне всю неделю. Но как же я могла не побывать на святочных игрищах? Как-то, отбирая вывернутый наизнанку дедов тулуп, она подвела меня к столу, открыла Священное Писание на том месте, где говорилось: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться (бабуля прочла: «рядиться») в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие».

— Бабулечка! Милая! На Крещение обещаюсь в Иордань прыгнуть, очиститься! Только отпусти Бога ради! — не унималась я, представляла, как под окном хохочут девчата, слушая мои уговоры.

Старушка выходила, распугивала «анчибелов», высыпая в их сторону ведерко золы, но сдавалась, приговаривая, пропащая, мол, твоя душечка, Татьяна. Отпускала на гулянье, взяв строго-настрого обещанье «богохульства не чинить».

— Кротче меня во всей деревне овечки не сыщешь, — кричала я уже из сеней и с разбегу валилась на сани в кучу малу.

В Милкиной хате наряжались, кто во что горазд, и колобродили вдоль села. Вваливались в избы, пугали детей, плясали и веселились. Хозяева с шутками старались разоблачить ряженных, выгнать сопротивлявшуюся «нечистую силу», как считалось по поверьям — расчистить дорогу новому году. Узанный выбывал из игры, разряжался. Ходили даже в соседские деревни. Целая неделя ничегонеделанья! Поневоле на гулянках не туда забредешь!

Взрослые тоже любили пошутить и дожидались Святочных вечеров, чтобы расслабиться, свалить с себя груз забот и тревог. Даже они участвовали в баловствах и забавах. То у бабки Колдучихи ворота приморозят — напрочь зальют водой, то заткнут трубу, дым в хату повалит. Все, что не спрятано: тряпка ли какая на гороже, ведра, корыта, — все шло в ход. Долго потом разыскивали хозяева на чужих задворках свои лавки, плетушки да кубаны. Порою целую поленницу наваливали на сани и прятали на чужом дворе. Попробуй сыщи поутру!

А у нас, трех одноклассниц-подружек, было еще одно очень важное занятие, без которого и Святки не Святки. Но об этом бабуле не только рассказывать, даже намекать было нельзя.

Я, как примерная девочка, выслушав все ее наставления, шла в клуб «на спевку», а сама, перебежав улицу наискосок, сворачивала на Милкино подворье. Посторонних по такому серьезному случаю не приглашали, только Мила, Машутка да я.

Еще исстари считается, что в Святочную седмицу все вокруг приобретает особый смысл. Не случайно кошка опрокинула кубан, молоко не лужицей пролилось, а ручейком под порог подбежало. К чему бы это кочет ни с того ни с сего до срока заголосил? А уж коли горlinka в окошко забьется, верный знак — не к добру. Примечали самые незначительные мелочи. Ветер свистит — об одном вещает, гудит — о прямо противоположном. Выдумывали и сами приметы, выдавая их за общепринятые. Промелькнут Святки, о них никто даже и не вспомнит. Но в такие чудные, волшебные вечера — все неспроста. Чаше гадали перед Крещением. Ведь издревле известно, что в это время нечистая сила шалит особенно.

Машутка была страшной трусихой. Милка не боялась никаких чертей. А я, полагаясь на Божию защиту и бабулины молитвы, крестилась на образа и подсаживалась к девчонкам. Мила брала подшалок, завешивала иконостас («а то не явится»). Зажигали свечи, гасили свет.

О чем гадали? О любви, конечно, о будущем, как и все семнадцатилетние девчонки.

Больше всего нам нравилось гадать на петуха. На полу накидывали всякой всячины: от монет до гвоздей — и выпускали петуха. Что тот соизволит клюнуть, то и сбудется. Монетку — ясное дело, к богатству. Пустой спичечный коробок — к вечному девчеству. И так можно было выдумывать сколько угодно, хоть до утра.

В ход шли самые невероятные для гадания предметы. Но проще всего гадалось на молоке и воске. Наливали в блюдце молоко и — под порог. Растопленной свечкой заманивали домового. Мила считала почему-то, что он у них в хате все свечи понадкусал. Шепотом, взявшись за руки, умоляли: «Хозяин мой, домовый, приди под порог поестъ воска, запить молочком». Воск выливали в молоко. И тут наступал самый интересный момент. Надо

было рассмотреть, что за восковая фигурка плавала в молоке. А толкование-разгадку всегда можно было сыскать в девичьем альбоме.

Так же разгадывалась и тень от скомканной сожженной газеты. Когда она прогорала, рядом ставилась свеча, и пепел отбрасывал на стену тень. Фантазия наша не знала предела. Распущенный цветок (тень от сгоревшей газеты) — свадьба через год. Фигурка человека — жених в пути.

Откуда Машутка вызнала гадание на яйце, мы только удивлялись. Отродясь не слыхали у нас о таком. Наполнила она стакан водой, вылила в нее белок от сырого яйца и — на загнетку, поближе к огню. Белок тут же свернулся. Смотрим: а в стакане фигурка в форме лодочки-кораблика.

— Ну, девчата, готовьтесь, кто-то из нас замуж за границу выйдет, далеко уплывет, — со знанием дела заявила Маша.

— Вот еще! Только не я. Я отсюда ни ногой, на кой мне эта заграница? — тут же заявила Мила, — чего я там не видала?

Решили еще разок попробовать. Вышел куполок церквушки.

— Ну, это — скорая свадьба, уж точно. Только не узнать у кого из нас, — посожалела Машутка.

Притащила Мила корыто с водой. Наклеили по бортикам бумажки: свадьба, деньги, радость нечаянная, жених у порога, жених на чужой стороне и так далее. Поставили в ореховые скорлупки крошечные свечные огарочки. Зажгли и пустили по нашему морю-окияну. К какому берегу бумажке пристанет скорлупочка-кораблик, такой участи и не миновать.

Долго нас с Машей уговаривала бесстрашная Мила погадать на зеркало. Редко кто отчаивается на это рискованное занятие. Иногда девчата даже в обморок перед зеркалом падают. Еще бы! Исстари считается, что зеркало — тончайшая грань между реальным миром и миром духов. Правда, говорят, хоть и страшное это гадание, зато — самое верное.

И вот мы, наконец, решились. Идем в баню. Баня, знамо дело, — самое нечистое место. Вот где всю правду и узнаем!

Полночь. Перебежали двор. Мы с Машей в предбаннике остались (гадающая должна быть одна), через распахнутую дверь за Милкой наблюдаем.

Распустила Мила косу, развязала пояс. На полочку поставила две тарелки, на них положила по ложке. Рядом — зеркало и свечу.

За дверью — ночь непроглядная, жутко. Тишина гробовая. И вдруг ясно так: «Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать!» Мы с Машуткой обмерли.

Прошло несколько минут. Вдруг Мила как вскрикнет! Ни Маша, ни я никого не увидели, только услышали, как Мила, дрогнув голосом, произнесла: «Чур сего места!» Долго еще не могла она отойти от того, что увидела в зеркале. Кого она в нем разглядела, мы так и не смогли допытаться.

Затворили баню, подперли для надежи бревном и — скорей, скорей в хату!

Обогрелись, попили чайку и опять за свое. В хате перегадали на всем, что только можно, и вышмыгнули во двор. Прихватили дедов валенок. И ну бросать его за ворота на дорогу. Каждый раз нос его ложился в другую сторону.

— Знать, замуж далеко друг от друга выйдем, — решили мы.

Перед тем как разойтись (уж и светать начало), надумали погадать на полено. Отворили сарай. Темнотица! Выдернули наугад из поленицы по полену и — домой! Зажгли побольше свечей, рассматриваем.

Маше выпало полено сучковатое.

— Ну, Машутка, — смеется Мила, — семейство у тебя будет знатное! Каждый сучок — ребяенок.

— А у тебя, подруга, — обратилась она ко мне, — ох, и примудренный муженек будет, — эвон сколько колец на чурбачке-то твоём!

— Что же ты о себе помалкиваешь, поделись, будь добра! — накинулись мы на Милу.

— Да хвастать особо нечем. Кора ободрана... Кой-какое поленце-то... Видать, в бедности да нищенстве придется жизнь коротать.

Распрощалась я с подругами. А как прибежала домой, дай, думаю, вызову сон про суженого. Лызь к бабуле на печку. А та спросонок: «Наблудилась, баловница?» Отвернулась я от нее и шепчу: «Пятница одна и я, молода, одна. Лежу я на Сионских горах, три ангела в головах: один видит, другой скажет, третий судьбу укажет».

На Крещение в прорубь я нырнуть не осмелилась, а вот снежком крещенским обтерлась и водицы свяченой отведала, очистилась.

Прошло три десятка лет с тех святочных вечеров. Я ехала в гости к своей подруге Миле, как она написала в приглашении, «на бабилей». Не верилось, что у моей неразлей-подруги, шкодной девчонки с двумя мышинными хвостиками, кругленький юбилей, да и у меня не за горами.

Милка, Людмила Петровна, как и грозились, навек приросла к нашей родной деревушке. Окончила педагогический институт, и вот уже сколько взрослых людей считают ее своей первой учительницей.

Маша? А вот о ней я почти не знала ничего. Вышла замуж за военного и мотается всю жизнь по гарнизонам.

Как здорово, что Милка надумала собрать нас на свой день рождения! Она ведь на второй день Рождества рождена, Святочная. Не зря же ее Колядой рядили. Коляда, она и есть Коляда, бойкая, задорная.

Вышла из автобуса, смотрю: сани кого-то ждут.

— Приехала! Не обидела! — навстречу кинулась Мила, — вот и сюрприз!

Из сена выбралась Маша, зашпешила к нам от саней.

— Ну, вот и свиделись, подруги! Усаживайтесь, прокачу с ветерком. Святки, как-никак. Аль забыли? — Мила прикрикнула на конька, и тот потрусил ко двору.

Накрыли стол. И загуляли! Навспоминались, напелись, наплясались, всплакнули, как это бывает при встрече лет сто невидевшихся закадычных подруг. Подивились: последнее наше гаданье, на промерзших березовых поленьях, оказалось самым достоверным.

Мила, как и большинство сельских учителей, прожила не отягченную богатством жизнь. Все, что нажили они с мужем Мишкой (нашим одноклассником), — конек Федька, десяток курят да визгливый поросенок Хомка. Двое Милиных детишек обосновались в городе. Мише, колхозному агроному, после того, как перестали пахать-сеять, дела в деревне не нашлось, и он подался за остальными мужиками хоть за каким-то рублем разнорабочим куда-то на далекую стройку. Наезжает раз в полгода. Бьется Мила одна-одинешенька. На роду ли так написано нашей подруге? Полено ли то ободранное виновато? Теперь уж и разбираться ни к чему.

Пятеро ребятишек осталось в ее начальной школе. Выйдут — и будет висеть на школьной двери увесистый амбарный замок. Хотя, по правде сказать, можно и без него. Что там брать-то? Разве что указку Людмилы Петровны, что отшлифована ее руками за долгое учительство до лакового блеска.

Мила, конечно, не унывает. Натура еще та! Банки крутит, яблоки сушит. Грибочки там, ягодки. На бахче вертится. Русская баба — она живучая. И с Федькой-коньком без мужика справляется. И на гармонии сегодня вон как жарила, «бабилей» справляла.

— А жалеть меня не надо. Я, может, самая счастливая, — замечает наши взгляды Мила. — Все наладится... Все обязательно наладится, — повторяет она, словно убеждает своих первоклашек, не дает сомневаться в верности своих слов. За тридцать учительских лет голос у нее поставлен как надо, и мы, как в семнадцать лет, верим: раз Мила так сказала, значит, непременно сбудется.

А Мила, словно читает наши мысли: «Надо только не терять веру. И каждому оставаться на своем месте. Не метаться, не паниковать».

— Ну, а ты-то как, Машутка? В порядке? Молчишь, все такая же тихоня. Давай, не скрытничай, выкладывай! Муж? Дети?

Маша потянулась за сумочкой, вынула фотокарточку. Мы так и ахнули. В центре — Машин муж Николай в инвалидной коляске, рядом — она. А вокруг! Куча ребятишек. Самый старший — в суворовской форме, а остальные — мал мала меньше.

— Вот это Машка! Вот это да! Не соврало поленце! Полный кузовок! — порадовались мы за подругу.

Наша Мария Николаевна — хирургическая сестра. С мужем познакомилась в Грозном, еще в первую кампанию, в лазарете. Подорвался на растяжке. Думали, не сдюжит. Но у Маши такие руки!.. Обосновались на Рязанщине, на родине Николая. Родился Валерка. Маша мечтала о доме, полном детворы. Хотелось дочку. Присмотрела девочку в детдоме, где устроилась медсестрой. Удочерили не одну, а сразу двух сестричек. Как разлучить? А потом забрали еще и двух мальчишек. Дальше больше... Теперь в их семье девять приемных детишек. Все школьного возраста. Государство, конечно, помогает. Но вся тяжесть забот на Машуткиных плечах. На кого оставила? А старший приехал на каникулы со своей подружкой (последний курс, скоро на ноги станет), поезжай, мол, мама, отдохни. Да и Николай настаивал.

— Они у меня смышленные. Колю любят, и он их тоже. Справятся, — успокаивала сама себя Маша.

Мила слушает, а сама прикидывает: «Опятьок маринованных возьмешь, сушеных боровичков, сальца, яичек».

— Куда я с таким багажом! — улыбается Маша, — путь не близкий.

— Ничего! Ничего! Здесь проводим, а там (телеграмму отобьем) ребятишки встретят.

Сидим, под самоварчик разговоры разговариваем. За окнами рождественские звезды горят, крещенский морозец похрумкивает.

— Ну, а ты-то, ты-то как? — наконец, обращаются подруги ко мне.

— А что я? Да пишу помаленьку. Надумала вот о Святках написать, о том, как мы с вами о будущем гадали.

ПОЭЗИЯ

Светлана КЕКОВА

«И ОПЯТЬ ПРОБИВАЕТСЯ СВЕТ ВИФЛЕЕМСКОЙ ЗВЕЗДЫ...»

Светлана Васильевна Кекова — поэт, филолог. Родилась на Сахалине, в г. Александровске. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Доктор филологических наук. Автор 13 поэтических книг. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе малой премии им. Аполлона Григорьева, международной премии «Москва-Транзит», премии Арсения и Андрея Тарковских, Новой Пушкинской премии. Стихи переведены на немецкий, английский, голландский, французский, болгарский, сербо-лужицкий и другие языки. **Живет в г. Саратове.**

* * *

Чуть помедлив, вздохнешь, уходя,
в темноте безнадежно кивая
на распятое тело дождя,
на расколотый череп трамвая,

на его обнажившийся мозг,
искореженный временем, ржавый,
на закрытый газетный киоск
и звезду над Российской державой.

Ветер грубо срывает с ветвей
предпоследние призраки плоти,
словно жизнь не бывает мертвей
в человеке, в душе и природе.

Ты покинул родные места,
но в глуши, над больницей земской,
словно призрак, блуждает звезда
отраженьем звезды Вифлеемской.

Спи, несчастная, как тебя звать?
Ты, на горе родившая сына,
на железную ляжешь кровать,
и приснится тебе вся небесная рать
и какого-то грека картина:

В бывшей церкви стоят пастухи,
бродит скот в алтаре за крещальней,
среди соломенной светлой трухи
спит дитя все светлей и печальней.

Возле яслей четыре вола
наклонили могучие выи...

Да, у времени есть зеркала
и огромные рамы кривые.

* * *

На тебе, как на арфе,
играет Господь,
посылая земле ослепительный снег,
а душа разглядела сквозь
грешную плоть:
Вифлеемской звезды
проплывает ковчег
там, в ночных небесах,
среди прочих светил,
среди карликов белых,
хвостатых комет...

Мрак Синайский, мой друг, плодороден, как ил,
а в его глубине — не Фаворский ли свет?
Райский сад на земле пожелтел и засох,
что ж ты ходишь по этим забытым местам?
Нужно сердца врата запереть на засов,
ставить крепкую стражу неверным устам.
Кто удержит течение пламенных рек,
кто надменным волнам установит предел?
И еще я спрошу: кто тебя, человек,
искупил и бессмертною славой одел?
Так прими благодарно немислимый дар,
жизнь отлив в совершенную форму креста.
Медный маятник сердцу наносит удар,
а в пустых небесах пламенеет звезда.

* * *

1

Вот окончилось лето и снова настала зима.
В небе ангел трубит, времена обозначив и сроки.
Под рождественской елью белеет, как снег, сулема,
почему это так — не ответят Закон и Пророки.
От воловьих ноздрей подымается в воздухе пар,
Млечный Путь в небесах наподобье висит полотенца.
И стоят у пещеры Каспар, Мельхиор, Бальтазар,
из заплечных мешков вынимая дары для Младенца.

По забытым местам, по дубовым могильным крестам
шарит злая метель; то стучится в холодные окна,
то читает стихи, а они, как сказал Манделыштам,
нам напомнить должны винограда мясные волокна.
Эта сладость нужна, чтобы снег непременно горчил,
чтоб пространство, как улей, где снежные пчелы роятся,
нас пугало забвеньем, чтоб ты меня, милый, учил
никуда не бежать, никогда ничего не бояться.

Потому что во времени, впаянном в звездную твердь, —
так ты мне говоришь, — есть одно несомненное свойство:
если выпить до дна этот яд, причиняющий смерть,
то увидишь любви молчаливое грозное войско.
И покуда мы живы, покуда мы любим, пока
беспризорные вещи повсюду лежат в беспорядке,
ртутной соли раствор, металлический вкус мышьяка,
аромат миндаля нас с тобой не пугают на Святки.

2

В ночь на трех королей жизнь становится снова ничьей.
Деревянное масло уже догорает в лампаде.
И любовь возникает, как мелкий соленый ручей,
а потом мы погибнем в ревущем ее водопаде.

Тема гибели входит, как в масло наточенный нож,
в каждый пойманный взгляд и в любое ответное слово...

Ты сначала заплачешь, потом ты поймешь, ты поймешь:
в смертном теле душа не найдет ни ночлега, ни кровя.

Духу бrenная плоть причинить не сумеет вреда —
и в соленой земле, сотрясаясь от бурных рыданий,
вещи вечной прозрачности — олово, соль и слюда
будут мертвым устраивать праздник охоты на ланей.

И увидят они удивительно ясные сны:
на зеленой траве, в ореоле сиянья и пенья
Ангел Судного дня, очевидец заката луны,
держит в легких руках нашу жизнь, как икону Успенья.

Разноцветные рыбы неслышно плывут по реке,
собирается дождь, воробьи вылетают из клеток,
бог китайского грома с двумя зеркалами в руке
ослепительной молнией ловит прозрачных креветок.

Вот мы все и забыли: поэт, оборванец и царь
видят сходные сны и живым одинаково снятся.
Только с мертвыми нам и во сне невозможно обняться.
Руки Сарре целует сожженная солнцем Агарь.

3

Накануне зимы рыба Аль зарывается в ил.
Перед смертью хозяина зеркало треснуло в доме.
На неделе Страстной над землей пролетел Гавриил
и увидел: Мария лицо уронила в ладони.

Если Сына распяли, то, значит, убили Отца.
Ночью звезды на небе — как рваные раны на теле.
Где-то в дебрях пространства заблудшая блеет овца,
и нельзя не прислушаться к волчьему вою метели.

А в стакане на полочке — тонкие прутьики верб.
Изъясняется время словами языческой клятвы.
И не месяц, не месяц, а остро отточенный серп
так блестит, что подумаешь — много ль осталось до жатвы.

Ты прости нас, Отец, помоги нам, погубленный Сын,
жизнь закончить нельзя ни петлей, ни разрывом аорты...
Вот Иуда лежит среди серо-зеленых осин,
а над телом его, как крыла, небеса распростерты.

И опять пробивается свет Вифлеемской звезды,
освещая собой фотографию в старенькой рамке.
На развалинах рек (ибо реки есть храмы воды)
сонмы ангелов светлых возводят воздушные замки.

Спите, милые, спите, я к Богу пойду на поклон,
чтобы вместе со мной вы земного отведали хлеба...
Точат влагу соленую слезные железы неба,
и растут у могилы, обнявшись, береза и клен.

ПОЭЗИЯ

Андрей ПОПОВ

«НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ, ЧТО МЫ СЫНЫ ИМПЕРИИ...»

Андрей Гельевич Попов — родился в 1959 г. в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Север», «Арт», «Арион», «Мир Севера», «Войвыв кодзув», «Крещатик», «Московский вестник», «Встречи» и др. Стихи переводились на венгерский язык. Лауреат еженедельника «Литературная Россия». Живет в Сыктывкаре.

* * *

Порой не укладывается в голове —
Почему люди маются? Чего хотят?
Как можно жить, спеша и толкаясь,
в Москве?!
Переехали бы хоть в Сергиев Посад.

Как понятней в деревне жить
иль в городке:
И в любом нелегком,
переломном году —
Летом перед работой
искупнуться в реке,
Зимой вернуться домой
по речному льду.

И даже концы с концами сводя едва,
Полагать, что сложности
у нас не впервой,
Но нельзя отступать,
что за нами Москва,
Что Москва за нами,
а не мы за Москвой.

МАЙДАН

У толпы такое право,
У толпы такой невроз —
Выбирать себе Варраву,
Он ей ближе, чем Христос.

Покаяния в ней мало,
Ей кураж необходим,
И в душе она мечтала
Стать разбойником лихим.

Накричится на майдане
До забвенья и угроз.
А придет домой — устанет.
Как темно! Спаси, Христос!

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ

Там, где соседка сажала укроп —
Утром смотрю из окна —
Вырыли странные люди окоп...
Видимо, будет война.

В город вошел чужеземный язык —
И наполняет базар.

И подступает к домам борщевик,
Неприхотливый анчар.

Город пока еще, кажется, наш,
А не попкорна и дынь.
Что-то пейзаж стал похож
на блиндаж,
И на плакатах — латынь.

Мне объясняют: совсем не окоп,
И я напрасно смущен,
Эту траншею вырыли, чтоб
Лучше жил микрорайон.

Я им поверю, но только на миг,
Мне вся картина ясна —
Прямо к домам
подступил борщевик...
Видимо, будет война.

ОТПУСК В ДОНЕЦКЕ

Мой друг поехал в Донецк —
К тестю поехал на лето.
А там огонь и свинец,
Снаряды там и ракеты.

Ранен, но не в плену.
Помимо воли и планов
Его втянули в войну,
В ночной удар партизанов.

Хотел попить самогон,
Попеть хмельным о майданах —
Попал под сшибку племен,
Тектонику стран и кланов.

И тестя убил юнец
От страха —
чтоб стать «гвардейцем».
Летит, как время, свинец
В простое русское сердце.

Товарищ мой не поймет,
С какой, все выходит, стати.

Поймет теперь миномет,
Кто гетман, а кто предатель.

Хотел попить самогон —
Задет снаряда осколком,
Отряд его окружен
В одном шахтерском поселке.

Я дозвонился:
— Живой?
Домой не пора вернуться?
Ответил он:
— Скоро бой.
И русские не сдаются!..

Что нам сдаваться, когда
Такое жаркое лето,
Когда седьмая беда
Еще не нашла ответа.

Охотник — мой друг, рыбак,
Стихи уважает, бражку.
Не знаю, вернется как
К себе на Мезень и Вашку.

ХИТОН ХРИСТА

*Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили
на четыре части, каждому воину по части, и хитон...*

Ин. 19, 23

Земную ось сорвет снаряд фугасный,
И белый стронций упадет дождем,
И станет океан моторным маслом...
Нам надо оставаться со Христом.

Держаться за края Его хитона
Последней верой в полноте времен,
Когда планета делит раздраженно
И океан, и масло, и хитон.

ИСКУШЕНИЕ

Престольный праздник. В храме ныне тесно, Порою даже гул и толкотня. Лишь демону стоять неинтересно — Зачем стоит он около меня?	Со мной знаменье крестное и вера! Молитва на славянском языке! И как ни укоряй, но только ближе Мне русский храм — где гул и толкотня, Баб не одетых я во сне не вижу — Пускай не так давно. Всего три дня. Но, может, я еще сумею честно. И я смотрю на праздничный престол. А ты бы шел. Тебе неинтересно. И в храме нашем тесно. Ты бы шел.
Стоит и мыслит: «До чего убогий... Характер мягкий. И в коленках слаб. И лечится вином от безнадеги, Глядит во сне на не одетых баб...».	
Я слышу его мысли. Он — химера, Химера, что стоит невдалеке.	

ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ

Друг из деревни пишет:
«Сенокос
Закончили — лечу себя работой.
Уже не повторяю: жизнь — навоз,
Хоть жизнь навоз. Но легче стало что-то.

Не разберусь, кто в этом виноват —
Метеорит, погода или драка
Вчерашняя. Но почему-то рад,
Что жизнь — навоз, что дождь идет, что слякоть.

А сколько вспоминается обид!
Но так светло — ни матерного слова.
Наверно, все-таки метеорит,
Не выходило от дождей такого...»

Письмо философа!
Как действует село
На городских — хмельных и тонкокожих!..
А другу, видно, очень тяжело.
Я знаю, как становится светло,
Когда уже темнее быть не может.

ХРАМ НА КАМНЕ

...иное упало на места каменистые...

Мф. 13, 5

Вышел сеятель сеять... Упало зерно
В каменистых местах — на гранитное дно.

Не в зыбучий песок — с ним фундамент не тот.
В каменистых местах и трава не растет.

Дом построишь зато из гранитовых гор,
Если вовремя камни собрать — то собор.

Но пробился сквозь скалы пшеничный росток
И не ведал, что время уходит в песок.

А зерно-то взошло! По небесным словам
В каменистых местах возвели Божий храм.

Только солнце взошло — и росточек увял,
Не имел он корней среди каменных скал...

И разрушенный храм не глядит на Восток,
Бывший храм, словно время, уходит в песок.

И куда упадет русской веры зерно?
Время камни собрать, если время дано.

ЗВЕЗДА РУБЦОВА

Терзаться — так высоким русским словом,
А не игрой усталого ума:
Ей ничего ни дорого, ни ново,
Горит, да в сердце остается тьма.

Когда чадит усталое безверие,
То нам нельзя принять его дела,
Нельзя забыть, что мы сыны Империи —
А не колониального угла.

И потому взойдем на холм — и снова
С него увидим и зеленый шум,
И крест церковный, и звезду Рубцова —
Звезду полей, звезду российских дум.

И силы обретем стерпеть измены
И от беды расплакаться навзрыд.
Постойте, братья, резать свои вены.
Бог не простит, Россия не простит.

Когда чадит ленивое безверие,
То кто-то должен бить в колокола
И сохранять высокий дух Империи,
А не колониального угла.

И сохранять молитвенное слово,
Державный свет, трудолюбивый ум,
И храм, и волю, и звезду Рубцова —
Звезду полей, звезду российских дум.

История и современность

Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА КАРЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

*Доклад на конференции,
посвященной
25-летию возрождения
Петрозаводской
Карельской епархии*

Русский пограничный край

Впечатления о поездке
петербургской делегации
в Петрозаводск на конференцию
«Православие в Карелии»

В самый канун Рождественского поста мне довелось в составе делегации ученых и писателей Санкт-Петербурга посетить Карелию по приглашению правящего архиерея митрополита Константина (Горянова). Мы — известный ученый, доктор философских наук, академик Российской академии образования Александр Аркадьевич Корольков, известный русский писатель, секретарь правления Союза писателей России Николай Михайлович Коняев, его супруга историк и литератор Марина Коняева, а также академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации,

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин открывает IV научную конференцию «Православие в Карелии», посвященную 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии, 25 ноября 2015 г., актовъ зал Петрозаводского государственного университета

профессор, генерал-лейтенант медицинской службы Василий Семенович Новиков и автор этих строк — приняли участие в IV научной конференции «Православие в Карелии», которая была посвящена 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии, а также празднованию 1000-летия преставления крестителя Руси Святого равноапостольного Великого князя Владимира.

Во всех епархиях накануне общецерковных Рождественских чтений проходят, как известно, местные малые Рождественские чтения. Недавно назначенный на Петрозаводскую и Карельскую кафедру митрополит Константин, который известен в Церкви не только как опытный архиерей, но и как маститый ученый-богослов и церковный историк, решил приурочить Карельские Рождественские чтения к празднованию 25-летия возрождения Петрозаводской и Карельской епархии.

Стоит отметить, что церковная конференция впервые проходила в стенах Петрозаводского университета, и уже сам этот факт придавал конференции особое звучание. На открытие конференции прибыла довольно представительная делегация государственных чинов Карелии, присутствовали: заместитель главы Республики Карелия по региональной политике Вячеслав Баев, зачитавший приветствие главы Республики Александра Худилайнена, депутат Государственной Думы России от Карелии Валентина Пивненко, председатель Законодательного собрания Республики Владимир Семенов и президент Петрозаводского государственного университета, долгое время возглавлявший это старейшее учебное заведение Карелии, Виктор Васильев. В церемонии открытия

также принимал участие епископ Костомукишский и Кемский Игнатий (Тарасов). Он приехал из епархии, находящейся в пределах Республики Карелия.

Надо отдать должное организаторам конференции — она была очень толково продумана, в отличие от многих мероприятий подобного рода. Пленарное заседание решили не затягивать, после приветствий высоких гостей прозвучало четыре ключевых доклада.

С первым докладом, посвященным истории Православия в Карелии, выступил правящий архиерей митрополит Константин, который рассказал об основных вехах просвещения Карельской земли православными подвижниками и миссионерами. Стоит отметить, что Карельская земля просияла подвигом многих преподобных, и в сонме карельских святых как раз преобладают монашесствующие, которые уходили в эти глухие земли, предаваясь посту и уединенной молитве и одновременно просвещая местное население. История Православия в Карелии восходит еще к X веку, т. е. к началу Православия на русской земле. Не обошел вниманием Владыка Константин и суровые годы гонений на Православие в XX веке, которые начались для Карелии вскоре после революции массовыми жестокими расправами над монахами двух самых известных карельских обителей — Александро-Свирского и Важеозерского монастырей. А к началу Великой Отечественной войны все церкви в Карелии были закрыты, не было ни одного священника. В военные и послевоенные годы православную жизнь пришлось возрождать с нуля. Я обратил внимание, что в докладе Владыки неоднократно звучала формулировка, что Карелия — это русский пограничный край. И это очень точное определение особенного предназначения Карельской земли.

Дополнил слово Владыки доклад одного из старейших священников Карелии — настоятеля кафедрального собора Александра Невского протоиерея Иоанна Тереняка, который рассказал собравшимся о новейшей истории Православия на Карельской земле. Его доклад был посвящен последней четверти века, когда в Карелии была создана епархия, и началось активное восстановление храмов, монастырей и возобновление церковной жизни.

С очень интересным докладом выступил местный карельский ученый, доктор филологических наук Александр Пигин. Его доклад был посвящен анализу житий святых Обонежья. В своем докладе он рассказал не только об истории исследования житийной литературы и других церковных источников (а она имеет уже более чем вековую традицию), но и о тех проблемах, которые возникают для ученых в связи с изучением такого специфического вида источников, как жития святых.

Четвертый доклад петербургского ученого Александра Королькова был посвящен той теме, которая была объявлена ключевой в этом году для всей Русской Православной Церкви, — цивилизационный выбор Руси. И это не случайно, ибо в этом году Церковь наша широко празднует 1000-летие преставления Крестителя и Просветителя Руси Святого равноапостольного Великого князя Владимира.

После пленарного заседания работа была продолжена в секциях, в которых приняли участие местные священнослужители, ученые, общественные деятели, в том числе и гости из Санкт-Петербурга. А помимо

нас с Николаем и Мариной Коняевыми, в Петрозаводск на конференцию прибыли доцент РГПУ им. Герцена Любовь Немчикова и магистр педагогики Ксения Коненкова.

Я выступил на секции, посвященной просвещению и образованию, и мой доклад был посвящен вызовам, с которыми сталкиваются православные средства массовой информации в нынешнее время. Я попытался структурировать эти основные вызовы и обратил внимание прежде всего на те, которые связаны с пониманием нашей истории, нашего прошлого, отношением православных к таким непростым страницам нашей истории, как советская эпоха, и с необходимостью формулирования базовых идей национально-государственной идеологии.

На следующий день мы посетили самый крупный и старейший в Карелии Важеозерский монастырь. Эта обитель была основана на берегу озера Важа еще в XVI веке и просияла целым сонмом преподобных, среди которых особым почитанием пользуются преподобные Геннадий и Никифор Важеозерские, основатели обители, которые первыми просвещали эти земли. Оба они — ученики преподобного Александра Свирского, они, собственно, и основали Важеозерский монастырь. Монастырь восстанавливается сегодня с трудом, в обители ощущается финансовая скудость. Нет того блеска, который можно видеть в других обителях. Но в то же время мы ощутили какое-то необыкновенное тепло, особенную благодатность этого места. Когда я слушал рассказ сопровождавшего нас монаха об истории монастыря, невольно пришло сравнение истории Важеозерского монастыря с историей нашего Отечества. Этот монастырь в пограничном русском крае постоянно подвергался нападению внешних врагов, как это было в годы первой русской Смуты, когда шведы буквально уничтожили этот монастырь, истребив множество его насельников. А в начале XX века во время второй русской смуты новые напасти постигли святую обитель. Тогда множество иноков монастыря было расстреляно, монастырь был закрыт, превращен, как и многие обители, в лечебницу для психически нездоровых людей, а потом в колонию для несовершеннолетних, а потом пребывал в полном запустении. Но каждый раз эта святая обитель, словно птица Феникс, возрождалась из пепла, поднималась из руин, и на этом месте снова возносилась молитва и снова возобновлялась церковная жизнь. Так и в России — нападения внешних врагов, внутренние смуты постоянно приводили на грань гибели наше Отечество. Но каждый раз Россия непостижимым для чужеземцев образом поднималась и восставала в новой силе и мощи и возрождалась как Великая Держава, как оплот добра в мятущемся мире. И дай Бог, чтобы с возрождающимся к жизни Важеозерским монастырем поднялось вновь в своей былой мощи и силе наше Отечество.

Следующий день был последним днем нашего пребывания на святой Карельской земле. Мы побывали в гостях у редакции старейшего в Карелии и одного из авторитетных в России общественно-политических изданий — журнала «Север», где встретились с главным редактором журнала, поэтессой Еленой Пиетилияйнен, членами редколлегии писателем Константином Гнетневым и старейшим карельским писателем Иваном Рогощенковым. Состоялась интересная беседа, заинтересованный обмен мнениями по многим вопросам литературной, общественной и политиче-

Вице-президент Российской академии естественных наук, лауреат государственной премии РФ, кавалер Золотой звезды науки, заслуженный деятель науки РФ, академик, доктор медицинских наук, профессор, генерал-лейтенант медицинской службы Василий Семенович Новиков вручает от имени сообщества ученых Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона митрополиту Петрозаводскому и Карельскому Константину медаль «За выдающийся вклад в развитие Российской академии естественных наук» за заслуги в сфере науки, образования, духовного воспитания, развития культуры в честь 25-летия создания Российской академии естественных наук, 25 ноября 2015 г., актовый зал Петрозаводского государственного университета

ской жизни. В ходе беседы мы обсуждали пути и формы нашего сотрудничества, особенно, учитывая тот факт, что нас — Санкт-Петербург и Петрозаводск — теперь объединяет фигура правящего архиерея Петрозаводской епархии митрополита Константина, который оставил добрый след в Петербурге, где он возглавлял Духовную академию. Этот факт позволяет надеяться, что, благодаря молитвам Владыки, благодаря его поддержке, взаимодействие между православными писателями, публицистами, учеными и общественными деятелями Петербурга и Петрозаводска будет расти и крепнуть.

*Анатолий Степанов,
главный редактор «Русской народной линии»*

** * **

Официальной датой массового крещения карелов в Приладожье считается 1227 г., однако, началом распространения христианства в Карелии

можно считать X век. В конце X в. территории современного юга Карелии находились под влиянием и в каноническом подчинении епископу (впоследствии архиепископу) Великого Новгорода. Напомним, что в 988 г. в Херсонесе, или по-славянски Корсуне (сейчас это пригород Севастополя), крестился Киевский князь Владимир. В 990 г. Новгород принимает крещение, а первым Новгородским архиереем стал прибывший из Корсуни со святым князем Владимиром епископ Иоаким. Это было в 991 или 992 году. Власть епископа, затем архиепископа Новгородской республики распространялась не только на церковную сторону жизни, но и на государственную. Мятежи и народные волнения, которые были не редкостью в Новгороде, также утихали вследствие вмешательства Владыки¹.

В то время христианство уже не было новым явлением на северорусских землях. Вспомним великий торговый путь «из варяг в греки». Позволю себе привести краткую археологическую справку: не так давно, в 2003 г., первая столица Руси Старая Ладога отметила свое 1250-летие. Дата в значительной степени условная. Современные раскопки, проводимые под руководством академика А. Н. Кирпичникова, находят городища VIII века. Это был средневековый торговый город с полиэтническим составом. Купцы приезжали и уезжали, а основным оседлым населением были славяне. Об этом свидетельствует и тип жилищ, которые образуют единый эволюционный ряд: Ладожские, Новгородские и Белозерские дома — пятистенки. Обнаружены также типичные славянские украшения, датируемые VIII в. — бронзовые височные кольца и другие артефакты.

Задолго до всеобщего крещения Руси в 988 г., вследствие частых и непосредственных торгово-промышленных и военных сношений с Византией киевлян и новгородцев, христианство уже успело распространиться между ними, особенно среди новгородских дружинников по примеру варягов-христиан в дружине князя Игоря Киевского, пришедших из Константинополя². Также напомним, что бабка князя Владимира — киевская княгиня Ольга была христианкой и впоследствии причислена к лику святых.

Из истории Валаамского монастыря известно, что в 988 г., когда равноапостольный князь Владимир еще только крестил киевлян в Днепре, в 960 г., т. е. за 28 лет до официальной даты крещения Руси, на Валааме уже существовал небольшой монастырь, настоятелем которого был игумен Феоктист, и что он крестил преп. Авраамия, который ранее был язычником. После пребывания на Валааме Авраамий направился крестить язычников на озеро Ниро, что в Ростовской области. Там Авраамий построил монастырь и стал впоследствии Авраамием Ростовским. Этот факт подтверждает то, что христианство в Карелии существовало до крещения Руси в середине X века³.

В XII в. из Валаамской обители уходит будущий создатель Палеостровского монастыря преподобный Корнилий. Ему предстоит открыть на Онежском озере Палеостровский монастырь. А позже, в XIV в., уйдет из Вала-

¹ *Татищев В. Н.* История Российская // Собр. соч.: в 8 т. М., Л., 1962–1964 (репринт: М., 1994–1995). Т. I. С. 112–113; *Рапов О. М.* Русская Церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 282, 287.

² *Макаровский А. И.* Курс истории Русской Церкви (домонгольский период). Л., 1951. С. 61; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1997. С. 75.

³ *Степанова Э. Д.* Неугасимая Лампада. Петрозаводск: Прагматика, 2011. С. 10.

амской обители на Ладожский о. Коневец преподобный Арсений. В 1429 г. покинули Валаам преподобные Савватий и Герман — устроители Соловецкого монастыря. Три острова — на Ладоге, на Онеге, на Белом море... Три монастыря, вставших на самом краю Православной Руси... И утверждала этот Валаамо-Соловецкий рубеж не княжеская власть, не воинская сила, а одинокие, ищущие молитвенного уединения иноки, вооруженные лишь Крестом да Евангелием¹...

Свидетельство тому, что все коренные народы Карелии становились полноценными и полноправными участниками строительства Святой Руси — сами представители этих национальностей. Лучшие из них, духовно совершенствуясь в Православии, восходили к обретению святости. Наиболее яркий пример этому преподобный Александр Свирский, который, как считается, был урожденным вепсом. Именно он, единственный из святых, помимо праотца Авраама, был удостоен явления Святой Троицы. Монастыри, устроенные преподобным Александром Свирским и его святыми учениками, соединили потоком неисчерпаемой духовности Ладожское и Онежское озера.

В отличие от крупных монастырей Беломорья, таких как Трифоно-Печенгский, Соловецкий, Антониев-Сийский, которые являлись крупными военными форпостами, местные обители не имели заметного военного или административного значения для государства, но их роль в духовном просвещении и утверждении Православия на северо-западных окраинных землях России переоценить невозможно. Самим своим существованием малые северные обители способствовали распространению русского культурного влияния в приграничном крае. Главными орудиями монахов-миссионеров являлись сила веры, упорный труд и слово.

Особо необходимо упомянуть духовных воспитанников Валаамской обители: преподобного Германа Аляскинского, проповедовавшего христианство на Аляске и Алеутских островах, святителя Геннадия Новгородского, создателя так называемой «Геннадиевской» Библии (1449), которая сыграла важную роль в искоренении ереси жидовствующих и легла в основу всех последующих славянских изданий, а ближе к нашему времени — святителя Игнатия Брянчанинова — послушника Александра Свирского монастыря. Их жизненный пример святости совершил огромную нравственную перемену в жителях Карелии.

Необходимо иметь в виду, что монахи в то время были самыми образованными людьми. Их образованность и просвещенность стали основополагающими для первых культурных традиций. Монахи являлись носителями не только высокой духовной культуры, но наряду с этим и распространителями грамотности, просвещения, образования. При монастырях создавались первые школы, библиотеки, больницы и богадельни, в монастырях переписывались, собирались и хранились летописи, рукописи, книги, документы. В стенах монастырей открывались мужские и женские учебные заведения, проводились миссионерские курсы для мирян и духовных лиц. В них сосредотачивались духовные и культурные ценности Севера Руси².

¹ Коняева М. В., Коняев Н. М. Свирские святые. СПб.: Дума, 1997. С. 5–6.

² Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX века. Петрозаводск, 2009. С. 176.

Таким образом, введение Православия имело большое значение для карельского населения, которое наряду с новыми методами земледелия заимствовало у новгородских переселенцев способы постройки домов и различные предметы домашнего обихода, множество понятий и слов, а впоследствии — просвещение и письменность.

Постепенно начала складываться церковная структура, система церковного управления на территории Обонежской пятины. Высшая духовная власть принадлежала Новгородскому архиепископу. Его полномочными представителями являлись владычные наместники. Первая известная по письменным источникам поездка Новгородского архиепископа Симеона в северные владения состоялась в 1419 году.

В 1327 г. произошел раздел карельских земель: часть их оказалась под шведским началом. Уже тогда многие карелы, пытаясь сохранить веру, бежали на русскую сторону. На требование шведов вернуть им беглецов, русские отвечали: «а сих не выдадим: крещены суть в нашу веру; а и без того мало бе их осталось».

Корельский уезд, вошедший в состав русских земель, имел свой герб, дарованный Василием III, но к 1580 г. весь уезд захватили шведы. Большая часть населения была либо уничтожена, либо бежала в Россию. В 1583 г. по Плюсскому перемирию уезд был передан Швеции, но ненадолго. После заключения Тязвинского мирного договора, в 1595 г., Корельский уезд возвратился России.

Возвращенные земли представляли ужасающую картину. Населения оставалось не более 10 %, большая часть домов была сожжена, уничтожены все православные церкви и монастыри. Необходимо было восстановить хозяйство, вернуть бежавших в Россию карел, создать новую линию обороны против шведов.

Восстановление Корельского уезда началось с восстановления православной епархии. Для этого по указу первого русского Патриарха Иова в 1598 г. учредили Корельскую епископию. В ее состав вошли отвоеванные у шведов западные карельские земли и Олонецкий край.

Первым Корельским епископом назначили Сильвестра (1595–1613), бывшего архимандрита Симонова монастыря под Москвой. Кафедра его разместилась в городе Корела (ныне Приозерск Ленинградской области)¹.

Это было сложное для Русского государства время, получившее впоследствии название Смутного. Именно Русская Православная Церковь во главе с Патриархом Гермогеном объединила российское общество в те годы и помогла народу сохранить национальную независимость, веру и государственность.

Так было и в Кореле. Примечательно, что полугодовую оборону города от шведских захватчиков возглавлял сам епископ Сильвестр. Тем не менее, в марте 1611 г., несмотря на сопротивление всего населения, Корельский уезд вновь оказался под властью шведов на сто лет.

Епископа Сильвестра перевели тогда на Вологодскую кафедру, и в 1613 г. он вместе с другими святителями земли Русской как епископ Корельский принимал участие в Поместном соборе, поставив свою подпись в протоколе избрания на царство Михаила Федоровича Романова. В июле того же

¹ Дмитриев А. Первый карельский епископ. Петрозаводск, 2004. С. 65–66.

года епископа Сильвестра перевели в Псков, где еще продолжались боевые действия со шведами, и он опять оказался в эпицентре военных событий. Псковичи отчаянно защищались, а Владыка и духовенство, подавая горожанам пример героического противостояния врагам, молились о даровании победы Православному Отечеству. Епископ Сильвестр скончался 1 декабря 1615 г. и был погребен в усыпальнице под Троицким Кафедральным собором города Пскова¹.

В 1617 г. Карельская епископия перестала существовать — по Столбовскому миру граница Швеции и России прошла по реке Свирь. Шведскими стали земли Северного Приладожья и весь Карельский перешеек.

Шведская политика на новых землях заключалась в сознательном и целенаправленном вытеснении Православия лютеранством. Лютеранский катехизис был отпечатан на русском языке, и за его знание местному населению предполагались денежные награды. Принимавшие лютеранство православные освобождались от платежей и повинностей.

Однако эти ужесточения не возымели ожидаемого результата. Напротив, в 1627 г. более полутора тысяч карельских семейств (6 тыс. человек) бежало в Россию. Посылать ставленников и звать духовенство из новгородских земель запрещалось под страхом смерти. Тюремному заключению подвергались люди, выезжавшие в Россию крестить своих младенцев.

Однако эти меры лишь ожесточили карелов. В Швецию доносили: если русские нападут, карелы как один встанут на их сторону. Так и было в 1656 г. при выступлении русского войска в Кексгольмскую губернию. При последовавшем затем отступлении русских начался новый исход карелов — до 2/3 всего населения ушло в Россию.

В конце XVII в. на карельской территории стали множиться шведские и финские поселения. Переселенцам предоставлялись различные привилегии вплоть до освобождения от военной повинности.

Русская Карелия вернулась под протекторат русского государства в ходе Северной войны со Швецией 1700—1722 годов. Но спустя сто лет, при подписании Императором Александром I «Великой хартии», в которой Финляндия объявлялась Великим княжеством в составе России, ей была передана Выборгская губерния, некогда являвшаяся частью Русской Карелии.

Любопытные воспоминания о своем служении у архиепископа Финляндского Сергия в начале XX в. оставил митрополит Вениамин (Федченков): «Карелы хотя по племени были финны, но духом были нашими же русскими мужиками, лишь еще более смиренными и бедными. Очевидно, Православие, исповедуемое ими веками, воспитало в них ту же духовную культуру, что и в России, и на Украине» («На рубеже двух эпох», «Россия между верой и безверием»).

Историческая территория Олонецкого края меняла свой статус на протяжении XVIII в., пока в 1802 г. не была образована Олонецкая губерния, просуществовавшая до 1922 года. В течение этого периода подчиненность православных приходов Олонецкого края также не раз менялась.

С 1708 г. существовала Карельская и Ладожская епархия, которой управлял Новгородский митрополит. В 1764 г. была учреждена викарная

¹ Шаскальский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950. С. 137.

(подчиненная Новгородскому митрополиту) Олонецкая и Каргопольская епархия. Ее центром стал Александро-Свирский монастырь, где жил викарий (епископ, помогающий митрополиту в управлении епархией) и размещались Духовная консистория и Духовная семинария.

В 1787 г. указом Екатерины II викарную епархию упразднили и соединили с Архангельской под названием Олонецкая и Архангельская. В 1796 г. после ликвидации Олонецкого наместничества и раздела его территории между Архангельской и Новгородской губерниями, приходы и монастыри Кемского, Повенецкого и Пудожского уездов остались под управлением епископа Архангельского и Холмогорского, а приходы и монастыри Петрозаводского, Олонецкого, Лодейнопольского, Вытегорского и Каргопольского уездов вошли в состав Новгородской митрополии¹.

Удаленность карельских приходов от епархиального центра привела к серьезным проблемам. Вплоть до XIX в. многие прихожане не понимали смысла богослужения, были знакомы лишь с внешней, обрядовой стороной Православия. Для большинства карельского населения становилось характерно двоеверие. Духовные и гражданские власти неоднократно предпринимали попытки закрепить влияние Православной веры на жизнь коренного населения и усилить епископский надзор за карельскими приходами. Однако эти попытки не приносили желаемых результатов.

С предложением об учреждении самостоятельной Олонецкой епархии в начале XIX в. выступил митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Серафим (Глаголевский). В 1827 г. сенатор О. Баранов совершил ревизорскую поездку в Олонецкую губернию, по результатам которой составил рапорт. Ревизор счел совершенно неудовлетворительным состояние нравственности в губернии, в связи с чем посчитал необходимым открыть самостоятельную Олонецкую епархию.

Высочайшее повеление «быть в Олонецкой губернии особой епархией»² последовало 21 апреля 1828 г., а доклад Святейшего Синода по данному вопросу Император Николай I утвердил 22 мая (4 июня по н. ст.) того же года. На Олонецкую кафедру был избран преосвященный Игнатий (Семенов), викарий Новгородский (1828–1842). Кафедральным городом стал Петрозаводск.

В том же, 1828 г., в городе была открыта Олонецкая Духовная консистория, а в октябре 1829 г. и новое учебное заведение — Олонецкая Духовная семинария, в которой обучались будущие священники. Первоначально это учебное заведение размещалось у общественной пристани в здании Петрозаводского Духовного училища. Первые преподаватели приехали из Новгородской и Петербургской Духовных школ.

К 1872 г. при поддержке местного купечества и городской Думы было построено новое просторное здание Олонецкой Духовной семинарии. Здание это сохранилось до наших дней и принадлежит сейчас МО РФ.

С Олонецкой семинарией связаны имена выдающихся церковных деятелей. Ее ректорами в разное время были святитель Феофан Затворник

¹ Олонецкая епархия: Страницы истории. Петрозаводская и Карельская епархия // Нац. архив РК / сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001. С. 4–6; Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.в.). М., 1999. С. 34–35.

² Там же. С. 9.

(Говоров), священномученики Фаддей (Успенский) и Никодим (Кононов). Церковью в лике святых прославлено и немало выпускников ОДС. Это и Вениамин (Казанский), митрополит Петроградский, и Григорий (Чуков), митрополит Ленинградский и Новгородский, и Венедикт (Плотников), епископ Кронштадтский, и Николай (Богословский), и другие.

Семинария была закрыта в 1918 году. За 89 лет ее существования было подготовлено 67 выпусков, ее окончили 1 568 человек. Существование этого учебного заведения оставило заметный след в истории Олонецкой губернии. Семинария являлась основным источником пополнения кадров не только духовенства, но и местной интеллигенции. Уровень преподавания был достаточно высок. Учащиеся, как правило, выходцы из приходского духовенства и крестьянства, получали не только богословское, но и разностороннее светское образование, вследствие чего имели хорошую базу знаний для получения высшего образования. Выпускники ОДС становились учителями, чиновниками, поступали в столичные университеты и институты. Большинство служило священниками в приходах, некоторые продолжали богословское образование в Духовных академиях.

Помимо семинарии в Петрозаводске были открыты мужское и женское Духовные училища, а также десятки церковно-приходских школ.

В 1872 г. в городе Петрозаводске был освящен новый Святодуховский Кафедральный собор — скорбный брат Храма Христа Спасителя.

По определению Святейшего Синода с 1 июля 1898 г. при Олонецкой Духовной консистории начали издавать газету «Олонецкие епархиальные ведомости», которая рассказывала о духовной жизни Олонецкого края.

К 1907 г. только в одном Петрозаводском уезде было 116 школ грамотности и 210 церковно-приходских школ с общим числом учащихся более 7 тыс. человек.

Во многом благодаря трудам Н. К. Чукова, бывшего епархиальным наблюдателем начальных школ в течение 16 лет (1895—1911), в Карелии была создана одна из лучших по тем временам сеть школ, находившихся под контролем Духовного ведомства. 64 школы имели правильно организованные хоры певчих.

В 1907 г. в Видлице архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (будущий Патриарх Московский и всея Руси) открыл Православное Карельское братство во имя св. вмч. Георгия Победоносца, которое занималось активной миссионерской работой среди карельского населения, в том числе пребывающего в старообрядческом расколе. В 1912 г. в Петрозаводске открылась первая в епархии церковно-приходская школа для взрослых¹.

К началу XX столетия Олонецкая епархия достигла значительных успехов в деле просвещения местных народов светом Православной веры. В Карелии существовала самостоятельная Олонецкая епархия, по данным на 1913 г. в Олонецкой губернии было 1317 представителей церковного клира. Ко времени революционных перемен в стране, согласно данным на 1916 г., в составе Олонецкой епархии было 35 благочиннических округов, 14 мона-

¹ Олонецкая губерния: статистический справочник. Петрозаводск, 1913. С. 32—34; *Александрова-Чукова Л. К.* Митрополит Григорий (Чуков): вехи служения церкви Божией. Ч. I. К 140-летию со дня рождения // Богослов.ru. (научный богословский портал). Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/592451.html>; *Кучепанов Н. К.* Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956. С. 7.

стырей и пустыней, 312 только приходских церквей, не считая монастырских храмов, при которых действовали церковно-приходские школы¹.

324 церковно-приходские школы и Духовные училища воспитывали своих питомцев для Духовной семинарии, писарей и делопроизводителей для Духовных и светских учреждений. При 47 приходах существовали 44 карельских и 27 вепских церковно-приходских школ.

На территории епархии действовало 14 монастырей. В самом начале XX в. в епархии открылись два новых женских монастыря: Ладвинский и Паданский².

Преподобные основатели древних монастырей на Олонецкой земле причислены к лику святых Русской Православной Церковью, они почитаются как «преподобные обонезские пустынножители и чудотворцы» на протяжении нескольких столетий. Всем православным верующим известны имена карельских святых: прп. Александр Свирский, прп. Александр Ошевенский, прпп. Лазарь и Афанасий Муромские, прпп. Геннадий и Никифор Важеозерские, прпп. Корнилий и Авраамий Палеостровские, прп. Иона Клименецкий, прп. мчн. Адриан Андрусовский, прп. Афанасий Сяндебский и многие другие. День памяти Карельских святых отмечается ежегодно 3 июня (ранее отмечался в ноябре).

Почти три столетия жители города Петрозаводска почитали блаженного старца Фаддея Петрозаводского, современника Петра Великого; уже в наше время, в 2000 г., он причислен к лику местночтимых святых, его надгробная плита покоится у Александро-Невского Кафедрального собора, а могила закатана под асфальт за Русским Драматическим театром.

Октябрьская революция 1917 года полностью изменила жизнь православных верующих Карелии. 20 января 1918 г. был принят декрет советского правительства «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В школах города и губернии запретили преподавать Закон Божий, а Духовные учебные заведения закрыли, был запрещен выпуск «Олонецких епархиальных ведомостей».

Все имущество, включая здания, конфисковали и передали в ведение комиссариата просвещения, Духовные учебные заведения были преобразованы в светские школы.

В 1918–1930-х гг. продолжались национализация церковных земель и зданий, ликвидация монастырей, изъятие мощей, гонения на духовенство. Одно из первых кощунственных изъятий мощей и расстрел ни в чем не повинных монахов в Советской России произошли в 1918 г. в Александро-Свирском монастыре Олонецкой епархии и Яшезерском монастыре.

Осенью 1918 г. духовенство было отстранено от совершения актов гражданского состояния. Ранее священники вели Метрические книги при храмах, в которых они служили, в этих книгах записывались сведения о крещении, венчании и отпевании усопших. На основании этих записей выдавались документы о рождении и другие справки.

Тогда же за противодействие декрету СНК РСФСР о свободе совести, выразившееся в отказе передать государству Духовные учебные заведения,

¹ Олонецкая епархия: Страницы истории. Петрозаводская и Карельская епархия // Нац. архив РК / сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001. С. 60; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1916 год. Петрозаводск, 1916. С. 126–134.

² Степанова Э. Д. Неугасимая лампада. Петрозаводск: Прагматика, 2011. С. 5.

из Олонецкой епархии были высланы видные священнослужители Русской Православной Церкви: ректор, иерей Н. К. Чуков, председатель Совета Духовных училищ епархии священник П. В. Дмитриев, протоиереи Метелев, Дроздин, священники Звероловлев, Сперанцев и другие.

26 июля 1929 г. была закрыта и передана под музей Александро-Невская церковь. 1 февраля 1930 г. было принято правительственное решение прекратить колокольный звон во всех деревнях Карелии, а все колокола передать в фонд индустриализации.

2 марта 1930 г. в помещении бывшего кафедрального собора Святого Духа была открыта общественная столовая на 5000 мест. В 1936 г. здание собора было взорвано.

Храмы закрывались под разными предлогами и без предлогов, священников ссылали в концлагеря. Часто осужденные внесудебными органами, тройками ОГПУ, представители духовного сословия, священники и монашествующие приговаривались к ВМН (высшей мере наказания) — расстрелу. Все они пострадали за Христа, приняв мученическую кончину, и предстоят теперь пред Господом в сонме новомучеников и исповедников Российских.

К 1930 г. из 594 храмов было закрыто 330, из 1724 часовен — 1708, из монастырей не осталось ни одного, из 1370 священников осталось только 200. К 1936 г. по Карелии осталось только 100 церквей и 77 священнослужителей¹.

Террор и репрессии, как эпидемия чумы, с огромной силой нахлынули на Карельскую землю. Однако, несмотря на проведение антицерковной государственной политики, на протяжении 1930-х гг. власти вынуждены были констатировать, что население Карелии оставалось религиозным, подтверждением чему служило соблюдение церковной обрядности, массовые прогулы на предприятиях, лесозаготовках и в колхозах в дни больших церковных праздников.

Репрессии против православных священников, монахов и верующих продолжались вплоть до Великой Отечественной войны, к началу которой в Карелии было уничтожено все духовенство и закрыты все церкви.

В период финской оккупации церкви, закрытые или переоборудованные под клубы, школы, склады, вновь открывались для богослужения, допускалась организация церковно-приходских школ. С уходом оккупантов из Карелии в 1944 г., было вывезено много церковного имущества².

С 1 сентября 1944 г. Олонецкая епархия утратила свою самостоятельность и перешла в ведение Ленинградской и Новгородской митрополии, которая назначала благочинных для управления делами.

Попытка церковного руководства — митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) — восстановить в Карелии самостоя-

¹ Материалы об Олонецкой епархии в годы репрессий (конец 1920-х — 1930-е годы) подготовлены на основе данных из книг: *Детцьев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения Карелии (1917–1990 гг.). Петрозаводск, 1999; Их называли КР: Репрессии в Карелии 20–30-х годов // сост. А. М. Цыганков. Петрозаводск, 1992; *Чухин И.* Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

² Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 3. Оп. 36. Д. 101; *Басова Н. А.* Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 45–240; *Детцьев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990 гг.) Петрозаводск, 1999. С. 10–111.

тельную епархию была предпринята только в 1947 г., однако не увенчалась успехом. В течение двух лет, в 1947–1949 гг. на Олонецкую кафедру назначались архиереи, но власти не допустили возрождения самостоятельной Олонецкой епархии. В результате, с 1949 г. епархия управлялась митрополитами Ленинградскими и Ладужскими, а восстановление ее самостоятельного статуса произошло только двадцать пять лет назад, в 1990 году.

Список использованной литературы:

1. *Александрова-Чукова Л. К.* Митрополит Григорий (Чуков): вехи служения церкви Божией. Ч. I. К 140-летию со дня рождения // Богослов.ru. (научный богословский портал). Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/592451.html>.
2. Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 3. Оп. 36. Д. 101.
3. *Басова Н. А.* Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.
4. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1997.
5. *Детчугев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990 гг.). Петрозаводск, 1999.
6. *Дмитриев А.* Первый карельский епископ. Петрозаводск, 2004.
7. Их называли КР: Репрессии в Карелии 20–30-х годов / сост. А. М. Цыганков. Петрозаводск, 1992.
8. *Кожевникова Ю. Н.* Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX века. Петрозаводск, 2009.
9. *Коняева М. В., Коняев Н. М.* Свирские святые. СПб.: Дума, 1997.
10. *Кучепанов Н. К.* Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956.
11. *Макаровский А. И.* Курс истории Русской Церкви (домонгольский период). Л., 1951.
12. Олонецкая губерния: статистический справочник. Петрозаводск, 1913.
13. Олонецкая епархия: Страницы истории. Петрозаводская и Карельская епархия // Нац. архив РК / сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001.
14. Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2.
15. *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии (XV — первая треть XX века). М., 1999.
16. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1916 год. Петрозаводск, 1916.
17. *Рапов О. М.* Русская Церковь в IX — первой трети XII века. Принятие христианства. М., 1988.
18. *Степанова Э. Д.* Неугасимая лампада. Петрозаводск: Прагматика, 2011.
19. *Степанова Э. Д.* Очерки истории Православия в Карелии // Федерал. агентство по образованию, Министерство культуры и по связям с общественностью РК, ГОУВПО «КГПУ». Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2008.
20. *Татищев В. Н.* История Российская // Собр. соч.: в 8 т. М., Л., 1962–1964 (репринт: М., 1994–1995). Т. I.
21. *Чухин И.* Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.
22. *Шаскальский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950.

Родная Речь

Александр КАМЧАТНОВ

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЦЕРКОВНО- СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Александр Михайлович Камчатнов — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Литературного института им. А. М. Горького. Зам. главного редактора «Вестника Литературного института», член редколлегии журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Член Диссертационного совета в Литературном институте им. А. М. Горького. Область научных интересов — история русского рукописного наследия, история русского литературного языка, история России и русской культуры. Автор более 60 научных публикаций. **Живет в Москве.**

Существует лингвистическая универсалия, согласно которой почти все литературные языки возникают путем примыкания к более древней литературно-языковой традиции: так, латинский язык возник путем примыкания к греческому, новоевропейские литературные языки — путем примыкания к латинскому, церковнославянский путем примыкания к греческому, русский — путем примыкания к церковнославянскому. Уникальность же русской языковой ситуации заключается в том, что славянский литературный язык возник в эпоху общеславянского единства, когда еще не было южнославянских, восточнославянских и западнославянских языков, а были лишь южные, восточные и западные диалекты одного общеславянского языка. В этих условиях цель святых братьев Кирилла и Мефодия создать литературный язык для всех славян была вполне достижимой.

Однако в силу известных исторических условий (принятие католицизма западными славянами, турецкое порабощение южных славян) только на русской почве продолжалось творческое взаимодействие славянского языка и народно-разговорной русской стихии. Отделившись от славянского языка прежде всего грамматически, русский литературный язык испытывал очень сильное влияние славянского в лексике и синтаксисе. Уже М. В. Ломоносовым в его «Предисловии о пользе книг церковных в Российском языке» было установлено, что славянский язык — это источник высокого стиля русского литературного языка, и с тех пор мало что изменилось: до сих пор о всякой вещи мы можем сказать торжественно, нейтрально или уничижительно и до сих пор, создавая торжественную речь, мы пользуемся ресурсами славянского

языка, подчас даже не подозревая об этом. Нет нужды приводить примеры высокого стиля из произведений Ломоносова, Хераскова, Боброва, Карамзина, Жуковского, Катенина, Кюхельбекера, Пушкина и других, ибо и так всем понятно, что *Восстань, пророк, и виждь и вземли* совсем не то, что *Встань, пророк, смотри и слушай*.

Таким образом, наш литературный язык и соответственно наше языковое сознание представляют собой упорядоченную иерархическую трихотомичную структуру, в которой славянский язык играет важную роль источника, ресурса высокого стиля. Так устроен русский литературный язык, так устроено наше языковое сознание, и уже нельзя ничего с этим поделать. До тех пор, пока русская классическая литература будет преподаваться в школе, пока ее будут читать, она будет формировать наше языковое сознание.

Теперь поговорим о славянском языке. Оплодотворив собою так удачно русский литературный язык, славянский язык остался языком Церкви, языком богослужения. В отличие от греческого или латинского языков, на которых существовала богатая дохристианская литература, славянский язык был создан как язык литургический, и таким он и остается по сей день. Можно сказать, что в Русской Православной Церкви славянский язык — это как бы естественная среда богообщения, что славянский язык есть словесная икона, «иконописцем» которой является Дух Святой, что можно догматически обосновать так же, как и иконопочитание: как там мы поклоняемся не доскам и краске, а в видимом образе почитаем невидимый Первообраз, так и тут мы поклоняемся не звукам и грамматическим формам, а в слышимом образе поклоняемся неслышимому Первообразу.

Тем не менее сейчас много говорят о переводе богослужения на русский язык, многие видят в славянском языке чуть ли не главную преграду к новой катехизации русского и других народов, а в переводе — главное условие успешности этой катехизации.

Есть два обстоятельства, которые вынуждают меня сомневаться в этом.

Что значит перевести? Это значит, нужно извлечь некий смысл из одной системы выражения (китайской, например) и выразить его при помощи другой системы выражения (русской, например). Эта операция была бы безболезненной и даже доступной компьютеру при одном условии: языковая система выражения смысла нейтральна по отношению к самому смыслу, является его внешней одеждой, которую можно без всякой потери для смысла переменить. Однако со времен Гумбольдта, Шишкова, Потебни эти лингвисты и их многочисленные последователи не устают повторять, что язык — это не внешняя одежда мысли, что язык во всех своих проявлениях от фонетики до синтаксиса является выражением духа народа, способом миропонимания. Это знает всякий, кто пытался переводить не элементарные фразы из учебника, а подлинно художественные тексты. Или вот еще очень знаменательное свидетельство В. Набокова: он писал некоторые произведения, как известно, по-английски, а затем испытывал невероятные трудности с их переводом на русский; чем глубже человек знает оба языка, тем труднее на самом деле переводить — этому мешает уникальное своеобразие каждого языка. Дополнительные сложности возникают, когда переводишь с близкородственного языка, каким является славянский по отношению к русскому. Это первое обстоятельство.

Второе обстоятельство как раз и состоит в особых отношениях между славянским и русским языками. Став основой высокого стиля русского литературного языка, славянский язык сохранил интимно близкие отношения с русским языком. Собственно говоря, трудно даже сказать, является ли славянский язык особым языком, или же это какой-то особый стиль русского литературного языка, назовем его условно сверхвысоким или сакральным. Как решить этот вопрос?

Теоретически перевод возможен только с одного языка на другой, из одной системы средств выражения в другую, когда обе языковые системы существенно отличаются друг от друга; перевод же из стиля в стиль невозможен, возможно лишь переложение некоего содержания другим стилем, что часто используется в пародийных целях. Вспомним хотя бы хрестоматийное:

*«Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренний цветок
Увял еще полураскрытый».
Все это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.*

Здесь переложение романтического строя мысли и соответствующей лексики в реалистический является способом осмеяния эпигонов романтизма. Пушкин вообще был великий пересмешник, вспомним хотя бы «Историю села Горюхина» как пародию на «Историю государства Российского» Карамзина. Вот и давайте посмотрим, что же происходит с семантикой и стилистикой богослужебного текста при его переводе (или переложении?) на русский литературный язык.

Для дальнейшего изложения я буду пользоваться переводом Служебника на русский язык, выполненным иеромонахом Амвросием (Тимротом). По его собственным словам, о. Амвросий считает славянский особым языком, притом малопонятным для прихожан, поэтому перевод богослужения на русский язык является давно назревшей проблемой, которую надо наконец начать решать.

Вообще решать проблему ясности языка богослужения, по мнению о. Амвросия, можно тремя способами.

Первый — это продолжение правки и поновлений церковнославянских текстов в духе той деятельности, которая шла в Церкви на протяжении веков, однако этот путь уже себя исчерпал, потому что в наше время исправление отдельных слов вряд ли может сделать текст более понятным.

Второй путь — это русификация текстов, по сути представляющая собой создание некоего «среднего» языка: то ли русского со славянскими вкраплениями (наиболее часто встречающимися словами и оборотами), то ли славянского, «осовремененного» множеством русизмов; на подобном языке (в сущности, испорченном славянском) по сей день составляются новые молитвы, службы, акафисты.

Наконец, третий путь — это перевод на русский язык, который бы мог, сосуществуя с традиционными и всем известными богослужебными

текстами, восполнять у современных православных недостаток понимания церковной службы и как следствие этого — отсутствие живого интереса к богослужению. При переводе о. Амвросий считает необходимым руководствоваться следующими принципами:

- оставлять без перевода сравнительно немногие слова и обороты, характерные для нашей Богослужебной традиции: *присно, Ипостась, Единица, сверхсущественный, совечный, Приснодева* и т. п.;

- оставлять без перевода привычные и понятные всем церковным людям греческие слова: *алавастр, трапеза, елей, фимиам* и т. п.;

- сохранять в употреблении специфические метафоры: *рог* в значении «сила», *семя* в значении «потомство»;

- сохранять обороты типа «Благословением благословлю», характерные для древнееврейского языка;

- сохранять синтаксические конструкции, характерные для греческого и вслед за ним церковнославянского;

- сохранять звательный падеж в словах: *Боже, Господи, Иисусе Христе, Отче*, может быть, и в некоторых из имен собственных, например, в службах святым: *отче наш Сергие* и т. п.;

- сохранять слова, характерные для высокого стиля: *очи, уста, воззвать, возглашать* т. п.;

- ради точности перевода уклоняться от славянского, передавая славянское *очисти* как *будь милостив, щедрый* как *милосердный, молиться* как *ходатайствовать, ходатай* как *посредник, умиление* как *сокрушение* и др.;

- отказаться от употребления некоторых привычных славянизмов ввиду того, что неискушенного читателя они ставят в тупик: *купина, Чермное море, глагол* в значении «слово» и др.

См.: <http://www.wertograd.narod.ru/arh/report.pdf>.

По прочтении этих принципов возникает вопрос, чем же такой перевод будет отличаться от русификации? Для ответа обратимся непосредственно к русскому тексту Служебника, опубликованному на сайте: <http://azbyka.ru/bogoslužhenie/liturgiya/lit01.shtml>.

Вот молитва первая из «Последования вечерни»:

Гдѣи щѣдрѣи и милостивѣи,
долготерпѣливѣи и многомилостивѣи,
внѣшнѣи молитвѣи нашіи, и коннии гласѣи
моленіа нашіа: сотвори съ нами
знаменіе ко благоу, наставни на
путь твоѣи, ѣже ходиши ко истинѣи
твоеѣи, возвесели сердца нашіа, ко ѣже
богаиши имени твоегоу сѣагоу. зане
велии еси ты, и твориши чудеса, Ты, Бог
Единъ, и несть подобенъ тебѣ
въ божествѣхъ гдѣи: силенъ въ милости, и
благъ въ крепости, ко ѣже помогати, и
утѣшати, и спасти всѣхъ уповающихъ
во имя сѣое твое. Іако подобаетъ
тебѣ всѣакая слава, чѣсть и поклоненіе,
сѣи, и снѣи, и сѣомѣи дѣи, нынѣи и
присно, и во веки вѣковѣхъ, аминь.

Господи, щедрый и милостивый,
долготерпеливый и многомилости-
вый! Услышь молитву нашу и вним-
ли гласу моления нашего. Сотвори на
нас знамение ко благу, наставь нас на
путь Твой, чтобы ходить нам во исти-
не Твоей, возвесели сердца наши, да
страшимся имени Твоего святого. Ибо
Ты велик и творишь чудеса, Ты, Бог
Единый, и нет между богами подобно-
го Тебе, Господи, сильный в милости
и благой в силе, дабы помогать и уте-
шать и спасать всех, надеющихся на
имя святое Твое. Ибо подобает Тебе
вся слава, честь и поклонение, Отцу и
Сыну и Святому Духу, ныне и всегда,
и во веки веков. Аминь.

Что мы видим?

Славянские падежные формы заменены русскими: *кѣ бѣзѣхъ* — *между богами*, *кѣмъ* — *всехъ*;

обращения в звательной форме заменены обращениями в именительном падеже: *долготерпѣливѣ и многомилостивѣ* — *долготерпеливый и многомилостивый*;

своеобразный славянский оборот *бо ѣже* + инфинитив, являющийся синтаксической калькой греческого сочетания «артиклъ + инфинитив», заменен непоследовательно, в одном случае побудительным предложением (*бо ѣже боѣтиѣ* — *да страшимся*), в другом — придаточным цели (*бо ѣже помогѣти* — *дабы помогать*);

славянский союз *заче* заменен русским *ибо*;

глагол *вышѣти* со специфической «славянской» семантикой ‘услышать’ заменен смысловым эквивалентом *услышать*; пожалуй, это единственный случай собственно перевода;

трудно объяснить синонимические замены *боятися* — *страшиться*, *крепость* — *сила*, *уповати* — *надеяться*.

Слово *уповати* — это слово современного русского литературного языка, встречающееся у многих русских писателей и поэтов. Наблюдение за употреблением слов *уповати*, *упование* в русском (!) переводе Псалтири показывает, что они используются тогда, когда речь идет о надежде, возлагаемой на высшие силы, тогда как их синонимы *надеяться*, *надежда* употребляются в контекстах, где речь идет о человеческих возможностях.

Следует также отметить, что выражение *сотвори сѣ намъ знаменіе ко бѣго*, не очень понятное на славянском языке, остается таким же и в русском «переводе»: «*Сотвори на нас знамение ко благу*». Этот случай как раз и показывает, что перед нами не перевод смысла из одной системы выражения в другую, а простая русификация славянского текста.

Дальнейшие наблюдения над «переводом» о. Амвросия убеждают в том, что это не перевод, что это переложение, и что перевод в собственном смысле со славянского на русский вообще невозможен, возможна лишь русификация славянского текста. Несомненно, русификация приближает богослужебный текст к уровню понимания среднего носителя русского языка: замена непривычных, устаревших грамматических форм и оборотов, замена вышедших из употребления слов или слов с необычным значением делают текст более понятным. Но за все надо платить! Платой за русификацию становится, во-первых, искажение смысла, во-вторых, снижение высоты текста, иногда до полупародийного уровня, его прозаизация, утрата его духоводъемной силы. Рассмотрим несколько примеров.

Искажение смысла.

Гди, да не ѿрочи твою величіи насъ, ниже гневомъ твоимъ накажешъ насъ — *Господи, не обличи нас в ярости Твоей и не накажи нас гневом Твоим*. Глагол *наказати* в славянском значит ‘наставить, научить, вразумить’, и в молитве мы просим, чтобы Господь учил нас не гневом своим. Если бы о. Амвросий переводил с греческого, то глагол *παιδεύω* следовало бы и по-славянски, и по-русски передать словом *вразумить*: *не ѿрочи твою величіи насъ, ниже гневомъ твоимъ вразумиши ны* — *не обличи нас в ярости Твоей и не гневом Твоим вразуми нас*.

ДѢЛѢНІА НАМѢЖУ ОУЧАСТІЕ И НАСЛЕДІЕ СО ВСЕМИ БОЖИИМИСѦ ТЕБѢ ИСТИННОУ, И ХРАНИЩИМИ ЗАПОВѢДИ ТВОѦ — дай нам долю и жребий со всеми, истинно боящимися Тебя и хранящими заповеди Твои. Слова *часть* и *доля*, конечно, синонимичны, но *участие* — это не просто часть, а совместная участь, совместная жизнь с теми, кто любит Господа. Существительное *жребий* вообще принадлежит лексикону языческой культуры, обозначая власть судьбы, рока над человеком; греч. κληρονομία означает ‘наследие’ и вообще ‘участие в чем-либо’ (хотя сущ. κληρος некогда означало камень, обломок, применявшийся при метании жребия). Славянский перевод необычайно точен и сам не поддается переводу; текст можно лишь слегка русифицировать.

ИЗБАВЬ НАС ОТЪ СТРАХА НОЧНОГО И ОТЪ ВСЯКОИ ОПАСНОСТИ ВО МРАКЕ БЛУЖДАЮЩЕЙ; вещь — это, может быть и опасность, но она не блуждает во мраке, а тайком подкрадывается.

СВѢТЕ ТИХІЙ СѢГЛА ГЛАВЫ, ... ИИСУ ХРІСТѢ — Свет отрадный святой славы, ... Иисусе Христе! Перифрастическое обращение к Господу *Свѣте тихій* является изумительным по глубине поэтическим образом, включающим в себя сразу несколько смыслов: *тихий* — это и кроткий, и благосклонный, и милостивый, и спокойный, и ясный, безмятежный. Перевод словом *отрадный* обедняет этот образ, делает его плоским, да и не совсем верным.

ДОСТОЙНИИ СѦИ ВО ВСѦ ВРЕМЕНА ПЕВЪ БЫТИ ГЛАВЫ ПРЕПОДѢНЫМИ, СѢЕ БЖІИ — Достойно Тебя во все времена воспевают голосами счастливыми, Сын Божий. Перевод слова *преподобный* прилагательным *счастливыми* есть свидетельство не просто лингвистического, но и богословского невежества. Слова *счастье*, *счастливый* не из христианского словаря; эти слова принадлежали некогда словарю языческой культуры и выражали языческое представление о власти рока, судьбы над человеком. Согласно В. И. Далю, «Счастье (со-частье, доля, пай) ср. рок, судьба, часть и участь, доля. <...> Случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету» (Даль, III, 666). После же разрушения языческого мировоззрения слово *счастье* вошло в словарь светской культуры, выражая обывательское представление о везении, а также о благополучии, благосостоянии, благоденствии, удовлетворенности жизнью. Совсем не случайно, что, согласно данным словаря Geoffrey W. H. Lampe «Patristic Greek Lexicon», во всей святоотеческой письменности ни разу не употреблено слово εὐδαιμονία — греческий эквивалент слова *счастье*. Внесение этого слова в богослужебный текст неимоверно опошляет его, искажает его смысл.

Вдумаемся в прилагательное *преподобный*: корень этого слова *доб* значит буквально ‘подходящий (о времени, поре)’; слово *подобный* значит ‘такой же подходящий, как и образец, тождественный образцу в каком-то отношении’ (так, человек, хотя и имеет тварную природу, в каком-то отношении подобен Богу); приставка *пре-* в славянском языке означает не высокую степень признака, как в русском, а нечто превосходящее все, что ни есть, трансцендентное: *прекрасный* — превосходящий красотой все существующее, *пресущественная сущность* — это сущность, превосходящая всякую сущность, то есть это Господь Бог. Иисус Христос потому достоин быть воспетым *главы преподобными*, что Он — Сын Божий, и как бы ни был красив голос человеческий, он все равно не годится для вознесения достойной хвалы Спасителю. *Счастливые* голоса тут ни к селу ни к городу.

Ќ мѣрѣ вѣсѣмѣ мѣра, бѣгостоаѣнѣн сѣбѣхъ бѣжѣхъ цѣрквѣн, ѣ соединѣнѣн вѣсѣхъ, гдѣ помѣлѣмѣ — *О мире всего мира, благоденствии святых Божиих Церквей...* Мы молим Господа о твердом стоянии в вере Его Церкви во всякое время — и в эпохи гонений, и в эпохи мирского благополучия, а вовсе не о благоденствии; слав. бѣгостоаѣнѣн нельзя перевести одним русским словом. Если «перевод» о. Амросия и приближает славянский текст к уровню понимания, то это уровень понимания обывателя.

Неоправданные замены.

Кѣзнѣ — *ухищрения*, щедрѣтѣ — *сострадание*, соблюдѣн — *сохрани*, положѣти — *поставить*, настоаѣщѣй чѣсѣ — *нынешний час*, ѡрѣжѣе свѣта — *до-спехи света*, пошѣнѣе — *размышление*, прѣчѣтѣ — *клир*, неаѣгѣщѣхъ — *бо-лящих*, зашѣпѣти — *защитить*, поманѣн — *вспомни*, сподѣбен — *удостой*, длѣнь — *рука* и многие другие. Это замены ради замен, но они не так безобидны, ибо обедняют восприятие, отключают работу языкового воображения.

Прозаизация текста, стилистический разнобой.

Настѣбѣн нѣсѣ ко прѣчѣтѣнѣщѣхъ хотѣнѣа тѣбѣгѣмѣ — *Приведи нас к желаемой Тебе пристани.*

Дѣждѣ нѣмѣзѣбѣжѣтѣн ѣ прѣчѣе настоаѣщѣгѣмѣ дне ... ѡ разнѣчѣныхъ кѣзнѣхъ лѣкѣбѣгѣмѣ, ѣ ненавѣтѣнѣжѣ жѣзнѣ нѣшѣхъ соблюдѣн бѣгѣтѣа тѣбѣгѣмѣ дѣа — *дай нам и в остальное время нынешнего дня избежать различных ухищрений лукавого, и жизнь нашу в безопасности от его козней сохрани благодатью все-святого Твоего Духа.* Все знают, что слово *навет* значит ‘клевета, ложное обвинение’; краткое и емкое по смыслу сочетание *ненавѣтѣнѣжѣ жѣзнѣ нѣшѣхъ соблюдѣн* переведено длинным *жизнь нашу в безопасности от его козней сохрани*, к тому же стилистически неуклюжим, ибо безопасность обеспечивается «благодатью» полиции, а не Святого Духа.

Полупародия.

Сочетание молѣтѣбѣмѣн сѣбѣа бѣжѣ ѣ вѣсѣхъ сѣбѣхъ заменено канцелярским оборотом *по ходатайствам святой Богородицы и всех святых.*

Таким же пародийным снижением образа выражения является и следующий перевод: дѣрѣн нѣмѣзѣ ѣ прѣчѣе непѣрѣчѣнѣмѣ совершѣнѣти, прѣдѣ сѣбѣю сѣбѣю тѣбѣю — *даруй же нам и оставшуюся часть (дня. — А. К.) непорочно провести пред святой Славою Твоею.* Провести остаток дня можно в кругу семьи, с друзьями, в театре, ресторане, но не перед Славою Господней.

Или еще: ѣспрѣбѣн молѣтѣбѣ нѣшѣхъ ѣакѣмѣ кадѣаа прѣдѣ тѣбѣю — *направь молитву нашу как фимиам пред лицо Твое.*

В Великой ектении:

Ќ чѣстѣмѣмѣ прѣсѣвѣтерѣствѣ — *о почтенном пресвитерстве*; Ќ бѣгѣгѣствѣрѣнѣн кѣздѣхѣмѣ — *О благоприятной погоде.*

5. Нельзя пройти мимо косноязычия автора перевода, когда русский текст звучит не по-русски, ибо по-русски так не говорят и не пишут. Например:

подаждѣ же нѣмѣзѣ настоаѣщѣй бѣчѣрѣ, ѣ прѣходѣащѣю нѣщѣ мѣрѣнѣ — *подай же нам нынешний вечер и наступающую ночь мирные.* В славянском тексте употреблен оборот *accusativus duplex*, поэтому по-русски это предложение должно звучать так: *сотвори мирными наступающий вечер и предстоящую ночь.*

6. Чтобы быть справедливым, надо отметить и такие случаи, когда о. Амвросий и в самом деле перевел славянский текст, то есть выразил не слишком ясный смысл понятным русским языком. Хорошо известно, что

одним из камней преткновения, мешающим правильно понимать славянский текст, являются так называемые славянско-русские паронимы, то есть слова, звучащие одинаково, но имеющие разное значение; для понимания таких паронимов О. А. Седаковой создан специальный словарь. Рассмотрим такой случай:

Гдн ... кѣиѣа ѿ злѣбахъ нашихъ, помани ѿдѣрѣты твоѣ — *Господи ... сожалеющий о бедствиях наших! Вспомни сострадание Твое.* Глагол *каяться* имел в славянском языке значение ‘сожалеть о чем-либо’, утраченное современным русским языком, что и создает трудность понимания. Существительное *злѣба* также имело утраченное ныне значение ‘бедствие’. В таких случаях славянский текст может быть поновлен: Гдн ... икорѣѣи ѿ вѣдѣхъ нашихъ... или соответствующим образом прокомментирован.

Итак, что же получается? Когда слушаешь аргументы сторонников перевода богослужения на русский язык, то они в отвлеченном виде кажутся убедительными и даже благородными; а когда дело доходит до конкретных текстов, то эти доводы исчезают, яко дым. Текст о. Амвросия — это не перевод, а адаптированная к уровню понимания среднего носителя русского языка русифицированная редакция Служебника, осуществленная со многими смысловыми и стилистическими потерями; при этом надо подчеркнуть, что отделение семантики от стиля возможно лишь в научных целях, в действительном же общении они неразделимы.

Таким образом, можно констатировать, что автора перевода постигла очевидная творческая неудача, и я думаю, что эта неудача постигла бы любого, кто взялся бы за перевод с церковнославянского на русский. Сама же эта неудача не есть ли симптом того, что славянский язык в русской культурно-языковой ситуации занимает совершенно особое место, имеет ни с чем не сравнимый лингвистический статус? Уникальность славянского языка заключается в том, что остается неясным, в какой из трех возможных рядов можно и нужно его включить:

- китайский — немецкий — русский — и т. д. — *славянский*;
- научный — юридический — газетный — и т. д. — *славянский*;
- древнегреческий — латинский — санскрит — и т. д. — *славянский*.

В первый ряд его нельзя включить, потому что нет этноса, являющегося носителем этого языка. Во второй ряд его нельзя включить, потому что он обладает особыми не только лексическими, но и грамматическими формами, чего не бывает со специальными языками вроде юридического. В третий ряд мертвых языков его нельзя включить в силу его генетической близости к высокому стилю русского литературного языка (в этот ряд его могли бы включить православные румыны и даже сербы, но не русские). В то же время его можно по наличию особой функции включить во второй ряд, а по наличию устаревших, омертвевших форм включить в третий ряд. Весь спор, таким образом, ведется вокруг того, чему придать большую значимость. Тот, кто чувствует поэзию грамматики и придает устаревшим грамматическим формам стилистическую значимость, тот будет вписывать славянский язык во второй ряд, то есть считать его функциональной разновидностью русского литературного языка (сверхвысоким, сакральным стилем). Тот же, кто не чувствует и не придает стилистической значимости грамматическим формам, тот будет считать славянский язык мертвым, а само богослужение нуждающимся в переводе на живой язык.

Однако неудача «перевода», его невозможность, на мой взгляд, есть свидетельство того, что славянский язык в русском культурном обиходе по своему лингвистическому статусу ближе к понятию специального языка, то есть занимает место сверхвысокого, сакрального стиля русского литературного языка. Этим стилем, как и всяким иным — публицистическим, деловым, научным, — надо овладевать, и проходит немало лет, прежде чем журналист научится писать репортажи, юрист — законы, ученый — научные статьи. Если человек не сумел овладеть даже пассивно сакральным славянским стилем, пусть смирится, а когда пожелает, то для него надо создавать комментированные издания богослужебных текстов, поясняющих наиболее трудные для понимания места.

ВЫШЛА КНИГА

Гнетнев Константин Васильевич

Дмитрий Гусаров. Раненый ангел / Константин Гнетнев. — Петрозаводск: Острова, 2015. — 264 с.: ил.

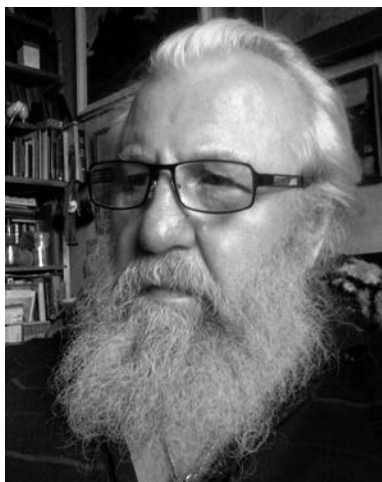
Дмитрий Яковлевич Гусаров — один из писателей-фронтовиков в советской литературе, автор исполненных трагизма и обнаженной правды произведений о партизанской войне на Карельском фронте. Журнал «Север», которым он руководил более 36 лет, заложил основы целого направления советской литературы. Великолепная плеяда российских писателей: В. Белов, Н. Рубцов, В. Шукшин. Ф. Абрамов, В. Маслов, В. Личутин и другие, — несла читателю правду о народной жизни сквозь препоны официальной партийной цензуры. Направление это, получившее наименование «деревенской прозы», стало одним из ярких явлений культуры второй половины XX века.

Константин Гнетнев рассказывает, в каких условиях происходило становление личности народного писателя Карелии, о его родителях и детстве, исковерканном раскулачиванием, о времени боевой партизанской юности, творчестве и десятилетиях борьбы с партийными властями за правду в литературе.

Из книги читатель сможет узнать о жизни предвоенной деревни, о том, как происходили восстановление культурной жизни в послевоенной Карелии, становление писательской организации и журналов во второй половине XX века.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Рудольф КЕСАРЕВ
НЕСКОЛЬКО СЛОВ
ОБ ИКОНЕ
АНДРЕЯ РУБЛЕВА
«СВЯТАЯ ТРОИЦА»

Рудольф Александрович Кесарев — родился 30 ноября 1941 г. Детство и школьные годы прошли в г. Харовске Вологодской области. С 1960 по 1963 г. служил в рядах Советской Армии. В 1964–1968 гг. учился в Художественном училище им. В. А. Серова (вечернее отделение) и работал в разных организациях города художником-оформителем. В 1972 г. поступил в Институт им. И. Е. Репина при Академии художеств на живописный факультет (отделение реставрации). По окончании в 1978 г., связал свою творческую жизнь художника-реставратора древнерусской живописи с Государственным Русским музеем, где продолжает трудиться до настоящего времени. Имеет высшую квалификацию, член Союза художников РФ. Живет в Санкт-Петербурге.

Об иконе Андрея Рублева «Святая Троица» написано немало. Существует большое количество искусствоведческих статей, опубликованных в разное время. Большинство из них выражают субъективные взгляды на «Святую Троицу» Андрея Рублева и личные эмоции, но редко кто из авторов связывает ее содержание с текстами Библии. Поэтому есть основание предложить иное видение иконы «Святая Троица», опираясь на тексты Святого Писания и творения Святых Отцов. Вот что писал в IV веке Святитель Кирилл Иерусалимский: «...ибо никакая Божественная и Святая тайна веры никак не должна быть сообщена без Божественного Писания; иначе основывается на одном вероятии и отборных словах; даже не верь ты мне, когда я просто говорю тебе о Нем; если на слова мои не будешь иметь доказательства из Божественного Писания. Ибо спасающая нас сила веры зависит не от выбора слов, но от доказательства Божественными Писаниями»².

В 1551 году в Москве состоялся Стоглавый церковный собор во главе с митрополитом Макарием. Царь Иоанн IV присутствовал на этом Соборе. На вопрос Царя, как изображать Святую Троицу, Собор, не вдаваясь в богословское обоснование, постановил: «Писати живописцем иконы с древних образцов, как гре-

¹ Книга пророка Исаии в греческом переводе.

² Кирилл Иерусалимский, архиепископ. Поучения огласительные и тайноведческие. М., 1991. С. 50–51.

ческие живописцы писали и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущии живописцы...»¹.

Триипостасного Бога изображали и до Андрея Рублева, и после. Но что же повлияло на решение отцов Собора, почему «Троицу» монаха московского Спасо-Андроникова монастыря Андрея Рублева поставили в пример всем остальным иконописцам?

Триипостасного Бога в те времена писали по-разному.

Есть «Гостеприимство Авраама», где Аврааму в Хевроне являются три Ангела, и Сарра, жена Авраама, им прислуживает. Иногда в этом сюжете изображается слуга, закалывающий тельца.

Есть «Отечество», где видим Бога седым, могучим старцем, на Его коленях Сын, Он держит сферу с образом Духа Святого в виде голубя.

Есть «Троица Новозаветная», где на престоле сидят Отец, старец (Ветхий Денми), Сын средних лет, с бородой, и между ними как образ Святого Духа — голубь.

Подобные иконы были привезены в Москву по указу царя Иоанна Васильевича из русских городов после страшного пожара 1547 года, в котором сгорело много деревянных церквей. Их принимал дьяк Думского приказа И. М. Висковатый. Изображение Бога на иконах вызвало его возмущение, так как Отца никто не видел, согласно текстам Святого Писания и Предания, поэтому изображать Его нельзя.

Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (Ин. 1:18).

И потом сказал Он: лица Моего не можно будет тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых (Исх. 33:20).

Бога человеком невозможно видети, на Него же не смеют чины ангельские взирати... (Канон покаянный Господу Иисусу Христу. Песнь 9, ирмос).

И. М. Висковатый обратил внимание митрополита Макария на вольную трактовку иконописцами образа Святой Троицы, но Владыка отказал ему тогда в разъяснении. Ответ был дан вскоре на Стоглаве, в присутствии Царя и с таким наставлением церковным иерархам:

«Да и о том святителем великое попечение и брежение имети комуждо во всей области, чтобы гораздые иконники и их ученики писали с древних образцов, а от самосмышления бы своими догадками божества не описывали. Христос бо Бог наш описан плотию, а божеством не описан. Якоже рече святыи Иван Дамаскин: “Не описуйте божества, не лжите слепии. Просто бо невидимо и незрительно есть...”»².

Из Святого Писания мы знаем, что Господь Бог неоднократно являлся людям в библейские времена.

Он говорил с Моисеем из горящего куста на горе Хорив (Исх. 3:2–8), на горе Синай: ... *вот, Я приду к тебе в густом облаке, дабы слышал народ, как Я буду говорить с тобою (Исх. 19:9).*

¹ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 303.

² Там же. С. 315.

Его голос звучал на реке Иордан (*Мф. 3:16–17*), на горе Фавор (*Мф. 17:5*). Но голос — звук, его невозможно передать на иконе изобразительными средствами, он бестелесен.

Бог явился во плоти трех путников Аврааму в Хевроне, в дубраве Мамре (*Быт. 18:1*), что позволило иконописцам изобразить это событие в подробностях, даже написать «Бытие Святой Троицы».

Андрей Рублев сократил этот развернутый сюжет и показал Триипостасного Бога в образе трех Ангелов, с присущим каждому символом. Несмотря на то, что Ангелы изображены в разных позах и различных одеяниях, все они похожи один на другого, что подчеркивает равенство их ипостасей. Но кто же из них кто?

На эту тему до сих пор ведутся споры, и искусствоведы не могут прийти к единому мнению. Одни утверждают, что Бог Отец сидит слева, а Сын находится в центре; другие считают наоборот.

Думаю, нет никакого сомнения в том, что в центре Андрей Рублев изобразил Бога Отца, поскольку Он — центр мироздания. Он создал мир и дал жизнь миру, и на иконе Он слегка приподнят над остальными. Его фигура развернута к правому Ангелу, а голова наклонена к левому. Над Ним возвышается дерево — символ жизни, символ Эдемского Сада (Рая).

И произрастит Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла (Быт. 2:9).

Он обращается к Ангелу, сидящему по правую руку от Него.

Никейский (325 г.) и Цареградский (381 г.) Вселенские соборы утвердили «Символ Веры» — свод догматов Православной церкви, где так говорится о Сыне: *И возшедшаго на небеса и седяща одесную Отца*, согласно чему Сыном на рублевской иконе должен быть Ангел, сидящий по правую руку от центрального.

За Сидящим по правую руку изображен храм. Некоторые исследователи утверждают, что это дом Авраама, но Авраам вел кочевой образ жизни и жил в шатре: *И продолжал он переходы свои от юга до Вефиля, до места, где прежде был шатер его... (Быт. 13:3). И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного (Быт. 18:1).*

Молитвы моя Господеву воздам пред всеми людьми Его, во дворах дому Господня, посреде тебе, Иерусалиме... (Пс. 115:9–10), — молился царь Давид.

В земной жизни Иисуса Христа многое было связано с Иерусалимским храмом. Здесь росла и воспитывалась Его Мать, здесь Его встретил праведный Симеон Богоприимец, здесь Он прошел обряд обрезания, здесь 12-летним отроком Он отвечал на вопросы ученых книжников, и они восхищались Его знаниями и мудростью. Отсюда Он выгнал торгующих, продажных и продающих.

И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников (Мк. 11:17).

Там же, в Иерусалимском храме, когда Сын Человеческий умирал на кресте, разодралась завеса.

Еще раньше, задолго до этих событий, Господь Бог возвестил через пророка Исаию:

Я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моем доме молитвы; ...ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов (Ис. 56:7).

Апостол Павел в письме своему ученику Тимофею разъясняет:

...как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины (1 Тим. 3:15).

Дом молитвы — главная цель строительства Церкви Христовой, во главе которой стоит Сын — Иисус Христос, ибо вне ее нет спасения человеку.

По левую руку от Отца — Святой Дух. Он вечно исходит от Отца и, чтобы показать это, Рублев обращает фигуру Отца в сторону Святого Духа, над ним гора — символ вечности и духовного восхождения.

Кто взыдет на гору Господню? — вопрошает царь Давид и дает ответ: ...Неповинен руками и чист сердцем... (Пс. 23:3–4).

От конца земли взываю к Тебе в унынии сердца моего; возведи меня на скалу, для меня недостижимую (Пс. 60:3), — просит он Бога.

Что же хотел показать Андрей Рублев в иконе «Святая Троица»?

Художник изобразил не только Триипостасного Бога, но и событие (и в прямом смысле — со-бытие), которое происходит среди Ангелов.

«Святая Троица». Андрей Рублев

Бог сый мира, Отец щедрот, великого совета Твоего ангела, мир подавающа, послал еси нам... (Канон Рождества Христова, ирмос 5).

Здесь, на иконе — «Предвечный Совет», на котором Отец благословляет Сына на крестный путь в мир, на землю, чтобы избавить людей от первородного греха, унаследованного от Адама и Евы. В результате согрешения первых людей человек стал страстным, смертным, тленным, и Отец хочет обратить такого человека к вечной жизни — спасти свое творение.

Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа <...> Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? <...> От подошвы ноги до темени

головой нет у него здорового места... (Ис. 1:4–6), — вещает Господь Бог через пророка Исаию.

Нам известны из Ветхого Завета нравственные обычаи того времени: братья, втайне от отца, продали Иосифа в рабство проходящим купцам за двадцать сребреников (Быт. 37:26–28). С горечью восклицает царь Давид: *Се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя (Пс. 50:7).*

Но мы помним также из Ветхого Завета Авраама, который выдержал Божье испытание (искушение), он исполнил повеление Бога — приготовил в жертву своего единственного сына Исаака, рожденного по обетованию.

И взял Авраам дрова для всесожжения и возложил на Исаака, сына своего, взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе (Быт. 22:6).

И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего (Быт. 22:10).

Бог, убедившись в верности Авраама, не принял такой жертвы, потому что Бог есть Любовь, а Любовь не может причинять боль человеческому сердцу.

Но истинная Любовь всегда жертвенна и спасительна, и Андрей Рублев показывает нам это. На иконе Сам Господь Бог обращается к Сыну Своему Единородному. Он посылает Его к людям, отдавая в жертву ради любви к ним и ради спасения их.

Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную.

Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него (Ин. 3:16–17).

На смену Ветхому человеку со смертью и воскресением Иисуса Христа приходит Новый человек.

На иконе Отец благословляет жертвенную чашу и, наклонив голову к Сыну, как бы побуждает Его пойти к людям и просветить их, зная наперед, что они предадут и убьют Его. Сын воспринял волю Отца, ведая, что Он будет предан и казнен. Его согласие выражено в благословении жертвенной чаши, готовности искупить Своим подвигом род человеческий. Во всем Его облике — смирение, покорность и любовь к Отцу. Не раз на земле Иисус Христос говорил, что Он исполняет волю Пославшего Его.

Кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня (Мф. 10:40).

...пославший Меня Отец, Сам засвидетельствовал о Мне (Ин. 5:37).

Единодушен с Ними Святой Дух — Ангел справа. Он легким жестом правой руки словно двигает жертвенную чашу в сторону Сына. Наклоном головы вторит обращению Отца. Во всей Его фигуре (она слегка приподнята, и внизу ее развешаются складки гиматия) просматривается движение к осуществлению своей миссии Божьего Посланца.

Чаша на предуготованном престоле та, о которой Иисус Христос в преддверии крестной муки молился Отцу Своему на Елеонской горе в Гефсиманском саду: *...Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты (Мф. 26:39).*

В иконографии «Гостеприимство Авраама» в чаше изображен телец, которого зарезал слуга и приготовила Сарра. Можно предположить, что на иконе Андрея Рублева в чаше первоначально была изображена человеческая голова — символ жертвенной любви и символ смерти.

Люди, конечно, знают о краткости земной жизни, однако избегают мысли о конце ее, но «христианин должен вспоминать о смерти, чтобы приготовиться к суду над всей своей жизнью, и принести покаяние — осудить себя раньше Божественного суда»¹.

¹ Рафаил (Карелин), архимандрит. О памяти смерти // О вечном и преходящем. М., 2011. С. 48.

«Господи, даждь ми слезы и память смертную...»¹, — молится Богу святитель Иоанн Златоуст.

«Молитва и память о смерти — это два ока души, устремленные в вечность»², — говорит нам архимандрит Рафаил.

Сына Божиего по красоте и кротости в средневековом искусстве сравнивают с Агнцем (ягненком). Образ Агнца — символ чистоты и безгрешности.

Восхотел еси, нас ради воплощаяся, Многомилостиве, Заклан быти яко овца, грех ради человеческих... (Последование ко святому Причащению. Песнь 4, тропарь 1).

Большинство исследователей говорят, что композиция иконы строится на круге, который объединяет всё и всех, и мало кто останавливает внимание на том, что в ее основе чаша. Если посмотреть на обращенные к центру контуры боковых Ангелов, то они как бы замыкают пространство и линии их силуэтов создают большую чашу, которая занимает почти всю среднюю часть иконы. Она поднимается от подножий боковых Ангелов и завершается округлостями крыльев центрального Ангела.

Это евхаристическая чаша, которую дал нам Иисус Христос на Тайной вечере в Сионской горнице, заменив кровавую жертву Ветхого Завета на бескровную Нового Завета:

И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое.

И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов (Мф. 26:26–28).

Во время Божественной литургии хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. Вот почему Андрей Рублев в этой евхаристической чаше Нового Завета изобразил Агнца — Сына Божиего Иисуса Христа.

В своей земной жизни Иисус Христос не раз отождествлял себя с Отцом. Об этом говорится и в «Символе Веры». Согласно второму члену, вторая ипостась Бога: *...рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша*. И хотя Создателя среди живущих на земле никто не видел, Сын Его — Иисус Христос — явил нам собой образ Отца. Он говорил своим ученикам: *И видящий Меня видит Пославшего Меня (Ин. 12:45). Верьте Мне, что Я в Отце, и Отец во Мне (Ин. 14:11).*

Андрей Рублев хорошо знал Святое Писание и творения Святых Отцов и понимал, что изобразить Бога Отца невозможно.

Но Иисус Христос сказал: *Я и Отец — одно (Ин. 10:30).*

И что делает Рублев?

Он закрывает Образ Отца Образом Сына. Он «накладывает» Евхаристическую чашу Нового Завета, в которой изображен Сын, на изображение Предвечного Совета и так совмещает в одной композиции две темы.

Такой художественный прием находит подтверждение в словах Самого Иисуса Христа: *Я есмь путь, истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин. 14:6);* и в составленной по священным

¹ Молитвослов. М., 2004. С. 37.

² Рафаил (Карелин), архимандрит. Путь к исихии // О вечном и преходящем. М., 2011. С. 142.

текстам Библии евхаристической молитве на литургии святителя Василия Великого. Во время нее священник обращается к Богу с благодарением за все Его благодеяния и милосердие к роду человеческому, в особенности, за искупительный подвиг Его Сына, и произносит слова, которые непосредственно воплощены в центральном образе Троицы.

Владыко всех (Иов. 5:9), Господи небесе и земли (Мф. 11:25) и всея твари (3 Мак. 2:2) видимая же и невидимая, седяи на престоле славы и призираи бездны (Дан. 3:54–59), безначальне, невидиме, непостижимо, неописанне, неизменне Отче Господа нашего Иисуса Христа (2 Кор. 1:3), великого Бога и Спасителя (Тит. 2:13), Упования нашего (1 Тим. 1:1), Иже есть образ Твоея благодати (Прем. 7:26); печать равнообразия, в Себе показуя Тя, Отца (Ин. 14:7), Слово живое (Евр. 4:12), Бог истинный (Тим. 5:20), предвечная Премудрость (1 Кор. 2:7), Живот (1 Кор. 1:3), Сила (1 Кор. 1:24). Свет истинный (Ин. 1:9), Иже Дух Святыи, явился: Дух Истины (Ин. 14:17), сыноположение (Рим. 8:15), дарование, обручение будущего наследия (Еф. 1:14), начаток (Рим. 8:23) вечных благ, животворящая сила...¹. Вот что такое Святая Троица!

«Святым Духом мы узнаем Христа, Сына Божия, а через Сына созерцаем Отца», — учил Иоанн Дамаскин.

Восьмой член Никео-Цареградского «Символа Веры» гласит: *И в Духа Святаго, Господа, Животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.*

Иоанн Дамаскин в своем сочинении «Точное изложение православной веры» объясняет, что Святой Дух исходит от Отца и раздается в мир через Сына. Преподобный говорит об этом так:

«Веруем <...> в Духа Святаго, Господа и животворящего, от Отца исходящего и в Сыне почивающего <...> от Отца исходящего и через Сына раздаваемого»; «...Он — Дух также и Сына, не как от Него исходящий, но как исходящий от Отца через Него»².

И Андрей Рублев одевает фигуру центрального Ангела в одежды Иисуса Христа — в пурпурный хитон с золотым клавом, в голубой гиматий, и обращает Его в сторону Святого Духа.

Образ «Святой Троицы» наполнен «нетварным» светом, познать который стремились исихасты, каким был и преподобный Андрей Рублев. Его икона буквально источает свет.

Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме (Ин. 12:46), — сказал Иисус Христос.

Когда в молитве созерцаешь образ Святой Троицы, видишь огромную чашу, которая поднимается от ступней сидящих Ангелов, расширяясь до самого неба. Душа наполняется светом, тихой радостью и любовью. Об этом не говорят, но молча переживают. Это образ Евхаристии Нового Завета. Так соборный Образ Святой Троицы помогает человеку понять, что он призван к единению с Богом.

Господь Бог оставил людям одну из главных заповедей:

¹ Киприан (Керн), архимандрит, проф. Евхаристия. М.: Из-во Храма Свв. Бессребреников Космы и Дамиана. 2001. С. 169–190.

² Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., Ростов н/Д. 1992. С. 93–94, 108.

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга (Ин. 13:34).

С таким чувством Отец и Святой Дух на иконе «Святой Троицы» Андрея Рублева обращаются к Сыну. Где еще, у кого с подобной силой выражена Любовь?!

В Евхаристической чаше Нового Завета присутствуют и Отец, и Сын, и Святой Дух. Она объединяет и заключает в себе все три Единосущные ипостаси, и Рублев, отображая это, несколько выделил образ центрального Ангела.

Принимая Святое Причастие, мы принимаем Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, и Господь находится внутри нас, и мы в Нем.

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем (Ин. 6:56).

«Литургия являет всю жизнь Христа Спасителя от Вифлиемских яслей до Голгофы, Воскресения и Вознесения, через символы и напоминания вводя в реальность, потому что в Святом причащении мы принимаем не символы, но реально Само Тело Его, Самую Кровь Его, то Самое Тело Его, ту Самую Кровь, которые преподал Он на Тайной Вечере в Сионской горнице. То Самое Тело, ту Самую Кровь, которые пострадали на Голгофе, воскресли из гроба и вознеслись на небеса»¹.

Перед принятием Святого Причастия православный христианин читает в молитве святого Иоанна Златоуста: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистинну Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз. Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть самая честная Кровь Твоя...»².

После принятия Святого Причастия христианин молитвенно (соборно) благодарит Бога: «Тело Твое святое, Господи Иисусе Христе Боже наш, да будет ми в живот вечный, и Кровь Твоя честная во оставление грехов...» (преп. Симеон Метафраст)³.

Так богословски осмыслил инок Андрей Рублев образ Святой Троицы. Он изобразил Триипостасного Бога — Троицу неслиянную и нераздельную, единосущную, согласно Святому Писанию и учению Святых Отцов, создал образ Евхаристии Нового Завета, показал нам образ Соборности (объединение людей на основе Любви) и даже вывел образ Православной Веры как существующей вечно. Предвечный, Божественный, Троический Собор именует Пресвятую Троицу Святая Церковь.

Если проследить развитие иконографии «Святой Троицы» во времени, то невольно заметишь, как век от века терялся ее богословский смысл. Проникновение западных идей в Православие в XVII веке и раскол Русской Православной Церкви не могли не повлиять на иконописание. Постепенно «Троица» превратилась в изображение трех Ангелов, не связанных духовно друг с другом. Примером тому может служить творчество Симона Ушакова. Он изобразил трех Ангелов на иконе «Святой Троицы», где у каждого есть

¹ Нафанаил (Львов), архиепископ. О Святой Библии. Священное Писание и богослужение: апологические беседы. СПб., 2007. С. 242.

² Молитвослов. М., 2004. С. 110.

³ Там же. С. 115.

своя чашка и каждый думает о чем-то своем. Материальное здесь стало явно довлеть над духовным. В результате символика утрачена. Нарушено равенство ипостасей: левый Ангел изображен с черными крыльями, иерусалимский храм напоминает языческую античную постройку, гора духовного восхождения выродилась в небольшой покатым холмик, на котором произрастает зловещее дерево, снедающее светлое пространство иконы.

«А все то писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя»¹. <...> «Не подобает правоверному и глядеть много, не токмо кланяться таким неподобным образом»², — возмущался протопоп Аввакум.

С утратой символики утрачены внутреннее единство и высокий смысл Божественной Любви и Света, союза Бога и Человека. Вольная интерпретация сюжета неминуемо ведет к дальнейшему искажению образа Святой Троицы, удалению его от Святого Писания и Его Великой Тайны.

«Святая Троица». Симон Ушаков

Бог создал человека по Своему Образу и Подобию. Но Подобие Божие закрыто в человеке грехами. Люди, которые очистили сердце свое, называются преподобными, т. е. подобными Богу. Очищение сердца от грехов — длительный, сложный и трудный путь, который ведет к преображению человека.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. 5:8), — сказал Иисус Христос своим ученикам в Нагорной проповеди.

Инок Спасо-Андроникова монастыря стал преподобным. Открылся ему Господь Бог в своей полноте, и он изобразил Его так, что до сих пор весь мир удивляется его творению. За эту полноту выражения Стоглав и рекомендовал иконописцам изображать Святую Троицу, следуя образу, созданному Андреем Рублевым.

¹ Материалы для истории раскола. Издание под ред. проф. Н. И. Субботина. в 9 т. // Материалы для истории раскола за первое время его существования. Изд-во Братство св. Петра митр. Т. 5. М., 1879. С. 291.

² Там же.

ПРОЗА

Владимир КРУПИН

У ОТЦА И МАТЕРИ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Москве.

Чем дальше по времени, тем ближе и сердечнее воспоминания о маме и папе. Вот я приехал, они очень рады. Стараюсь не огорчить их тем, что приехал совсем не надолго.

Счастливое время. Долгие чаепития, разговоры.

— Как кто из детей приедет, я вся обрадею, наговориться не могу, — говорит мама. — И Коля, то все молчит, то не остановишь.

Царапается, просится в избу кошка, с ходу прыгает маме на колени.

— Нагулялась. Смотри, чтоб без последствий. До того кошки умные, прямо дивно. У нас одна жила, имя не помню. А вспомнила недавно, стали снимки кошек в газетах печатать, одна до того на нее очень похожая, может, как по родне. Таскала котят, приходилось топить, куда их? Раньше это за грех не считали, если слепыми утопить. Конечно, она переживала. И вот родила, но не в доме, а на сарае. Вижу, не стало ее дома. Прибежит, поест и убежит. Ясно, к ним. Но тут зима. Она, видно, забоялась, что замерзнут, и стала таскать в дом. Я на крыльце стою, она с котенком. Дверь ей открыла, она его под печку, и опять летит на сарай. Тащит второго. Снова под печку. Да и третьего. Да ведь опять побежала. И несет четвертого. Но этого уже под печку не сунула, оставила у порога. То ли он ей не нужен, то ли мне отдает, думает: пускай хоть одного утопят, остальных пожалеют. А как топить, когда они уже глядят, глазки открылись, все разглядывают. Нет, тут я не смогу. А жили на дворе лесхоза. Сидят мужики. Я к ним: «Не возьмет ли кто?» Один говорит: «Возьму. У нас кошки нет, а у вас кошка очень красивая». И взял. Сколько-то времени прошло, очень благодарил. Такая,

говорит, хорошая выросла. Поет громко. И дети, говорит, рады-радехоньки. Ловистая.

— Какая, какая?

— Ловистая. Хорошо мышей ловит. Да у меня и остальных трех разобрали. Так моя-то, их мать, сколь была благодарна. Все поет, поет, о ноги трется.

Переходим на другую тему.

— Всяко нас от Бога отучали, — вспоминает мама. — Милиционера ставили, чтоб от Всеношной отгоняли. На Пасху мы пошли к ночи. Идем, семь километров до Константиновки. Сколько-то не дошли, остановились как вкопанные — стоя волков. Мы в друг друга вцепились. Потом, дай Бог, ножки! В церковь. И милиционер уже ушел. Волки нас задержали, а то бы записал. В церкви как раз успели к «Христос Воскресе!». Все справили: исповедь и причастие. Батюшка спрашивает: «Не гуляешь с пареньками?» — Я вся вскинулась: «Ой нет, батюшка!». А до того, как мама учила, отвечала: «Грешна, грешна». Яйца освященные утром съели, скорлупу в карман — в грядки закопать.

На вечер мама приготовила уху — любимое блюдо отца. Да и мое тоже. Отец икает:

— Ой, хорошо: кто-то сытого помянул. Эх, уха без перца, что женщина без сердца. А помнишь, мамочка, постановку ставили. «Любовь моряка»? Я же тогда тебя разглядел.

— Тогда? Надо же. Как не помнить. Первый и последний раз на сцене играла. Играла невесту моряка. Он возвращается, и они должны поцеловаться. Я ни в какую: убейте, не буду! Так завклуб: это же понарошку. Склонитесь просто головами, и все. На сцене я и отвернулась даже. А не знала, что тятя специально пришел посмотреть. Дома говорит: «Больше чтоб в клуб ни ногой! Вот вы зачем туда ходите». — «Тятя, тятя, дак мы ведь только вид делаем». Все равно не разрешил больше. И все. Слушались родителей. Прав тятя, не прав, слушались.

— А я, — говорит отец, — сказал своему отцу: так и так, мне очень Варя Смышляева нравится. Он сразу: надо посмотреть. Взяли хорошего вина, пошли. А ты уперлась и даже и не вышла.

— А ты что думал, что прямо вся и выставлюсь. У нас строго. Когда сваты приходили, нас с Енькой в подвал прятали, чтоб Нюрку взяли, она старшая. А когда Еню в Аргыж сватали, я тоже к соседям убежала.

— С отцом твоим говорили, он на сплаве, плотогон, я лесничий. Сразу мне правильная претензия — зачем березы идет больше елки. Елка же для подплава, без нее грузоединицы тонут.

— Ну-у, — говорит мама, — тятю ты враз обаял. Говорит потом: «Молодой, а толковый. Лесничий, это ведь, по-старинному, ваше благородие». И когда поженились, все не верил, что я тебе под пару. Как это, говорит, ты его на ты называешь? Читать вслух с Колей любили. Мама спрашивает тебя: «Николай, ладно ли она читает?».

— Обратно идем, мне отец: «Видел, какие у них полы, как вышорканы, прямо светятся. Видно, что семья трудовая, надо брать».

— Да, сейчас-то полы мыть за шутку: крашенные. А раньше скребли-скребли, терли-терли, два раза споласкивали, потом насухо.

— А давай в «дурачка»! — восклицает отец. — Ходи, изба, ходи, хата, ходи, курица мохната! Дашь лозунг: началась битва за урожай.

Входит внучка:

— Деда, где мои туфли?

— Я за имя не бегаю. А ты куда наладилась?

— С Зинкой немного побыть.

— Да она, эта Зинка, такая манихвостка, — говорит бабушка. — Ее-то бабушка всегда говорит: «Наша Зинка морковна и картофельна, а Тонька у вас мясна да молочна». А кто им не давал козу хотя бы держать?

Отец тасует карты, говорит внучке:

— Закон Ома: сиди дома.

Внучка, конечно, не исполняет закон Ома, уходит. Мама продолжает:

— Кто, говорю, не давал? Козу называли сталинской коровой. На нее налог меньше. Отец, хватит уже тасовать.

— Подними.

То есть надо сдвинуть часть карт на колоде. Отец раздает карты, открывает козырную масть. Смотрит в свои карты, громко вздыхает:

— Да уж, это уж точно: жена нужна здоровая, а сестра богатая.

Сидим, играем. Отец волнуется, рассчитывает ходы. Берет карту, держит ее, думает, потом берет другую, наконец, хлопает: «Эх, здорово девки пляшут!» Или: «Кто в доме хозяин? Кто лоханку купил?». Когда маме нечем крыть, очень он доволен: «А ты говорила: купаться — купаться, а вода-то холодная!». Выкидывает козырный туз: «Эх, сколько водки ни бери, все равно два раза бегать». А когда ход мамы или мой его озадачивает, крутит головой и произносит: «Ловко в чаю плавают веревка».

Оба они, и отец, и мама, ужасно переживают, если проигрывают. Отец, проиграв, огорченно говорит:

— Меряли землю Сидор да Борис, а веревка возьми и оборвись. Один говорит: давай свяжем, а другой: а давай так и скажем.

Хватается за папиросы. Мама гонит его в коридор, к форточке в окне. Он курит:

— Конечно, дурак я. Что мне было не поверить этой цыганке, этой даме виновой, нет, высунул. Эти бабы, о-о! Владимир, не верь женскому народу, кроме матери. Мать, — возвышает он голос, — давай еще партию.

— Не все тебе умным быть, — отвечает мама из кухни, — дурачком поспишь.

— Давай тогда со мной. Один на одного, — предлагаю я.

— Давай, — радуется отец как ребенок.

Я с удовольствием проигрываю. Отец заканчивает партию именно этой дамой пик. Победно выкладывает ее с приговором: «Дама за уши драла!», — и показывает, что в руках ничего не осталось. Докладывает маме:

— Да, мамочка, старый конь борозды не испортит. — Мать, мне надо победу отметить, а сыну с горя. Может, там осталось от вчерашнего?

— Да в кои это веки у тебя оставалось? Ты ведь, пока на столе вино, из-за стола не выйдешь.

— Ну, быть молодцу не укора, — оправдывается отец.

— Ты не молодец у меня, ты — орел, — смеется мама. — Ой, нынче совсем не умеют сидеть за столом. Напьются и не басен, ни песен. Уже и с

гармошкой не ходят, повесят на шею готовую музыку, она орет, им и ладно. Вообще все съехало: чем ни дурней, тем потешней.

Отец вовсе никакой не пьяница. А сын приехал, надо со встречи принять? Как не надо, надо. А открыли бутылку, надо ее допить. Отец очень выразительно замечает: пока бутылка не распечатана, так она молчит, а если начата, она кричит. У Распутина еще интересней: «Мужики смотрели на недопитую бутылку, как на раненого зверя, которого надо добить из милосердия».

Когда меня хвалят за русский язык, я эти похвалы отношу к родителям. Они — писатели, творцы, а я записчик только. Помню, как мы сметали стог сена, а назавтра пошел дождь, и мама радостно говорила: «Ну вчера как украли день, как украли. Дотяни бы до сегодня, пропало бы сено. Пусть бы еще просушили, а уже было бы не едкое, выполосканное».

— Нынче, — говорит мама, — зимой холодильник отключала, не мучила, не гоняла, отпуск дала.

— В бархатный сезон отработает, — добавляет отец. — Да больно он чего-то в последнее время в ночную смену сердился, прямо трясучка у него, вроде как даже по кухне ходит.

— А как не сердиться — голодный. — Мама оправдывает холодильник. — Будет и у тебя трясучка, когда на все полки кефир недопитый, да сыр засохший. Мыши и те им подавятся. Да три помидорки. Ты не думай, — это мне, — не о сейчас говорю, сейчас-то куда с добром — нужду отвадили. Залезь в подполье — все банками заставлено.

— От трех помидорок две отминусуем, — решает отец. — Одна останется в плюсе. А две героической смертью умрут. Какой? Не как еда, а как закуска.

Да, уже никогда не повторится ни одно свидание с папой-мамой, никогда. Такая была радость. А ведь не понимал. Приехал — уехал. Казалось, всегда так будет. А вот они уже сами уехали.

И надо собираться ехать к ним. Тоскливо без них.

ДЕСТВИЩА

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК

*Жизнеописание блаженного
инока Владимира,
Важеозерского чудотворца*

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея
Руси Кирилла*

*Составлено по воспоминаниям
современников и их потомков.*

Составитель А. Е. Селезнев

Холодно, промозгло нынче в Петербурге. На дворе — начало марта, а весной и не пахнет. Солнца нет. Стремительно летящие по серому небу облака скрыли его, похоже, навсегда. Ветер с Финского залива пробирает до костей, сечет ледяной крупой в лицо и пытается сорвать поношенную рясу с инок, идущего ему навстречу. Словно испытывает его решимость на монашеский подвиг. Час еще не поздний, но улицы пусты. Редкий извозчик промчится с укутанным в шубу, как глубокой зимой, седоком, и снова лишь ветер и мокрый снег владеют пространством меж каменных домов северной столицы.

В такую погоду хорошо сидеть дома у теплой печки да пить горячий чай с калачами и вишневым вареньем. Кто-то так и поступает, сочувственно поглядывая в окно на идущего по улице инок. А он идет себе, нимало не заботясь ни о тепле, ни об уюте. Идет и молится, придерживая от ветра полы разлетающейся рясы и поглубже насаживая скуфейку. Одно только его беспокоит: будет ли сегодня засада.

Но сегодня вездесущие мальчишки, которых в другое время розгами домой не загнать, носа на улицу не кажут. Если б не ветер, давно бы уж дразнили инок, кричали бы ему «долгогривый» или «монах в синих штанах», кидали бы в спину снежки. И в былые времена случались подобные «потехи». Мальчишки забрасывали снежками московского юродивого Василия, обижали блаженную Ксению Петербургскую, в Великом Устюге гнали блаженного Прокопия, хотя рисковали получить дома за такие шалости хорошую выволочку. Обидеть нищего, убогого, юродивого всегда считалось на Руси делом греховным.

Только Россия 1903 года уже не та христианская страна, не то пра-

вославленное царство, в котором подвиг монашеской жизни был окружен всеобщим уважением, а святость сана, священных одежд переносилась на самих служителей алтаря. Теперь даже городской мог отвернуться от уличной сценки вроде той, которую ждал инок, не обратить внимания на не совсем безобидное баловство мальчишек. Православное по форме русское Царство переставало быть таковым в действительности — разрушался его фундамент. Расцерковление русского народа основательно закреплялось во всех сословиях всеми способами: от идей «просвещенного гуманизма» в университетах до лубочных картинок на базарах, от копеечных книжек графа Толстого для простого народа до его романов и «евангелия» для публики образованной, от бульварной прессы до зарождающегося нового вида искусства — синематографа. *Се, боле неправдою, зачат болезнь и роди беззаконие* (Пс. 7,15), — исследовал Псалмопевец анатомию греха человечества. А в России беззаконие еще только начиналось. Впереди были революционные события 1905—1907 годов, две войны, окаянные дни 1917-го, открывшие, как ворота водосброса, реки крови. Но уже в 1903 году избрание монашеского пути было выбором добровольного, пока еще бескровного мученичества.

Монаху начала XX века приходилось терпеть не только обычные испытания холодом и зноем, голодом и болезнями, отсутствием покоя и искушениями наступающего со всех сторон мира, но и отчуждением собственного народа. Утрата благочестия в миру становилась фоном общественной, или, как тогда говорили, публичной жизни России. Православная вера по-прежнему оставалась государственной религией, но сама государственная власть постепенно утрачивала свой авторитет, сдавая одну позицию за другой. Страна все более походила на несчастную семью, прежде благополучную и богатую, счастьем которой позавидовал враг. Возбуждая между собой вражду братьев, подзуживая сестер против отца, который, якобы держит их под замком только ради собственной корысти, враг сумел добиться главного — он остудил их сердца и лишил любви, скрепляющей семью. И вот уже народ, недавний богоносец, стал народом-богоборцем.

Но были, были еще боголюбцы в России, и немало.

В тот мартовский день инок возвращался на подворье монастыря, к которому был приписан. Собственно, иноком он еще не был, пострига над ним пока не произошло; этот уже немолодой человек был лишь послушником, но имел право ходить в монашеской одежде. Посторонним же такая тонкость была лишней, он и в гражданской одежде выглядел всегда церковно: монах и монах. Роста он был высокого, с густой черной длинной бородой, поэтому для мальчишек на дороге к подворью, хорошо ими «пристрелянной», он в любом виде оставался живой мишенью. Перепадало там не только блаженному иноку, хотя насмешки, снежки, плевки и даже камни ему-то были давно не в диковинку. К ним он... нет, не привык. Боль от ударов он ощущал, как любой другой человек, он привык не к ней, он привык ее терпеть. Сколько раз приходилось ему прятаться за эту броню. Но сегодня...

Сегодня на нем монашеское облачение, которого он так долго ждал. Одет-то он был в старую, с чужого плеча выношенную рясу и потертую скуфейку, но чувствовал себя так, как, наверное, не всякий принц крови в царском плаще, подбитом горностаем. Целых 20 лет вымаливал он у Бога право ношения этих одежд и лишь недавно получил, а сегодня у него было послушание за монастырскими воротами, сегодня он впервые показался на

людях в новом качестве, в сиянии равноангельского зрака. И эти блистающие ризы подвергать опасности быть запачканными грязным снегом в первый же день?

* * *

Инока звали Владимиром. Родился он в 1862 году в Луге, маленьком уездном городке, затеряншемся между Псковом и Санкт-Петербургом. По понятиям людей столичных, Луга была меньше чем ничто, хотя и возникла по примеру Петербурга «не из казенного селения, а на пустопорожном месте». В 1777 году Екатерина II повелела быть новому граду при слиянии рек Вревки и Луги. Строился он в соответствии с классической традицией планировки: большая прямоугольная площадь в центре города в окружении каменных построек — здания уездной управы, торговых лавок, соборной церкви. Был даже царский дворец, правда, деревянный, построенный на случай проезда августейших особ через Лугу. Но недостаток средств, пожары, весенние разливы, «делающие городскому фасаду безобразие», вносили свои коррективы в его развитие, и мирская слава Луги не коснулась.

В начале XIX века ее помянул Пушкин:

*Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете...*

Шестьдесят лет спустя Лугу почтил вниманием другой поэт, Надсон, правда, словом прозаическим. Писал он так: «Луга — небольшой уездный городок; если считать там каменные здания, то едва ли наберется пять. Тротуар не вымощен и поэтому весной ужасная грязь... Одна аптека, две гостиницы и трактир — вот здания, которые бросаются в глаза».

Унылый пейзаж, взгляд постороннего человека, не знающего жизни изнутри. К его наблюдениям можно было бы добавить, что главное строение города — соборный храм, на тот момент был «истинно скудного вида, без купола, с очень малою некрасивою колокольнею, всего с двумя окнами... темный, мрачный, неудобный, к тому же в стиле лютеранских храмов». Так писали в воззвании о необходимости строительства новой церкви в Луге. Только Надсону, возможно, посчитавшему храм среди прочих каменных зданий, было, кажется, не до церквей. В то время его лира тем духовных избегала.

Зато лужане Бога чтили. В чем смысл жизни, они знали и не смущались ни весенней распутицей, ни отсутствием каменных зданий. Здесь жили церковными праздниками, традициями Православного мира, крепкой верой и упованием на милость Божию. В XIX веке невоспетая Луга еще хранила патриархальный уклад, свойственный уездным городкам провинциальной России.

С XV века в этих краях особо чтили святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Тогда на острове в Черемнецком озере явилась его икона, позднее прославившаяся многочисленными чудесами. Потом здесь основали монастырь, и когда монаршей волей недалеко появился новый

город, обыватели его, конечно, поклонялись чудотворному образу. С середины XIX века икону каждый год износили с Крестным ходом, освящая окрестности и саму Лугу. Икона была огромных размеров, и носить ее было непросто. Шестеро крепких мужчин, сменяясь, несли на перекинутых через шею полотенцах особые носилки, на которых она была установлена. Желавшие наперебой рвались подставить ей плечо хоть на малую часть пути. Тысячи богомольцев во главе с духовенством пели доро́гой акафисты, славословия, медленно шли за иконой, обходили город и вносили ее в собор, где она пребывала 3—4 дня. Все это время перед ней возносились слезные молитвы и сердечные воздыхания лужан, раздавались беззвучные жалобы и просьбы к апостолу, верному ходатаю за них перед Богом. Потом тем же порядком шли обратно, по пути вбирая в себя Крестные ходы близких и дальних сел и погостов. В канун престольного праздника¹, ко всенощной, образ возвращался в монастырь.

Торжества эти были не единственными в лужских землях. Грандиозные шествия совершались из Луги в Феофилову Омучскую пустынь, в Воскресенско-Покровский женский монастырь, в Малую Печорку и были подлинно всенародными, настоящими праздниками, наполняющими ликованием христианскую душу. Вся Луга принимала в них участие, значит, и мещане Алексей и Екатерина Алексеевы. Они поклонялись святым образам, бывали в близких обителях, да не вдвоем, а с детьми, и милость Божия напояла их души.

Так жила православная Россия, так хранила благочестие, воспитывала боголюбивых потомков, светильников Церкви земной и Небесной. Только и враг не дремал.

¹ 7 мая ст. ст.

ПРОЗА

Дмитрий ВОЛОДИХИН

САМОЙЛО ЗВОН

Дмитрий Михайлович Володихин — доктор исторических наук, член Союза писателей России, профессор исторического факультета МГУ. Родился в 1969 году. Автор 11 романов и 20 монографий. Сотрудничал с журналами «Москва», «Наш современник», «Свой», «Фома», «Если», «Знамя», «Родина», «Русский дом». Лауреат Президентской премии в сфере образования, Макариевской премии, кавалер Карамзинского креста. **Живет в Москве.**

Жил в земле Новгородской человек по имени Самойло Звон.

Родился он на Пасху в лето Седьмотысячно. Как только первый крик младенческий послал он небу, так во храмах ударили к праздничной службе на Воскресение Христово. Оттого-то Звоном его и прозвали.

Книжные люди новгородчи баяли: немилостив к нему Господь! На муку-де послал ребеночка, доброго-то ничего не увидит, одне страдания ждут его. Ведь как источилась седьмая тысяча лет, так Страшному суду быть, верно во древних книгах пишут! Конец света при дверех.

Однако явился святого жития один человек и рассудил инако: «Писаний много на свете, а не все священные суть. Не ведаем, к чему Бог послал ребеночка, не ведаем, милостив ли к нему или немилостив. Замкнем уста ныне, братие! Ум наш слаб». Вольные мужи новгородчи мало не передрались тогда: нравом резвы, спорить любят...

Конец света, сколь его ни ждали, а не пришел. Должно быть, Богородица отмолила со святым Николой-скорпомощником: сжалился Бог над родом людским, дал ему на исправление еще лет чetyреста, а иные говорят — пять сотен.

Возрастая, горькой похлебки полынной сполна наглотался Самойло. Был он тощ, словно щепань лучинная, и за то дразнила его прочая ребятня. А он бился со всеми нещадно, то один на один, то противу двоих, а то и с троими враз. Однажды, еще отроком, подрался с чetyрьмя здоровыми рыбаками с Белого озера, а нет на свете людей грубее рыбака. Отходили Самойлу Звона так, что ни сесть и не лечь он не мог два дня. Рыбари промеж себя усмехались: не Звон-де, а Порох чистый, от простого погляду вспыхивает. Прозвище новое, однако, к Самойле не пристало.

Почернел с лица Звон, отощал совсем уж до нелепицы, злобен сделался. А был сам из ремесленников, что варили соль на продажу, и дал ему Бог достаток. Соль-то всегда в цене. Но ни одна девица замуж за него не шла. Боялись: сухой, как бес, да огонь у него в очах, да кулачищи быстры — прибьет! Не человек — волчище. Разом уходит жонку свою и не помиосердует нимало. Может, изуечит ишшо.

Отправился как-то Самойло в лес по грибы, да вдруг нашла на него блажь: раз ни от кого нет к нему ни добра, ни ласки, ино пора бы и совсем пропасть! Люто осерчал на злой люд, что ему покоя не давал. Побрел без разбору, куда глаза глядят. Долго шатался меж чащоб. Обеспутел. Уже и не признает мест, куда завела его нелегкая.

Набрел на старую деревню мертвую, уже и дома в землю вросли, и колодезь ослеп, и церковка елями проросла. А остался целехонек только малый срубец, что в давнюю пору ставили над могилками. Сел у срубца Самойло Звон, да и понял, какая ему судьба уготована: ляжет во сырую землю, так обратно не подымется.

Сей же час отлетела от него блажь, и восплакал: «Боже, Боже, спаси меня! Не работал тебе прежде, ныне же сделаюсь смирен и молитвен, ниже с кем на кулачки выйду. Над грешным рабом Твоим смилуйся! Что за жизнь у меня вышла: тут пусто и там пусто, одна только драка да злость. Выведи меня отсюда, Господи, я переменюсь».

И тут слышит он: где-нито колокол звенит. Кабыть с той стороны? Али с этой... Ну-кося, пойдем, пойдем на звон.

Так на звон-то и вышел к погосту Каменному. Возрадовался, и седмицею позже отдал на подворье славной Соловецкой обители коня бурого — во благодаренье Богу.

Перемениться же ему никак не выходило. Звон колокольный полюбил пуще пирогов с белорыбицей. Ходил по всякий праздничный день чрез весь славный Новгород, слушал, где звучит сладнее. Говорил, тут и там, что звоном от гибели спасен, и, зная, не просто так под звон-то и родился, уготовал ему в звонах Господь какой-то смысл, притчу и понятие. Люд же языкатый, мужи новгородчи, всё в охулку пускали: звоном спасен, ино соделайся пономарем, а то поюродствуй, может, звоном прямо на небо подымесся! Где тут взяться душевному устроению? Самойло раз стерпел и другой стерпел — Богу же обетовал смиряться! А потом оттрепал купчину-бражника за злое слово. Граждане глядят на него да похваливают: «Удал, удал! Экого здоровяка уложил с трех ударов». А Самойле тошно. Иное мыслил про себя, иное Богу говорил.

Решил он удалиться в чащу и в дебрь. Пошел встреч светилу дневному и достиг большой деревни Бросачовой Емецкого стана, что на Двине. Тут устроился без препон, и горестей не знал.

Только скушно ему соделалось. Где в его судьбине смысл, притча и понятие? Чем работает он Богу, oprичь утреннего правила и вечернего? Поле души его впусе лежит, ни которого там нет божественного пения, и серафимы крылами не плещут, и ангелы очей не кажут. Целина, плугом не тронута!

Принялся Самойло бродить по окрестностям, моля Бога дать ему знак: куда повернуть ныне?

По вечерней поре вышел как-то на Михайлово озеро, что рыбой кипит. Темень спустилась, совы над тропой на ветвях уселись, то одна, то

другая вниз слетают и лягушек когтями цапают. Лось в лесу пошумливает, гнус-мошку от себя отгоняет. Рысь повольно ходит. Не обывк тут зверь к человеку, не боится его нимало.

В деревьях тишь. Ни огонька, ни дыму, ни духа людского...

И вот слышит Самойло: над водою нибыдто звук поплыл — дальний колокол великий ударил. Вдругорядь пронесся звон, ближе. И третьего раза зазвучало, совсем уж рядом. Где ж колоколенка?

А вон там, по всему, на островке, средь волн озерных. Оттуда доносится! И пение вместе с тем церковное... Только деревни там нет и храма нет, и колокола, стало быть, тоже нет. То ли чудо Божье, то ли лукавство бесовское: невидимый оку колокол бьет и бьет, сладок и протягновенен глас его.

Ну да бесям тут делать нечего: всякий знает, что от гуда колокольного у них корчи делаются и расслабление. Видно, нечто небесное творится, токмо сокрытую правду сего знамения никак невозможно уразуметь.

Стал Самойло похаживать тут и там близ Михайловского озера. Искал, к чему тот знак ему Господень явлен.

Раз увидел монахов на берегу речки Сии. Стояли они на коленях и молитвенно простирали руки к Богу. Наставником был у них новгородич Андрей, что принял со иноческим постригом имя Антоний, его Самойло и прежде немного знал. А с Антонием явилось малое стадце словесное — шесть братьев-инок, онежан и двинцев: Александро, Иоаким, Исаия, Елисей, Иона, да Александро-младший.

Пришел к Антонию Самойло и встал под благословение. А благословившись, поведал о ночном звоне колокольном и спросил разъяснения. Тут ему Антоний-то и молвил: «Сам Бог тебя сюда привел».

Искали иноки место тихое для новой обители. Со старого-то места согнали их емчане из деревни из Скоботовой, не захотели давать инокам земли. А тут — покой, глушь. Да еще сам Господь указывает перстом, где обитель ставить. Чего ж еще?

Вспрашивал Самойло Антония, отчего Бог чрез него, человека неистово гневного, явил чудо, а не чрез истинного праведника. И Антоний говорил ему: «То тебе за смирение».

И всякий окрест узнал тогда Самойлу Звона, и был ему почет, что он слышал невидимый колокол, а никто иной не слышал.

Устроил Антоний стадце свое невеликое с простором. В ту пору земли полунощные едва дым печной знали, от деревни до деревни — длинные версты, от обители до обители — дни езде. Вот как-то решили в земле Белозерской две обители разделить Сороярьские леса. Поговоря промеж собою, послал игумен Кириллова монастыря Касьян старца Савву, а игумен Фарафонтова монастыря послал старца Арсенья. Пошли они навстречу друг другу, ни деревень не встречая, ни великих сел, ни малых починков. Шли старцы долго, утомились. А встретившись, развели себе межью: от Микшина озерка на устье Черной речки, а с устья Черной речки — на первь овраг, и по перьвому оврагу прямо в гору, и через великие мхи прямо на покляпую ель, а от покляпой ели ко грановитой сосне, а от сосны на мошок, а с мошка долком к великому бору, что подле кургана. Иных межей там от веку не бывало, ибо люд русский не селился. Ни соха там не ходила, ни коса, ни топор.

Такожде и близ Михайлова озера — места тихие и пустые. Иноки там лес валили, землю копали, злаки сеяли себе на пропитание. Установил Ан-

тоний крепкое иноческое житие: трапезовали вместе, много молились, работали, не покладая рук, все, что имели, разделяли поровну. Три года жили всемером, никто не ушел. Питались от трудов своих, постом Богу угождая, скудость со благодарением терпя. Самойло же, бывало, им хлеба привозил.

Срубила себе братия малые келейки, а Богу — Троицкий храм дивный, о пяти венцах. Расписал его в лицах богомаз из славной Ошевенской обители.

Родовались иноки храму, радовался и Самойло Звон. Одна туга мучила его. Явился он раз к Антонию и допытался: «Отцего пение в черкве есть, а звона по сию пору нет? Слышал я тогда над водами звон колокольный, а у тебя, отце, колокола не завелось, билом братию на службы скликаешь». Отвечал Антоний: «Дорог колокол. Не имеем столько серебра, чтобы купить его».

По грехом несчастье случилось. Однажды после заутрени забыл пономарь свечи в храме погасить. Братия же со Антонием отошла на сенокос. Загорелась церковь, да некому тушить. Разбушевался пожар, и спалило храм огнем великим до тла. Едина икона святой Живоначальной Троицы чудом от пламени спасена была.

Возрыдал Антоний. Братия смутилась и чуть не разошлась. «Не оставил ли Бог место сие? Многая скорбь сюда пришла...» — роптали иноки.

Но Антоний вскоре вооружил их упованием на Господа и велел ставить новый храм, больше прежнего. Братия его, хотя и со скрежетом зубовым, а все же взялась за плотницкие топоры.

Опять явился Самойло ко игумену. «Отцего, Антоние, храм-то сгорел?» Ответчено ему: «Грехи наши — что пена морская. Грешим по всякий день обильно, безумно и страшно. Ленивы на молитву, излиху праздны, да к тому и горделивы, словно древние цари персидские. Живем как скот, из нечистот своих не вылезаем, не имеем слез для покаяния, не имеем в сердце сокрушения. Как же Богу не попустить нам такой беды? Скверны мы все, а я более всех! Лучшего не достойны». Подумал Самойло и не согласился: «Антоние, в обители твоей жизнь сильная, уставы нерушимы, средь братии взаимная любовь и к Богу почитание нелицемерное. Но колоколов ты в монастыре своем не устроил, вот Господь и гневен на тебя». Игумен против того не спорит: «Есть на мне и такой грех. Да не вижу, как выправить его. Бедна обитель-то». Самойло отвечает ему с торжеством и ликованием: «Антоние! Молю тебя, постриги меня, коли я добуду тебе колокол! Нет мне удела в миру, один я как перст. Хочу с вами веселиться о Христе. Пусти меня в обитель!»

Антоний подумал немного и дал ему благословение: «Добывай! Будет с тобой, как хочешь».

Самойло же с радостию продал дом свой — хоромину великую, еще всю скотину продал, какую имел. Владел амбаром соляным, цренами для варения соли же да справным кочем. Инде кому коч отдал, инде кому амбар со цренами, а сам остался гол. Серебра отовсюду взял точию столько, сколько вологодские литцы с него потребовали: за работу и провоз.

Доставил Самойло Звон большой колокол до самой до честной обители. В один день колокол взгромоздили на колоколенку, а Самойлу постригли во иноки.

Как ударили к вечерней службе, так сел Самойло Звон наземь, осенился крестным знаменiem и помер. Толико успел сказать: «Сладкозвучно...»

Лицо Самойлы в смертном сне от забот и тревог расправилось, как пашня, снегом укрытая; видели в нем иноки покой и счастье. Никакого горя не осталось ни на челе, ни на устах, ни в очах, одна чистота да ровность.

Похоронили его в ограде монастырской: пускай всего час побыл во иноках, а все же сана святого удостоен.

Говорила о нем братия: «Милостив к Самойле Господь! Красно судьбу его устроил. Под звон колокольный на свет появился, им же от гибели спасся, от него же прославился, его же заслышав, упокоился. Кому жизнь досталась краше? Разве только святым угодникам».

ВЫШЛА КНИГА

Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников / Составление, предисловие, примечания А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 608 с.

В книге собраны воспоминания современников о великом русском мыслителе, философе, писателе-славянофиле Алексее Степановиче Хомякове (1804–1860), ставшего духовным светочем для многих поколений русских людей. В своих трудах Хомяков говорит о коренном различии путей России и Запада, раскрывает самобытные начала русского народа. Хомяков доказывает, что Православие через Россию может привести к перестройке всей системы мировой культуры и хозяйства. История призывает Россию встать впереди всемирного просвещения, — история дает ей право на это за всесторонность и полноту русских начал. У Хомякова было очень глубокое сознание не только особого пути России, но и всемирной задачи России. Эта всемирная задача состоит в том, чтобы освободить человечество от того одностороннего и ложного развития, которое получила история под влиянием Запада.

Пути ПОЗНАНИЯ

Наталья
ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА

ИЗ ФРАНЦИИ С НЕЛЮБОВЬЮ

*заметки об идеологических
нюансах в современных
французских словарях*

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина — доктор филологических наук, профессор, автор около двухсот научных публикаций. Профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова. **Живет в Москве.**

Мы обращаемся к словарям в том случае, когда ищем какую-то информацию о том или ином слове — его значение, то, как оно употребляется в речи, как пишется или произносится. Из всех типов лингвистических словарей основным считается толковый словарь, в котором описываются, истолковываются значения слов. Такие словари (как правило, однотомные) существуют в разных странах, а в России и за ее пределами самыми известными среди них являются «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Мы говорим «надо посмотреть у Ожегова», потому что надеемся найти в этих словарях объективную информацию.

Объективность, к которой лексикографу необходимо, по крайней мере, стремиться, является одной из составляющих научности современной лексикографии. Именно это утверждал еще в 1950 г. выдающийся испанский филолог Хулио Касарес¹: «Лексикограф <...> призван войти в состав обученного штата, задачей которого является составление современного словаря на научной основе. Такой лексикограф не обидится, если мы ему посоветуем быть постоянно начеку и следить за своим пером, пресекая всевозможные проявления своей личности, начиная с индивидуальной манеры выражения, т. е. со стиля, и кончая обнаружением своих симпатий и антипатий, политических взглядов, философских и религиозных убеждений и т. п. Только при этом условии <...> это произведение будет принято читателями как плод честного, серьезного и **беспристрастного** исследова-

¹ Касарес Х. Введение в современную лексикографию: пер. с исп. Н. Д. Арутюновой. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 159–160.

ния. Более того, нашему лексикографу не дозволено даже прочно укрепиться на том клочке земли, где он живет, и ограничить им свой кругозор. <...> нужно позаботиться о том, чтобы определения были правильными, на какой бы широте их ни читали <...>. Такой подход, по нашему мнению, должен исключить не только тенденциозные искажения, но также всевозможные личные домыслы, даже если они продиктованы не злым умыслом, а только желанием блеснуть остроумием».

Как известно, Франция обладает высокой культурой лексикографии¹, созданные там словари французского языка использовались и используются не только во франкоязычных странах, но и везде, где изучается и преподается язык этой страны, в том числе и в России. Отношение французов к своему языку как к национальному достоянию обусловило важное место словаря в культурной и общественной жизни самой Франции, что сформулировано известным французским семиотиком и литературоведом Роланом Бартом так: «À ces fonctions, philosophiques et poétiques, il faut ajouter le rôle éclatant que le dictionnaire joue au sein d'une société historiquement définie, telle la nôtre. Sous des formes diverses, le dictionnaire a été mêlé, en France, aux grands combats d'idées. Né au XVIe siècle <...>, il a accompagné d'une façon dynamique, parfois militante, la conquête d'un esprit d'objectivité et par la même de tolérance <...>»². К этим философским и поэтическим функциям необходимо добавить ту роль, которую играет словарь внутри такого исторически сложившегося общества как наше. В разных формах словарь участвовал в великих идейных баталиях во Франции. Родившись в XVI веке <...>, активно и иногда вступая в борьбу, он способствовал победе объективности и тем самым толерантности <...>³. Французские лингвисты пишут о том, что словарь является ответом лексикографа на вопросы, которые общество ему задает, — ведь именно создающий словарь лексикограф служит гарантом нормы и знания, которыми само общество обладает лишь фрагментарно, причем ответы, которые даются словарем, являются не просто информацией, а указанием, которое надо выполнять⁴. Словари рассказывают не только о языке, но и о самом человеке, т. е. об определенном типе культуры, они позволяют людям осознать свою принадлежность к одной и той же культуре⁵.

Рассмотрим некоторые словарные статьи⁶ в одном из авторитетнейших, постоянно с 1967 г. издающихся французских однотомных толковых слова-

¹ «Лексикография (от греч. *lexikós* — относящийся к слову и *gráphō* — пишу), раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей» // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 258).

² *Barthes R. Préface // Dictionnaire Hachette. Langue. Encyclopédie. Noms propres. Paris: Hachette, 1980. P. VII.*

³ Здесь и далее переводы сделаны автором статьи.

⁴ *Dubois J. & Dubois Cl. Introduction à la lexicographie: Le dictionnaire. Paris, Librairie Larousse, 1971. P. 49–50.*

⁵ *Girardin Ch. Contenu, usage social et interdits dans le dictionnaire // Langue française, 1971, N 43. P. 84.*

⁶ «При алфавитном расположении слов в словаре каждое отдельное слово имеет свою словарную статью, т. е. последовательное описание значения или значений слова, его грамматических характеристик, сопровождаемое стилистическими пометами <...> примерами употребления слова в речи» (*Крысин Л. П.* Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Лексикография. М.: Издательский центр «Академия», 2009. С. 188).

рей «Малый Робер» за 2001 и 2012 годы¹ и, прежде всего, представленное здесь описание значения таких глаголов, как *russifier* ‘русифицировать’, *américaniser* ‘американизировать’, *angliciser* ‘придавать английский облик’, *franciser* ‘офранцузивать’, *germaniser* ‘онемечивать’:

angliciser «Donner un caractère, un aspect anglais [à qqn ou qqch]» ‘придавать английский облик, вид кому-то или чему-то’; *américaniser* «Revêtir, marquer d’un caractère américain» ‘приобретать, обнаруживать американский облик’; *franciser* «Revêtir d’un caractère français» ‘приобретать французский облик’; *germaniser* «Rendre germanique; imposer le caractère germanique à» ‘сделать немецким; навязать немецкий облик’; *russifier* «Rendre russe; imposer le caractère, les mœurs, les institutions russes à» ‘сделать русским; навязать русский облик, русские нравы и обычаи, русские социальные институты’, «Rendre russe; imposer la langue, les mœurs, les institutions russes» ‘сделать русским; навязать русский язык, русские нравы и обычаи, русские социальные институты’.

Как свидетельствуют эти словарные статьи, французские лексикографы толкуют значения перечисленных глаголов (которые образуются с помощью суффиксов *-is-*, *-ifi-*, имеющих одинаковое значение ‘приведение в состояние, на которое указывает словообразовательная основа’) по-разному. С их точки зрения, действия, называемые глаголами *russifier*, *germaniser*, носят насильственный характер — об этом говорит использование в толковании (т. е. в объяснении значения) глагола *imposer* ‘навязать (обычно силой)’. Что же касается действий, называемых глаголами *angliciser*, *américaniser*, *franciser*, то, судя по употребленным при их описании словам, с точки зрения составителей словарей эти действия такого характера не имеют.

Приведем еще два примера отражения идеологии авторов словаря в словарной статье. Толкование в «Малом Робере» слов *russophile* ‘русофил’, *anglophile* ‘англофил’, *germanophile* ‘германофил’, *francophile* ‘франкофил’ также выявляет неодинаковость отношения лексикографов к этим феноменам — у слов *francophile* и *germanophile* есть значение ‘любовь’, а у слов *anglophile* и *russophile* присутствуют лишь ‘симпатия’ и ‘расположенность’:

francophile «Qui aime la France et les Français, soutient la politique française» ‘кто любит Францию и французов, поддерживает французскую политику’, «Qui aime la France et les Français, la culture française» ‘кто любит Францию и французов, французскую культуру’; *germanophile* «Qui aime les Allemands» ‘кто любит немцев’; *russophile* «Qui est favorable aux Russes, à la Russie» ‘кто расположен к русским, к России’; *anglophile* «Qui a ou marque de la sympathie pour les Anglais (spécialt. en politique)» ‘кто имеет или обнаруживает симпатию к англичанам (особенно в политике)’.

В «Малом Робере» по-разному толкуются также и слова *anglophobe* ‘англофоб’, *francophobe* ‘франкофоб’, *germanophobe* ‘германофоб’, *russophobe* ‘русофоб’ — с точки зрения авторов словаря оттенок значения ‘отвращение’ есть у слов *anglophobe*, *germanophobe*, *russophobe*, тогда как у слова *francophobe* присутствует лишь ‘враждебность’: *anglophobe* «Qui déteste les Anglais» ‘кто питает отвращение к англичанам’; *germanophobe* «Qui déteste les Allemands» ‘кто питает отвращение к немцам’; *russophobe* «Qui déteste les

¹ *Le Petit Robert*. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition millésime 2012. P.: Le Robert, 2012. 2837 p.; *Le nouveau Petit Robert*. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. P.: Dictionnaires Robert, 2001. 2843 p.

Russes, la Russie, sa politique» ‘кто питает отвращение к русским, России, ее политике’; francophobe «Hostile à la France et aux Français» ‘кто враждебен по отношению к Франции и французам’.

В изданном в 2005 г. огромном, содержащем более семи тысяч страниц четырехтомном «Словаре культуры на французском языке» Алена Рея¹ приведены практически такие же толкования перечисленных выше слов, а слово *russophile* получило именно здесь многозначительную помету *rare* ‘редко употребляемое (слово)’.

Идеология французских лексикографов обнаруживается также и в дефинициях статьи *orthodoxie* — авторы словарей «не заметили» существования в современном мире (в том числе и во Франции) *Orthodoxie*, Православия, хотя в этих словарях есть, например, статьи о католицизме, протестантизме...

Идеологизированный характер носят и некоторые примеры употребления слов, несмотря на то, что в предисловии лексикографы «Малого Робера» стремятся убедить читателя в обдуманности выбора цитат-иллюстраций: «<...> la seule limite de l'incongruité d'une citation, c'est le choix raisonnable du lexicographe <...>»² ‘лишь обдуманный выбор лексикографа обуславливает уместность цитаты <...>’. Однако анализ характера этого выбора иногда приводит в недоумение. Так, на слово *bolchevik* и его сокращенную форму *bolcho* дается следующая иллюстрация: «Les bolchos et les fachos» ‘большевики и фашисты’ (интересно, что в «Малом Робере» 1977 г. подобной иллюстрации еще нет). Небесполезно сравнить этот пример с цитатой из текста французского литературоведа и литературного критика XIX в. Сент-Бева, которая приведена в статье на слово *franciser* ‘офранцузивать’ и которую, несомненно, приятно читать французам: «“On en était venu à tout franciser, sentiments et costumes” Sainte-Beuve»³ ‘Дошли до того, что начали все офранцузивать, чувства и наряды» Сент-Бев’.

А как отражены в «Словаре культуры на французском языке» Алена Рея русские реалии, т. е. «слова, обозначающие предметы, понятия или ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке»⁴? Включение/невключение в этот современный словарь тех или иных русских реалий заставляет задать вопрос о том, каким представлением о России руководствовались создатели данного труда. Так, в словаре фигурируют, в частности, такие слова, как *apparatchik*, *balalaïka*, *barzoï*, *bélouga/béluga*, *blini*, *boyard*, *cosaque*, *glasnost*, *datcha*, *douma*, *isba*, *kacha*, *knout*, *knouter* ‘бить кнутом’, *kolkhoze*, *kolkhozien*, *komintern*, *komsomol*, *kopeck*, *kvas/kwas*, *moujik*, *perestroïka*, *pirojki*, *pope*, *rouble*, *soviet*, *staroste*, *steppe*, *steppique* ‘степной’, *starlet* ‘степлядь’, *taïga*, *tundra*, *tsar* = *czar*, *tsarevitch* = *czarevitch*, *tsarine* = *czarine*, *troïka*, *ukase/oukase*, *verste*, *zakouski*, *zemstvo*, *vodka*. Как представ-

¹ Dictionnaire culturel en langue française. T. I A-Détisser, t. II Détonnant-Légumineux, t. III Lehm-Réajuster, t. IV Réal-Z / Sous la direction de Alain Rey, direction éditoriale Danièle Morvan. — Paris : Dictionnaires Le Robert, 2005.

² *Le Petit Robert*. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition millésime 2012. P.: Le Robert, 2012. 2837 p.; *Le nouveau Petit Robert*. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. P.: Dictionnaires Robert, 2012. P. XXI.

³ Там же. P. 1069.

⁴ *Бархударов Л. С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. С. 95.

ляется, рассмотрение этого списка позволяет согласиться с К. де Лопер, которая в 2013 г. написала в своей книге: «Образ России по-прежнему формируется из штампов: мужики, водка, таинственная славянская душа, круглощекие белокурые красавицы и печально-страстный темперамент, выраженный в неизменных цыганских песнях»¹. Присутствие в словаре Алена Рея слов *glasnost* и *perestroïka* вряд ли что-либо меняет... Многие из отмеченного выше можно найти и в других словарях, выходящих в издательстве «Ле Робер» — в частности, в неоднократно издававшемся многотомном «Большом Робере»...

Сами французские лингвисты открыто пишут о том, что словари являются индикатором любых изменений общества. Давая идеологически окрашенное описание слова, толковые словари тем самым не только сразу отражают господствующую идеологию, но и навязывают ее читателю², причем толкования идеологически отмеченных или содержащих ценностные суждения слов изменяются в соответствии с изменениями в общественной идеологии, языковые факты обычно фильтруются, создатель словаря что-то убирает, выделяет, выбирает, комментирует: «<...> l'article de dictionnaire pris dans sa globalité est un artefact spécifique, construit par une pratique et répondant à la fois à des objectifs économiques et culturelles <...>»³ 'взятая в целом словарная статья — специфический артефакт, сконструированный определенным образом и удовлетворяющий экономические и культурные запросы общества', а отобранные примеры (в том числе и цитаты) с очевидностью демонстрируют или обнаруживают взгляды автора и его идеологию.

По поводу упомянутых нами идеологических нюансов во французских толковых словарях можно вспомнить еще одно высказывание Хулио Касареса: «Следить за своим пером» лексикографу необходимо в том случае, когда он «стоит на точке зрения наблюдателя, изучающего слова, чтобы затем передать нам свою индивидуальную реакцию, вызываемую ими <...>». Лексикография этого типа, стремящаяся к созданию лексической панорамы, обозреваемой сквозь призму индивидуального темперамента, — имеет свою привлекательную сторону. Правда, подобные словари не позволяют нам узнать значения слов и их оценку языковым коллективом, т. е. то, как слова представляются большинству говорящих на данном языке в определенный момент, но они обеспечивают нам глубокое проникновение в психологию лексикографа»⁴.

¹ Овчаренко А. Ю. Понять великий народ. De Loeper C. Vivre et travailler avec les Russes. Petites idées pour approcher un grand peuple. Paris: L'Harmattan, 2013. 309 p. // Русский язык за рубежом. 2014. № 3. С. 106.

² Buzon Ch. Dictionnaire, langue, discours, idéologie // Langue française, 1971. N 43. P. 44.

³ Buzon Ch. Op. cit. P. 38.

⁴ Касарес Х. Введение в современную лексикографию: пер. с исп. Н. Д. Арутюновой. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 163.

Михаил ЗАРУБИН

КРОВНЫЕ БРАТЯ*

Повесть

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России, Почетный архитектор России, Почетный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*Продолжение, начало в № 4 2015 г.

Закатилось лето, уже осень напминала о себе ночными заморозками. Днем тепло, но как-то грустно, печально, появились новые запахи, деревья сбрасывают разноцветную листву. Летняя жара обожгла листья, стволы потемнели от жгучих лучей, но все же деревья выстояли, не засохли. Сейчас готовились ко сну. У птиц свои заботы: кто-то собирается в дорогу, кто-то, отъевшись за лето, готовится зимовать здесь, а молодые пташки озорничают, веселятся, порхают с ветки на ветку, дерутся. Они еще не знают, что такое зима, и не ждут от нее беды, горя. Еще видны пчелы, полет их тяжел, гудение слышно издалека, но все реже и тише. Небо — пронзительно голубое, высокое. Вот пробежала туча, и праздничная осенняя акварель сменила свои яркие краски на холодные и угрюмые. Пронесло тучу — и опять солнце, и так целый день. Ночью подмораживает.

Грустно — истаивает теплое лето. Еще чуть-чуть, и солнце будет редкостью, по утрам все затянет туманом, лужи покроются тонким ледком, и полетят к земле серебряные звездочки-снежинки, и ветки тальника опухнут иней.

В один из таких дней поздней осени Иван ехал в Междуреченск, чтобы сняться с военного учета. Оставалось несколько дней до конца практики. Мысли его были далеко, в родном городе. Колеса стучали на стыках, словно выбивали слова: до-мой, до-мой, до-мой, до-мой... Все, что они увидели здесь, чему научились — скоро останется позади. Они узнали жизнь с другой стороны. С Иваном ночевал в одном купе механик. Именно ночевал, появлялся только на ночь, а с раннего утра исчезал. И даже в выходной день где-то пропадал.

— Такие места, как у нас, есть вокруг многих больших городов, — любил повторять механик, — я называю их «планетами сто один». Живут там люди, которым запрещено селиться ближе ста километров к городу, — и добавлял: — В нашей стране три группы: первая сидит в тюрьмах и лагерях, вторая готовится к посадке, а третья вышла на время передохнуть.

Иван не соглашался с механиком, хотя и не возражал. У бывших зеков много обид, и в этих словах сквозила обида.

Иван не причислял себя ни к одной из таких групп. Механик улыбался:

— А это не тебе решать. Господь Бог определяет и распределяет. У тебя еще вся жизнь впереди...

Иван не хотел думать об этом, но мысли не давали покоя. Трудно было согласиться с соседом. Да, вся жизнь впереди. А разве у механика было иначе? Разве у сорокалетнего здорового мужика не было своих радостей и желания жить по-людски? Разве он еще во младенчестве стал готовить себя к преступлениям?

В военкомате было много парней, заканчивалась призывная пора. Кое-как он пробился к своему окошечку, подал документы. Ждал долго. Вдруг услышал:

— Карнаухов!

Стал озираться на крик, и тут кто-то крикнул еще громче:

— Иван! Карнаухов!

Иван крикнул в ответ:

— Я здесь!

Перед ним расступились, и он оказался перед пожилым майором.

— Сколько можно кричать? — незлобиво, устало сказал майор. — Зайди.

Иван зашел в комнату, ему показали графу в толстом журнале, где записаться, и отдали военный билет.

— Я свободен? — спросил он.

— Свободен, — махнул рукой майор.

Снова пробился через толпу призывников в коридоре и вышел на крыльцо, с удовольствием вдыхая свежий воздух. Посмотрел на часы, прикидывая, сколько времени до поезда, и хватит ли его, чтоб заскочить в магазин и купить заказанные гостинцы. Спрятав документы во внутренний карман, тронулся в путь.

— Иван! — вдруг услышал он. Повернувшись, с удивлением посмотрел на незнакомого паренька, который его окликнул.

Стриженный, совсем мальчишка: лопоухий, маленький, худой, круглолицый, нос и щеки густо усеяны веснушками. Ясные, слегка прищуренные глаза, не голубые, не серые, скорее, светло-зеленые, кошачьи.

— Не узнаешь меня?

Иван пытался припомнить — что-то давнее знакомое...

— Да Комаров я!

И снова до Ивана не дошло. Может, из городских, иркутских?

Незнакомец вдруг ткнул чуть ли не в нос Ивану указательный палец:

— Я же твой кровный брат! Забыл?

И здесь Ивана пробило.

— Господи, Петька! Откуда ты? — Они обнялись. Не верилось, что это тот самый Петька Комаров, которого он спас много лет назад. Паренек ни-

чем не напоминал забитого, болезненного ребенка, которого родители чуть не отправили на тот свет.

— Что делаешь здесь?

— Забирают. Долг Родине...

— Живешь в Междуреченске?

— Да, работаю слесарем на шахте. А ты?

— Живу-то я в Иркутске, а сейчас на производственной практике. Снимался здесь с учета.

Разговор старых друзей явно не клеился.

— Петя, а разве тебе можно в армию? — Иван пальцем показал на голову.

— «Можно», «нельзя» — разве нас спрашивают? А главное — я сам хочу в армию.

Недалеко от военкомата, в сквере, выбрали пустую лавку. Поначалу даже не знали, о чем говорить? И только когда вспомнили родную деревню, разговорились. Говорили взахлеб, перебивая друг друга, стараясь рассказать как можно больше и подробнее.

— Иван, ты давно из деревни?

— Уже шестой год. Уехал я перед смертью мамы.

— Тетя Аня умерла?

— Умерла, Петя... Сам-то как оказался здесь?

— Когда бабушка умерла, попал в детдом. После детдома профтехучилище, получил корочки слесаря и уехал куда подальше. Ты знаешь, Иван, я так мечтал о нашей встрече. Поначалу у бабки мне плохо было. Ложусь вечером, закрываю глаза и вижу наш дом, сеновал, где мы ночевали с тобой. Свежее сено, запах обалденный, старая шуба, которой мы укрывались, а ты все старался на себя ее перетащить... Помнишь лавочку у дома? А Гошку Погодаева помнишь? Интересно, он так же на гармошке наяривает?

— Я тоже многое помню, Петя. Все время мать вспоминаю, и почему-то по воскресеньям. Она в воскресенье с утра всегда была дома. Просыпаюсь и слышу, как она что-то стряпает на кухне, пахнет чем-то вкусным. Радостно на душе. Закрываю глаза и почти засыпаю, а на стенке за печкой мечутся блики света. Створки окна открыли. На печке жарко, тихо. Слышу, как в сенях скулит Жучка, ждет, когда я вынесу ей что-нибудь поесть. Встаю, выхожу во двор, а там — солнце!

— А помнишь, как мы с тобой по вечерам залезали на крышу? Смотрели на звезды, Луну, и рассуждали: какой мир огромный, сколько в нем людей, и все видят эту же Луну. Мне всегда казалось, что, когда я смотрю на Луну, то как бы пересекаюсь со взглядами других людей, из разных уголков мира. И они все не чужие для меня...

— У тебя на какое число повестка?

— Через три дня.

— А живешь с кем? Не женат?

— Какой женат... В общаге. В детдоме дружил с одной девчонкой.

Иван чувствовал — нельзя им расставаться сейчас. Сколько раз он вспоминал зимнюю реку, где видел друга последний раз...

— Петя, меня на разъезде ждет девушка. Мы давно уже вместе, надеюсь, к Новому году поженимся. Поехали со мной, погостишь у нас пару дней, а потом дуй в свою армию...

- Да я не против. Только бы перекусить где-нибудь.
- Десять лет... А ты все такой же голодный?
- Извини, друг, ничего не могу с собой поделаться.
- Пошли, может, на вокзале что найдем.

Забегав в промтоварный за покупками и простояв в очереди за билетами, они с трудом успели на поезд, поэтому перекусить друзьям так и не пришлось. Немного отдышавшись, пошли в вагон-ресторан. Заказали себе «царский» ужин и бутылку вина. Ели обстоятельно, не торопясь. Чуть выпив, Петя снова возвращался к удивительному совпадению:

— Слышу, кричат: «Карнаухов», в голове как молния — неужели ты? Смотрю — похож, только возмужал, конечно. Прямо мужик настоящий — плечи, грудь...

Они смотрели друг на друга, узнавая себя и не узнавая. Они еще не умели по-настоящему, по-взрослому выражать свои чувства, не могли подобрать нужных слов. Их судьбы стали такие далекие. Сейчас им очень хотелось, чтобы нити, соединявшие их в детстве, не истончились совсем, не порвались, не остались лишь воспоминания... Разговор сводился к тому, что сохранила детская память: деревня, школа, учителя, лес, река, грибы и ягоды... Но ни слова о родителях, искалечивших когда-то Петьку, не говорили. Иван только спросил, словно невзначай: как голова? Болит? Друг ничего не ответил, лишь подтвердил кивком.

За окном вагона-ресторана мелькали деревья, одиночные домишки, почерневшие от времени и непогоды. Рассчитавшись с официантом, они направились к выходу. В это время дверь ресторана с шумом распахнулась, и Иван лицом к лицу столкнулся с блатным парнем, с которым не так давно разбиралась «Баба Тоня». Он был навеселе, его компания тоже. Увидев Ивана, он загородил проход и стал кривляться:

— О, какие люди! И без охраны. Ну, куда путь держим?

Иван не отвечал, прикидывая, как миновать неожиданное препятствие. Петька непонимающе спросил:

— Иван, это кто?

— Дед Пихто, — ответил за Ивана парень и щелкнул Петьке по носу.

Петька побледнел и хотел схватить парня за руку, но тот наотмашь ударил его по голове. Обхватив голову руками, Петька застонал.

Иван быстро и сильно ударил блатного в лицо и, судя по всему, сломал ему нос — кровь хлынула тому на пиджак и светлую рубашку. От неожиданности тот заверещал:

— Ну, падла, помнишь! — схватив со стола бутылку, нанес удар.

Если бы Иван не увернулся, удар бы пришелся по голове, а так лишь скользнул по плечу.словно электрический ток прошел руку, она сразу повисла и онемела.

«Только бы не перелом, — мелькнула мысль — В конце практики...»

Проход между столиками был узкий, не развернуться для драки. Иван с Петькой попятились назад, ко второму выходу, не выпуская из виду нападающих. Вывалились в тамбур, молниеносно захлопнув дверь, и вовремя. Страшный удар бутылкой обрушился на стекло двери, — сумевшее выдержать, оно только покрылось трещинами. У Ивана всегда был при себе служебный ключ. Щелчок — и дверь между вагоном и тамбуром перекрыта.

Минутная передышка. Они видели, какой злобой дышат рожи этих бандитов, и знали — просто так, само собой, драка не прекратится.

— Что за люди? — допытывался Петька.

— Да я и сам не знаю. С восстановительного поезда. Ломились к нашим девчонкам. Пьяные в дым. Этот бугай и там был первым. Наши бабы им вломили — дрались не хуже мужиков. Этого, с бутылкой, в челюсть...

— С такими гориллами?

— С такими! Надо, братишка, когти рвать.

— Не прыгать же с поезда!

— Надо будет — прыгнем.

В это время в ресторане вновь вспыхнула драка, на этот раз с посетителями, среди которых были крепкие мужики. Не рассмотреть, что там происходит. Женский визг, грохот стульев, потом — посуда.

Стекло вагонной двери все-таки вышибли.

— Петька, бежим! — Они кинулись по ходу поезда, однако вагонов было всего три. Впереди — электровоз, но до него не добраться из-за сцепки. Снова рядом крики догоняющих, и тут, на счастье ребят, поезд затормозил на безымянном разъезде. Минутной остановки хватило. Выскочив на платформу, бросились в обратную сторону. Вдогонку летели угрозы, мат. Блатной обещал вслед:

— Попадётся — живыми не уйдете!

Поезд тронулся. Друзья тяжело дышали, провожая взглядом набирающий ход состав. В хвосте — вагоны восстановительного поезда. Краем глаза Иван заметил, что стрела крана, похоже, не застопорена, находится в свободном положении. Что-то необычное и странное. Движение стрелы из стороны в сторону, даже при медленном ходе поезда выдавало какую-то неисправность: — А может, так всегда?

Иван смотрел вслед поезду, прикидывая, что может произойти, если стрела все-таки не застопорена?

— Иван, что с тобой? — дернул его за руку Петька.

— Да все нормально. Видел, болтается...

— Ну и что?

— Думаю, не полагается так.

— Да у нас много чего не полагается. Вот у нас с тобой дело плохо. Когда следующий поезд?

— Утром. Попросим дежурного, может, на какой товарняк пристроит. А покупки-то мои — тютю! Уехали... Девчонки кое-что заказали, и Маша просила купить подарки родным.

Дежурный выслушал их, поулыбался, «утешил» тем, что до утра ничего не предвидится.

Иван посмотрел на кислую физиономию Петьки и тоже рассмеялся.

— Ну что, кровный брат, давай думать, где ночевать будем. Костерок можно развести, только вот ночь без сна... Мы же с тобой не сибирские охотники, спать в лесу на морозе не приучены.

Петька хмыкнул:

— Мы тоже много чего умеем. В десять лет колхозный скотный двор спалили. Такой пожар полыхал... Как хочешь, а я здесь, недалеко от дежурного посижу, вон лавка.

— Пойдем к реке, Петя, пока светло. Посидим у костра на камешках. Валуны не загорятся. Ты что, с тех пор никогда костров не разводишь?

— Если честно — сам не развожу и другим не советую. Страшно мне, Иван, такой страх, что иногда и спички взять в руки боюсь.

...Они уже открыли к дежурному дверь, когда услышали его встревоженный голос. Он кричал в микрофон:

— Авария? Где? С пассажирским?

Иван подбежал, что-то спросил дежурного, но тот только досадливо махнул рукой.

— Авария с пассажирским! На сто десятом километре! Машинист с помощником живы! — быстро кинул дежурный.

— Это с каким пассажирским? — спросил Петька. — На котором мы ехали?

— Тут пассажирских — кот наплакал, — Иван вспомнил железнодорожный кран с болтающейся стрелой и свободно висящими стропами...

— А вы что, с него сошли? Может, какую неисправность видели? — спросил дежурный.

Иван промолчал. Только начини рассказывать, замучают расспросами, а потом допросами.

— Нас мужики пьяные вышибли из вагона, еле оторвались, — объяснил Петька.

— Иван, что с тобой? — услышал он голос друга.

— Так, Петя, задумался... О себе, о тебе. Все складывалось против нас. В вагоне могли убить, покалечить, или погибнуть при аварии. А вот целы, невредимы... Кто хранил нас?

— Любишь ты, брат мой, умные разговоры...

Они впервые за этот вечер улыбнулись друг другу. Плечо у Ивана распухло и сильно болело. Петька оцупал руку:

— Вроде кость целая. Ушиб...

Через час они уехали вместе с электромонтерами — на мотовозе к месту аварии.

Катастрофа произошла в лесу. Глушь, никаких троп, дорог в дремучей чаще. Солнце зашло, глубокие сумерки вот-вот сменит полная темень. К небу поднимались клубы черного дыма; невозможно понять, что горит. Иван с Петькой наткнулись на первый вагон, поваленный на бок. Вокруг никого.

— Где же люди? — встревожился Петька.

— Откуда мне знать.

Иван забрался через выбитое окно внутрь вагона, крикнул:

— Эй, есть живые? Отзовитесь!

В потемках — слабый стон. Иван протиснулся в сплюснутый коридор — здесь можно было передвигаться ползком — помог мужчине выбраться наружу. Откликнулся еще один человек, проводник. Он выполз из этого же прохода и сказал, что живых больше нет. — Кто раздавлен железными частями вагона, кто погребен щебнем, которым отсыпано дорожное полотно. Как щебень попал внутрь вагона? У второго вагона, отброшенного к берегу реки, копошились люди, выносили пострадавших. Кто-то призывал разжечь костры, все же посветлее станет. Иван и Петька кинулись искать хворост. Ломали ветки сосны, ели, пробираясь с ними к берегу, боялись

наступить в темноте на погибших и раненых. Иногда, натываясь на тела, Иван вскрикивал. Темная осенняя ночь, луна не взошла или спряталась за тучами.

Мрак, гарь, стоны раненых. Петя дотронулся до руки Ивана, показывая надпись — «Вагон-ресторан». Он пострадал больше других. Позже выяснилось, что погибли все, кто находился в нем в момент крушения. При свете факелов, которые из пакли и мазута соорудили прибывшие железнодорожники, Иван увидел лежащего на траве. Это был тот самый «горилла», что гонялся за ними по вагонам, грозя расправой, тот самый, что получил сокрушительный нокаут от женщины-спортсменки в летний вечер... На лице ни единой ссадины, но затылочную часть срезала какая-то железка; одежда в кровище. Иван наклонился, но кто-то заверил:

— Мертвый. Я проверял.

Тут же девушка в разорванной блузке, закрыв лицо руками, захлебывалась слезами, соплями и кровью; никто ее не утешал. Живая, и слава Богу.

Определить границы аварии можно было только по пикетным столбикам и километровым столбам. Иногда в свете факелов, костров поднимался к небу искривленный рельс с прицепленной к нему шпалой, или, словно космы великана, свисали с неба провода. Где железнодорожная насыпь с рельсами и шпалами — понять невозможно. Ямы, бугры... Стали прибывать аварийные бригады. Звучали команды, спасатели распределялись по вагонам, разбивали стекла, деловито переговаривались и вытаскивали людей. Появилось электрическое освещение, включили прожектора.

Впервые в жизни Иван видел такое... Вместе с Петькой они выбивали стекла, выкидывали сидения и части конструкций вагона, освобождали проходы, выносили пострадавших из-под завалов.

Увечья были тяжелые: рваные раны, открытые и закрытые переломы, ранения от металлических частей вагона, в основном от сидений — острых элементов их креплений.

Остатки крепежа — рваные зубцы металла — резали, как ножом. Вагоны восстановительного состава оказались на боку, а сам кран своими тросами был плотно прижат к светофору... Два вагона, сойдя с рельс, удержались на колесах, на встречном пути. Слово вспоротые ножом, лежали, наползая друг на друга, изувеченные вагоны, и среди них эти два, обойденные бедой. Едкий дым не давал дышать, хотелось закрыть лицо ладонями.

Многие погибли в этом поезде. Те, что уцелели... Иван знал, что всю жизнь будет помнить их глаза, эту ночь, разбросанные чемоданы, баулы, авоськи, буханку хлеба, расколотый арбуз и дым, удушающий смрадный дым...

Часа в три ночи, под утро, прибыли бригады из конторы Ивана. К этому времени обследовали весь состав. Живых отправляли на мотовожах, платформах, дрезинах в окрестные больницы. В стороне собрали погибших... Они лежали в несколько рядов, прикрыть их было нечем. Только теперь, когда бригады стали подтягиваться к кострам, Иван почувствовал, как устал: спину не разогнуть, ныла ушибленная рука. Плечо опухло. Лицо, руки, одежда в грязи и крови.

В движении, толчее, дыме костров Машу не увидел, — но знал: она близко, здесь!

— Маша! — Ему казалось, что крикнул громко, в полную грудь. Как она могла услышать этот тихий зов?

Крик, немой крик был на ее лице. Она вцепилась в него до боли в костяшках пальцев, она не могла разжать их. Никогда, никогда не расставаться, не отпускать!

Губы ее шептали только ему, но их слышал весь мир:

— Все будет хорошо! Хорошо...

Она целовала его лоб, руки, его глаза, и, наконец, расплакалась.

Успокоившись, прильнула к нему, обвила руками его шею и тихонько опять заплакала — от радости. Им никто не мешал, их счастьем, — среди многолюдия они были одни...

Иван вытирал ее слезы, размазывая по лицу вместе с сажей от факелов, сам-то он выглядел не лучше. Маша взглянула на него и засмеялась сквозь слезы. Это немного сняло напряжение.

— Я знала, знала, что ты живой. У тебя кровь. Пошли к врачу. Дай я посмотрю, где рана...

— Маша, успокойся. Это не моя кровь.

— Пойдем к реке. Умойся, тебе станет легче.

Только теперь они увидели, что они не одни.

— Петя, познакомься, это моя невеста Маша.

Маша покраснела. Как-то странно, невеста — она!

— Здравствуй, Маша. А я — Петр, Комаров. Можешь звать Петькой. Я кровный брат Ивана.

Маша смотрела на них непонимающе.

— Это долгая история, Маша. Петька — мой друг детства, земляк.

— А как он тут оказался?

— Встретились с ним в военкомате.

К восьми часам утра железнодорожное полотно восстановили, пустили первый грузовой. Потихоньку, без рывков, двигался он по новому участку — скрипели рельсы, прогибаясь и уплотняя щебеночное основание. Задыхалась полевая кухня.

Солнце выглянуло из-за гор, его лучи осветили место аварии. На всем протяжении, куда только мог дотянуться взор, насыпь осталась лишь под одну колею, вторую нужно было отсыпать заново. Поваленные деревья, глубокие борозды, собранные в кучи покореженные вагоны — залежи ржавого железа, долго будут напоминать о случившемся той ночью.

Осеннее солнце уже не грело. Его краешек выглянул из-за дальней сопки и медленно поплыл вверх. Картина ночной беды пополнялась новыми подробностями. Иван с удивлением заметил, что трава низко наклонилась к земле, словно отдыхая от пережитой ночи, вода в реке успокоилась от людского нашествия и тихонько журчала на перекатах. Таежная красота подкупала своей детской доверчивостью, понятностью. Трава, оттаивая на нежарком солнышке, покрывалась крупными каплями росы. От берега, густо заросшего травой и кустарником, веяло свежестью; стоило только на полсотни шагов удалиться от реки, все забивали запахи гари и мазута. Трава еще зеленеет, но уже вышел ее срок, скоро она сникнет, пожелтеет, а потом накроется снежным холстом.

Река, пробуждаясь, вбирает в себя утренний, осенний — свет небес... Приближается новый день.

Иван устал от пережитой ночи, хотелось спать. Но Маша не давала ему прилечь. От гальки тянул ночной холод.

Аварийные бригады собирали инструмент, отправляясь на линию по своим местам. Наступил черед их конторы.

— Ну что, Петя, погостишь день-два?

— Да нет, Иван. Такая встреча, никогда не забудется. Ты — мой кровный брат, больницу помнишь?.. Мне пора, нельзя на службу опаздывать...

— Какую службу? — спросила Маша.

— Главную для мужчины. Службу в армии.

Белым крылом вдруг нанесло мокрый снег. Кутаться в одежду не хотелось, пропахла она гарью и сложным запахом беды. На откосе насыпи все те же разбитые чемоданы, матрасы, простыни, посуда и много-много бумаг, теперь ненужных. Осиротевшие шляпки и шапки.

— Прости меня, Петя, за такую встречу.

— Брось, Иван. Хорошо, что встретились. Я столько думал о тебе. Неплохих ребят встречал, товарищей. А друга нет...

— Я все хотел спросить тебя о матери.

— Не виделся с ней столько, сколько с тобой — десять лет. В детдом ни разу не приезжала. Иногда думаю: может, она не мать?

— Прости.

— Детство для меня — это ты. Вспоминаю, как мы идем с тобой из школы и по очереди повторяем стихи Некрасова. Мороз, все завалено снегом, я держу твою руку, и от счастья ору стихи... Прохожие оглядываются, наверно, думают — вот чудак! Сколько было всего, а я это помню...

Иван загрустил. Настоящего друга не встретил и он, вот только Маша...

— Жду письма, Петя.

— А куда?

— Ну, пока на техникум, запомнишь?

— Постараюсь. Да, Иван, знай, у меня в жизни никого, кроме тебя...

Поезд на Междуреченск тронулся, Петька стоял на платформе, широко расставив ноги, чтобы не упасть, и махал рукой. Ивану показался он не парнем, завтрашним солдатом, а одиноким мальчишкой на середине замерзающей реки...

Русские СУДЬБЫ

Татьяна ДОРОНИНА СТРАНА ДОВОЕННОГО ДЕТСТВА

Из дневника актрисы

Татьяна Васильевна Дорони-на — родилась в Ленинграде. Народная артистка СССР (1981), художественный руководитель Московского художественного академического театра им. М. Горького, трижды лауреат титула «Лучшая актриса года». На Международном кинофестивале в Тегеране в 1973 г. удостоена приза за лучшее исполнение женской роли в фильме «Мачеха». Лауреат премии им. Николая Симонова, Лауреат премии им. Евгения Лебедева. Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Дружбы народов, орденом Почета. Главная экономическая награда: «Актриса эпохи» (специальная номинация). **Живет в Москве.**

О БАБУШКЕ ЛИЗАВЕТЕ И МАРИИ

Приехала бабушка из деревни. Мамина мама, зовут ее Елизавета Тимофеевна, но папа зовет ее мамашей, а мы с Галькой зовем просто бабушкой. Она высокая и очень прямая. У нее короткие седые волосы, всегда прикрытые белым платком в мелкий и редкий синий горошек. Разговаривает она мало, мама сказала, что бабушка «непривычная к разговору». По утрам мы с бабушкой отводим Гальку в школу. Галька надевает красный галстук, зажимает его красивой зажимкой, на которой изображен маленький костер, берет портфель, мешок для калош, и мы выходим втроем на улицу. Я держусь за бабушкину жесткую руку и едва поспеваю, почти бегу — бабушка шагает широко, как в поле ходят. Молча мы доходим до улицы Правды. Галька остается в красивой школе, где в большом коридоре стоит высокая круглая клетка, а мы с Лизаветой идем обратно. Лизаветой бабушку зовут в деревне — так сказала мама. Я все хочу спросить Лизавету — для чего стоит круглая клетка в школе, но стесняюсь, думаю, а вдруг она скажет: «Такая большая девочка, а не знает». Она почему-то говорит не девочка, а девочка. «Что это ты, девочка, в тарелке еду оставляешь?» Потом ее положили в больницу. Папа долго шептался с мамой, мама плакала, потом папа надел вышитую рубашку и пошел к своему знакомому профессору Неменову. Это хороший профессор, он очень с большим уважением с папой разговаривал, после этого уважительного разговора Лизавету и положили в больницу. Она для этого и приехала в Ленинград из Ярославской, где у нее два сына и еще дочка кроме моей мамы, зовут дочку тоже Лизаветой.

Папа на работе, Галька в школе, мама у бабушки в больнице, а я одна дома. Выходить из комнаты мама не разрешила: она боится, что если я пойду на кухню по темному коридору, то кто-нибудь из соседей на меня наткнется в темноте, опрокинет на меня кастрюлю с супом или горячий чайник. Не нарочно, конечно, а потому что темно и все несут с кухни в комнаты свою еду. «Татка, ты всегда громко пой в коридоре или громко говори: “Я иду! Осторожно!” Поняла?» Мама включает радио и уходит. Я люблю радио: очень интересно рассказывают, поют разные песни — и про Катюшу, и про море. «Раскинулось море широко» — это поет Утесов. Я очень люблю, когда поет Утесов, лучше его никто не поет. Я беру открытки, которые мне подарили тетки — тетя Катя и тетя Лена, и в который раз начинаю их рассматривать. На открытках красивые елки с игрушками, нарядные девочки с бантами в волосах. Есть открытки и с морем, и с лесом, и с Бородинским сражением, и с парадом на Красной площади. По площади шаг в шаг идут дяди в военной форме и два всадника на конях — Ворошилов и Буденный — это особенно красиво. Мамы долго нет. Все бы ничего, главное — не оглядываться на картину, которая висит над моей кроватью. На картине цыганки стоят на высоком крыльце. У них в руках карты, они гадают. Как называется картина — я не знаю, и никто не знает. В уголке написано только одно слово: К. Маковский. Я почему-то боюсь этих цыганок, стараюсь на них не смотреть, особенно когда одна. Картина осталась вместе с люстрой от старой хозяйки. Мама говорит, что хозяйка оставила «повисеть», да так больше и не приходила. Наверное, забыла.

Потом мама взяла меня с собой к бабушке в больницу. В больнице было как-то холодно и непривычно пахло. Мы идем по длинному коридору, на маме белый халат, в руках у нее авоська с яблоками и какими-то сверточками. В комнате, куда мы вошли, лежало несколько женщин, и бабушку я не нашла. Мама сказала: «Не бойся» — и я увидела бабушку. У нее на голове было что-то непонятное — большое и желтое — так бабушке лечили глаз. Вечером мама плакала, а папа ее успокаивал и говорил: «Он всех вылечивает, Неменов, ты, Нюра, не волнуйся». И Неменов вылечил. Бабушка уехала в Ярославскую, но один глаз у нее был закрыт черной повязкой.

Тетя Ксения на кухне говорила маме: «Это ведь, можно сказать, чудо, чтобы такое вылечить», а мама кивала головой и опять говорила про профессора Неменова и про уважение.

Летом мы поехали в Ярославскую. Поехали вчетвером — у папы отпуск. Так редко, чтобы отпуск был летом, — при мне так первый раз. Я люблю, когда мы все вместе. Мама при папе спокойнее, все улыбается, я от папы никуда, а Галька сердится, ей кажется, что мама с папой любят меня больше. Вася это понимает, он все понимает всегда, и говорит: «Понимаете, у меня на руке пять пальчиков, какой ни уколи, мне больно. Так и вы с Таткой, как два пальчика». Мама смеется: «Ну и чего ты опять говоришь “понимаете”?»

Живем в Булатово у тети Маши. Дом большой, перед домом огромная яблоня. Яблочки на ней маленькие, но ее не рубят — очень красивая. В избе пол из широких, почти белых досок — тетя Маша очень любит чистоту. Вот только уборная, которая тоже из белых досок, почему-то без крышки. Это некрасиво. Я беру крышку от кувшина и несу в уборную. Закрываю. Крышка исчезает, а отверстие опять открыто. Во дворе смеют-

ся. Сначала мама, потом тетя Маша, папа и Галья. Мама поднимается по лестнице, берет меня на руки и говорит: «Ты бы крышечку-то побольше бы взяла, что ли». А тетя Маша сказала: «Ведь вот что значит, когда городской ребенок-то. Нашим и в бóшку не вскочит». И тут раздается громкий выстрел, потом второй, потом третий. У отца лицо делается растерянным и жалким. Он открывает дверь горницы — самой большой и самой белой комнаты в доме. Вся комната из белой превратилась в красную. На полу, на лавках и окнах — всюду что-то красное, липкое, и пахнет малиной. Отец стоит в дверях и повторяет одно и то же: «Ну говорил же, ну говорил — не надо бутылки закупоривать, малинке бродить нужно, она бродить должна, малинка-то».

Мама моет горницу, трет доски мелкими камешками, смеется и дразнит папу Васю: «Малинка нежная, бродить надо малинке-то, понимаете?» Вася не выдерживает, сначала улыбается, потом смеется, и мы все смеемся, и все повторяем: «Ну, бабы, ну, дуры, ведь нежная малинка-то».

Потом, после войны, мы никогда так не смеялись.

Тетя Маша — сестра папиного отца, она «приютила» Васю и Нюру, когда они поженились и у них не было своей избы. Когда она приезжала погостить к нам в Ленинград, в комнате городской коммунальной квартиры начинало почему-то пахнуть яблоками, сеном, печеным хлебом. Ленинградские «ярославцы» приходили «повидать» тетю Машу, садились за стол и чинно и долго пили чай, наливая его в блюдечки. А тетя Маша рассказывала деревенские новости, окая, как все ярославцы: «Петька Маньку взял, хорошо живут, третьего родили. Иван помер, Свистуновский-то Иван. Отпевали. Поминки хорошие устроили. А в Попкове службы давно нет. Сломали церковь-то. Такая церковь была! Сломали».

В воскресенье родители повели тетю Машу в Эрмитаж. Потом вернулись. У тети Маши сконфуженный вид, мать смеется, отец тоже. Мать рассказывает: «Вошли в залу-то, внизу которая, она на лавку садится, на мраморную. Смотрю, матушки, валенки сняла и в носках шерстяных пошла по Эрмитажу-то. Мы говорим: «Теть Маш, надень, смотрят все, что ты с валенками в руках в одних носках гуляешь». А она говорит: “В такие полы только смотреться нужно, а не сапогами топтать”. Так два часа и проходили. Валенки-то Вася потом взял. Он нес». А папка закурил и сказал: «У меня от валенок руки не отвалятся, знаете». А тетя Ксения шептала маме на кухне: «Кольку бы моего взяли, ведь не был там еще Колька-то, он бы и валенки нес».

Я приезжаю в Ленинград чаще всего ранней весной. Иду в Эрмитаж. Вход снизу. Не тот, парадный широкий вход, которым должно входить в это здание, которым входили все и всегда, а сбоку и снизу, будто спускаешься в подвал. Десятки тысяч людей ежедневно ходят, ступают по паркетным красотам дворца. Составленный из различных пород дерева, любовно подобранный художниками, политый потом и кровью своих создателей, эрмитажный паркет не виден. Кто-то забыл, что это высокохудожественное произведение, что на него тоже надо смотреть, любоваться им. Проходят тысячи школьников, не подготовленных к восприятию, ничего не видящих — только смотрящих. А приход в Эрмитаж они должны запомнить на всю жизнь — такой силы должен быть эмоциональный толчок, такое открытие.

Они ходят, как по фойе кинотеатра. Для них эрмитажный буфет с плохим кофе и пирожками — более приятен и больше запомнится.

И какой интуитивной культурой, какой тонкой душевной организацией обладала ярославская крестьянка, которая в носках шагала по Эрмитажу, зажав валенки подмышкой! Она умела ценить чужой труд, умела понимать красоту, и первое, чему поразились в Эрмитаже, — были не статуи и не картины, а просто пол, по которому она ступала. Вместо белых досок пола своей избы она увидела сияющую живую красоту, созданную из дерева. Поразились и, как полагается православному, поклонились этой красоте своеобразно — сняла валенки, чтобы сохранить, не испортить. Она умела видеть.

О ПЕРВОМ УВИДЕННОМ МНОЮ СПЕКТАКЛЕ И О ПОСЛЕДНЕЙ ДОВОЕННОЙ ЕЛКЕ

У нас в комнате большая белая печка, для нее нужно много дров, но она мне все равно нравится — такая блестящая, ее все время хочется гладить. Мама принесла большую охапку дров, сразу стало холодно и запахло лесом. Мама ножом отщепила от полена маленькие щепочки, положила их вниз под поленья и запихала в печку бумагу. Зажгла спичку. В печке загорелась бумага, потом щепочки, потом поленья.

«Сиди подальше, а то уголек на тебя выскочит». Сажу и смотрю на огонь. Если папа придет сегодня пораньше, то, может быть, мы пойдем гулять, как вчера. Вчера весь день шел снег — пушистый и мягкий. Папа вез меня на санках, и снег был совсем рядом со мной, он скрипел, и папа сказал: «Какая благодать!» Если я не буду надоедать маме, она сегодня купит елку. Я достала со стола коробку с игрушками и опять стала их рассматривать. Их можно смотреть бесконечно. Когда я заболела, то всегда прошу маму достать елочные игрушки. Их тяжело доставать, они в диване, но мама достает, когда я болею, достает даже летом. Я беру шар и вижу в нем себя — широкую и смешную. Бегу к зеркалу — в зеркале я узкая и не смешная... Главное — не разбить шпиль, без шпиль елки не бывает, даже если не будет ни одной игрушки, а только будут елка и шпиль — все равно красиво. Мама надевает синий берет и синее пальто с большим рыжим воротником. Это самое красивое, что есть у мамы, да еще голубое платье с длинными пуговками. Она надевает его только в гости. Но пальто — лучше.

Мама уходит за елкой. Я бегу к окну — ждать, когда она придет. Ждать всегда трудно, но ждать маму с елкой — просто невыносимо. И вот почти у самой Фонтанки, далеко-далеко, замелькал рыжий воротник между зеленых елочных лап. Это счастье все ближе, и наконец я вижу улыбающееся мамино лицо, и берет торчит на макушке, и елка в руках — большая-большая. Несет ее мама почти на вытянутых руках, наверное, не хочет пачкать свое новое красивое пальто. «Не выходи на площадку, замерзнешь. Я сама закрою дверь», — говорит она и вносит елку в комнату. Такой елки я никогда не видала. Высокая и ровная со всех сторон, все лапы целые, ни одна не сломалась.

«Татка, надень пальто, а потом к елке подходи». — «Почему потом?» — «Не почемукай, у тебя гланды». Я быстро надеваю старое Галькино пальто (я всегда донашиваю после Гальки) и приближаюсь к елке.

Это был счастливый Новый год, самый красивый Новый год перед войной, когда были живы все — и дядя Володя, и дядя Митя. Когда семья моего крестного Вениамина была еще семьей — с мамой, папой, сестрой и братишкой, и бабушкой. Война унесла седую бабушку и разлучила Вениамина с Верой, а их дочь Заира в конце войны выйдет замуж в 16 лет, и я никогда больше не увижу красивой, с серьезными глазами и толстой косой, Заиры. Через много лет мама мне покажет фотографию, на которой изображена худая, совсем незнакомая мне измученная женщина, и скажет: «А это — Заира». Я буду долго смотреть на чужое лицо и никак не смогу совместить девочку с бантом и в бархатном платье, лучшую ученицу в классе, спортсменку и музыкантшу — с той, худой, тяжело смотрящей с фотографии, за спиной которой стоят девочка, мальчик и старый мужчина.

Грустно, грустно, грустно...

Страна довоенного детства, в которой не было мороза, голода, болезней, потерь и взрослых открытий, не было карточек, очередей за хлебом, а было — только елка со шпилем, милые лица моих родных: Галька с широкими косами, веселая мама и отец. Отец, который ходил прямой легкой походкой и говорил: «Какая благодать».

И еще одно из главных «довоенных» событий — это театр. Раз — в настоящем Кировском театре и второй раз — во Дворце промкооперации, что рядом с тетками и с площадью Льва Толстого. Тетя Катя купила билеты, и мы с Галькой знали, что уже для нас есть билеты в настоящий театр.

Мама очень старалась, чтобы мы в театре выглядели «как люди», и мне купили первое — для меня и только мне — новое платье. Светло-синее с воротничком из маленьких складочек и двумя шариками, которые висели на шелковом шнурочке, и шнурочек можно было завязывать. Я ходила по комнатам нашей коммунальной квартиры, показывала платье, всем нравилось. Я шла, расставив руки, чтобы не испачкать платье, по темному коридору и громко говорила: «Осторожно, я иду в новом платье». Я шла к тете Ксене. Она пощупала платье рукой, потрогала шарики и сказала: «Вот ты тоже дождалась». А вечером папа Вася застыл у двери, когда вошел, усталые его глаза посмотрели на меня и стали большие и синие, как мое платье. Он сел на стул, посмотрел на мамку, потом опять на меня, весело подмигнул и произнес: «В таком платье не стыдно куда хочешь пойти». А мамка сказала: «Теперь бы туфельки какие-никакие, мало-малая». И вот — театр!

Шла «Ночь перед Рождеством», и все нахлынуло, заполнило и унесло меня, как кузнеца Вакулу на черте, — совсем в иной мир.

Я не смогла рассказывать о том, что я увидела, я показывала всем — и папе, и маме, и дяде Яше, и тете Ксене, — как летал Вакула, как плыл месяц, как ругался дьяк, а главное, как быстро, озорно и весело танцевали маленькие чертенята.

«Ночь перед Рождеством» заколдовала меня и превратила девочку в лицедейку, в скомороха, в паяца. А когда во Дворце промкооперации, стоя на верхнем ярусе у самой сетки, на которую все укладывали сумочки и бинокли, сквозь ячейки этой сетки глядя на сцену, я увидела женщину с белыми волосами в красном платье, которая называлась Иолантой, — я поняла, что единственное мое желание — видеть это постоянно и всегда.

Годы унесли множество впечатлений, я забыла многое из увиденного, но женщина с цветком и танцующие маленькие черти — живут во мне до

сих пор, они более реальны для меня, чем действительные события моей сегодняшней жизни.

Прошла Финская война — в памяти остались синие лампочки, которые освещали подъезды, занавешенные одеялами окна и крик дворника: «Щель в окне закрывайте, щель у вас — кому сказано!»

Вася уехал далеко, под Выборг, «организовывать» большой санаторий. И мы почти всю зиму были без него. Мама волновалась, боялась за Васю, что его кто-то подкараулит и убьет — «финны очень коварные». Весной Вася приехал на три дня, привез нам с Галькой красивых конфет, «заграничных», и все рассказывал, какая красота в том месте, где организовали санаторий, какое озеро и какие леса. Он уехал, и мама опять стала грустной, совсем не смеялась и говорила тете Ксене: «Чего-то у меня душа не лежит туда ехать». И поехали мы только двенадцатого июня.

Приехали. Увидели санаторий, похожий на замок, озеро и нашего Васю, который все повторял: «Ну уж вы и собирались, знаете, я уж не знал, что и думать».

Дом, где жили служащие, стоял на берегу этого самого озера. Вокруг озера были елки, и вода казалась темной и какой-то траурной.

Нюра чисто вымыла две маленькие наши комнаты, повесила занавески и поставила цветы в банке.

А потом в толпе, которая стояла вокруг длинного серого репродуктора, я держала Васю за руку, чувствовала, как рука из горячей сделалась совсем холодной, и по этому холоду поняла, что случилось что-то такое важное, неожиданное и страшное, чего еще не было в моей жизни. Вася наклонился и сказал: «Беги, скажи мамке, что война. Да не пугай сразу-то, скажи: мама, война, мол». Я бежала к дому у озера, увидела Нюру в окне, а рядом банку с ромашками, и закричала весело, чтобы не испугать: «Мама, папа сказал, что война, мол». И окно стало из светлого темным. Исчезла Нюра в белом платье, и упала банка с ромашками, и кончилось все, что называлось «до войны».

Через несколько дней, поздно ночью, Вася усаживал нас в грузовик. По бокам кабины на этом грузовике стояли две колонки, которые шофер топил чурками, чтобы машина двигалась. Детей посадили на скамейку между колонками, нас с Галькой тоже. Папа закрыл нас серым бабушкиным одеялом и подоткнул со всех сторон, чтобы не дуло. Он все говорил: «Ничего, ничего, главное, вам не простудиться», и лицо было у него растерянное. А Нюра старалась его успокоить, надевала все кепку, которую он снимал, и говорила: «Ведь ты дня через два приедешь».

Грузовик трясло, мне от колонки жарило бок, плакал грудной ребенок, ветер срывал одеяло. Было холодно всему телу, кроме бока, который превратился в тот самый уголек из печки. Нюра плакала, глядя на нас и на грудного. Галька толкала меня к колонке и говорила: «Ну что ты ко мне двигаешься, я и так на кончике сижу».

Часто останавливались. Сквозь серое и сырое утро навстречу нашей машине шли нескончаемым темным потоком красноармейцы. Звук — будто гудит земля, шаг в шаг, колонна за колонной, молча и неотвратно. Это первый «военный» звук, не похожий на гулкий и веселый звук парада.

На другой день вечером мы въехали на грузовике в незнакомый Ленинград, который встретил нас белыми крестами на черных окнах. У булочной

стояла длинная очередь, хотя булочная не работала, и тетя Ксения сказала: «За сахаром стоим, утром сахар возьмем, я на тебя, Нюра, тоже заняла».

На бабушкином одеяле образовалась большая черная дыра с той стороны, что у колонки, и Нюра сказала: «Чего же ты молчала, дурочка, ведь больно же, покажи бок». Она смазала мой красный бок борным вазелином, взяла авоську и пошла с тетей Ксенией стоять за сахаром.

Детей эвакуировали из Ленинграда. Нюра сказала: «Никому своих не отдам, я без них с ума сойду». Приходили из Галькиной школы, приходили из ЖАКТа и еще откуда-то. Нас вносили в списки, Нюра плакала, прятала нас с Галькой в комнату тети Ксени. А Вася все не приезжал, он сдавал дела, потому что санаторий превратили в госпиталь. Нюра с тетей Ксенией стояли в очередях все ночи, а утром приносили пшено или соль, или муку, и кулечки из сероватой бумаги лежали на столе. Кровати убирали мы с Галькой, и наша комната, которая всегда была такой чистой и красивой, — стала чужой и неудобной. Потом приехал Вася, куда-то ходил, у кого-то просил, чтобы нас отправили в эвакуацию «к своим» в Ярославскую и вместе с мамой. Принесли повестку, и Вася сказал: «Очень повезло — вас отправлю, успею». Нюра стала собирать чемоданы, целых два, вязать узлы. Она бегала на кухню, где кипятилось белье, складывала кулечки с пшеном, шила Васе мешок, садилась на кровать, плакала, потом опять бежала.

Я боялась, что она не уложит мою куклу. Нюра с Васей купили мне ее зимой. Пошли покупать лыжи, а купили куклу — большую, гуттаперчевую, в розовом платье. Я просыпалась по ночам, чтобы проверить — есть ли у меня кукла, или это сон. Назвали ее Катей. «Мама, уложи куклу». — «Ну куда еще куклу, тебе в школу скоро». Но Вася сказал: «Не обижай ребенка, уложи». Нюра заплакала и убежала на кухню.

На другой день мы все вместе стояли в толпе у Московского вокзала и ждали, когда подадут поезд. Вася волновался, что он не успеет нас посадить, ему надо в военкомат. Он стоял, одетый в старый костюм, и держал в руке мешок из-под Галькиных калош. Мама так и не успела дошить ему «котомочку». Вася сказал: «Все равно, не расстраивайся, я Галин возьму». И взял детский маленький мешок, вышитый Галькиной рукой, — с желтой грушей, розовой сливой и утенком на одной лапке. Он уложил в него бритву, помазок, два носовых платка, чистые носки и кусок мешковины на портянки. Сверху положил жестяную кружку и ложку с ножом. Да еще Нюра сунула бутерброды с любительской колбасой. С таким хозяйством он пошел на войну.

Эшелон подали. Он состоял из дачных вагонов с короткими скамеечками и легкими полочками из веревок — для вещей. Все кинулись к этим зеленым коротким вагончикам, а Вася наклонился и закрыл нас с Галькой, он боялся, что нас затопчут. Нюра сказала: «Ну вот, теперь не сядем, куда уж». Но мы сели, даже одна лавочка оказалась свободной, рядом поставили два чемодана и два узла, на узлы посадили куклу. Поезд тронулся. На перроне остался Вася с детским мешочком.

Поезд шел, а Нюра все тянулась через окно. Пыталась запомнить, наверное, этот длинный пустой перрон и одиноко идущего отца. Мы в последний раз видели, как он легко и ровно шел, не хромая.

Поезд пошел быстрее, и с потолка стали падать чемоданы, сумки и узлы. Пассажиры, которые назывались теперь не пассажирами, а эвакуи-

рованными, ловили свои пожитки, пытались опять водрузить их на веревочные полочки, это не удавалось, и весь проход в вагоне заполнился чемоданами и узлами. Воды не было и уборной тоже. Для нас началась наша новая, «эвакуированная» жизнь.

Ехали долго до Данилова, целых пять суток. Поезд часто останавливался — и на станциях, и просто в поле. Пропускали военные эшелоны. На ночь мама укладывала нас с Галей на узкую полочку — валетом, а сама ложилась на наши узлы между полками. Она поддерживала нас, чтобы мы не свалились, но когда поезд трогался, мы с Галькой каждый раз сваливались на маму, та боялась, что мы покалечимся, и почти не спала. На станциях она бежала, захватив старый кофейник, за водой и все просила соседей: «Гражданочка, будьте любезны, посмотрите за моими детьми. Главное, чтобы они не выходили». Но мы боялись, что мама отстанет от поезда, пробирались через чемоданы к выходу и стояли в тамбуре — ждали. «Ну куда вы вылезли, ну куда, вам велено было сидеть на месте», — каждый раз говорила мама, но мы все равно «вылезали» — страх потери Нюры был выше послушания.

...Мама лежала на траве перед большим домом и не двигалась. Я видела, что она не двигается, и понимала, что самое страшное — случилось, но бежать быстрее к ней никак не могла. Я только кричала: «Мама, не уходи, я здесь, мама!», но никак не могла приблизиться. Я бежала на месте. Это единственный детский сон, который я унесла с собой в свою взрослую жизнь и который пугает меня до сих пор...

В Данилове на маленьком перроне стояли только незнакомые нам люди. Нас никто не встречал, расписания поездов не было, и никто не знал, когда и каким поездом мы приедем. Мама поставила чемоданы, взгромодила на них узлы, поставила нас с Галей тоже, как ставила чемоданы (мы спали стоя), и сказала: «Все же приехали».

Маленький Данилов принимал первых «эвакуированных» и не знал, что это надолго. Самое страшное — отсутствие писем от отца. Мы не знали, где он, не было адреса, куда писать, и мама встречала почтальона далеко за деревней.

Мы живем у Лизаветы, у бабушки. Каждый вечер перед сном Лизавета становится перед образами и начинает тихонько молиться. Она молится за сыновей — Константина и Ивана, за внуков Михаила и Бориса, за мужа дочери Анны — Василия, она молится «за воинов». И так странно, что мой мирный, не умеющий даже ругаться, добрый Вася — теперь называется «воином», он даже курицы не мог зарезать, всегда других просил: «Я, знаете, живых резать не могу». Теперь он воин, а где он воюет — мы не знаем. Потом пришло письмо. Мы читали это письмо все по очереди, начиналось оно так: «Здравствуйте, дорогие жена Нюра и дочери Галя и Таня. Пишет вам ваш папа Доронин Василий Иванович». Здесь мы начинали плакать. Лизавета молча ставила перед нами пирог с картошкой и говорила: «Живой». Словно одно это слово и ее пирог — такое великое благодеяние, что требовать еще чего-то от жизни мы не должны, не имеем права.

Она была права. «Живой» — это чудо, это превыше всего, и если еще ты этого не понял — ты не знаешь ничего, ничего ты в жизни еще не постиг.

Вася был живой — какое же это счастье!

Я соразмеряю свою жизнь сегодня, свое счастье и несчастья сегодняшние с бабушкиной краткой формулой: «живой». Молчаливая, худая Лизавета, с повязкой на глазу, была права.

В «ПЕРВУЮ ВОЕННУЮ ВЕСНУ»

...А тогда, в «первую военную весну с папой», мы поселились в доме у вдовы священника. Папе, как инвалиду, горсовет выделил комнату. Вдова старенькая, у нее трясутся руки, ходит она, держась за стенки, и говорит о своем умершем муже: «мой Ваня». Так мы и стали ее называть с Галей: «Мой Ваня».

Я хожу в школу имени Ленина. Рядом со школой рынок, где продают по воскресеньям сено, овощи и молоко. На площади стоят длинные деревянные ряды, они всегда почти пустые. А у ларька, в котором ничем не торгуют, сидит инвалид на коляске. Поет он больше одну песню: «Двадцать второго июня, ровно в четыре утра Киев бомбили, нам объявили, и началась война». Мне хочется ему сказать, что петь надо по-другому, надо петь: «что началась война», а то получается, что сначала объявили про войну, а потом она началась. Но чтобы подойти к инвалиду, надо иметь какую-то мелочь, а то неудобно. Мелочи нет. Но зато на большой перемене нам выдают картофельную запеканку. Я заворачиваю в промокашку кусок запеканки и иду к инвалиду. Он взял мое подаяние, и тогда я сказала ему, как надо петь. Он сказал: «Повтори, не понял». Я объяснила. На следующий день инвалид увидел меня и запел, выделяя громко: «Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Потом поманил меня рукой в варежке, я подошла, и он протянул мне картофелину и соленый огурец. «Возьми, доченька. Папа у тебя на войне?» — «Недавно пришел». — «Раненый?» — «Да, в ногу». — «Работает?» — «Нет еще, нога болит». — «Пьет?» — «Нет, он у нас не пьет». — «Совсем?» — «Совсем». — «Да так же не бывает». — «Не знаю». — «Ты мимо так не беги, нам со старухой хватает, а ты растешь. Держи, держи, не стесняйся».

По воскресеньям, когда был «большой базар», он напивался, и его «старуха» везла за веревку его тележку, как когда-то, давно-давно в Ленинграде, папа вез меня на санках по переулку Ильича.

Учительницу зовут Валентина Васильевна Харченко. У нее светлые волосы, уложенные двумя легкими валиками, и широкая коричневая доха. В классе холодно, мы все сидим в пальто и в валенках, а Валентина Васильевна — в дохе. Она читает «Сын артиллериста» — про мальчика, которого вырастили отец и друг отца — оба военные. Мальчик тоже стал настоящим военным и в тылу у немцев «вызывал огонь на себя». «Радио час молчало, потом раздался сигнал: “Молчал. Оглушило взрывом. Бейте, как я сказал. Я верю, свои снаряды не могут тронуть меня”...»

Эти строчки я запомнила сразу. А через несколько дней я знала всю поэму наизусть и читала ее в старших классах. Потому что учительница по литературе в старших классах подошла ко мне и сказала: «Приди к нам завтра на урок, почитай про сына артиллериста».

А потом в единственном даниловском учебном заведении — педагогическом техникуме — я стояла на настоящей сцене, в пальто и валенках, и произносила самые прекрасные слова из тех, которые тогда узнала и кото-

рые волновали меня до слез: «Держись, мой мальчик, на свете два раза не умирать, ничто нас в жизни не может вышибить из седла». Читала и удивлялась, что такую большую поэму так внимательно слушают — ведь вечер отдыха, ведь танцы, ведь Новый год, ведь они все взрослые, а я еще нет. Но они сидят и слушают, и никто не говорит: «Уж больно долго ты читаешь».

А еще я хожу в Дом пионеров. Руководит этим Домом одна «вакуированная» из Москвы. Она ведет два кружка — «театральный» и «танцев». Танцы без музыки, на счет: «Раз, два, три, раз, два, три». Мы, несколько девочек, стоим у стульев, которые сейчас не стулья, а станок, и пытаемся в валенках приседать и делать книксены. У нас скоро будет выступление в Клубе железнодорожников, на очень большой сцене. Мы будем танцевать танец снежинок, уже не на счет, а под музыку, потому что в клубе есть пианино. «Вакуированная из Москвы» сшила из марли платья снежинок, и вот мы на сцене. И совсем не холодно в тапочках и в марлевых платьях, а легко двигаешься, и валенки не бьют тебя по коленям, пальто не стягивает твоих рук, и как хорошо, и как красиво, и совсем не страшно, что сцена большая.

Мы кланялись после танца, как нас учила «вакуированная» — «глядя на зрителей с улыбкой». И даниловские железнодорожники, работавшие без выходных, усталые, с воспаленными глазами, обведенными угольной пылью, как черной краской, — тоже улыбались и долго и тяжело аплодировали нашему неумению, нашим марлевым платьицам и нашему военному детству. После такого — совсем легко было выйти во втором отделении и читать: «Крест-накрест белые полосы на окнах светившихся хат, родные тонкие березки тревожно смотрят на закат, и юноша в одежде рваной повешен на кривой сосне, и чей-то грубый, иностранный, нерусский говор вдалеке».

Я забыла многое из того, что было значительным и важным, но этот тускло освещенный зал клуба, сцену и глаза взрослых дядей и тетей, которые слушали про «нерусский говор вдалеке», — я помню, и запах зала помню — пахло мазутом, керосином и махоркой.

Спасибо вам, Валентина Васильевна, вы были настоящей «первой учительницей». Вы понимали силу слова, силу поэзии. И военные стихи Симонова, Алигер, Твардовского — мы слышали из ваших уст, поняли их, насколько могли понять, а главное, почувствовали, как должно, то есть восприняли их правду, их боль. Мы соприкоснулись с величием подвига и с понятием Родина через честные и прекрасные стихи больших поэтов. Радио было только на площади у рынка, его включали, когда тревога, когда выводили нас из здания школы, «чтобы в случае чего вас не засыпало». Театра тоже не было. Кино показывали редко и в основном «довоенные» картины. Но причастность нашу к общим бедам, общим радостям — мы чувствовали благодаря нашей учительнице, недавней выпускнице даниловского педагогического техникума.

Тетрадей тоже не было — мы писали на старых бухгалтерских книгах, учебников было мало, их не хватало на всех, выдавались они «по очереди», но библиотека была, поэтому Пушкин и Толстой, Аксаков и Марк Твен, Гоголь и Чехов — уже начинали вести нас за собой, взяв наши замерзшие детские руки — все в цыпках, в чернильных пятнах — в свои, большие, теплые и вечные. И мне кажется, что острота восприятия объяснялась пре-

жде всего именно трудным бытом военного детства, постоянным холодом, неудобствами, хроническим «хочу есть».

Война формировала нас жестко, быстро и безжалостно. Она учила нас ценить все, что казалось прежде таким естественным — спокойное небо над головой, отца и мать, кусок хлеба, теплую одежду, целую, не залатанную со всех сторон обувь.

В дни войны чудо настоящей литературы начинало раскрываться так, как оно должно раскрываться, — праздником, познанием прекрасного, откровением. Я не считаю, что война — школа, пусть последующие поколения никогда не узнают потери близких, разруху, лишения и страх, но то, что все названное может быть реальностью для них, для «невоенных поколений», — нужно «вложить» в их сознание, в их сердца. Очень жесткие они сейчас, отупевшие от шума, грохота современной музыки и современных ритмов. Идут — в джинсах, красивых курточках, а текст произносят, достойный обезьян: «А она (учительница) говорит: “Лев Толстой”... твою мать. Меня чуть не стошнило».

«Поколение» не умеет читать, видеть, понимать. Оно «выбрало» пепси. Какое преступление: уничтожить целое поколение! Какая нерасчетливость!

ВЫШЛА КНИГА

Ефимовская В. В.

Резонанс жизни. — СПб. : Родная Ладога, 2015. — 464 с. : ил.

В книгу современной петербургской поэтессы и литературного критика Валентины Валентиновны Ефимовской включены статьи о творчестве российских писателей конца XX — начала XXI века, а также искусствоведческие и публицистические работы, посвященные новым художественным и музыкальным произведениям, замечательным личностям и знаменательным событиям нашего времени. В этих статьях осмысление современной прозы и поэзии проведено с христианских позиций. Автор рассматривает творчество многих ведущих современных литераторов как закономерное продолжение великой отечественной культуры прошлых веков. Сборник включает в себя работы, созданные писателем за 15 лет. Книга рекомендована широкому кругу читателей, особенно тем, кто интересуется состоянием традиционного национального искусства и литературы в нынешнюю эпоху духовно-патриотического возрождения России.

А.С. 2011г.

Сергей ДОНБАЙ

«ВЕРЮ В ЗЕМЛЮ РОДНУЮ...»

Сергей Лаврентьевич Донбай — родился в 1942 г. в Кемерово. Автор двенадцати книг стихотворений, вышедших в Кемерово и в Москве. Лауреат литературных премий им. В. Д. Федорова, святого благоверного Великого князя Александра Невского, «Белуха», Николая Клюева и др. Заслуженный работник культуры России. Член высшего творческого совета и приемной Коллегии Союза писателей России. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». **Живет в Кемерово.**

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Молюсь на купола Донского
Монастыря через окно.
В сиянье неба голубого —
Иконописное оно.

А купола строги, как туча.
Их пять. И рядом благовест.
И, словно поднебесный кучер,
Над ними золотится крест.

Темнеют купола Донского
Среди Москвы монастыря,
Чтоб тучу с поля Куликова
Не забывали из Кремля,

Чтоб жили не единым хлебом
В мироточенье бытия
И подружилась с русским небом
Церквей и звонниц толчея,

Молюсь на купола Донского...
Никем не писанный канон —
В сиянье неба голубого
Иконописное окно.

ДЕРЕВЬЯ

Без листьев, без криков, без перьев,
Под взглядами нашими сквозь
Рентгеновский снимок деревьев —
Гнезда охладевшая горсть.

Безжизненны и недвижимы.
Уже отлетел листопад.
И кажется, с каждой вершины
И души вот-вот отлетят...

Деревьям не больно на свете.
Но, тронув рукою лицо,
Как будто почую на срезе —
Еще годовое кольцо...

ВОЛЯ

Я родился, вздохнул,
задохнулся и ожил:
Этот воздух,
который впервые схватил,

Был густым от страданий и пыли дорожной,
Смешан с пеплом и горем отечества был.

И входили в свободном потоке стихии
Навсегда: возраст воздуха в тельце мое,
Молодая, морозная сила Сибири —
И снега, и таежные жабры ее.

Мама помнит, на сносях картошку копала...
Я не помню, когда у меня неприязнь
Появилась к той части людей, что считала,
Что спесиво считала: земля — это грязь.

Приходилось и поле копать, и могилу,
Череп в руки я брал, отряхнув чернозем...
Верю в землю родную, как в чистую силу!
Жизнь не брезгает смертью — смелее во всем!

Я тонул, но река меня не утопила...
И в награду за этот мальчишеский страх
Мне ловить пескарей, без числа, разрешила
И все лето качала на теплых плотах.

Но и я выручал в свою очередь воду:
Если в чайнике снег разогреть на костре,
То как будто стихии даруешь свободу —
Волю вольную ласковой летней сестре!

Талый чай тяжело закипает, морозно.
И до самой травы снег просел под костром.
Кружка с чаем дымит в ладонях... и можно
Быть счастливым в тайге с этим малым теплом! —

Оттого, что куржак, как живой, розовеет,
Оттого, что вот здесь, как когда-то меня,
Чью-то новую жизнь соберет и согреет
Воля воздуха, влаги, земли и огня.

* * *

Был наказан. Выплакался. Сплю.
Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощен, любим, люблю.
Что укрыт шалёнкой маминой.

Сын наказан. Выплакался. Спит.
Тишина. Посапывает. К вечеру.
Счастлив ли?.. Отец пред ним стоит —
Это я же — с одеяльцем в клеточку.

ХРАМ

Там, где ангелом воздух уже поцелованный,
Озаренный весною, пречистый, притих,
За прозрачной железной оградой церковной
Люди строят пять солнц куполов золотых!

Колокольня пока не взметнулася около,
Лишь трамвай невпопад прозвонит на бегу,
Но видать, но видать, словно ясного сокола,
Отовсюду наш Знаменский храм на торгу!

И отныне в любом уголке позаброшенном
Осеньется наша с тобой нищета —
Боже мой, Боже мой, наравне, как положено,
Золотым троеперстьем большого креста!

КРЕМЛЬ

Я хотел бы пройти по Кремлевской стене,
По всему ее древнему кругу,
И увидеть то время, когда в старине
«Надевали» ее, как кольчугу.

Я хотел бы пройти по Кремлевской стене,
Всю измерить своими шагами,
И почувствовать крепость в ее ширине —
И спокойно следить за врагами.

Только кто мне позволит в свободной стране
Восходить на Кремлевскую стену
И спокойно следить за врагами извне?
Боже мой, и не тронь эту тему.

Хоть спокойно врагам доказал, что не трус,
Хоть и сам назначал себе цену —
Не позволил бы мне и Советский Союз
Восходить на Кремлевскую стену.

Я хотел бы пройти по Кремлевской стене.
Я хотел бы взойти на Кремлевскую стену.
Но тоскою живет эта смута во мне:
Кремль всегда ожидает измену.

* * *

Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть.
От первых потаенных чувств: «Быть может...»
И до надежды страстной: «Может быть!»

Родной язык. Мы все уйдем и сгинем.
Но строчка будет жить, ей хватит сил:
«Скажи поклоны князю и княгине», —
Так Бунин в прошлом веке попросил.

А в детстве кто из нас, как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша?
Родной язык — и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,

Которую все реже дарит радио,
Но верещит все громче на износ.
Родной язык: «Не в силе Бог, а в правде», —
В тысячелетье прошлом произнес.

Народа нет и не было немного.
И гордость, и смирение на лице
Он выразит: «В начале было Слово...»,
«Пусть... будет пухом...» — он вздохнет в конце.

Он узелок на память нам и — затесь,
Он оберег наш и — сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств.
Родной язык — наш промысел живой.

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ ПОБЕЖДЕННЫХ НАРОДОВ

Я был туристом в стане побежденных:
Вот немец и француз, поляк и швед.
История народов просвещенных
Не помнит громких не своих побед.

А если вспомнит, так переиначит
И уведет, так выгодно шутя,
Что пресловутый «писающий мальчик»
Всего важнее станет для тебя.

И победитель в стане побежденных
Не знаменитый силою медведь,
А русский неуклюжий медвежонок —
Так легче снисходительно смотреть.

Все эти карлы и наполеоны,
Нас приходившие завоевать,
Лжедмитрии и гитлеры опять
В истории народов просвещенных
Нас варварами жаждут называть.

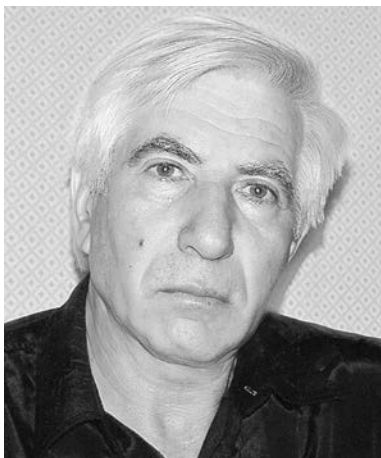
* * *

Серебристый воздух сквозь деревья
Робко начинает оживать —
Это возникает от доверья
Меж рукой и веткой благодать.

Безоружно-восхищенным взглядом
Разве ранишь быстрое крыло?
Надо мной, над птицею и садом
Равномерно в мире рассвело.

На душе светло. Согласен разум.
В долгий день из дома выхожу.
И звезду, не видимую глазом,
Я в ладонях в памяти держу.

Любим лето, чтобы день был долгим.
И мгновенье жизни нашей длил...
Ласточки запомнят, сколько добрым
Существом ты в этой жизни был.

Василий ЗАБЕЛЛО

«ИДУ ПОД ЗВЕЗДАМИ СИБИРИ»

Василий Константинович Забелло — родился в 1947 г. в деревне Утулик Слюдянского района Иркутской области, на берегу Байкала. В 1966–1969 гг. служил на Флоте, имеет 42 года рабочего стажа. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей России с 1993 г., избран председателем Иркутской писательской организации. Награжден премией «Святителя Иннокентия Иркутского». **Живет в г. Байкальске Иркутской области.**

Шумит под яром межень речки.
Иду по краю, не спеша.
Что впереди? Вопрос извечный,
И к Богу тянется душа.

Уж звезды высыпали ясно.
И землю славят небеса.
Иисус-Младенец светит в яслях,
И медом с неба голоса...

Коровы, овцы, львы и тигры
К Нему приходят на поклон.
Он затевает с ними игры
Под сладкозвучный перезвон.

А дальше путь до той Голгофы
С честною кровию Христа,
Что Русь спасет, дойдет до тофа¹,
Как вековая мечта.

И с тех времен по сути в мире
Не изменилось ничего...
Иду под звездами Сибири,
Ликуй, Христово Рождество!

* * *

Плакали чайки, кричали
Над заливым камышом...
Полный страстей и печали
Путь я не малый прошел.

Не удивить, не расстроить
И не наплакаться всласть.
Только мечталось порою
К родине милой припасть.

Как мне пейзаж ее дорог.
В хвойно-багульный настой
Вновь забегу на пригорок
И окунусь с головой.

Шум отдаленный прибоя, —
Гальку шлифует волна.
Счастлив я снова с тобою,
Детства шального страна.

¹ Коренной малочисленный народ России в Восточной Сибири.

Нас выбирали дороги.
Всем ли достало подков?
Уж не увижу я многих
Из коренных земляков.

Кто пригласит меня к чаю,
В ту ли калитку вошел?
Плакали чайки, кричали
Над заливным камышом...

* * *

Как задули ветры, как запели!
И пути-дороги повлекли.
Незаметно годы пролетели
От родной сторонushки вдали.

Вновь гогочут гуси на пролете,
Но молчит, — подвымерло село.
Как вы тут, родимые, живете?
Сколько выюг за ставнем промело.

Я оставил город безоглядно
Ради жизни тихой и простой.

Намотавшись по миру изрядно,
Блудным сыном встану на постой.

Развернем баян за нашу встречу,
Пусть повеселится старый дом.
Чем был путь значительным
отмечен, —
То яснее видится потом.

Запоем рябинушку, как пели,
Как с войны солдатушки пришли.
И о том, как годы пролетели
От родной сторонushки вдали.

* * *

Сыну Трофиму

Душа скучает по былому,
По небу темно-голубому
С отливом розовым вдали,
Где облака, что корабли
Проходят парусной грядой
И исчезают за чертою...
И все плывут, туда плывут,
Где и меня, возможно, ждут
Отцовский дом, подсолнух, прясло.

Там воздух чист и небо ясно,
Там лес, и поле, и цветы,
Не обманувшие мечты
Еще живут, еще со мною...
И то, что мы зовем судьбою,
В пути-дороги не сложилось,
И принимая жизнь как милость,
Мне предстоит еще познать
И скорбь, и Божью благодать.

ПОД НЕБОМ БАЙКАЛА

Под небом Байкала у горной гряды
Раскинулся город Слюдянка.
Есть в имени этом и блеск от слюды,
И рынды тревожные склянки.

На рельсы истории память легла,
Пыхтя паровозною тягой.
Пред ней расступается вечности мгла,
Возносятся стяги «Варяга».

Чугунным прокатом катилась война
На спинах сибирских дивизий.

Пыхтела Слюдянка, а с нею страна,
И пар кучерявился сизый.

Сначала на запад, потом на восток
Катилось военное эхо...
А нынче туристов лавинный поток
По Кругобайкалке поехал.

И едет в Слюдянку, и прет молодежь
В штанах с голопупым фасоном...
Европа ли, Азия... крики, галдеж
Да пошлые песни шансона.

* * *

Путь без веры дюже трудный,
Безысходен и опасен,
Но дает по силам людям
Крест нести Господь наш Спасе.

В нем Престолы, Силы, Веды, —
Наша кротость, наша песня.
Сам Христос сей путь изведаль...
Без Голгофы кто воскреснет?

* * *

Уходи в дорогу с легким сердцем,
Оглянись на прожитую жизнь.
Поклонись друзьям единоверцам,
Дорогим могилам поклонись.

Там, в овражке за избою крайней,
Золотится густо лебеда.
Закрадется думка не случайно:
Может, оставляешь навсегда.

Щебетуны-ласточки не свили
Гнезд своих, не вывели птенцов...

Две жены со мной несчастны были,
Взрачивая резвых сорванцов.

Знать, от Бога волюшка поэта.
Не загнать к порогу под каблук.
Вон, опять несет тебя по свету
За леса, за индевелый луг.

Ледяные ветры дуют в спину,
Вновь один встречаю холода.
Выплакаю грусть свою осинам
И пойду неведомо куда.

ОСЕННИЕ СТИХИ

Снова в окошке рябиновых кистей,
Зерен рубиновых вспыхнул огонь.
С шумом и шелестом падают листья,
С веток срываются, только затронь.

Скоро прольется печаль поднебесья,
Окриком птичьим заполнив простор.
Что-то родное живет в этих песнях,
Памятью слезной туманит мой взор.

С каждым прощанием,
с осенью каждой
Все ощутимее близится срок...
Не оттого ли так мучает жажда,
Жажда вернуться на отчий порог.

Кто нас ведет и какими путями
В мир незабудок и горних вершин?..
Что перед Богом останется с нами?
Что припасем для спасенья души?

* * *

Что-то с нами сегодня случилось,
Счастье тихое вдруг изручилось,
Укатило за синие горы,
Словно поезд свистящий и скорый.

Незавидная грустная доля —
Одичавшее русское поле.
Трактора на металл запродали,
Ветер высвистел межи и дали.

Что-то сделали с нами нечисто
Господа мудрецы-глобалисты.
С хрустом падают сосны и кедры,
За кордоны вывозятся недра.

Сколько крови пролито за землю,
Распродажу ее не приемлю!
Она искони русская наша,
Дайте волю — очистим, распашем!

* * *

Набродился по́ миру, по ми́ру,
Забывая свет родных небес...
Освяти мне, батюшка, квартиру,
За порогом чтоб остался бес.

Я седу главу к нему приложу,
Покаянно, слезно помолюсь.
Расскажу, как шел по бездорожью,
Как обрел потерянную Русь.

Прокади мне ладаном жилище:
Все углы и стены, потолок.
Чтобы дух стяжал я, словно нищий,
Чтоб сиял на кухне образок.

Освяти мне, батюшка, квартиру,
Я лампаду на ночь засвечу...
Набродился по́ миру, по ми́ру,
Жить во мраке больше не хочу.

* * *

Е. В. Смольяниновой, русской певице

Быть может, где-то есть розарий
Красы невиданной и силы.
Но там, во всей цветущей зале,
Вы были самая красивая.

Держались Вы изящно, просто,
Не кроясь в сумраке вуали.
Звучала музыка, и тосты
Серьезность делу придавали.

И были жесты, были взоры...
За Мать-Россию снова, снова

В осиротевшие просторы
Лилось божественное слово.

Объединяла всех идея
Исконным пламенным зарядом...
И забывалось — что я? где я?..
Как хорошо, Вы были рядом.

С неотразимой нежной силой
Вы песней Русской все сказали...
Вы были самая красивая
Во всей цветущей пышной зале.

ПОКА ЖИВУ

Пока живу... Господь зачем-то держит
Меня на грешной песенной земле.
Бездомник я, и странствиями брежу,
Копаясь в исторической золе.

Все повторится и со мной, и с теми,
Которые лишь Богу и нужны.
Иду себе, почесывая темя,
И думаю: дожить бы до весны.

Улыбки женщин больше не тревожат,
Хотя красавиц много на Руси.
Я не монах, но вздрагиваю кожей,
От искушений, Боже, упаси.

Покаемся, помолимся, и снова
Я обращусь к Всевышнему с мольбой.
И, ко всему безжалостно готовый,
Продолжу путь, начертанный судьбой!

Леонид ИВАШОВ

О ВЕЧНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ «МОРЕ И СУШИ»

*Геополитическая
сущность
«холодной войны»*

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником Министра обороны СССР. В первой половине 1990-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

Необходимо осуществить три стратегические и военно-политические цели: создать англо-американский союз; ... ликвидировать антифашистскую коалицию; ... сделать господствующим фактором в мировом развитии политику силы.

У. Черчилль, 1946

Окончилась самая жестокая и самая масштабная в истории человечества война. Многое изменилось в мире, да, собственно, мир стал другим. Закончилась многовековая западоцентричность миропорядка, наступила биполярность, трактуемая не только как полярность силы, но и как различие смыслов жизни, систем ценностей, идеологий и мировоззренческих платформ. Таким человечество никогда в своей истории не было. Колонизированные ранее народы («дикие и варварские» в западной трактовке) обрели свободу выбора в своем развитии. Наметилось возрождение основ цивилизаций, почти ушедших с исторической сцены (Индия, Китай, Латинская Америка, исламский мир). **Неизменной осталась геополитика — ее теории и доктрины ведущих мировых держав практически не изменились. Корректировались и изменялись геополитические стратегии.** Англосаксонский мир (морская цивилизация) еще более возмечтал о единоличном мировом владычестве. Континентальная Европа во главе с Германией в ходе мировой войны в очередной раз была разгромлена и поделена на зоны влияния. Немецкая геополитика Нюрнбергским трибуналом была осуждена и поставлена под запрет. Англосаксы и мировой капитал в короткие сроки сформировали мощную систему из стран Западной Европы, Японии и государств-сателлитов с целью реализации планов мирового го-

сподства. Советский Союз, внесший решающий вклад в Победу, понес тяжелые потери, и его первоочередной задачей являлось восстановление разрушенного войной хозяйства, налаживание мирной жизни, обеспечение военной безопасности. Создание и немедленное применение Соединенными Штатами ядерного оружия поставило руководство СССР перед острой необходимостью обеспечить советским людям мир, защитить те народы, которые «прижались» к советскому геополитическому проекту. Но практически все народы мира, включая американский, не желали новой войны. На первый план в мировой политике выходила проблема международной безопасности и предотвращения войн.

Геополитическая модель послевоенного мира

В результате победы советского народа в Великой Отечественной войне, в мировом устройстве человечества произошли следующие изменения:

- ушла в историю неустойчивая многополярная, европоцентричная модель мироустройства;

- под влиянием советской Победы рухнула колониальная система мира, деление человечества на дикие, варварские и цивилизованные народы прекратило свое существование, все народы получили культурно-цивилизационное и политическое равноправие;

- геополитическая структура мира обрела классическую (естественную) форму: два устойчивых балансирующих друг друга мировых центра плюс менее устойчивый, формирующийся, третий полюс в лице сообщества государств, становящихся на путь самостоятельного развития и нейтральных стран;

- изменилась качественная сущность человечества: у народов планеты появился выбор пути развития, три типа государств (капиталистическое, социалистическое, смешанного типа) стали определяющими в структуре геополитических систем мира;

- геополитические системы (капиталистическая, социалистическая и «третий мир») стали формироваться на культурно-цивилизационной основе;

- произошли качественные и структурные преобразования в западном ареале: во-первых, однозначной стала доминанта стран морской цивилизации; во-вторых, в англосаксонском противостоянии произошла смена лидера, Британия уступила первенство Соединенным Штатам; в-третьих, сформировался исторический феномен в лице единого Запада, включая Японию и Южную Корею;

- в западном сообществе государств в результате Второй мировой войны заметно усилилась роль частных финансовых структур, ТНК, теневых органов скрытой власти; роль государств, независимость их политики резко снизилась;

- изменились основы геополитического противоборства — главной сферой борьбы стали не территории и ресурсы, а смысл жизни, духовно-цивилизационная среда; главным объектом — сознание людей;

- впервые в истории сложилась система международной безопасности, основанная на принципах баланса сил, управляемая наднациональными структурами планетарного масштаба.

Произошли серьезные качественные изменения в Советском Союзе:

— СССР «надел» майку лидера большей части человечества и возглавил строительство другого, ранее неизвестного народам мира типа общества, с иными смыслом жизни, характером межгосударственных отношений, приоритетом интеллектуально-духовных ценностей над материально-потребительскими;

— закончилась борьба двух линий на построение социализма в СССР: «русская партия» одержала победу над космополитизмом, о чем объявил И. Сталин 24 мая 1945 г. на приеме по случаю Победы, провозгласив тост за здоровье русского народа, как самого выдающегося народа среди всех народов СССР;

— перед советским руководством жестко встал вопрос о теории социалистического строительства в глобальном масштабе (И. Сталин, 1946 г.: «Без теории мы погибнем»);

— И. Сталин за годы войны проявил себя величайшим и общепризнанным геополитиком мира. Со смертью Ф. Рузвельта и отставкой У. Черчилля И. Сталин стал фигурой № 1 в мировой политике.

В сознании народов всех стран мира проблема безопасности и предотвращения новой войны стала главной. Для советского народа и руководства страны эта проблема стала стержнем внешней политики и главной функцией государства.

Система послевоенной международной безопасности стала закладываться еще в ходе первого этапа Великой Отечественной войны и окончательно оформилась на ее завершающем этапе. Решающими факторами, вызвавшими стремление сообщества государств и народов сделать мир безопасным для существования и развития, стали:

— масштабные жертвы и разрушения, коснувшиеся большинства стран и народов мирового сообщества;

— всеобщее желание человечества не допустить новых войн и вооруженных конфликтов;

— деградация человеческой цивилизации в результате мировой войны и необходимость восстановления разрушенного образа жизни;

— изменившаяся после войны геополитическая структура миропорядка.

Сюда же можно добавить скрытое чувство вины западной цивилизации за развязывание самой кровавой и разрушительной в человеческой истории мировой бойни.

Понесенный человечеством ущерб был несравним ни с одной из ранее развязанных войн, что позволяло сделать вывод о неверном историческом пути, заданном европоцентричным миропорядком и навязанном народам западным смыслом жизни. Поэтому уже в ходе войны происходило переосмысление мировых исторических процессов и планирование будущего всего человечества. На историческую арену выходили новые игроки, а развязавшие мировую войну Европа и Япония откатывались на второй план. На первые роли в мировой политике выходили Америка (США), Евразия (СССР), Азия (Китай, Индия). В западном ареале произошла смена лидеров — Германия повержена, Великобритания уступила лидерство Соединенным Штатам. Главный победитель во Второй мировой войне — Советский Союз стал фактическим лидером незападного мира. Вслед за разгромом гитлеровской коалиции и милитаристской Японии на планете развернулась антиколониальная борьба, приведшая к ликвидации системы глобального колони-

лизма. Сложилась ситуация, когда безопасный мир был необходим всему человечеству. Ялтинская и Потсдамская мирные конференции, во многом определившие послевоенный миропорядок, проходили в условиях жесткой конкурентной борьбы, а их результаты явились глобальным компромиссом, отражавшим реальное соотношение сил в стане победителей. Главными фигурами в мировой «шахматной партии» на завершающем этапе войны являлись И. Сталин и Ф. Рузвельт. Их понимание будущего миропорядка и необходимости избегать новых войн во многом совпадали и отличались от мировосприятия г-на У. Черчилля, а также ряда американских и британских генералов. Именно Черчилль пытался продолжить войну ударом по группировке советских войск, освободивших Европу от нацизма. Рассекреченные Лондоном материалы показывают, что уже в марте 1945 г., в обстановке строгой секретности, по инициативе У. Черчилля, рождался замысел войны с СССР, создавалась американско-британская ударная группировка с привлечением немецких войск, планировался мощный удар с целью окружения и разгрома советских армий, нанесение воздушных ударов по городам и военным объектам Советского Союза (Операция «Немыслимое»)¹. Однако этому воспротивился британский Генеральный штаб (фельдмаршал А. Брук) и штабы ВВС и ВМС. Прочитав заключение их вывод: «Союзники (США и Англия. — Л. И.), безусловно, могут обеспечить доминирующее превосходство своих сил на море. Из соотношения сухопутных сил сторон ясно, что мы не располагаем возможностями наступления. ...мы считаем, что, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха (разгром советских войск, вошедших в Европу. — Л. И.) будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев»². Поблагодарим британского фельдмаршала за то, что он и его коллеги объективно оценили соотношение сил и предотвратили новую войну. Не поддержал новую войну и президент США Ф. Рузвельт, после чего внезапно скончался. Но именно Ф. Рузвельт стал активным создателем Организации Объединенных Наций (ООН) как глобальной структуры по предотвращению войн и вооруженного насилия. Он же предлагал вообще разоружить все страны мира, кроме США, СССР, Великобритании и Китая, вооруженные силы которых, действуя совместно под эгидой ООН, поддерживали бы всеобщий мир и противостояли вооруженному насилию. У. Черчилль был настроен против. И. Сталин не возражал против такого подхода, но предлагал в состав «вооруженных» стран включить и Францию.

К сожалению, скоростная смерть в апреле 1945 г. президента США изменила расстановку политических сил в Соединенных Штатах и на Западе в целом и не позволила осуществить задуманное. Тем не менее, Организация Объединенных Наций была создана, а принятый 24 октября 1945 г. Устав ООН заложил международно-правовую и политическую основы для формирования комплексной системы коллективной безопасности в интересах всего человечества.

¹ Подробнее см.: Ильинский И. М. Главный противник. Изд-во «Книжный дом Университет», Московский гуманитарный университет, 2006.

² Главный противник / под ред. И. М. Ильинского. М., 2006. С. 493.

В преамбуле и первых статьях Устава главное внимание уделено теме предотвращения войны и сохранению мира. Наделение ООН соответствующими правами и возможностями, ее политический вес и военное оснащение превращали организацию в реальный инструмент, способный противостоять попыткам угрозы силой, применения силы, актам агрессии и другим нарушениям международного мира. В концепции, заложенной в основу международной системы коллективной безопасности, предусматривалось сочетание в деятельности ООН как мирных (политико-дипломатических) средств, так и мер принудительного характера, включая использование вооруженных сил организации. Особыми наднациональными полномочиями наделялся Совет безопасности ООН, для организации операций по принуждению к миру образовывался Военно-штабной комитет организации. Основу Совета безопасности ООН являли постоянные представители стран-победительниц и Китая. Интересным было соотношение сил в СБ. СССР, естественно, представлял интересы своей страны, а также интересы будущей системы социализма и народов, ведущих борьбу против колониализма. Британия и США защищали интересы англосаксонского мира, американских монополий и ТНК, стран-сателлитов, совпадающие интересы Запада. Франция представляла романогерманскую Европу и свои колонии в Северной Африке. Китай выделялся как представитель «третьего мира» так называемых развивающихся стран. Постоянные члены СБ ООН (представители пяти стран) обладали каждый правом вето на проекты резолюции СБ, что способствовало поиску компромиссных решений в рамках Совета и служило делу обеспечения мира.

Соотношение сил в СБ ООН отражало соотношение сил на карте мира. Высокий авторитет СССР, рост его могущества и привлекательность социалистических идей вызывали обеспокоенность в правящих кругах Вашингтона и Лондона, а также в структурах крупного капитала. С разрушением колониальной системы и утраты контроля над межконтинентальными морскими коммуникациями таял геополитический потенциал Великобритании (потенциал влияния), и Лондон активно включался в политику Вашингтона. Причем Лондон, опираясь на более богатый, чем у Вашингтона, опыт династической дипломатии, деятельности спецслужб и масонских организаций, доминировал в разработке и осуществлении теневой (тайной) стратегии англосаксов. Соединенные Штаты, разбогатев на результатах Второй мировой войны, не понеся серьезного экономического ущерба в ходе военных действий (на территории США за годы войны взорвались четыре японских аэростата), привязав в 1944 г. большую часть мировой экономики к американскому доллару, подчинив своим интересам экономику промышленно развитых государств, Западной Германии и Японии прежде всего, стали безусловным лидером западного мира. Сутью геополитической стратегии США после Второй мировой войны прочитывалось:

- изменение сложившегося баланса сил в послевоенном миропорядке в свою пользу и утверждение американского гегемонизма;
- подрыв динамики развития СССР и его союзников;
- дискредитация идеологии социализма;
- достижение решающего военного превосходства и готовность к нанесению массированного ядерного удара по территории Советского Союза.

Руководство СССР, как показывают послевоенные документальные факты, стремилось закрепить геополитические результаты войны, но глав-

ным стратегическим направлением советской внешней политики являлось предотвращение новой войны и создание ситуации устойчивого безопасного мира. Поэтому Советский Союз активно участвовал в работе ООН и способствовал формированию эффективной системы коллективной безопасности. Девиз «Миру — мир!» был не просто пропагандистским лозунгом, а стержнем внешней политики не только СССР, но и всего социалистического содружества. Однако подспудно действовал и другой девиз: «Хочешь мира — готовься к войне». Развязанная англосаксонской элитой «холодная война» являлась далеко не мирным соревнованием, не конкуренцией двух систем. Это была война на уничтожение СССР, как лидера иной, более перспективной модели развития человечества. Одновременно это была война за контроль над «хартлендом», без контроля над которым (по Х. Маккиндеру и другим классикам западной геополитики) невозможны контроль над Евразией и мировое господство.

Послевоенный миропорядок носил четко выраженный биполярный характер. Но после войны возник и развивался третий фактор международной безопасности — постколониальный или развивающийся мир. Слабо организованный, находящийся под влиянием двух полюсов, он, тем не менее, играл определенную роль в системе международной безопасности. По крайней мере, за голоса стран «третьего мира» в ООН шла постоянная борьба между державами первой величины, а оформившееся в 1960-е гг. Движение неприсоединения обрело (действует по сей день и включает более 100 стран) планетарный масштаб и своей деятельностью способствовало укреплению международного мира. Признанными лидерами движения неприсоединившихся стран были Индия, Югославия, Египет. Массовость этого движения и его политическая стратегия (пусть и не четко выраженная) усиливали потенциал Востока в его противостоянии Западу, оно же составляло основу Юга (бедные страны) в противостоянии по оси Север—Юг.

Тенденцией стало и формирование региональных подсистем безопасности, таких как СБСЕ (ОБСЕ), ОИК, АСЕАН и др. Проявлялась и другая тенденция, продвигаемая англосаксонской элитой и поддерживаемая крупным западным капиталом, — создание военных блоков. Наряду с образованием в апреле 1949 г. Североатлантического альянса (НАТО) были созданы блоковые организации Багдадский пакт, СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС. Укреплялись двусторонние военные союзы США с Японией, Южной Кореей, Ираном, Турцией и т. д. В ответ на создание НАТО Москва заключила военно-политический союз с КНР, а в мае 1955 г. СССР инициировал создание Варшавского пакта, после того как провалились все попытки сформировать совместную с западными странами систему коллективной безопасности в Европе.

Сразу после окончания войны развитие и практическое применение получили миссии ООН. Кроме того, в Уставе и деятельности ООН поощрялось сотрудничество стран в экономической, социальной, культурной, экологической и иных областях, а также создание и деятельность региональных структур по безопасности. В 50-е гг. XX столетия наметилась тенденция к признанию необходимости участия ООН в разрешении внутренних конфликтов стран-участниц. Возникла новая форма деятельности структур ООН — операции по поддержанию мира, предусматривающая использование специальных международных воинских контингентов в каче-

стве военных наблюдателей и миротворческих сил третьих стран. В лихие 90-е прошлого столетия сформировалась современная концептуальная основа миротворчества, как совокупность мер, предпринимаемых в интересах сохранения и поддержания международного мира.

Достижение к 70-м гг. прошлого столетия паритета между СССР и США в ракетно-ядерной сфере позволило запустить процесс ограничения, а затем и сокращения стратегических наступательных вооружений, но первым геополитическим прорывом в этом направлении стал Договор 1972 г. об ограничении систем противоракетной обороны. Геополитическим потопом, что в ходе переговоров была применена иная, не военно-стратегическая логика: обесценивание стратегических наступательных средств отказом от их противоракетной защиты, как и защиты территории страны. Развивались процессы ограничения, сокращения и полного запрета некоторых видов химического и биологического оружия. В 80-е гг. начались переговоры по ограничению обычных вооружений в Европе, сущностью которых было ограничение возможностей двух противостоящих военных блоков — НАТО и Организации Варшавского Договора, создавать наступательные группировки войск для внезапного удара. И это стремление было обоюдным как для европейцев, так и для СССР.

Таким образом, система международной безопасности, сложившаяся по результатам Второй мировой войны, носила всеобъемлющий комплексный характер, охватывала все планетарное пространство и базировалась на принципе сложившегося баланса сил. Субъектами системы являлись государства, группировавшиеся вокруг двух полюсов силы или занимавшие позицию нейтралитета. Принцип нерушимости государственных границ доминировал над принципом самоопределения наций. Советский Союз, вкладывая огромные политические усилия и материальные ресурсы в поддержание комплексного баланса сил, развитие стран «третьего мира», достижение и поддержание военно-стратегического паритета, вносил свой геополитический вклад в стабильность и безопасное развитие человеческой цивилизации. СССР своими жертвами «работал» на будущее всего человечества. Такая система имела определенный запас прочности и потенциал развития, учитывала потенциал культурно-цивилизационной сущности структур современного мира, о которой еще в 1869 г. писал выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский, развивали геополитики немец О. Шпенглер, англичанин А. Тойнби, американец С. Хантингтон.

«Холодная война» как продолжение и развитие геополитики «морской цивилизации»

Однако, несмотря на ужасы только что завершившейся мировой войны, сущность западной геополитики как теории и политической практики фактически не изменилась. Устремление на мировое господство скорее усилилось, чем ослабло. Причинами тому явились следующие факторы:

- контроль со стороны США над промышленно-развитыми Европой и Японией;
- доступ к ресурсным регионам мира;
- создание мировой финансовой системы на основе американского доллара (Бреттон-Вудское соглашение);

- усиление американской экономической и военной мощи, монопольное обладание США ядерным оружием;
- усиление влияния национального и транснационального капитала на геополитику англосаксонской элиты.

Сущность «холодной войны» на практике носила следующие проявления:

- острое политическое и идеологическое противостояние между коммунистической и западной либеральной системами;
- создание системы военных союзов (НАТО, Организация Варшавского Договора, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС, АНЗЮК);
- форсирование гонки вооружений и военных приготовлений;
- резкий рост военных расходов;
- периодически возникающие международные кризисы (Карибский кризис, Корейская война, Вьетнамская война, Афганская война);
- негласный раздел мира на «сферы влияния» советского и западного блоков и жесткая борьба за контроль над «своим» геополитическим пространством (Венгрия, Чехословакия и т. д.);
- создание разветвленной сети военных баз (в первую очередь, США) на территории иностранных государств;
- пропаганда собственной идеологии и образа жизни;
- дискредитация в глазах населения «вражеских» стран и «третьего мира» официальной идеологии и образа жизни противоположного блока;
- сокращение экономических и гуманитарных связей между государствами с различными социально-политическими системами.

«Холодная война», как мы видим из вышеизложенного материала, началась задолго до фултонской речи (5 марта 1946 г.) У. Черчилля. Уже в ходе Второй мировой войны «союзники» действовали не только против германского нацизма, но и против СССР. Затычка с открытием второго фронта, попытки договориться за спиной СССР с гитлеровцами о капитуляции перед англоамериканскими войсками, сохранение 10 немецких дивизий для удара по советским войскам и т. д., есть по сути дела не что иное, как реализация закона фундаментального дуализма о вечном противостоянии «моря и суши».

«Холодная война» — это глобальная геополитическая конфронтация между СССР и США и возглавляемыми ими цивилизационными системами (суши — моря) в период с середины 40-х до начала 90-х гг. XX столетия. Это новый тип геополитического противоборства в условиях отсутствия у агрессивной стороны (англосаксов) превосходства в военной силе для разгрома или подчинения геополитического соперника. В ходе этой войны были запущены два процесса против СССР — военный удар с применением ядерного оружия и процесс «мирного» уничтожения соперника.

Западная Европа была поставлена под контроль США с помощью «плана Маршалла» и военного присутствия англо-американского военного контингента, а затем через блок НАТО. В отношении Советского Союза были приняты совершенно иные планы. 18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США утвердил Директиву NSC 20/1 «Цели США в отношении России»¹. Гриф секретности самый высокий — «Совершенно секретно».

¹ Главный противник / под ред. И. М. Ильинского. М., 2006. С. 175.

Директива определяет два взаимосвязанных плана борьбы против СССР — мирный и военный. Процитирую сначала некоторые выдержки из этого исторического документа: «...нашей первоочередной задачей в мирное время является планомерное ослабление влияния и мощи России при балансировании на грани войны, а также преобразование нынешних сателлитов России в независимые государства, самостоятельно действующие на международной арене... Мы должны содействовать развитию в Советском Союзе института федерализма всеми имеющимися у нас средствами... **Нашей второй задачей в отношении СССР в мирное время является осуществление тайных операций,** направленных на развенчание мифа, который заставляет народы... быть в подчинении Москвы»¹.

В военной части директивы есть также немало интересных моментов. И первый, США делают оговорку: «Мы не должны рассматривать войну как неизбежность. **Мы не должны отрицать возможность достижения всех наших целей в отношении СССР без развязывания войны**». То есть, несмотря на планирование ядерных ударов по СССР, главным вариантом все же был план «мирного» уничтожения советской системы, потому что «безоговорочная капитуляция (советского режима) маловероятна». Да, как запасной вариант в документе подчеркивается: «А если этого не произойдет, мы не можем быть уверенными в том, что нам удастся уничтожить советскую власть другими средствами, кроме как крупномасштабными военными действиями, направленными на установление контроля над всей территорией России»². Читая этот документ, поражаешься тому полному совпадению с тем, что происходило в конце 80-х и что произошло в лихие 90-е. Например, после привода к власти в России либеральных группировок господ американцы не склонны доверять им самостоятельность, а обязаны держать под строгим контролем. Процитирую из раздела «Ликвидация советской власти»: «...даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально дружественным по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее:

- отсутствие у подобного режима большой военной мощи;
- его сильную экономическую зависимость от внешнего мира;
- соблюдение им прав национальных меньшинств;
- отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром».

Все это мы наблюдали, начиная с 1991 года. Но в директиве есть положения и про 2014-й. Во-первых, это Украина. Ей уделено целых несколько страниц: «В случае с украинцами ситуация иная. Они слишком близки к русским... тем не менее, мы также не должны препятствовать какому-либо независимому режиму на Украине. **Украина должна быть освобождена от влияния России, она должна развиваться как самостоятельное независимое государство**». (С. 204). Во-вторых, это про то, если возникнет неподчинение на какой-то части СССР, то вариант тоже предусмотрен в виде особых «дипломатических отношений и договоренностей»: «... условия подобных договоренностей должны быть

¹ Главный противник / под ред. И. М. Ильинского. М., 2006. С. 187–190.

² Там же. С. 196.

жесткими и носить явный оскорбительный характер... Они должны быть подобны условиям Брест-Литовского договора». Видимо, г-н Обама или его советники внимательно читают директиву СНБ США № 20/1, которая, кстати, по сей день не отменена. В развитие и во исполнение этого плана уничтожения СССР последовали «доктрина Трумэна» как возвращение «политики большой дубинки» Т. Рузвельта (1901–1909), соответствующие планы ЦРУ, минобороны, госдепа и пр. Американцы нация исполнительная.

Но стержнем американской геополитической стратегии сохранялась формула мирового господства, выведенная Х. Маккиндером: контроль над Восточной Европой позволяет контролировать «хартленд» (Россию); контроль над «хартлендом» ведет к контролю над Евразией; контроль над Евразией ведет к мировому господству. Главным элементом стратегии США после Второй мировой войны становилось геополитическое противоборство с СССР, олицетворявшим не только «хартленд», но и Евразию. Появление у Советского Союза ядерного оружия фактически сделало войну, в ее классическом понимании, невозможной. «Холодная война» явилась альтернативой войне классической. Но цели и задачи ее остались прежними, что мы и видим в Директиве № 20/1. Началась сложная геополитическая игра, охватившая все сферы жизнедеятельности государства и общества. В эту игру вовлекались и другие государства и народы, так или иначе входившие (или имеющие возможность войти) в орбиту Советского Союза. Не решаясь столкнуться в военной схватке с СССР непосредственно, США постоянно провоцировали вооруженные конфликты в «третьих» государствах. За 50 послевоенных лет Соединенные Штаты 30 раз вторгались в пределы суверенных государств. Непосредственное боевое столкновение американских и советских войск происходило в Корее и во Вьетнаме, где советские воины явно превосходили американцев.

Другим важным направлением «холодной войны» была борьба с коммунистическим движением как союзником СССР. Первое, что сделали американцы, это уничтожили всякую левую оппозицию у себя в стране. Развернулись такие мощные идеологические потоки, как маккартизм, «охота на ведьм», суды Линча, коммунисты объявлялись предателями нации, отправлялись в тюрьмы. Подавлялись и дискредитировались компартии в других, особенно союзных США, странах.

Была также развернута гонка вооружений, провоцировались напряженность и конфликты вблизи границ СССР, нарушалось советское воздушное пространство, территория окружалась сетью военных баз (стратегия «анаконды» А. Мэхэна). Очевидной прочитывалась тактика изматывания противника.

В апреле 1949 г. в Вашингтоне был подписан договор о создании военного блока НАТО. В основу его были положены теоретические разработки Н. Спайкмена. Мотивировалось создание НАТО необходимостью сдерживания СССР и защиты от коммунистической угрозы. Но это всего лишь прикрытие, легендирование, фикция. Советскому Союзу было не до мировой революции и не до военных походов. Замысел подобного военного блока закладывался гораздо раньше. И об этом мечтали, прежде всего, в Лондоне: о контроле европейского пространства. Именно об этом контроле говорилось еще 28 января 1942 г. (после разгрома немцев под Москвой) в

секретном меморандуме Идена — министра иностранных дел Великобритании WP/42, добытом вскоре советской разведкой. В меморандуме, в частности, есть такая фраза: **«Я думаю, что если в ближайшем будущем Франция не будет восстановлена как великая держава, то в наших интересах иметь на французском побережье военные и морские базы. Бельгия и Голландия должны находиться в открытом военном союзе с Великобританией, с правом последней иметь в этих странах военные и морские базы, а также, при наличии необходимости, держать там свои войска»**. В отношении Германии в меморандуме есть четкое указание: **«восстановить в наших собственных интересах такое соотношение сил, ... которое могло бы помешать возрождению Германии, ... чтобы в военном отношении Германия была окружена»**. Прочитывается и предупреждение о недопустимости сотрудничества России с Германией: **«Если допустить, что Германия потерпит поражение, германская военная мощь будет уничтожена, ... может оказаться необходимым и дальше сотрудничать с Россией, потому что иначе она может поддаться искушению сотрудничества с Германией, побужденная к этому историческими тенденциями и экономической необходимостью»**. Здесь явно прочитывается предупреждение Х. Маккиндера о недопустимости союза Германии и России. И не случайно именно Лондон противился объединению ФРГ и ГДР, не хотелось англичанам усиления своего вечного соперника — континентальной Германии, к тому же стремящейся стать центром Европы и активным партнером России. Но в противостоянии за лидерство в западном мире Великобритания проиграла Соединенным Штатам. Америка за годы войны удвоила доходы своих корпораций и золотой запас. Территория США фактически не подверглась ни одному удару авиации противника. Экономика на военных заказах серьезно укрепила свое лидирующее положение в западном мире и полностью избавилась от последствий Великой депрессии 1929—1933 годов. Поэтому британские идеи о военном союзе с целью контроля над Западной Европой были перехвачены и реализованы Вашингтоном. Как и максима Х. Маккиндера о мировом господстве.

Признаем, что НАТО — удачный геополитический проект США и Британии, поставивший на многие годы Европу под англосаксонский контроль, вынудивший Советский Союз держать более чем миллионную группировку войск в Восточной Европе, что вело к огромным материально-финансовым затратам, загрузкой экономики военной продукцией в ущерб гражданскому производству. Плюс присутствие большой массы советских войск на территории стран — союзников СССР вызывало напряженность в отношениях между народами стран социалистического блока.

Добавим к этому масштабные операции спецслужб Запада, экономические санкции и идеологические диверсии против соцстран по подрыву стабильности и единства. В конце концов, стратегия США, наложившаяся на ошибки послесталинского руководства СССР и явное предательство в политической элите, привели к разрушению всего социалистического лагеря как перспективной мировой геополитической системы.

Был ли выход из ситуации «холодной войны» с положительным для СССР итогом? Полагаю, что был. Карибский кризис 1962 г., когда США обнаружили у себя под носом советские ядерные ракеты, коренным об-

разом повлиял на общественное сознание американцев. Впервые за всю свою историю США вдруг оказались перед угрозой не только вторжения иностранных сил на американский континент, но и перед угрозой полного уничтожения. Американское население впервые примерило на себя тот ужас войны (в данном случае ядерный), который они приносили другим народам. И поэтому советскому руководству следовало бы этот исторический момент активно использовать в переговорном процессе по восстановлению послевоенного статус-кво, достигнутого в ходе Ялтинской и Потсдамской конференций. Во-вторых, американцы выявили наличие на Кубе только советских ядерных ракет, но там базировались наши самолеты Ил-38 с ядерными бомбами на борту. В договоренностях по мирному разрешению кризиса речь шла о выводе советских ракет, но по решению Н. Хрущева мы вывели и боевые самолеты — носители тактического ядерного оружия, в то время как США таковые держали у наших границ. Если бы мы поступили иначе, был бы шанс впоследствии договариваться об отводе военных баз США от наших границ и по сокращению противостояния с НАТО. Дело в том, что США с удовольствием воюют на отдаленных от своей территории театрах военных действий. Но как только их территория подвергается угрозе, они идут на компромиссы. Так случилось не только в 1962 г., но и в 70-е, когда у Советского Союза появилось достаточно межконтинентальных ракет, достигавших территории США (договоры ОСВ-1, ОСВ-2, ПРО-1972 и др.). Учитывая этот фактор, можно было смело идти на понижение (даже в одностороннем порядке) уровня военного противостояния по оси НАТО — Варшавский Договор, но усиливая непосредственную угрозу, в случае войны, территории Соединенных Штатов, а не Европе. Это позволило бы серьезно сократить военные расходы СССР и его союзников.

Деформация системы международной безопасности в результате развала Советского Союза

Деформация послевоенной системы международной безопасности началась с приходом к руководству Советским Союзом М. Горбачева. Не обладавший геополитическим кругозором и глубоким пониманием сложных мировых процессов, новый советский руководитель довольно быстро стал объектом западного манипулирования, отказался от поддержания баланса сил в мировом пространстве, стал сдавать стратегические позиции СССР, веками утверждавшиеся российскими императорами, И. В. Сталиным и другими советскими руководителями. Доходило до того, что в ходе переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений (чему автор был свидетелем) Горбачев и Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР) играли за спиной советских генералов и дипломатов на стороне американцев. То есть находились в тайном сговоре с главным противником, если не сказать большего. Об этом также вспоминали руководители советских переговорных групп Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев и Г. М. Корниенко, первый заместитель министра иностранных дел СССР¹.

¹ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. М.: Международные отношения, 1992.

Горбачев и его ближайшее окружение не имели четкой внешнеполитической концепции, стратегии национальной и международной безопасности, не видели перспективной модели развития советского государства и мировой системы социализма. Вместо творческого развития национально-государственной идеологии, укрепления культурно-цивилизационных основ советского общества они встали на путь подражательства западной витрине, заискивания перед американской экономической и военной мощью, измеряя соотношение сил только лежащей на поверхности (пропагандисткой) материальной шкалой. Провозглашенные Горбачевым геополитически совершенно бессодержательные «новое политическое мышление» и выход из «холодной войны» на самом деле означали идеологическую капитуляцию перед Западом и разрушение баланса сил в мировом пространстве, на основе которого формировалась система международной безопасности. Деятельность Горбачева и его команды подпадает под определение цивилизационного или геополитического предательства. Позднее, после развала СССР, помощник Президента СССР Г. Шахназаров признавался, что они в аппарате Горбачева о геополитике ничего не знали, а о геополитических законах, закономерностях, теориях и концепциях вообще никогда не слышали.

Развал Советского Союза и мировой социалистической системы коренным образом изменил геополитическую структуру мира и расстановку сил в мировом политическом пространстве. Рухнул один из полюсов биполярной мироконструкции. Резко ослаб третий полюс — движение неприсоединения. США остались единственной сверхдержавой и, по сути, единственным полюсом силы. Но и они оказались не готовы к такой ситуации, несмотря на то, что более полутора веков стремились к мировому владычеству. Не было готовой и осмысленной теории однополярного миропостроения, философии безопасной жизнедеятельности народов и цивилизаций в подобной конструкции, разумной стратегии управления развитием человечества. Властвующая элита США, с учетом ее состава и смысла жизни, скатилась на привычную колею глобального диктата. Инструментарий также оказался испытанным — экономическое и военное превосходство, инфраструктура информационно-психологического подавления несогласных, игнорирование норм международного права и утверждение в качестве принципа внешней политики права силы.

Уже в начале 1992 г. Пентагон представил Конгрессу и Президенту доклад о стратегии национальной безопасности США, в котором говорилось: «Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял Советский Союз. Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального глобального соперника»¹. Это была заявка на единоличное управление мировыми процессами и одновременно указание России (и Китаю) не пытаться соперничать с Америкой.

Госсекретарь США М. Олбрайт, обращаясь к американским генералам, четко определила главный инструмент внешней политики Вашингтона: «Какой резон иметь эту превосходную военную машину, о которой постоянно

¹ Нью-Йорк Таймс, 8 марта 1992 г.

говорят военные, если мы не можем ее использовать?»¹. Как это созвучно тезису Р. Челлена: «государство не должно напрасно носить меч!» То же самое подчеркнул в январе 1998 г. президент США Б. Клинтон, выступая в Национальном оборонном университете: «Дипломатия и сила являются двумя сторонами одной и той же монеты». Итак, Соединенные Штаты сразу после исчезновения Советского Союза объявили нормативную базу системы международной безопасности «утратившей силу».

Наступила эпоха международного беззакония, насилия и разбоя. И это не стало новым явлением в истории человечества. Еще великий Гегель, анализируя геополитическое поведение континентальных и морских народов, утверждал, что «море призывает к разбою». Давайте, читатель, на мгновение углубимся в историю Великобритании. Кто торжественно провозглашался национальными героями, громогласно избирался лордами, назначался командующими военно-морскими силами? Да еще объявлялся первооткрывателями новых земель и континентов? Наиболее успешные и жестокие морские разбойники — пираты, приносившие Британии больше других золота, пряностей, алмазов и колонизированных территорий. Победа «морской цивилизации» в «холодной войне» в результате не поражения СССР, а предательства его властвующей «элиты» восстановила прежнюю традицию англосаксов, возродила их геополитическую мечту о мировом господстве во имя богатства и глобальной власти. Другой мечты, тем более воплотившейся в научной теории и политической стратегии, у англосаксов никогда не возникало. Насильственная экспансия, безмерная жестокость, всеядная нажива и ссудный процент со времен Кромвеля, во имя глобального подчинения этой наживе (прибыли) всех других народов мира, стало смыслом жизнедеятельности англосаксонской элиты. Изменение геополитической ситуации в 1991 г. только укрепило элиту США и Великобритании в следовании прежнему многовековому курсу на мировое владычество. Развал СССР способствовал воплощению этой мечты и даже придал ей некий мистифицированный смысл и соответствующий обряд.

И в решении этой «божественной» задачи наличие силовых возможностей, по мнению ряда американских политических экспертов, открыло перспективу чистого, быстрого и приемлемого решения насущных проблем, *«вооруженные силы стали предпочтительным инструментом американского государственного искусства. Результатом стала обновленная, интенсифицированная — и, возможно, необратимая — милитаризация американской внешней политики»*. Это я процитировал известного американского эксперта А. Басевича². И вот резюме более весомого эксперта американского политолога Т. Фридмена: *«...мир поддерживается присутствием американской мощи и американским желанием использовать эту военную мощь против тех, кто угрожает их глобальной системе... Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем»*³. В этом изречении мы уже наблюдаем тесную взаимосвязь военной силы с «невидимой» рукой рынка, то бишь с крупным олигархическим капиталом. Напомню уважаемому читателю,

¹ Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М., 2001. С. 22.

² Bacevich A. Policing Utopia. National Interest Summer 1999. P. 5.

³ The National Interest. Spring, 1999. P. 5.

что еще в 1907 г. на одном из островов вблизи США состоялось тайное совещание крупнейших мультимиллионеров мира. На нем была принята следующая формула (план Марбурга), закрепившая приоритет в деятельности родившейся мировой финансовой элиты: «Власть — это товар. Пусть и самый дорогой. Поэтому мировая власть должна принадлежать международным финансистам». С ликвидацией мировой системы социализма эта формула обрела реальные очертания. Но первое, что следовало предпринять, это завоевать реальную власть в Соединенных Штатах Америки. Как это осуществлялось, подробно исследовал член-корреспондент Академии геополитических проблем, доктор политических наук В. Б. Павленко в своей объемной монографии¹. Последним американским президентом, кто пытался отнять власть у Федеральной резервной системы, превратившей обесцененный доллар одновременно и в товар, и в инструмент власти, был Дж. Кеннеди. За что его и ликвидировали.

И, подводя промежуточный итог, мы можем констатировать: ослабление сил, сдерживающих мировую олигархию в ее неудержимом стремлении к обладанию мировой властью ради выкачивания глобальных прибылей из всего сущего на планете, развязало ей руки на достижение таких властных полномочий. А система международной безопасности, ставящая во главу угла приоритет прав народов над правами частных лиц, социальных и национальных меньшинств, стала преградой на пути установления мировой власти денежных мешков. Поэтому с точки зрения новых претендентов на роль глобальных диктаторов такое препятствие должно быть устранено всеми имеющимися в распоряжении средствами, военно-силовыми прежде всего. При этом государство по имени США стало, само того не подозревая, главным инструментом завоевания мировой власти для транснационального олигархического сообщества, основу которого составляет еврейский финансовый капитал. Но «битва» финансистов за полный контроль над Америкой продолжалась почти 10 лет и завершилась победой в 1999 г., когда президент США Б. Клинтон, игнорируя все основополагающие международно-правовые нормы, принял решение о начале бомбардировок Союзной Республики Югославия. Это решение ему далось нелегко, он долго перед теневыми финансовыми структурами апеллировал к Уставу ООН, к правилам международной безопасности. Но когда ему предъявили угрозу импичмента, он, памятуя, чем закончилось сопротивление Дж. Кеннеди Финансовой резервной системе США, передал управление Америкой в руки финансистов. Далее в дело вступила стратегия перехвата управления мировыми политическими процессами от государств и структур, сформированных на межгосударственной основе, финансовыми кругами.

¹ Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» переворот? М.: ОГИ, 2011. С. 233–258.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр ДУГИН

БЕГСТВО АПОЛЛОНА ИЛИ БЕЗДНА ПОД НАЗВАНИЕМ «СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА»

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог, доктор политических наук, социолог, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (2008–2014), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

Как приближающийся неминуемый конец Европы касается России? Это непростой и несправедливый вопрос, так как русская культура, религия и сама русская цивилизация имеют европейские, средиземноморские корни. Россия — часть вечной Европы, и нам судьба Старого Света никак не может быть безразлична, так как в значительной мере это и наша судьба.

Вечная Европа: три касты

Современная европейская цивилизация есть историческое продолжение цивилизации средиземноморской. В этой преемственности преобладает индоевропейская составляющая, и основной языковой и культурной матрицей Европы является индоевропейская традиция.

Если вспомнить реконструкцию трехфункциональной системы Жоржа Дюмезиля (французский мифолог и филолог-компаративист, автор теории трех функций), то перед нами предстанет социологическая карта Европы, в общественном устройстве которой будет преобладать постоянно воспроизводимый принцип трех главенствующих каст:

- жрецов;
- воинов;
- производителей.

На самых разных исторических этапах и под разными названиями и именами мы действительно сталкиваемся именно с такой стратификацией европейских обществ. Классическим выражением такого порядка является древнейшая эпоха средиземноморских обществ, начиная с периода ахейских завоеваний и гомеровской Греции. Подобная система характерна для Древней Греции и Рима, за исключением периодов упадка, когда усиливались политические

позиции «городских жителей», представлявших собой смешение высших каст с децентрализованными крестьянами и давших новый тип торговца, чуждый классическим индоевропейским обществам. Этот тип торговца мог формироваться по линии деградации и материализации воинского сословия (что описано у Платона в «Государстве» как явление тимократии), а мог и снизу, через специфическую девиацию социального типа бывших крестьян или городских ремесленников. Нельзя исключить, что он был результатом вообще внешних влияний по отношению к индоевропейскому культурному кругу — например, финикийских, и шире — семитических, где торговля представляла собой широко распространенное социальное занятие. «Городские жители», «граждане», то есть «горожане», образовали в городах-государствах Греции специфическую социальную среду, в которой три классические функции индоевропейского общества получили свои пародийные выражения. По меньшей мере, так представлял себе вещи Аристотель в «Политике». Власть божественных царей-жрецов (священная монархия) превратилась в тиранию. Господство воинской аристократии стало доминанцией финансовой олигархии, а органическое самоуправление этнически однородных и солидарных общин (полития) — «демократией», властью случайной и разрозненной толпы, объединенной лишь городской территорией проживания.

Рим в эпоху своего расцвета снова вернул пропорции индоевропейской трехфункциональной иерархии. Однако и в Римской империи периоды упадка характеризовались сходными явлениями подъема недифференцированного городского большинства.

Распространение христианства, не являющегося чисто индоевропейским культурным явлением, но ставшего таковым в греко-римском культурном контексте, дало старт возрождению индоевропейских основ культуры, кульминацией чего стало европейское Средневековье.

К концу Средневековья снова поднимает голову городское «гражданское общество», растет роль «торгового сословия» — и, в конце концов, буржуазная Европа Англии, Голландии и Франции окончательно закрепляет нормативно демократическую социальную модель. Важно, что главной фигурой этой Европы Нового времени выступает *буржуа* (торговец, предприниматель, делец), который в классических индоевропейских обществах находился либо на периферии, либо вообще отсутствовал. Подробный и детальный социологический анализ роли и функции буржуа дают в своих программных работах известные европейские социологи М. Вебер¹ (в апологетическом ключе) и В. Зомбарт² (в критическом ключе).

Итак, по Дюмезилу, современная западноевропейская цивилизация является индоевропейской по своей природе и изначальной структуре, а значит, в ее основании лежит трехфункциональная модель. Но Новое время привнесло в эту структуру и постепенно поставило в центр чуждый генетически этой индоевропейской цивилизации элемент, концептуально конфликтующий с ее классической матрицей.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1991.

² Зомбарт В. Буржуа. М.: Наука, 1994.

Упадок Европы по Шпенглеру, Данилевскому, Сорокину

Если анализ трех функций Дюмезиля показывает существенное отклонение Европы Нового времени от индоевропейской парадигмы с появлением чуждой индоевропейскому обществу фигуры буржуа, то и другие авторы, применявшие цивилизационный подход (Шпенглер, Данилевский, Сорокин и т. д.) сходились во мнении, что цикл европейской цивилизации вошел в стадию упадка. Романо-германский мир (по Данилевскому) переживает эпоху старости, утрачивает свою жизненную силу, энергию, распадается в материальности и чувственности. Шпенглер вообще всю свою теорию выстроил для обоснования того, что фаустовский дух довел Запад до духовной катастрофы, жизнь органической культуры угасла и сменилась чисто технической и отчужденной цивилизацией. Питирим Сорокин, со своей стороны, утверждал, что Европа в Новое время дошла до конца чувственной стадии развития своей социокультурной системы и застыла на краю бездны. Всего Сорокин выделял три типа социокультурных систем: идеационная (чисто духовная), идеалистическая (сбалансированная) и чувственная (материалистическая); когда чувственная подходит к концу и упадку, ее снова сметает идеационная, что и должно, по Сорокину, произойти с Европой в ближайшее время.

Все эти теории говорят о том, что в рамках европейской цивилизации в целом (какими бы эти рамки ни были у разных авторов), современный момент этой цивилизации представляет собой *терминальную фазу*, эпоху дряхления, упадка, деградации и агонии. Это значит, что европейский Логос находится в последней трети его циклической манифестации — с обратной стороны от детства Европы в греко-римской Античности и ее зрелого возраста в период европейского Средневековья.

Десакрализация Европы (Генон, Эвола)

Еще более жестокий диагноз ставили Европе Нового времени традиционалисты. Согласно французскому традиционалисту Рене Генону, европейский модерн стал выражением *антицивилизации*, воплощением всего того, что противоположно духу, Традиции, сакральности. Секуляризация, гуманизм, натурализм, механицизм и рационализм, по Генону, суть проявления *духа извращения*, который затрагивает все общества, но который лишь в современной Европе получил столь абсолютное и полное воплощение, был возведен в норму и принцип. Периоды деградации знали и традиционные общества, но современная Европа построила в полном смысле слова антиобщества, где все нормальные пропорции нарушены: божественное трансцендентное измерение отвергнуто, религия отодвинута на социальную периферию, материя и количество, эфемерность и чувственность, индивидуализм и эгоизм, напротив, возведены в высшие ценности.

Генон утверждает, что все, что имеет отношение к Традиции в Европе, не является собственно европейским и в гораздо более чистой и полной форме может быть найдено у народов Востока, а собственно европейскими являются лишь фрагментаризация Традиции, ее искажения и извращения, ее сведения на низший человеческий и рационалистический уровень. Генон

трактует Запад буквально, как страну, где исчезает солнце духовности и начинается «ночь богов».

Почти так же оценивает современную Европу итальянский философ Юлиус Эвола, однако он полагает, что европейская традиция, существовавшая в Античности и Средневековье и уходящая корнями в героическую эпоху, все еще может быть восстановлена и Запад может быть вызволен из той бездны, в которую его погрузила современность. Восстановление этого героического духа Запада было для Эволы делом жизни. Но в отношении Европы Нового времени мыслитель разделял самые жесткие и негативные оценки, полагая, что в этот период мы имеем дело с анти-Европой, с ее предельным вырождением и самопародией. Буржуазию Эвола считал декадентским классом, а демократию, рационализм, сциентизм и гуманизм — формами духовной и социально-политической болезни.

Генон и Эвола обоюдно констатировали полную и глубокую *десакрализацию* Европы, но Эвола надеялся на возможность ресакрализации, а Генон считал это маловероятным, предрекая Старому Свету скорую и неизбежную гибель.

Вопрос о гендерном индексе современной Европы

При определении гендерного индекса современной европейской цивилизации мнения разных авторов глубоко расходятся. С одной стороны, по логике швейцарца Бахофена и немца Вирта, Европа строится на патриархате, и по мере удаления от древнего матриархата эти патриархальные тенденции (аполлонизм, доминанция мужской рациональности) только возрастают. Новое время в лице рационалистической философии и науки на первый взгляд подтверждает эту оценку. Из такого анализа исходили многие философы жизни (от Ф. Ницше до А. Бергсона, Л. Клагеса, М. Шелера, Г. Зиммеля, Л. Циглера, Г. Кайзерлинга и т. д.), призывая освободиться от «отеческой доминанции» в европейской культуре. Но с другой стороны, Юлиус Эвола и некоторые другие мыслители, например Отто Вейнингер, указывали на то, что Новое время возвело в приоритет именно материалистические, чувственные, эмпирические ценности, свойственные скорее женскому космосу. Поэтому Эвола отстаивал тезис, что мы живем в эпоху Кали-юги, где торжествует принцип «черной женственности», хаоса, смешения и гибели, что соответствует наиболее негативному аспекту именно женского начала. Европа в этом смысле является сосредоточением такой «черной гинекократии», царством богини Кали, где, напротив, подлинно мужскому, героическому началу вообще больше нет места. Если истоки европейской традиции, по Эволе, в героическом мужском типе, то европейская современность есть прямая противоположность этому типу, его антипод.

Это подтверждается распространением феминизма и широкой легализацией гомоэротических отношений и разнообразных перверсий.

Три взгляда на судьбу Запада

Начальный аккорд средиземноморской цивилизации предопределил основные пропорции ее исторического бытия до настоящего времени. Поэтому когда мы говорим о «Закате Европы», о кризисе западной цивилизации,

мы, осознанно или бессознательно, имеем в виду кризис светлого Логоса, трагедию Аполлона¹. Это совершенно эксплицитно дано у Ю. Эволи, но нечто аналогичное, безусловно, подразумевают и все остальные авторы, ставящие западной цивилизации летальный диагноз. Вольно или невольно, говоря о кризисе Запада, мы имеем в виду кризис *аполлонического Запада*, Запада Античности и Средневековья. Именно Аполлона оплакивают те, кто фиксирует катастрофичность современной западной культуры.

Если это так, то финальным сечением исторического цикла средиземноморской цивилизации мы должны считать «уход Аполлона», его «удаление», его «исчезновение», его «бегство». В таком случае начальной точкой средиземноморской цивилизации является радикальный момент победы Аполлона над Кибелой, Великой Матерью, а конечной, той, в которой мы находимся, ослабление Аполлона, падение Аполлона, конец его царствования. Энигматические мифы о грядущем конце правления Зевса, с которыми связаны, в частности, сюжеты о проглатывании им титанэссы Метис и о рождении Афины, могут иметь к этому также самое прямое отношение. *Конец западной цивилизации есть конец правления светлого Логоса Аполлона.*

В таком случае с позиции самого Логоса Аполлона эта история есть движение по нисходящей, с высшей точки к низшей. Вершина — это начало средиземноморской культуры, низ — настоящее состояние западной цивилизации. Если представить эту же схему более натуралистически, то первая фаза (второе тысячелетие до Р. Х.) — это ранняя стадия, детство Аполлона, с середины первого тысячелетия до Р. Х. до Средних веков Европы — зрелость Аполлона (совпадающая с расцветом платонизма) и, наконец, дряхление, старость и вырождение светлого Логоса в рационализме Нового времени вплоть до иррациональной агонии постмодерна.

Но если ту же самую траекторию проследить с позиции черного Логоса Кибелы, картина окажется существенно другой. Стартом будет подчинение женского начала мужскому. Но для Логоса Кибелы этот аполлонический старт не является собственно ее началом. Логос Кибелы уходит корнями в далеко доиндоевропейское прошлое или в неиндоевропейские, но пограничные с ним области, например, египетские или семитские (если ограничиваться Средиземноморьем). Поэтому Кибела видит вторжение Аполлона *как эпизод*, причем довольно свежий в сравнении с глубинным и подземным временем Великой Матери. Тем не менее, она признает в эллинском мифе поражение в титаномании и гигантомании и оплакивает своих детей, павших от рук олимпийцев. По мере же ослабления власти Аполлона, она постепенно *освобождается*, раны титанов затягиваются, они медленно начинают пробираться к поверхности Земли.

Первым из титанов на Олимп восходит Прометей. Титан стремится подражать богам, делится с ними своей хтонической мудростью, перенимает у них священные навыки власти. Для Великой Матери время — прогресс, и это вполне оправдано, так как по мере ослабления богов растут силы титанов. Новое время — это их время. Под «прогрессом» можно понимать только прогресс хтонических и гипохтонических сил, освобождение древних могуществ, заключенных в Тартаре. Это реванш горы Отрис, контратака армии гигантов на Флегрейских полях. Штурм Олимпа. Конец западной

¹ Дугин А. Г. В поисках темного Логоса. М.: Академический Проект, 2014.

цивилизации и движение к этому концу для хтонических сил есть истинное развитие, становление, прогресс и приближение к долгожданному триумфу. Вот в чем суть гуманизма модерна.

С другой стороны, финалом прогресса может стать «царство женщины»¹. Это совпадает с определением индуистской традиции настоящего времени как Кали-юги, царства черной богини Кали.

Те, для кого никакого кризиса западной цивилизации не существует, просто к ней по большому счету не принадлежат. Это не голос западной цивилизации, это голос черного Логоса. Еврооптимистом сегодня может быть только неевропейский человек.

Единая Европа: Империя садов Аполлона

Здесь следует уточнить, как можно понимать Европу.

Мы можем говорить о существовании Европы с начала II тысячелетия от Р. Х. и конкретно с эпохи вторжения и укрепления в Средиземноморском бассейне индоевропейских кочевых воинственных солярно-патриархальных народов, до настоящего времени единой общеевропейской цивилизации, обладающей рядом основополагающих характеристик. Это средиземноморская цивилизация в ее четырехтысячелетних границах.

Эта цивилизация в целом отмечена решающей доминацией аполлонического Логоса, вертикальной иерархической структурой мира, общества и мышления, солярным культом и почитанием небесных богов, индоевропейской трехфункциональной системой каст, однозначным патриархатом и логоцентризмом. Европа — это страна Аполлона, бога с луком и лирой, проекция гиперборейского Севера и его примордиальной (изначальной) традиции. Сюжет о похищении Европы Зевсом в образе быка может быть интерпретирован в данном случае как изъятие женского матриархального контекста из хтонической среды и перенос ее в небесную область мужской небесной доминации (сюда же относятся сюжеты о превращении земных женщин в созвездие — например, Ариадна, супруга Диониса, которая, так же как и сама Европа, происходит с Крита, считавшегося очагом матриархальной культуры). На историческом уровне это могло дублироваться практикой кочевых воинских племен (в первую очередь индоевропейских), традиционно испытывающих недостаток в женщинах (в силу трудностей кочевого быта и постоянных войн, ведущихся скотоводами-мужчинами), похищать невест из оседлых и более матриархальных аграрных обществ². Аполлон же в архаических памятниках сам изображается в виде пастуха, несущего на плечах ягненка. Отсюда целая череда пастушеских метафор: пастырь в контексте этой аполлонической культуры — это царь, пророк, патриарх и даже Бог.

Единая Европа означает *безусловную доминацию светлого Логоса Аполлона над темным Логосом Кибелы*. Черный Логос Кибелы в европейской культуре подавлен, более того, легитимного права на обладание автономным Логосом Кибела в этом контексте лишается, будучи обреченной на

¹ Христианский Апокалипсис описывает это символом Вавилонской блудницы, Пурпурной жены.

² Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

молчание, немоту или темную эхололию невразумительных звуков. Земля безумна в разумной аполлонической Вселенной неба. Лишь Дионис, будучи богом безумия, имеет ключ к мышлению Великой Матери.

Это свойство доминации Аполлона над Кибелой с твердой локализацией Диониса на стороне Олимпа и есть формула единой Европы. Женское начало, похищенное олимпийскими богами, превращается в солярном контексте в девственную Афину Палладу, божество, в котором, хотя и сохраняются признаки женского начала (ткачество, змей Эрихтоний, сопровождающий Афину повсюду), доминируют строго мужские свойства: ум и мужество, архетипические добродетели первой и второй индоевропейских функций. Мудрость Афины соответствует жречеству и священным царям. Ее мужество — доблести второй функции. Ткачество — символ интегрированных в общую трехфункциональную систему ремесленников. В такой ситуации Европа как похищенная, изъятая из хтонического контекста женщины, есть проекция Афины, то есть страна такой женственности, в которой все, собственно, женское подверглось трансмутации в мужское, солярное, олимпийское. Афина, будучи девой, не только не рождает, но и сама она не родилась в полном смысле слова, так как вышла из головы Зевса, лишенная связи с землей и женщиной. Европа — это синоним превращения женского начала — природы, материи, вещества — в мужскую структуру, в эйдетический мир. Это снятие нижнего в верхнем, констатация небесной земли, воплощенной в образе сада. *Сад — это природа, перенесенная в культуру.* Это антитеза лесу и древесине (то есть собственно материи) — как засеянное поле есть антитеза произвольно прозябающих растений. Нива и сад — создание мужчин, проекция их упорядочивающей рациональной воли. Это нижний уровень олимпийского космоса, но Деметра, богиня полей, имеет структуры преобразенной женственности, включенной в освещающий и очищающий солярный мужской контекст. Кибелическое начало, Рея, Гея, сняты в богине культивируемой почвы, где все внимание сосредоточено на мужском семени, а не на том материальном основании, куда оно помещается для того, чтобы развернуться, состояться и произвести новые семена. Не почва на ниве рождает колосья злаков, но семя. Деревья в саду растут не потому, что их выпрастывает к бытию Мать-Земля (как в лесу), но потому, что аккуратный и деятельный садовник их насадил и опекал, в соответствии с заведомо задуманным и осуществленным планом, эйдетической программой. *Европа есть цивилизационное пространство укрощенной женственности, помещенной в мужские границы.* Это культура Кибелы, вынесенной за скобки в ее самобытном и диком измерении, Кибелы, превращенной в Деметру (парадигму окультуренной почвы), Геру (парадигму супруги), Афину (парадигму мужской женственности), Артемиду (парадигму невинности).

Такая единая Европа может рассматриваться как вечная структура. «Вечная» в относительном смысле, по сравнению с историческими эпохами, протекающими в ее контексте. Чтобы измерять время, необходима неподвижная система координат. Чтобы измерять историческое время, также необходима неподвижная система координат, но на сей раз не космического, а смыслового плана. Европейская история имеет смысл только как совокупность эпох, развертывающихся внутри этой неподвижной системы координат, которой является «вечная Европа», ее Логос. Это — Логос среди-

земноморской цивилизации, которая есть цивилизация именно в силу того, что все ее процессы протекают в семантическом поле раз и навсегда победившего Олимпа, в лучах бога-солнца. Европа вечна в том смысле, в какомечно Солнце. В самом себе оно постоянно по отношению к сезонам или временам суток. Для нас оно всходит и заходит, бледно светит зимой или палит летним зноем. В самом себе Солнце неизменно — для него нет дня или ночи, зимы и лета. *Европа есть земля Аполлона*. Она всегда одна и та же, но мы, наблюдатели, живущие всегда на орбите европейского Логоса, испытываем на себе его эпохи, подлежим их смыслам, соучаствуем в них. Европейское время, часы Европы в структуре ее смыслов — отсюда солнечные часы, гномоны или клепсидры — исчисляются по мере близости или удаленности от солнечного светлого Логоса. И как есть длительный годовой цикл и малый суточный, так и в европейской истории существует множество вортковс малых, средних и больших, в контексте которых общество удаляется от своего центра и вновь возвращается к нему на ином витке семантической спирали. Европа в ее философском измерении представлена в эллинской культуре платоновской философией как кульминацией светлого Логоса. Платонизм — это победа богов над титанами в сфере мысли.

В этот же период, что и философия Платона и Аристотеля, рождается концепт универсальной империи, воплощаемый в Александре Великом и достигающий апогея в Риме. Философия и политика (в образе теории и практики имперостроительства) Аполлона сливаются в империи.

Христианство постепенно также проникается эллинским духом и после признания его официальной религией Рима оно поддерживает и укрепляет этот платонически-имперский вектор, обосновывая его обращением к новой, на сей раз христианской метафизике и теологии. С IV века от Р. Х. именем единой Европы становится христианство, христианская ойкумена, наследующая средиземноморское цивилизационное содержание и в философии, и в политике. И такое положение дел сохраняется в целом на протяжении всего Средневековья.

Новое время как анти-Европа

Лишь в Новое время, когда европейская история вступила в последнюю стадию своего исторического бытия, мы становимся свидетелями пробуждения черного Логоса Кибелы, выползающего из-под ослабевшего олимпийского владычества. Змей раскован, освобожден и начинает готовиться к реваншу. С мифологической точки зрения это пробуждение титанов, их новая попытка пересмотреть результаты некогда проигранной и постоянно проигрываемой, вечно проигрываемой битвы. Восстание хтонических сил, раскрепощенный демонизм материи. Атака на Христа, на сословное общество, на индоевропейский уклад, на сакральную традицию, то есть на то, что делало Европу Европой. Так рождается анти-Европа, столь же похожая на истинную Европу, как Антихрист похож на Христа. Эта анти-Европа действует от имени Европы, которую она постепенно захватывает изнутри. Титаны в схватке вытесняют богов с Олимпа и начинают править от их имени. Это буржуазные революции и пришествие третьего сословия, но уже не индоевропейских земледельцев, а носителей иного, торгового, финикийского, талассократического, морского духа. Это

возвращение атлантов, зовущих туда, куда столпы Геракла предотвращали доступ — *pes plus ultra*.

Новое время — это гибель Европы и ее подмена *чем-то совершенно иным*. Средиземноморская цивилизация, сохраняя отчасти свой фасад, фундаментально перестроена изнутри, населена радикально новыми жильцами, поднявшимися из глубинных подвалов, вылезшими из подземных ходов и захватившими прежних легитимных жителей в заложники.

Причем этот этап — от XVI века от Р. Х. до настоящего времени — происходит в поле городской книжной культуры, сложившейся в христианском Средневековье. Это новое поле битвы, где извечным противникам богов Европы удалось достичь немислимых доселе успехов. Философия и политика становятся полем боя, где анти-Европа смогла занять лидирующие позиции. *Модерн есть возвращение Великой Матери и ее порождений*. Змей Пифон возрождается и проводит контратаку на Аполлона. Святилище в Дельфах заброшено. Значит, Пифон вернул себе власть.

XX век — последний аккорд европейской драмы. В агонии Европа как таковая собирается с силами, чтобы дать свой последний бой анти-Европе (это предельно ясно понимают М. Хайдеггер или Ю. Эвола, Э. Юнгер или О. Шпенглер), но терпит поражение — военное, политическое, идеологическое, философское, технологическое. Во второй половине XX века триумф Модерна и черного Логоса становится настолько очевидным, что у него не остается весомых противников. Соппротивление сломлено, началось правление титанов.

Постмодерн в такой ситуации есть последняя печать. В этой новой модели мы видим культурные и цивилизационные пропорции, вообще не имеющие больше ничего общего с тем, что можно и нужно называть «Европой». Европа, где Пифон убивает Аполлона, а титаны пожирают и переваривают к своему удовольствию сердце Диониса и на этом навсегда забывают об «убитом ими боге», сосредоточившись на спокойном послеобеденном переваривании проглоченного, не может называться «Европой». Это уже что-то другое.

Анти-Европа и Россия

Русское Православие, русская империя, русский язык, русская культура и русское иерархическое общество (священники, воины, труженики) — это один из полюсов цивилизации Аполлона, садов и нив солнца. Более того, Византия, чьими преемниками мы являемся, как раз и была прямой наследницей эллинского духа, его наиболее архаическим культурным пространством, где исходные европейские ценности — патриархат, героизм, мужество, олимпийская вертикальная иерархия, аскетизм и жертвенность — сохранялись лучше и дольше других. В Средневековье в Западную Европу, к примеру, платонизм проник именно из Византии, как, кстати, и более аутентичное, чем при посредстве арабской передачи, наследие Аристотеля. Поэтому Россия — часть вечной Европы, и нам судьба Старого Света никак не может быть безразлична, так как в значительной мере это и *наша судьба*.

Кроме того, русская культура последние века глубинно затронута и анти-Европой, восставшими титанами демократии, либерализма, материализма и научного мировоззрения. Не только большевики или либеральные

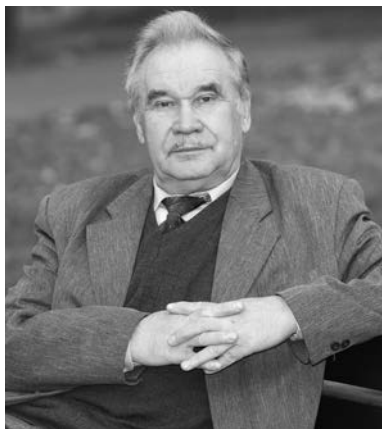
элиты 90-х годов XX века принесли в Россию дух материальной цивилизации. Мы подпали под обаяние дьявольских чар разложения намного раньше, когда вступили на путь «модернизации». Европейский модерн — это процесс ликвидации вечной олимпийской сакральной Европы, ее подмены. Но в Россию в последние века под видом «Европы» приходили в большинстве своем именно эти декадентские, регрессивные, титанические и кибелические тенденции. Под эгидой «европеизации» из русских выбивалось все, что имело отношение к истинной Европе: христианство, империя, иерархия, патриархат, аскетизм и ориентация на дух, то есть основы идеационной и идеалистической культуры (по П. Сорокину). И все это заменялось материалистическим феминоидным технократическим мусором, титаническими лжемифами прогресса и развития. Аполлон не знает развития и прогресса, он знает вечность. Европа и прогресс — взаимоисключающие вещи. Но последние века осуществляется чудовищная подмена. Наше общество увязло в анти-Европе.

Гениальный русский пророк Достоевский в серии своих программных романов показал, что все западные идеи, приносимые на русскую почву из анти-Европы, у нас проваливаются — и капитализм (в «Подростке»), и социализм (в «Бесах»), и индивидуализм (в «Преступлении и наказании»). Истинная Европа — в Третьем Риме, в Православии и Царе, в крестьянстве и русской традиции, в почве и народных славянских обычаях, в обрядах древнего индоевропейского народа.

В эпоху постмодерна гибель Европы становится наглядной. В той мере, в которой мы еще смотрим, ориентируемся на Запад, подражаем ему, мы соучаствуем в падении светлого Логоса. Не мы начали новый цикл титаномахии, но мы живо включились в него и даже пытались вырваться в XX веке вперед. Увы, мы продолжаем двигаться в том же направлении, и лишь то, что сегодня мы несколько отстаем и в чем-то упираемся, дает нам последний шанс уклониться от анти-Европы и спасти то, что осталось от Европы истинной. Этот шанс невелик. Разрушительная работа последних веков сделала свое дело. В той степени, в которой современные русские «европеизированы», в той степени, в какой они «современны», они безнадежно и неизлечимо больны.

Еще мерцает нечто в нашем народе, что заставляет его отшатнуться от бездны под названием «современная Европа», «Запад». Но инерция слишком велика, и усилия, необходимые для подлинной консервативной революции, солнечной и истинно европейской, требуются огромные. Совершенно очевидно, что нам не удастся остаться в стороне от финального цикла титаномахии, где титанам удалось взять реванш. Но... лучше проиграть с Богом, чем выиграть с дьяволом. По крайней мере, именно так формулируется истинно героическая индоевропейская этика. А если мы будем полны решимости сражаться до самого победного конца, кто знает, как повернутся события. Анти-Европу необходимо уничтожить на корню, спалить дотла, отправив восставшие хтонические могущества назад — в бездну Тартара. Этого требует от нас истинная Европа. Наша древняя, вечная Европа, настоящая Европа. Европа Христа Вседержителя.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Чеслав КИРВЕЛЬ СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ: ДРАМА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Родился в 1945 г. в д. Мякиши Щучинского р-на Гродненской обл. В 1972 г. окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 г. аспирантуру. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. В 1977—1980 гг. работал ст. преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. С 1980 г. возглавляет кафедру философии в ГрГУ им. Я. Купалы. Автор более 200 научных работ, ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. **Живет в г. Гродно, Беларусь.**

Современный мир вступил в стадию нарастающих рисков экологических, техногенных, военных, генетических, криминально-террористических, геоклиматических, демографических, экзистенциально-психологических.

Современность оказалась беспрецедентно противоречивой. Завершивший свой стремительный бег XX век — век, столь не похожий на все предшествующие времена человеческой истории, казалось, до бесконечности расширил возможности человечества, открыл ему новые заманчивые перспективы и горизонты. Масштабы научно-технической революции (НТР) оказались грандиозными. Достаточно сказать, что только за последние 50 лет человечество израсходовало столько энергии, сколько за всю предшествующую пятидесятитысячелетнюю историю. В XX веке стали возможными передвижения в пространстве со сверхзвуковой скоростью, полеты на Луну, проникновение в микромир, овладение ядерной энергией, создание телерадиокоммуникаций, ЭВМ и информатики, новых конструктивных материалов, высоких технологий, расшифровка генома и т. д., и т. п. Но все это почему-то у современных землян не вызывает оптимизма. Напротив, какое-то субстанциональное беспокойство, душевное смятение, ощущение «конца времен», надломленности и хрупкости бытия, предчувствие нового «цивилизационного слома», бед и катастроф с пугающей быстротой захватывает сознание современного человека.

Ныне мы стали свидетелями произошедших в мировоззрении и мироощущении людей глубинных сдвигов, трансформаций, изменений. Например, люди всегда знали, что существуют темные иррацио-

нальные силы бессознательного, всевозможные сексуальные извращения, безумия и т. д. Однако вплоть до середины XX века общество относилось к этим сторонам жизни недоброжелательно, часто репрессивно. Теперь же, напротив, данные феномены человеческого поведения становятся доминирующей темой средств массовой коммуникации, художественного творчества, кино, культивируются и поощряются. Отказавшись от веры в какие бы то ни было Абсолюты (как однозначно зафиксировал эту ситуацию Ф. Ницше — «Бог умер»), разочаровавшись в разуме, социальности и т. д., т. е. во всех прежних «базовых опорах» жизни, «цивилизованный» человек конца XX — начала XXI века остался один на один со своей чувственностью, погрузился в мир «чувственной культуры» (П. Сорокин). В настоящее время ужас осознания бессмысленности, неразумности жизни стал фактом истории. Возникло ощущение безопорности во всех сферах жизни: в экономике, морали, политике и т. д.; сформировалась эпоха тотального плюрализма, для которого нет никакой иерархии ценностей, нет никакой смыслообразующей и общезначимой цели.

Социальные философы, футурологи, экологи, просто мыслящие люди разных мировоззренческих ориентаций и взглядов со все более развернутой аргументацией и доказательностью пишут о том, что мы находимся накануне «бури тысячелетия», характеризуют современные мировые процессы не иначе как в терминах турбулентности, говорят о надвигающейся «смене эпох».

Изменения негативного характера ныне получают необычайно интенсивное распространение и развитие. Здесь уместно вспомнить блестящую фразу, высказанную в свое время Ф. Энгельсом: «Кипит котел у чародейки Истории, чем дальше, тем быстрее идет дело». Сегодня, похоже, это дело подвело наш мир к ситуации «взрыва»: давление внутри котла истории вот-вот должно разнести его в клочья. «Человечество оказалось перед дилеммой: либо гибель популяции *homo sapiens*, либо коренное переустройство отношения к природе и самому себе... Человек так разогнал колесницу истории, что порой не видит возможности удержаться в ней» [1, с. 119–120].

Уже становится очевидным многим, что современная экономическая система глобального капитализма накопила огромный потенциал внутренней нестабильности и саморазрушения. Сейчас рассуждений, высказываний, утверждений на эту тему становится все больше и больше. Опыт истории свидетельствует, что такого рода ситуации в духовной жизни общества никогда не бывают случайными и беспочвенными. Напротив, они всегда есть верный признак, симптом действительного неблагополучия и кризиса общественной системы, фиксация тектонических ударов, реальных глубинных сдвигов в недрах социума. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы поверхностно познакомиться с состоянием общественного сознания, надеждами и опасениями людей, живших и действующих во времена, предшествующие всем переходным эпохам истории.

Обнаружившиеся сегодня фундаментальные, социально-экономические и ценностно-антропологические изменения могут быть в своей совокупности идентифицированы как *глобальный цивилизационный кризис*, как «точка бифуркации» глобального масштаба, угрожающая самим основам человеческого существования.

Альтернативы современному миропорядку, зашедшему в исторический тупик, возможны и необходимы. Однако важно, еще до того как надвига-

ющиеся перемены разрушат все защитные цивилизационные механизмы, успеть их выдвинуть и осмыслить, т. е., по сути дела, провозгласить новый цивилизационный проект.

Какие же конкретно глобального характера задачи стоят сегодня перед человечеством?

Человечество сегодня, чтобы сохранить себя, должно решить две взаимосвязанные задачи: 1) *обезопасить себя от духовного вырождения и деградации, саморазрушения себя изнутри в результате эрозии «экологии души», утери человеком человеческого*; 2) *обезопасить себя от разрушения внешней среды обитания, коллапса биосферы, эрозии «экологии природы»*. В этом, возможно, и есть смысл истории [2, с. 78–79].

Сосредоточим наше внимание на второй задаче — предотвращение разрушения внешней среды обитания человека, биосферы. Ибо без решения проблемы выживания человечества, т. е. без «ответа» на «вызов», которым сегодня является экологический кризис, решение всех других проблем может оказаться, даже в недалекой исторической перспективе, лишенным смысла.

Сегодня, т. е. спустя более чем треть века после публикации материалов первого доклада Римскому клубу под впечатляющим названием «Пределы роста», можно констатировать, что, во-первых, прогноз «Пределов роста» оправдывается и, во-вторых, за прошедшие с тех пор годы не было предпринято сколь-нибудь эффективных практических действий, направленных на преодоление экологического кризиса. Публикация результатов исследований Римского клуба послужила лишь поводом сенсационных кампаний в средствах массовой информации, материалом для пафосной риторики предвыборных обещаний и различного рода лукавых идеологических проповедей. Даже те, как подчеркивалось на недавней сессии Генеральной ассамблеи ООН, очень незначительные решения Всемирного саммита в Рио в 1992 г. остаются столь же далекими от осуществления, как и в момент их принятия [3]. Более того, если оставить в стороне словесную шелуху и посмотреть на экологическую проблематику с практической точки зрения, то можно определенно утверждать, что человечество с нарастающими темпами скатывается в бездну экологического коллапса. Нереализуемыми остаются не только международные, но и региональные экологические инициативы. Смеем утверждать, что и ничего не будет реализуемо в плане преодоления экологического кризиса до тех пор, пока продолжает господствовать утвердившаяся на европейском континенте в эпоху Нового времени экономоцентрическая парадигма развития общества. Ядро этой парадигмы, ее главная пружина — предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли и расширенного потребления, закон самовозрастания капитала, как некая внешняя сила, господствующая над всем и ни перед чем не останавливающаяся, подминающая под себя народы и государства, отдельных людей и даже тех лиц, в которых она персонифицируется. Именно эта сила с нарастающей скоростью погружает наш мир в ситуацию глобальной нестабильности, грозящей трансформироваться в катастрофу вселенского масштаба. Цивилизация, для которой характерен всеохватывающий меркантилизм и монетаризм, культ денег, власть денег, расширение пространства денег, усиление влияния денег на любые проявления человеческой активности и жизнедеятельности общества, становится

принципиально несовместима с экологическими, нравственными и, в целом, социокультурными императивами, призванными обеспечить выживание человечества. Поэтому, как считают многие исследователи, скоро глобальному доминированию Запада придет конец — по той причине, что та модель бездуховного экономоцентризма, которую Запад навязал человечеству, не жизнеспособна ни социально, ни экологически.

Болезнь экономизма и «религия прогресса» как препятствие на пути становления духовно-экологической цивилизации

Попытки ответить на вопрос, почему человечество в своих взаимоотношениях с природой перешло Рубикон, неоднократно предпринимались учеными Римского клуба. В частности, в 1997 году был подготовлен и опубликован доклад, одним из основополагающих выводов которого является утверждение, что главной причиной неосуществимости антикризисных экологических проектов является рыночная экономика. И действительно, в современном капиталистическом обществе принципы рыночной экономики определяют такое применение природных ресурсов и факторов производства (капитал, труд, информация и др.), которое предполагает максимальную эффективность их отдачи. Механизмы рынка, ориентированные на потребительские предпочтения и прибыль, не только не содержат, но исключают возможность учета экологической составляющей производства. По мнению авторов доклада «...рынок — это всего лишь инструмент, а не религия; средство, а не цель... Он не всемогущ, и опасно полагать, в частности, что рынок может заменить этику и политику» [4, р. 154].

Можно определенно утверждать, что господствующая роль институтов рынка в обществе вступает в противоречие с потребностями социокультурного развития человечества в долгосрочной перспективе. Рыночные стимулы по своему определению не могут быть нацелены на инвестиции в будущее — в сбережение природных ресурсов и защиту окружающей среды, в духовно-нравственное и физическое здоровье людей, в воспитание и образование. Здравый смысл миллионов, а не избранных «джентльменов удачи», не позволяет уповать на рынок как на главный регулятор общественной жизни. Сам по себе он не способен гармонизировать нематериальные стороны жизни, в особенности человеческие отношения. Подлинная культура при нем становится нерентабельной. Показатели рыночного успеха не дают адекватного отражения многообразных и все более значимых измерений качества жизни, они скорее вводят в заблуждение там, где затрагиваются долгосрочные интересы и цели¹. Навязывая обывателю бесконечную сме-

¹ Многие апологеты экономического детерминизма, наверное, всему сказанному могут возразить, заметив, что сегодня в стране с развитой рыночной экономикой постоянно осуществляется совершенствование природного законодательства, оптимизация собственного природопользования, создание заповедников и воспитание бережного отношения к природе у своих граждан. Однако такого рода аргументы могут возыметь воздействие только на сознание тех людей, которые специально не занимаются экологической проблематикой. В действительности, экономия западными странами собственных природных ресурсов — это «прямое нарушение природосбережения стран третьего мира, истощения их запасов... Богатые развитые страны не желают ограничивать уровень потребления, а создаваемый через СМИ и средства массовой культуры “идеал общества потребления”, идеал нетрудового существования влечет на этот путь остальные общества и государства, находящиеся на более

ну (выбор) потребительских товаров и погружая его в мир искусственных (надуманных) потребностей, капиталистическая рыночная экономика резко сужает спектр выбора естественных, чисто человеческих благ и потребностей, таких как душевное спокойствие и равновесие, радость общения с нетронутой природой, возможность дышать чистым воздухом и т. п. Неудивительно поэтому, что бездумное потребление (как и алкогольная или наркотическая зависимость) зачастую становится источником разочарований, недовольства, стрессов, ощущения бессмысленности жизни и т. д. С этой точки зрения все видимые достижения предпринимательской экономики, нацеленной на получение максимальной прибыли, — одно и то же не главное из измерений качества жизни людей. При этом, в соответствии с неolibеральной практикой (особенно в ее российском варианте), во многих сферах общественного производства сокращается все, что не сулит немедленной окупаемости и выходит за рамки забот о прибыльности. Отсюда обвальная «секвестр» науки, образования, наукоемких производств. Так, фундаментальная наука не может быть оправдана по критериям рыночной рентабельности, потому по ней наносится целенаправленный удар. Мишенью «рынка» оказались, вопреки первоначальным ожиданиям, не носители примитива и рутины, а, в первую очередь, носители наиболее рафинированных и перспективных видов опыта, которые, в силу своей сложности, почти невозможно перевести на бухгалтерский язык. Если по критериям прогресса именно накопление общих знаний универсального применения служит залогом долгосрочной стратегии научно-технического и экономического успеха, то по критериям российского рынка все это мешает получить большую и скорую прибыль. Рыночные цензоры, пытающиеся сэкономить на общем образовании и как можно раньше отправить молодежь в «работающую экономику», ведут себя разрушительно по отношению к исторической перспективе развития общества. В этом отношении ушедшая советская эпоха выглядит прямо-таки роскошно: при ней общество великодушно содержало те группы и виды практик, у которых не было какого-либо оправдания по критериям немедленной практической пользы и отдачи, но которые символизировали деятельность на перспективу.

Размышляя о перспективах развития современного общества, мы должны отдавать себе отчет в том, что корни экологического кризиса погружены в глубины европейской истории, что наиболее существенные предпосылки того тупика, в который попало сегодня человечество, были заложены именно в Западной Европе.

Выдвинем тезис: для того, чтобы экологизация развития социума стала реальностью, необходим слом всех механизмов предпринимательской экономики, в том виде, как они утвердились в Западной Европе, отказ от вульгарно трактуемого принципа экономического детерминизма. Ибо сегодня экономизм в качестве идеологического постулата стал серьезным препятствием не только на пути утверждения экологических приоритетов совре-

низкой ступени мирового потребления. Они тоже судорожно пытаются достичь вожделенного состояния, безумно вывозят и распродают свои ресурсы опять-таки на Запад, только усиливая неравносность потоков. Финансовая политика МВФ и МБРР ведет к унификации социально-производственных связей, потере цивилизационной самобытности и, тем самым, необходимой меры разнообразия в природопользовании и решении экологических проблем» [5, с. 29].

менности, но и препятствием к адекватному осознанию ценности духовных, культурно-образовательных компонентов в реализации стратегических целей общества.

Мы сегодня, оказавшись в зоне сильного воздействия евроамериканской техногенно-потребительской цивилизации, сверх всякой меры экономизировали наше отношение к жизни, впали в болезнь экономизма и в «религию прогресса», стали все или почти все, включая человеческое тело, дух и душу, рассматривать через призму коммерческого интереса, забыв при этом, что экономика всего лишь часть общественной жизни. Болезнь экономизма (господство экономики в обществе) породили небывало примитивный тип человека — *homo economicus*, для которого только деньги стали мерой жизненного успеха, единственной мотивацией жизненных ориентаций и поступков. В результате прогрессом объявляется все то, что помогает делать деньги. С такой же меркой теперь стали относиться к науке и культуре. А это означает, что сегодня человечество оказалось в ситуации **тирании капитала**, безудержное самовозрастание которого, его анархичность и спонтанность, являясь оковами социального развития, ведут к нескончаемым локальным и глобальным кризисам, ставят человечество перед угрозами смут и катастроф.

Вирус потребительства, взращенный в Западной Европе, теперь распространился по всему миру. В этом смысле весь современный мир стал «Европой» — инструментально-рациональной системой насилия над природной и социальной средой, нацеленной на получение максимальной прибыли любыми средствами. Причем, что интересно: экспансия насилия идет в ногу с экспансией потребительской идеологии и психологии. Эти процессы, следует заметить, затрагивают «физический баланс» православной славяно-русской культуры в целом, поскольку в ее рамках культ потребительства и накопительства никогда не доминировал над духовными ценностями.

В наше время экономический рост стал своего рода фетишем. Огромное количество исследователей именно в нем усматривают неизменный и вечный двигатель «прогресса». Фетишизация экономического роста, безудержная рыночная конкуренция и различного рода геополитические игры отвлекают внимание властей и широкой общественности от решения лавинообразно нарастающих экологических проблем. Здесь особенно важно учесть, что экономический рост относится к экспоненциальным процессам, а любые экспоненциальные процессы предельны. Неограниченный рост в ограниченной среде невозможен. Его реальные физические пределы заданы конечной несущей емкостью природных экосистем нашей планеты. Однако повсеместно утвердившаяся к нашему времени система рыночной конкуренции побуждает к безудержному росту накопления, производства и потребления. Рынок становится механизмом, создающим и форсирующим спрос, в том числе и на те товары, которые не только выходят за рамки всяких разумных человеческих потребностей, но и зачастую являются вредными для нормальной человеческой жизни. «Рыночным силам выгодна атмосфера вседозволенности, и они вольно или невольно ее поддерживают и культивируют. Производители товаров и услуг заинтересованы в том, чтобы возбуждать ощущение постоянной неудовлетворенности, даже «ненасытности» у потенциальных потребителей, которым внушают: для вас «нет пределов!» [6, с. 10–11].

При этом необходимо иметь в виду: векторы роста и векторы развития могут не совпадать. Начиная с 70-х годов прошлого столетия на фоне эко-

номического подъема и технологического прогресса в большинстве индустриально развитых стран происходило ухудшение целого ряда важнейших показателей качества жизни и социального развития. Сюда можно отнести рост преступности, насилия и коррупции, распространение половой распущенности — гомосексуализма и лесбиянства, атомизацию общественной жизни, снижение уровня доверия людей друг к другу, государству, депопуляцию коренных европейских народов, их физическую и духовную деградацию и т. д. Исследователи связывают все эти явления с формированием коммерциализированного информационного общества и характерным для него ростом крайнего индивидуализма.

Сегодня, таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда величина ВВП (или ВНП) не дает адекватного представления об уровне благосостояния людей и качестве их жизни. Так, греческий экономист Костас Золотас на основе скрупулезных расчетов еще в 1981 году показал, что каждой единице прироста материального производства соответствует снижающийся процент прироста реального общественного благосостояния [7]. И это неудивительно: качество жизни людей зависит не только от уровня доходов и потребления, но и от состояния окружающей среды — как социальной (сверхурбанизация, скученность населения, эскалация перемен, стрессы, психические и нервные перегрузки, техногенные аварии и т. п. издержки «прогресса»), так и природной (изменение климата, рост заболеваемости в связи с ухудшением экологической ситуации и т. п.). Анализируя данную ситуацию, все больше исследователей прогнозируют, что разрыв между показателями роста ВВП и реальным положением людей в предстоящие десятилетия будет и дальше увеличиваться [6, с. 5—9].

Ныне становится совершенно очевидным, что «механизм развертывания потребностей» начинает выступать как источник повышенной опасности и риска в существовании человеческой цивилизации. Паразитарное потребление как феномен современного «потребительского общества» направляет траекторию развития цивилизации в русло, противоположное актуальным задачам свободного гармонического развития Человека в диалоге с Природой, коэволюции общества и его природной среды. Паразитарное потребление вместе с милитаризмом, «виртуальной экономикой», финансовыми спекуляциями и массовой культурой становится сегодня причиной роста и углубления глобальных проблем и конфликтов. В этом, надо сказать, иррациональность буржуазной рассудочности, ее «репрессивность». Техногенная цивилизация если и не уничтожает совсем, то сильно ограничивает шансы альтернативы, ибо превращает человека в существо, неспособное отказаться от благ, этой цивилизацией предоставляемых. Сама мысль об отказе от потребительских благ, от удовлетворения большей частью искусственных, надуманных потребностей, навязываемых предпринимательской экономикой, кажется современному человеку просто ужасной.

Экологический кризис как кризис способа самореализации современного человека

Конечно, «потребительский фетишизм», если взять его индивидуально-психологический аспект, проистекает из стремления чем-то компенсировать не состоявшуюся реализацию человеком своих данных от природы потен-

циальных способностей и интенций, потерянности и ненайденности в тех сферах человеческой деятельности, которые требуют от него постоянного самосовершенствования, а соответственно, и постоянного возобновления усилий, что в практике реальной жизни оказывается далеко не всем по плечу. Отсюда — жгучая психологическая неудовлетворенность, которую, как правило, легче всего заглушить внешними атрибутами успеха, в частности, престижным потреблением. Иначе говоря, потребительство основано на сильнейшем стимуле — стремлении человека к самоутверждению. «В индивидуализированном обществе (которое сегодня, заметим, интенсивно навязывается и в странах постсоветского пространства. — Ч. К.) такое стремление тождественно желанию выделиться из массы, стать отличным от других людей. Но поскольку тенденция к индивидуализации потребления становится всеобщей, субъекты интегрируются в единую систему, незаметно подчиняясь ей» [8, с. 130]. На деле стремление приобрести индивидуальную неповторимость посредством потребления оборачивается всеобщей унификацией, трансформируется в «тотальную нейтрализацию» (Г. Маркузе), а всякий декларируемый на индивидуальном уровне нонконформизм (в данном случае — стремление выделиться) превращается в реальной практике функционирования общества как определенной целостности в поголовный конформизм, конформизм массового масштаба. В конечном итоге, не прекращающаяся смена потребительских товаров начинает выступать как одна из самых безнадежных и неудачных попыток заполнить пустоту и бессмысленность жизни. Другие способы борьбы с психологической неудовлетворенностью, обусловленные кардинальной потребностью человека в самореализации, — алкоголизм, наркомания, токсикомания и т. п. — стоят в этом ряду. По большому счету, все это явления одного порядка. Такова парадоксальная логика экспансии в современных экономически развитых странах психологии и идеологии потребительства.

И, тем не менее, действительный «смысловой код» потребительского фетишизма невозможно понять и объяснить вне анализа современного социально-экономического контекста, исходя только из экзистенциально-личностных особенностей и психологических трудностей, связанных с проблемой самореализации и самоосуществления человека в этом мире. Полное торжество рыночного обмена, процесс превращения «рыночной экономики» в «рыночное общество», проникновение логики рынка во все сферы человеческого бытия, придание экономизму характера тоталитарной идеологии — вот глубинные корни и причины победного шествия «демона потребительства» по современному миру. Ныне «потребительское общество» обернулось тем, что люди в нем стали рассматриваться не столько как индивиды, стремящиеся все больше потреблять, сколько как одушевленные товары, желающие и покупать, и «быть купленными» одновременно.

Вообще, если говорить о способе самореализации человека в современном мире, то следует подчеркнуть, что сегодня с потреблением, как доминирующей системой организации жизни людей, определяющей алгоритм их поведения и ценностные установки, сопряжен целый комплекс связанных в тугой узел сложных и трудноразрешимых проблем. Здесь и стремительное разрушение биосферы, и распад института семьи, и снижение рождаемости, и рост уровня преступности, и увеличение количества людей с избыточным весом, и захватывающие все новые слои и группы населения

психические расстройства (прежде всего в форме депрессии), и растущий уровень употребления алкоголя, и, наконец, быстро возрастающее количество самоубийств. В действительности, как бы это странно ни было, расцвет потребительского общества имеет своей обратной стороной духовную деградацию и физическое вырождение населения самых богатых и, казалось бы, преуспевающих стран.

В последнее время «пандемия» потребительства обернулась еще одним преломлением, могущим, в совокупности, конечно, с целым рядом других факторов привести человечество к весьма драматическим последствиям. Сказанное, в частности, имеет отношение к развернувшемуся в 2008 году на нашей планете **глобальному финансово-экономическому кризису**. Как обнаружилось, непосредственным поводом к последнему как раз и выступила многолетняя привычка граждан западных стран и, прежде всего, граждан США, жить в долг, постоянно брать кредиты с целью приобретения все новых и новых товаров. В конце концов, практика опережающего потребления за счет кредитов и займов привела к потере платежеспособности и разорению в массовом масштабе. Массовый же невозврат кредитов побудил банки реализовывать залоговое имущество. В результате недвижимость упала в цене. А это обернулось цепной реакцией невозврата кредита по всей ипотечной пирамиде.

Данного рода кризисные процессы свидетельствуют о несомненном изменении потребительского поведения, причину которого следует искать в трансформации сознания, в формировании соответствующей иерархии ценностей. По большому счету, данная ситуация свидетельствует о наступлении новой эпохи символического потребления, эпохи манипулирования культурными кодами (символами), инициирующими потребительские психологические установки на потребление ради потребления. Здесь мы сталкиваемся с интересной метаморфозой: функциональное потребление, обусловленное производством, нацеленным на обеспечение надлежащих функциональных свойств вещи (на удовлетворение реальных потребностей человека), заменяется символическим потреблением, в котором функциональные свойства вещи отходят на второй план, становятся лишь только средством обеспечения соответствующего имиджа товара и через него — обеспечение для потребителя возможности утверждать свой социальный статус [8, с. 130]. «В течение каких-то десятков лет всепроникающая телереклама создала целый мир разнузданного, не знающего удержа потребительства, где физические нужды граждан, ограниченные, казалось бы, самой природой, раздуты и доведены до абсурда столь же искусственно, сколь и искусно. Демон потребительства, втягивая в свой круговорот все большее число людей и ресурсов; заставляет «свободных граждан» участвовать в бешеной гонке по кругу до полного физического и морального истощения. Отсюда — невиданная по масштабам пандемия сердечных и нервных болезней, резкое пополнение рядов душевнобольных и самоубийц. Отсюда и СПИД, который, как считают специалисты, напрямую связан с истощением ресурсов организма из-за злоупотребления лекарствами и тониками. Но — отсюда и питательная среда для коррупционеров, рэкетиоров и прочих носителей анархии, когда разборки бандитов и терроризм становятся социальной нормой» [9, с. 1018].

Сегодня идея материального благополучия («удовлетворения всех материальных потребностей») прочно утвердилась в массовом сознании боль-

шинства людей мира. Возникла ситуация абсолютного доминирования престижного потребления, сопровождающегося формированием целого мира искусственных, ложных и надуманных потребностей¹. Поведение потребителя в данном случае имеет сходство с поведением человека, страдающего разного рода маниями — к азартным играм, алкоголю или наркотикам. Удовлетворение не достигается — человек оказывается во власти «дурной бесконечности». А это означает, что индустриальная (постиндустриальная) цивилизация Запада, придав престижному потреблению массовый характер и возведя его в ранг «основного инстинкта» человечества, вступила на опасный, даже катастрофический путь развития. Ибо процесс разрастания престижного потребления, в принципе, не имеющего верхней границы, выступает как развитие по экспоненте, уходящей в бесконечность, что на синергетическом языке может быть описано как выход современной цивилизации на «режим с обострением», т. е., по существу, на режим сверхбыстрого нарастания кризисных явлений. Даже на повседневном уровне жизнедеятельности общества обнаруживаются в этом отношении весьма зловещие гримасы. Так, в США (2008) на ежегодной пред Рождественской распродаже ворвавшаяся в один из супермаркетов, озверевшая от долгого стояния в очереди толпа задавила служащего этого магазина, а двое других мужчин из этой толпы, не поделив между собой какой-то товар, застрелили друг друга. Люди, незаметно для самих себя, стали превращаться в свиноподобное стадо.

Исходя из сказанного, нам весьма странным представляется стремление огромной массы исследователей рассматривать характерную для западноевропейской цивилизации (разумеется, включая США) парадигму развития как магистральный путь всего человечества. Впрочем, как свидетельствует опыт, европоцентризм — трудноизлечимая болезнь мирового общественнознания. Корни этой болезни — в зависти к материальному благополучию Запада, в «религии прогресса», закрывающей глаза на видение иных перспектив и горизонтов бытия. И это происходит в период глобального экологического кризиса, когда уже без особой исследовательской интуиции становится очевидным, что западноевропейская цивилизация и сама вступает в кризисное состояние, и всему человечеству навязывает бесперспективный, тупиковый путь развития, и несмотря на то, что все предшествующие попытки обществоведов интерпретировать мир исключительно в европоцентристском ключе потерпели полный крах.

Люди должны быть готовы к этому заранее — пройти посредством неизбежных катаклизмов и катастроф определенного рода перевоспитание. Однако новую этику самоограничения органично внедрить в массовое со-

¹ Иной читатель, конечно, всему этому может возразить, заметив, что для основной массы населения, например, постсоветского пространства разговоры об экспансии искусственных, ложных потребностей не более как надуманная проблема: дай Бог как-нибудь удовлетворить самые элементарные потребности и обеспечить свое физическое выживание. Это верно. Однако какова интенция? Каковы ориентации? Они известны. Любой ценой стать Западом («обществом потребления»), воспроизвести его социальные структуры и образ жизни. «Вирус потребительства», завладевший сознанием и поведенческими реакциями значительной части населения постсоветских государств, в том числе и восточнославянских стран, уже давно является серьезным препятствием на пути к реализации исторического выбора и утверждения социокультурной модели развития, соответствующей экологическому императиву XXI века. Так что все эти проблемы уже актуальны и для нас.

знание — дело необычайно трудное, сравнимое, как справедливо отмечает известный итальянский публицист Джульетто Кьеца, «разве что с переменной вероисповедания, в котором личность воспитывалась с детства» [10, с. 213]. Но делать это так или иначе придется, если мы хотим сохранить род человеческий на нашей планете.

Трудно обо всем этом говорить в сегодняшних условиях. В России, например, в последние два десятилетия престиж рынка официальной пропагандой поднят на недостижимую высоту. Мы здесь столкнулись со своего рода «рыночной истерией». В результате российские экологические движения не только в реальности не поддерживаются бизнесом и властью, а «подвергаются жесткому давлению ... не пользуются достаточным влиянием в обществе» [11, с. 29].

Самообольщение технического разума

Научно-позитивистский, инструментально-технологический подход к окружающему миру, исподволь подготавливаемый конструкторскими устремлениями Леонардо да Винчи, естественнонаучными прозрениями Галилея, астрономическими открытиями Коперника, «классической физикой» Ньютона, «новой философией» Бэкона и Декарта и целым рядом последующих естествоиспытателей и философов, оказался удивительно созвучен предпринимательской экономике, основанной на принципе получения максимальной прибыли. Капитализм породил могучую индустрию, сделавшую возможным преобразование окружающей среды в гигантских масштабах. Он стимулировал также развитие всеохватывающей рациональности, прежде всего, технической рациональности, духа утилитаризма и узкого практицизма, наживы и торгашества. Направляя энергию частной инициативы в сторону приобретательства, капитализм породил то потребительское отношение к природе, для которого оно лишь объект жесткой эксплуатации. При этом становление капитализма на Западе и использование западными странами догоняющей Запад модели развития привело к отделению экономики от других сфер общества и ее возвышению над ними. Представление о прогрессе утратило полноту своих характеристик и стало отождествляться с экономическим прогрессом, а также с пониманием человека как «экономического». Этот образ человека в экономике постепенно распространился на человека вообще. Внеэкономическая среда вульгарно сводилась к экономической, от чего искажалось содержание не только общества, культуры, морали, но и самой экономической сферы. *Квазиэкономическая идентичность человека не соответствовала наличию у него других жизненных смыслов и задач, упрощала человека до экономического ресурса, общество — до совместных социальных действий, а культуру до одинаковой для всех народов программы человеческой деятельности, присущей Западу* [12, с. 39].

Иллюзия о безграничных возможностях экономического роста, постоянно подпитываемая представлениями о всемогуществе современной техники, по-прежнему захватывает сознание и надежды широких слоев населения современного мира. Великое множество политиков и экономистов в современном мире убеждены, что рыночные механизмы и новые технологии позволяют людям решить не только экологические, но и все другие пробле-

мы, связанные с жизнеобеспечением человека. Но новые технологии влекут и новые проблемы. Сегодня примеров тому даже не перечислить. Практика однозначно свидетельствует о том, что одни только технократические решения без соответствующих социальных изменений скорее вредны, чем полезны, явно недостаточны и не дают ожидаемых результатов. Рынок и технологии, не подчиненные целям и ценностям, отличным от тех, которые господствуют в рыночных отношениях, не в состоянии обеспечить экологическую безопасность общества. Напротив, они лишь способны ускорить наступление катастрофы. Вызываемые ими последствия обуславливаются целями, которые ставит перед собой рыночный человек (*homo mercatorius*). Значит, нужна другая ценностная система координат и, соответственно, другой тип экономического и социального развития.

Похоже, уже пришло время, когда нельзя игнорировать факт моральной усталости техноцентрической модели развития, которая, хотя и обеспечила в свое время мощный рывок Запада, сегодня ведет весь мир к тотальной экологической катастрофе. Поэтому, как бы нам ни было тяжело расставаться с привычными взглядами, мы должны согласиться с современной глобалистикой, показывающей на основе цифр и фактов, что продолжение сложившихся тенденций развития современной техногенной цивилизации уже в недалеком будущем — возможно, при жизни родившегося поколения — будет непременно пресечено. К тому же теперь стало ясно, что проблемы, порожденные развитием техники, принципиально нельзя решить с помощью самой же техники, пусть даже еще более совершенной, что новая эффективная техника очистных сооружений, энергосберегающих технологий и других достижений научно-технического разума не помогут избежать экологического коллапса, что при любых сценариях технического развития планета не выдержит техногенной перегрузки, ибо глубинные корни экологического кризиса лежат в вытеснении техническим, искусственным естественного, натурального, в выхолащивании души и тела человека, в превращении его в некое подобие робото-компьютерного устройства. Все дело в том, что технический прогресс воспроизводит на Земле процессы, к которым эволюционно не приспособлены ни окружающая природа, ни сам человек. Ведь в естественных условиях на Земле нет источников атомной энергии, термоядерных реакций, нет природных квантовых генераторов, не происходит в короткий промежуток времени массового образования материалов с новыми химическими свойствами, макротела не передвигаются со сверхзвуковой скоростью, не взлетают в космос многотонные массы и т. д. Все эти процессы являются инородными в макромире Земли, нарушают эволюционно установившееся природное равновесие, создают эколого-кризисные состояния. Поэтому ставка на либеральную программу всемирной вестернизации на деле представляет собой губительную планетарную авантюру. Такая ставка превращает нас в людей, похожих на пассажиров «Титаника», абсолютно уверовавших в безопасность своего путешествия на этом чуде техники и поэтому суетно продолжающих выяснять отношения друг с другом, добиваться переселения из одной каюты в другую, хитрить и обманывать один другого.

В наше время, для того, чтобы выжить, человечеству необходимо отказаться от самообольщения техническим разумом, реабилитировать другие, не западные, стратегии, связанные с преодолением техноцентрической мо-

дели развития и возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры, среди которых свое законное место занимает и наша восточнославянская православная традиция. Речь, собственно, идет об утверждении эпохи постэкономизма, которая будет означать смену приоритетов земной цивилизации в целом, переориентировку усилий человечества с инструментальной деятельности, направленной на удовлетворение растущих потребительских вожделений, с всепожирающего молоха экономизма и техноутилитаризма, на деятельность, связанную с поддержкой экологического равновесия мира.

Сказанное подтверждается многочисленными математическими расчетами и статистическими данными. Так, каждый человек в наиболее богатых странах потребляет в 20–30 раз больше природных ресурсов, чем жители всех остальных стран. Коэффициент же давления с их стороны на природную среду при среднеглобальном, принимаемом за 1, равен 5, в то время как весь остальной мир имеет коэффициент 0,6 [13, с. 8]. Потоки антропогенной серы, поступающие, например, на Русскую равнину из Западной Европы, в 10 раз превосходят обратные потоки воздушных загрязнений. США, население которых составляет менее 5 % от мирового, потребляют около 40 % мировых ресурсов. Промышленность, транспорт и инфраструктура, которая обслуживает потребности и стратегические интересы этих 5 % населения, «съедает» уже более чем в течение 30 лет весь кислород, образуемый наземным фотосинтезом растений на территории США, и т. п. А если к США добавить другие государства, где достигнуты наиболее высокие стандарты потребления, т. е. взять в целом страны так называемого «золотого миллиарда» населения нашей планеты, то суммарное потребление задействованных сырьевых ресурсов здесь уже будет составлять около 80 %, а выброс в атмосферу углекислого газа будет равен 60 % [14, с. 99]. В итоге получается, что использование биосферных ресурсов планеты Соединенными Штатами Америки примерно в 4, а Европой — в 2–2,5 раза превышает среднемировой уровень [15, с. 926]. Примечательно при этом, что США из 72 жизненно важных источников сырья 69 ввозит из слаборазвитых стран. Что это, как не экологический вампиризм? По свидетельству российского исследователя Сергея Кара-Мурзы, в Гарвардском университете на дверях семинара по глобальным проблемам висел плакатик: «Помните, что один гражданин США вносит в создание “парникового эффекта” такой же вклад, как 1450 граждан Индии». Неудивительно, что третий мир, в орбиту которого в последние годы стремительно вовлекаются и постсоветские страны, стал не только объектом экономической эксплуатации и вывоза капитала (в обмен на ввоз некачественных товаров и суррогатов массовой культуры), но и объектом, пока еще не переводимой на язык экономических цифр, новой формы эксплуатации — **экологической эксплуатации**. Получилось так, что сегодня наша планета оказалась разделенной на две части не только по уровню научно-технического и экономического развития, но и по экологическому признаку — на страны экологических доноров, интересы которых никак не защищены справедливыми законами и эффективным контролем, и страны-реципиенты, имеющие возможность (безвозмездно и безнаказанно) потреблять чужие экологические ресурсы в размерах, далеко превосходящих воспроизводство этих ресурсов на их национальных территориях.

Сегодня, в связи с обозначенными процессами, человечество оказалось в ситуации своего рода **экологического антагонизма** [6, с. 14]. Богатые

страны не желают поступиться своим «образом жизни», а страны третьего мира с их увеличивающимся населением не могут отказаться от развития и экономического роста. «Конкуренция за ограниченные земные ресурсы втягивает богатый Север (Запад) и бедный Юг (Восток) в конфликтные отношения (которые проявляются также в форме культурно-цивилизационных противоречий), побуждая придавать особое значение фактору силы в мировой политике и расходовать все больше средств на вооружения.

Трагизм ситуации состоит в том, что попытки всего мира приблизиться к стандартам потребления в западноевропейских странах на нынешней технологической основе могут быстро натолкнуться на абсолютные пределы ресурсов, находящихся в распоряжении человечества. Такие попытки неизбежно обернутся коллапсом, подлинной экологической катастрофой. Подсчеты специалистов ООН свидетельствуют, что если бы, например, все страны выровнялись бы по уровню потребления энергоресурсов на душу населения с США, то еще потребовалось бы 2,6 таких планет, как наша, а нефть и газ в этом случае были бы выкачаны из недр Земли за одно десятилетие [16]. А стало быть, путь, приведший промышленно развитые страны к процветанию, не может быть всеобщим.

Людам, если они хотят выжить на этой земле («обшаренном шарике»), придется отказаться от инструментально-потребительского отношения к миру и искать новые горизонты человеческого бытия, в том числе и новую модель хозяйствования и потребления. При этом вполне можно допустить, что эта новая модель будет органически включать в себя требования сознательного регулирования и управления социально-экономическими процессами, содержать в себе в преобразованном виде значительные элементы идеи социализма, эгалитаризма, планомерности, сильного, и не только правового, влияния государства.

Рыночно-потребительская модель — достояние прошлого

В настоящее время экономику, ориентируемую на получение максимальной прибыли и расширенное потребление, необходимо рассматривать как достояние вчерашнего дня и как неэффективную [17, с. 41]. В ситуации обострения экологических проблем рыночно-потребительская модель развития общества, имевшая известное оправдание в условиях изобилия естественных ресурсов и возможностей экспоненциального роста, становится опасной и разрушительной. Отсюда — потребность перехода от частно-рыночных механизмов регуляции экономики (конкуренция, формирование искусственных, надуманных потребностей у населения с целью получения прибыли и т. д.) к развитию системы планирования на основе эколого-экономических балансов и нормативов.

Данная потребность все в большей степени так или иначе осознается многими западноевропейскими исследователями и аналитиками. Питер Дракер в своей работе «Посткапиталистическое общество» (1995) обосновал концепцию преодоления утвердившейся ныне стадии капитализма и формирования новой системы ценностных ориентаций современного человека. Видный американский социолог Амитай Этциони в книге «Новое золотое правило» (1966) главное внимание сосредоточил на проблеме формирования моральной парадигмы справедливого общества. В этом же русле нахо-

дится и книга всемирно известного исследователя Дж. К. Гэлбрейта «Благое общество» (1996), в которой он представляет «гуманистическую повестку» развития социума, усматривая при этом главную задачу в ускоренном развитии механизмов социального регулирования.

Российский исследователь Е. В. Балацкий считает, что если «конец света» и наступит, то не в результате космической катастрофы, геологических катаклизмов или термоядерной мировой войны, а из-за экономического «самопожирания» общества» [18, с. 825]. А на вопрос, существуют ли способы нейтрализации тенденции к саморазрушению общества и реальная возможность утверждения такой экономической системы, которая находилась бы в состоянии перманентного равновесия, Балацкий отвечает: «Теоретически подобный гомеостаз возможен, но чтобы его достичь... необходима жесткая психология экономической умеренности, разделяемая подавляющим большинством членов общества. Должна повсеместно властвовать философия “экономического буддизма”...» [18, с. 825]. Согласно ему, длительность жизни любого этноса «зависит от его “коллективного разума”», проявляющегося в адаптивных возможностях, в способности к своевременной смене социально-экономической парадигмы своего развития» [18, с. 827].

Вопрос о том, что же возьмет верх на нашей земле — «планетарный разум» или «планетарный тоталитаризм», а не исключено и вселенский апокалипсис, все еще остается открытым. Доминирующие в современном обществе рыночные силы по-прежнему диктуют свои условия, оказываются все еще способными навязывать большинству предлагаемые ими модели поведения и образа жизни. Соппротивление, которое встречают природоохранные планы, вполне достаточно, чтобы их реализацию почти полностью блокировать. Отсюда необходимость в изменении структурных рамок социально-экономического развития, отход от доминирующей ныне модели интенсивного производства, ориентированной на удовлетворение исключительно материальных потребностей. Отсюда и потребность выдвигать на передний план социальные проекты, ориентированные на цели и задачи более высокого порядка — становление культуры «постматериальных» ценностей, развитие неэкономической, немонетарной составляющей общественных интересов, формирование нового качества мотивации человеческой деятельности и т. п.

Человечество сегодня, как никогда ранее, нуждается в новой парадигме развития, в великом альтернативном проекте, концепту «одномерного мира», ориентированному на тотальное господство олигархического интернационала во всех без исключения регионах мира. Ныне, для того чтобы выжить, человечеству необходимо реабилитировать другие, не западные стратегии, связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры, среди которых свое законное место занимает и наша — восточнославянская, православная — традиция.

Кто и как в современном мире может дать «ответ» на этот жесткий «вызов», осуществить «прорыв» к тому типу социальной реальности, который чаще всего определяют как экологобезопасное общество или духовно-экологическую цивилизацию?

В своей действительности прорыв к духовно-экологической цивилизации может стать только результатом мощного творческого, инновационного

скачка, кардинальной ценностно-мировоззренческой революции, духовной реформации.

Способны ли на такого рода духовный прорыв все народы одновременно и сразу? Думается, что нет.

Движение к духовно-экологической цивилизации не будет, как это принято думать, осуществляться всеми народами одновременно и в одинаковой степени. Это движение, несмотря на всю свою видимую транснациональность, будет носить неоднородный характер, иметь свои прорывные, инновационные точки (точки «возбуждения»), свой центр и свою периферию. Оно, по крайней мере на начальных его стадиях, будет, вероятнее всего, осуществляться теми народами, которые окажутся наиболее способными в силу внутренних потенций и особенностей пути своего социокультурного развития, дать адекватный ответ на «вызов среды». Новый уклад жизни никогда не возникает сразу и везде. Напротив, первоначально он имеет четкую географическую локализацию и длительный, порой незаметно подспудный, период своего созревания. Возможно, что этот процесс какое-то время будет вдохновляться идеалами этноцентрической или культуро-центрической окраски, обретать свои наиболее мощные импульсы в пространстве отдельных регионов и локальных цивилизаций. И только потом, на основе новых духовных прозрений и установок, начнется интеграция народов в качественно новую общность — мировую духовно-экологическую цивилизацию.

Сегодня мы видим, что Запад утратил стратегическую инициативу. Он уходит все дальше в сторону от основополагающих основ эпохи модерна. Так, декартовское «Я мыслю, следовательно, Я существую» заменяется формулой «Я покупаю, следовательно, Я существую» [19, с. 195]. Несмотря на все свои внешние успехи, экономическое могущество, политическое и культурное влияние в мире, Запад сегодня оказался в ситуации отсутствия ясных перспектив своего дальнейшего цивилизационного развития. Запад на этот раз не смог выдвинуть никакой новой идеологии (если, конечно, не считать таковой концепцию «Конца истории» Ф. Фукуямы), которой могли бы увлечься даже падкие на все европейское наши западники. Поэтому новый виток исторического движения и новые ответы на вызовы современности надо ожидать не от него, а от иных регионов и цивилизаций мира.

Поскольку Запад пока еще является наиболее успешным игроком на современном геополитическом и торгово-рыночном поле (победитель в холодной войне), он менее всего способен на прорыв к новым горизонтам бытия, к иному будущему. Запад устраивает существующее положение вещей. Настоящее — сфера его торжества и успеха. И дело здесь не только в том, что политическая и духовная сила Запада исключительно эгоистична и самодовольна. Просто Запад в силу ряда объективных причин истощил свои энергетические импульсы, утерять «пассионарность», столкнулся с небывалой порчей человека. Ресурсы Запада в формировании постэкономического, постматериалистического человека и, в целом, в достижении духовной стадии развития общества оказались крайне ограниченными. Столетия господства протестантской этики, интенсивно насаждаемой с целью получения прибыли, идеологии и психологии потребительства, подорвали потенциал западной культуры.

Запад уже давно свершил «подмену пафоса святынь на банальность интереса» [20, с. 199], растворил свои духовные и культурные архети-

пы в «культуре туловища», в этике безудержного гедонизма. Поэтому его сегодняшнее демографическое неблагополучие нельзя истолковать иначе как результат духовного вырождения. «Это культура не жизни, а смерти, ибо она не дает объяснения, ради чего и как жить, замыкая человеческое бытие в границах профанных смыслов, — в пространстве того, что можно купить и чем можно насладиться. Запад уходит от поиска трансцендентных смыслов бытия, от стремления реализовать себя за пределами данных современному человеку возможностей. Он уходит все дальше от основ локальности своей цивилизации, не столько модернизируя, сколько преодолевая свои христианские архетипы. Во всех этих процессах такие специфические черты западной цивилизации, как индивидуализм, личная свобода и предприимчивость, социальный плюрализм и мобильность, в свое время являвшиеся средством возвышения и динамичного развития, в изменившихся исторических условиях становятся источником цивилизационного упадка, потери пассионарной мощи западного духа» [20, с. 200]. С этим сопряжен и процесс погружения Запада в глубокий моральный кризис, практически полное его освобождение от норм традиционной морали, его расчеловечивание. Запад окончательно порывает с традициями во всех сферах человеческой жизни. Он ускоряющимися темпами упраздняет все институты традиционного общества — религию и Церковь, семью и даже половую принадлежность. Разворачивающаяся сейчас на Западе гей-революция — это проявление доведенного до логического конца, до абсурда индивидуализма, лежащего в основе либеральной идеологии. Борьба за ничем неограниченную свободу сексуальных меньшинств осуществляется под маской «прав человека», возможности реализации им своей индивидуальности в любых, даже самых извращенных формах. Народы, придерживающиеся вековых традиций и исповедующие традиционные религии, находятся под мощным прессом этой новой брачно-половой идеологии, проводниками которых выступает большинство политических элит западных стран. Не удивительно, что мэры многих столиц и мегаполисов Европы и Северной Америки настойчиво и навязчиво демонстрируют и рекламируют свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. Похоже, мы и в самом деле вступаем в эпоху отречения от фундаментальных основ человеческого бытия, слома всех испытанных временем библейских ценностей, в эпоху Содомы и Гаморы. Поэтому сегодня борьба за традиции — это борьба за сохранение человеческого в человеке.

Есть все основания полагать, что в формировании духовно-экологической цивилизации XXI века, новой картины мира и нового практического отношения к действительности важную роль наряду с некоторыми другими народами мира, в частности, индийским народом, культура которого содержит мощные постпотребительские и постэкономические импульсы, могут сыграть и восточнославянские народы. Восточнославянским народам, как отмечают многие исследователи, присущ целый ряд специфических черт, вытекающих из их геополитического положения, уникальности исторического пути развития, своеобразия духовно-ментальных структур и архетипов сознания, которые в условиях нарастающего экологического кризиса

могут послужить исходным пунктом в формировании новой модели социокультурного развития человечества.

Однако вопрос о том, какими стратегическими ресурсами обладает Россия и близкородственные ей народы для реализации прорыва к духовно-экологической цивилизации, — тема отдельного рассмотрения.

Литература

1. Андреев И. Л. Перегнать не догоняя // Свободная мысль. 2013. № 1.
2. Сагатовский В. Н. Что такое гуманистическое развитие общества? // Социально-гуманитарное знание. 2002. № 3. С. 78–80.
3. Чумаков А. Н. Глобализация: контуры целостного мира // М.: Проспект, 2009.
4. Weizacker E. von Lovins A., Lovins L. / Factor Four. Doubling Wealth — Having Resource Use. 1 lie New Report to the Club of Rome // London, 1997.
5. Экология и социальное развитие. Мн.: ИООО «Право и экономика», 2005.
6. Вебер А. Б. Глобальное потепление и устойчивое развитие // Свободная мысль. 2006. № 5.
7. Zolotas K. Economic Growth and Declining Social Welfare // Athens, 1981.
8. Кузнецова Л. В. Дурная бесконечность символического потребления // Философия и общество. 2008. № 3.
9. Силин А. А. Духовность против терроризма // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 11.
10. Къеза Дж. «В сумерках» договорного капитализма // Наш современник. 2008. № 8.
11. Романов Б. Экологические движения в России // Свободная мысль. 2008. № 8.
12. Федотов Н. Н., Федотова Л. Н. Внеэкономический капитал и его значение для экономики и общества // Философские науки. 2009. № 2.
13. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской — к духовно-экологической цивилизации // Вести Московского университета. Сер. 7. Философия. 1999. № 6.
14. Крылова И. А. Дестабилизация социально-экономической обстановки в России // Философия и общество. 1999. № 1.
15. Wackernagei M. Tracking the ecological overshoot of the human economy — «Proceedings of the National Academy of Sciences». 2002, July 9, Vol. 99. N 14.
16. Российская газета. 3 сентября 2002 г.
17. Бурак П. М., Водопьянов П. А. От нестабильности к устойчивому развитию // Беларуская думка. 1996. № 9.
18. Балацкий Е. В. Наступит ли Апокалипсис? // Вестник РАН. 1998. № 9.
19. Делягин М. Г. Падение в смуту: опасение и надежды // Наш современник. 2013. № 6.
20. Козин Н. Г. Есть ли будущее у Запада // Свободная мысль, 2005. № 4.

ДОСПЕХИ

Василий НОВИКОВ
«МУЖЕСТВО
ВЫСШЕЙ ПРОБЫ»

Г. К. Жуков:
маршал Победы,
маршал долга и спасения

Эдуард ФИЛИППОВ

1. Становление личности Георгия Жукова

В конце минувшего столетия в деревне Стрелковке Калужской губернии стоял осевший на угол дом с двумя окнами и с одной комнатой. От ветхости стены и крыша поросли мхом. Дом был поставлен где-то в начале XIX века. В нем в царствование Николая I жила бездетная вдова Анна Жукова, которая взяла из приюта двухлетнего мальчика, брошенного там трехмесячным младенцем с запиской: «Сына моего зовите Константином». Подкидьш! Это был отец будущего Маршала Советского

Василий Семенович Новиков (1949) — Вице-президент Российской академии естественных наук и академии наук и искусств Союза России-Беларуси, председатель секции междисциплинарных проблем науки и образования РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии России в области науки и техники, кавалер Золотой звезды науки, действительный член РАЕН, Российской академии астрономии, доктор медицинских наук, профессор. Писатель публицист, член Союза писателей России, лауреат Международных и Всероссийских премий им. М. А. Шолохова, генералиссимуса А. В. Суворова, генерала М. Д. Скобелева, «Звезда Чернобыля». Почетный гражданин г. Гагарин и Навлинского р-на Брянской области. Участник боевых действий. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Эдуард Михайлович Филиппов (1946) — военный историк, ученый, педагог, действительный член РАЕН и МАНЭБП, вице-президент Академии военно-исторических наук, член Президиума секции междисциплинарных проблем науки и образования РАЕН, начальник Первого пограничного кадетского корпуса ФСБ России. Лауреат национальной премии Петра Великого, докт. ист. наук, профессор, генерал-майор. Член Союза писателей России, лауреат многих литературных премий Автор 3 учебников, 6 монографий, 5 книг, 110 научных и исторических трудов. Почетный сотрудник погранслужбы ФСБ России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Союза Георгия Константиновича Жукова, родившегося на осеннего Егория 19 ноября по старому, 2 декабря по новому стилю 1896 года.

От исторических событий нас, в сущности, отделяет немного, мы чуть ли не их современники. Отец Г. К. Жукова родился в расцвет царствования Николая I, его сын скончался в эпоху Л. И. Брежнева. Анна Жукова, а в деревне было множество Жуковых, взяла ребенка на воспитание в начале сороковых годов XIX века. Ему еще не исполнилось и восьми лет, как добрая приемная мать умерла.

Мальчик пошел на обучение к сапожнику и, тем самым, приобрел средства к существованию на всю жизнь.

Деревня Стрелковка... Надо думать, название восходит к тем далеким временам, когда в ней жили стрельцы, стоявшие на страже русских рубежей. В детстве, когда Жуков был мальчишкой, деревня, если и выделялась из тысяч русских деревень, то в худшую сторону. Бедность, земля — сплошной песок — рожала плохо. Мужчины, как правило, на отхожем промысле, в поле — женщины и дети.

Отца — Константина Андреевича Жуков видел редко, так как он сапожничал в городах, а мать — Устинья Артемьевна — вела домашнее хозяйство. Заработки... «Я думаю, — напишет на склоне лет маршал, — нищие собирали больше». Еще он напишет: «Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и сострадания русских людей, живших в тяжелой нужде». Взащенной веками солидарности, проявлявшейся и на ратном поле, и тогда, когда нужно было выжить в неурожайные годы. На этом стоит человеческая жизнь¹.

Семья Жуковых была дружной. Поэтому в своих воспоминаниях маршал писал: «Родина для каждого человека начинается с семьи. Семья — это не только первое родное место для ребенка на земле, но она и главная школа жизни. В семье закладываются основы самых существенных черт личности. Здесь человек постигает сущность понятия “мы”, учится коллективизму, приобщается к живому единству. Не испытав такого единства в семье, ему трудно осознать, что такое единство всенародное. От нравственного здоровья семьи зависит нравственность всего общества, ибо семья и нация, семья и государство — соединяющиеся сосуды...»².

В связи с тем, что отец Георгия большую часть своего времени находился на заработках, все заботы по дому и хозяйству легли на его жену, и мальчик рос при неграмотной матери. Устинья Артемьевна была замечательной женщиной. Наделенная твердым характером и невиданной физической силой, она была первой, самой дорогой и житейски мудрой учительницей Георгия, воспитавшей в нем те качества, что составляют суть истинно русского человека.

Осенью 1903 года Георгий поступил в церковно-приходскую школу, которая находилась в соседней деревне Величково, в полутора километрах от родной Стрелковки. Еще до поступления в школу по букварю старшей сестры Марии он выучил русский алфавит.

¹ Яковлев Н. Н. Маршал Жуков. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Известия, 1995. С. 5, 6.

² Георгий Жуков. Фотолетопись. М.: Истоки, 1995. С. 27.

В церковно-приходской школе Жуков встретился с «хорошим человеком», первым своим учителем Сергеем Николаевичем Ремизовым. Мудрый и по духу действительно учитель из народа, вводил своих маленьких питомцев в XX век. Учивший их, как подсказывало сердце, и никогда не повышавший голоса на деревенских ребят. «Отец Сергея Николаевича, — вспоминал Жуков, — тихий и добрый старичок, был священником и преподавал в нашей школе Закон Божий». Как подобает пастырю, он не устал говорить о «прекрасном мире Божьем».

В школе Георгий учился только на «отлично» и окончил ее с похвальным листом, хотя на его не по возрасту широкие плечи постепенно переместилось нелегкое бремя домашнего хозяйства. Все же он находил время

летом ловить рыбу, а зимой — кататься на лыжах и на самодельных коньках. Любил охотиться с братом крестной матери «хромым Прошкой». Проявившуюся в детстве страсть к охоте он пронес через всю жизнь.

Детство Жукова кончилось рано. Ему не было и двенадцати лет, когда его отдали учеником в скорняжную мастерскую, которую содержал в Москве брат матери Михаил Пилихин.

В своих воспоминаниях М. М. Пилихин, сын Михаила Пилихина, двоюродный брат Жукова, рассказывал, что мальчик-ученик Георгий учился прилежно и настойчиво, быстро постигал скорняжное дело. Однако Жуков в своих мемуарах отзывался о годах ученичества, как о времени, когда приходилось «тянуть тяжелое ярмо, которое и взрослому было не под силу». Он «стойко переносил нелегкий рабочий день»¹.

Целеустремленный и быстро взрослевший Георгий понял, что без системы продолжать самостоятельную учебу невозможно. С разрешения хозяина он стал посещать вечерние общеобразовательные трехгодичные курсы, дававшие знания в объеме городского училища, и успешно экстерном окончил полный курс учебного заведения.

Безукоризненно честный и предельно аккуратный Георгий выделялся среди учеников Пилихина, который стал давать ему все более ответственные поручения. В 1911 году, когда Георгию исполнилось пятнадцать лет, его стали величать Георгием Константиновичем. Он перешел в разряд старших, которому подчинялись трое мальчиков.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков

¹ Георгий Жуков. Фотолетопись. М.: Истоки, 1995. С. 29.

В конце 1912 года Жуков завершил обучение ремеслу скорняка и остался работать в той же мастерской Пилихина. Только жил он теперь отдельно, на частной квартире в доме на Охотском ряду, снимал комнату у вдовы Малышевой. Юноша влюбился в ее дочь Марию, и они решили пожениться. Однако судьба распорядилась иначе¹.

Спустя год после начала Первой мировой войны, когда Жукову не исполнилось еще девятнадцать лет, его призвали на военную службу. 7 августа 1915 года военно-врачебной комиссией он был признан годным для службы в кавалерии. В дальнейшем, при распределении, его направили в 189-й запасной батальон для прохождения курса новобранца и обучения пехотному строю. Курс он прошел успешно, получив зачисление в учебную команду, готовившую унтер-офицеров для кавалерии. Здесь его невзлюбил старший унтер-офицер. Однако придаться по боевой подготовке к Жукову было невозможно. Он всегда был первым. Ненавистного солдата самодур «поддавливал» на уставных мелочах, после чего следовали неизбежные дисциплинарные взыскания.

Несмотря на все пережитое от самодурства непосредственного начальника, Жуков добрым словом упоминал учебную команду, унтер-офицеров, как воспитателей солдат. Он называл унтер-офицеров костяком старой армии, основой высоких ее боевых качеств.

В подтверждение слов маршала следует отметить, что офицерами в то время могли стать в основном унтер-офицеры, прослужившие в армии 12 лет. Такой же порядок сохранялся и во второй половине XVIII века. Недаром А. В. Суворов говорил: «Родимая Россия! Сколько из унтеров взлелеяла ты героев»².

Окончив учебную команду, вице-унтер-офицер Жуков в составе 10-го драгунского Новгородского полка был направлен на Юго-Западный фронт. Он участвует в боях как разведчик, часто ходит за линию фронта для захвата «языка». За неоднократно проявленную в боях храбрость и успешное выполнение боевых заданий его наградили двумя Георгиевскими крестами.

В начале февраля 1918 года Жуков заболел сыпным тифом, а в апреле — возвратным. После выздоровления, в августе того же года он вступает добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии. В составе этой дивизии Жуков участвует в боях против Белой армии Колчака³.

Летом 1919 года 1-я Московская кавалерийская дивизия была переброшена на Южный фронт. Частям этой дивизии пришлось вести упорные бои за Царицын (ныне Волгоград). В одной из рукопашных схваток рядовой 4-го кавалерийского полка Георгий Жуков был тяжело ранен. После выздоровления отличившегося в боях воина в январе 1920 года направили на учебу в Рязань на курсы кавалерийских командиров. Военные дисциплины преподавали бывшие офицеры царской армии. Учили хорошо.

Однако обстановка на фронтах вынудила курсантов временно прервать учебу. В августе-сентябре 1920 года Георгий Жуков в составе сводного кур-

¹ Георгий Жуков. Фотолетопись. М.: Истоки, 1995. С. 30.

² Фуке Е. Б. Анекдоты князя Итальянского графа Суворова-Рымникского. СПб., 1827. С. 103.

³ Г. К. Жуков. Фотоальбом «О маршале Жукове». М.: Планета, 1986. С. 36.

сантского полка участвует на Кубани и Черноморском побережье в боях против войск генерала Улагая, а затем в ликвидации местных вооруженных групп-банд, по терминологии того времени. Впрочем, банд и впрямь было тоже немало, ибо преступность во всякое «смутное время» — явление, можно сказать, обычное и даже в некоторой степени закономерное.

Выпуск курсантов состоялся в октябре в Армавире, где в то время располагался полевой штаб 9-й армии.

2. Красный командир

После окончания курсов значительная часть выпускников, и в их числе Жуков, была направлена в 14-ю отдельную кавалерийскую бригаду, которая продолжала операции по ликвидации в кубанских плавнях остатков улагаевского десанта и местных антибольшевистских формирований. Жукова назначили командиром взвода в 1-й кавалерийский полк. Через несколько дней взводу Жукова было приказано провести операцию по очищению Приморского района. Задача была выполнена подразделением успешно, а самое важное — взвод не имел при этом никаких потерь.

В декабре 1920 года Жукова назначили командиром эскадрона, а всю 14-ю кавалерийскую бригаду перебросили в Воронежскую, а затем в Тамбовскую губернию для борьбы с антоновщиной. Антоновщина — крестьянское восстание в 1920—1921 годах. Названо по имени его руководителя эсера А. С. Антонова. Крестьянские мятежи, бунты и восстания, подобные антоновскому, были вызваны в основном одним из составных элементов большевистской политики так называемого «военного коммунизма». Эти восстания во многом обусловили отказ советской власти от политики «военного коммунизма» и переход к НЭПу — новой экономической политике.

С антоновцами было немало трудных боев. Особенно тяжелый бой эскадрону Жукова пришлось вести 5 марта 1921 года под селом Вязовая почта Тамбовской губернии. Несмотря на большое численное превосходство противника, Жуков решил его атаковать. Несколько часов продолжался бой, который завершился полным разгромом крупного скопления антоновцев. В этом бою командир эскадрона проявил умение искусно применять различные боевые средства в тесном их взаимодействии при выполнении поставленной задачи.

За умелое руководство этим боем и проявленную личную храбрость Георгий Жуков был награжден орденом Красного Знамени. Первая боевая награда 25-летнему командиру Красной армии¹.

В погоне за антоновцами эскадрон Жукова исколесил всю территорию Тамбовской и сопредельных к ней губерний. В одном из районов на марше Жуков встретил свою будущую жену Александру Диевну Зуйкову, с которой прожил более 40 лет.

Когда закончилась Гражданская война и перед Жуковым встал вопрос, кем быть, он решил всю свою жизнь посвятить службе в армии.

До марта 1923 года Жуков командовал эскадроном 38-го полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии. Следует отметить, что во главе полков этой дивизии стояли опытные командиры, и у них Жуков многому научился.

¹ Маршал Жуков полководец и человек: в 2-х кн. М.: Известия, 1988. С. 41.

3. Молодость маршала

В июле 1923 года, когда Георгию Константиновичу еще не исполнилось и двадцати семи лет, он стал командиром 39-го Бузулукского кавалерийского полка в той же 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

В середине лета в командование дивизией вступил герой Гражданской войны Г. Д. Гай. Новый комдив обстоятельно познакомился с состоянием боевой подготовки полка, внимательно наблюдал за ходом учения, остался доволен действиями личного состава.

Лагерную учебу полк закончил с высокими показателями на учениях, боевых стрельбах. В конце сентября полк вместе с другими частями дивизии участвовал в окружных маневрах в районе Орши, за ходом которых наблюдал М. Н. Тухачевский. Он дал высокую оценку действиям частей дивизии.

Благодаря энергии, знаниям и неустанным заботам Жукова, возглавляемый им полк уже через год стал выделяться высоким уровнем боевой и политической подготовки не только в дивизии, но и в Белорусском военном округе.

Обучая личный состав, Жуков стремится повысить уровень и собственных знаний. Он упорно занимается самообразованием, много читает, особенно военно-историческую литературу. Скрупулезно изучает и анализирует операции Первой мировой и Гражданской войн. В конце 1924 года командование направляет молодого, но уже опытного командира на учебу в Высшую кавалерийскую школу в Ленинград.

Там Г. К. Жуков встретился с командирами кавалерийских полков К. К. Рокоссовским, И. Х. Баграмяном, А. И. Еременко, как и он, прибывшими на учебу¹.

После завершения учебы Жуков снова командует полком.

После окончания курсов по подготовке высшего командного состава Жуков в мае 1930 года назначается командиром 2-й кавалерийской бригады. На этой должности его воинское становление также проходило успешно.

Предвоенное десятилетие для Георгия Жукова стало периодом бурного его роста как талантливого военачальника. В феврале 1931 года Жуков, как отличный командир-методист, назначается помощником инспектора кавалерии.

Спустя два года, в марте 1933 года, Жукова назначают командиром 4-й кавалерийской дивизии, которая в годы Гражданской войны была ядром Первой Конной армии. В Слуцк, где дислоцировалась 4-я кавалерийская дивизия, Г. К. Жуков прибыл с женой и дочерью. Его направили командовать этой дивизией потому, что она имела низкие результаты в служебно-боевой деятельности. Перед ним поставили задачу в кратчайший срок привести дивизию в надлежащее состояние с таким расчетом, чтобы она стала образцовым соединением кавалерии Красной армии.

Благодаря колоссальной энергии и искусному руководству Жукова, 4-я кавалерийская дивизия уже через два года заняла первое место среди кавалерийских соединений Красной армии. Ратный воинский труд и высокий

¹ Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. М., 1984. С. 56.

профессионализм Георгия Жукова был отмечен высшей наградой — орденом Ленина¹. Дивизией Жуков командовал более четырех лет.

В июле 1937 года его назначают командиром 3-го кавалерийского корпуса, а спустя семь месяцев он стал командовать 6-м казачьим кавалерийским корпусом. Это был период оснащения Красной армии современной боевой техникой и расширения ее рядов, перехода с территориального на кадровый принцип формирования войск².

Читателям из истории нашей страны хорошо известно, какое в стране и армии в этот период наступило смутное и страшное время — массовые сталинские репрессии. Несколько позже Г. К. Жуков об этом периоде будет с болью в душе и сердце вспоминать: «Первые тяжелые переживания в моей жизни были связаны с 37-м годом. Я был живым свидетелем тех страшных дней, которые пришлось пережить во время массовых репрессий в армии. Бывало, приходишь на службу, а хорошие знакомые шепотом говорят: сегодня ночью арестовали одного, второго, третьего. А на другой день эти страшные известия повторяются. Мне было трудно понять, а главное — согласиться с тем, что мужественно бившиеся за советскую власть Гай, Сердич, Уборевич и другие герои Гражданской войны — враги народа. От мыслей об этом становилось жутко, невыносимо тяжело... Репрессии 30-х годов породили наше отступление в 41-м. Ведь была почти полностью истреблена та часть высшего командного состава, которая являлась носительницей революционных и интеллектуальных традиций в армии. Красная армия фактически оказалась обезглавленной»³.

Далее маршал в своих произведениях старается обратить внимание простых советских людей на следующие ситуации: «На меня, — как он подчеркивает, — тоже готовились соответствующие документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то бегал с портфелем, в котором они лежали. В общем, дело шло к тому, чем кончили тогда многие другие командиры (уходили из жизни путем самоубийств). И вскоре я это отчетливо осознал. На партийной конференции 3-го кавалерийского корпуса, которым командовал, меня стали упрекать за дружбу с Уборевичем, винить в том, что “не разглядел врагов народа”, что “политически близорук”... Несложно было понять, чем такие выступления кончаются. И я покинул конференцию. Дал телеграмму на имя Сталина и Ворошилова. Ответа не получил, но был оставлен в покое. Вероятно, местные репрессивные органы еще не успели собрать на меня достаточно компромата, а узнав о телеграмме, решили подождать реакции верхов. Вожди же не всегда проявляли торопливость. Тем временем назревали новые важные события...»⁴.

4. Сражения на Халхин-Голе

В июле 1938 года Жуков был назначен заместителем Командующего войсками Белорусского военного округа. На него было возложено руко-

¹ Яковлев Н. Н. Маршал Жуков. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Известия, 1995. С. 19.

² Г. К. Жуков. Фотоальбом «О маршале Жукове». М.: Планета, 1986. С. 53.

³ Там же. С. 61.

⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 12-е изд. Т. 2. М.: АО Изд-во «Новости», 1995. С. 83.

водство боевой подготовкой кавалерии округа и отдельных танковых бригад, предназначенных к совместным действиям с конницей. Но быть в этой должности ему пришлось совсем недолго. Японские милитаристы в мае 1939 года в районе реки Халхин-Гол внезапно вторглись на территорию Монгольской Народной Республики, с которой СССР связывали узы боевого содружества, закрепленные в 1936 году Протоколом о взаимной помощи. Правительство МНР обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи, чтобы пресечь агрессию. Жукова направили в Монголию командовать расположенными там советскими войсками.

Первоначально ему была поставлена задача разобраться на месте в обстановке, принять необходимые меры и доложить о возможном развитии событий на Халхин-Голе в ближайшей перспективе.

Утром 5 июня 1939 года Жуков прибыл в Тимсакбулаг в штаб 57-го особого корпуса, где встретился с командованием объединения и совместно с ними изучил обстановку. Затем он выехал на передовую, чтобы там тщательно разобраться в сложившейся ситуации.

Остальное ознакомление с обстановкой и местностью в районе предстоящих боевых действий, личные беседы с командирами частей и штабными офицерами дали возможность Жукову яснее понять характер и масштабы событий. Ему стало очевидно, что это не пограничный конфликт, и силами, которыми располагал 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую авантюру будет невозможно. По его предложению Москва приняла решение о немедленном усилении корпуса. Одновременно командиром этого корпуса был назначен комдив Жуков¹.

Новый командир принял решение: до конца сосредоточения выделенных Москвой дополнительных сил и средств имеющимися советско-монгольскими частями вести активную оборону, подготовив на случай наступления японцев сильный контрудар из глубины. В результате быстрой переброски дополнительных сил авиации из глубины в район боевых действий к началу июля произошли существенные изменения в соотношении сил в воздухе в пользу советско-монгольских войск.

Между тем японское командование, не добившись успеха в майских боях, усиленно готовило более крупную операцию по захвату намеченной территории и уничтожению советско-монгольских войск.

Создав значительный перевес в силе (по пехоте и артиллерии — в три раза, кавалерии — более чем в четыре раза), японцы были уверены в скорой и решительной победе. В ночь со 2 на 3 июля 1939 года японские войска перешли в наступление, их ударная группировка (усиленная пехотная дивизия) внезапно форсировала реку Халхин-Гол и захватила на западном берегу реки господствующую высоту Баин-Цаган.

В районе этой высоты развернулось ожесточенное сражение. Оно произошло в критический момент, когда у советско-монгольского командования не было вблизи в резерве ни пехоты, ни артиллерии, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию успеха противником. Вовремя могли подойти лишь находившиеся на марше танковая бригада и мотоброневые части. Но самостоятельный удар танковых и броневых частей без поддержки пехоты тогдашней советской военной доктриной не допускался.

¹ Георгий Жуков. Фотолетопись. М.: Истоки, 1995. С. 87, 88.

Оценив ситуацию, Жуков с марша бросил в бой 11-ю танковую, 7-ю мотоброневую бригады и отдельный монгольский броневой дивизион. Это было решение мужественного и предельно ответственного человека¹.

Чтобы не дать японцам возможности укрепить захваченные позиции, Жуков приказал танкистам и мотострелкам сходу немедленно атаковать противника с нескольких направлений, окружить его и уничтожить на Баин-Цагане.

Это смелое решение предопределило исход сражения. Не ожидавший какого-либо удара противник был внезапно атакован танками с трех сторон. В результате ожесточенного боя ударная группировка врага, прижатая к реке, была разбита.

Японские войска, стремившиеся глубоким обходным маневром окружить и уничтожить советско-монгольские части, сами попали в окружение и были полностью разгромлены. Главную роль в этом сыграли бронетанковые войска².

Баин-Цаганское сражение является образцом активной обороны, впервые осуществленной в наше время под руководством Георгия Жукова. Это сражение впоследствии справедливо было названо «Баин-Цаганским побоищем». После Баин-Цагана японцы не решились больше переправляться через реку Халхин-Гол.

Кровопролитные бои на Халхин-Голе в мае — начале июля не приблизили Японию к осуществлению ею политических и военных целей. Тем не менее, она не оставила надежды изменить ход событий в свою пользу. В конце августа 1939 года японское командование задумало взять реванш за поражение на Баин-Цагане путем проведения «генерального наступления».

Обе стороны тщательно готовились к этому сражению.

Перед советско-монгольскими войсками стояла сложная задача — разгромить, не переходя государственной границы МНР с Китаем, вторгшиеся на ее территорию соединения 6-й японской армии. Жуков принял решение сковать противника с фронта, нанести по обоим флангам японской группировки мощные сходящиеся удары в общем направлении на высоту Номон-Хан-Бурд-Омо, окружить и уничтожить ее основные силы между рекой Халхин-Гол и государственной границей. Начало наступления намечалось на 20 августа 1939 года.

Операция готовилась в короткий срок и в строжайшей тайне. Разработку плана операции вел строго ограниченный круг лиц. Чтобы притупить бдительность японского командования, развернулось строительство и оборудование оборонительных полос, были составлены и розданы воинам памятки и наставления, а также осуществлялась дезинформация противника по радио и во время телефонных разговоров, которые в основном велись на тему инженерной обороны с учетом подготовки ее якобы к осенне-зимней кампании. Словом, все делалось для того, чтобы внушить японцам, будто командование советско-монгольских войск ни о чем другом не помышляет, кроме как об обороне.

Японское командование рассчитывало начать генеральное наступление 24 августа 1939 года. Упредив противника на четыре дня, советско-мон-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 12-е изд. Т. 2. М.: АО Изд-во «Новости», 1995. С. 60.

² Георгий Жуков. Фотолетопись. М.: Истоки, 1995. С. 89.

гольские войска утром 20 августа, в воскресенье, внезапно перешли в наступление.

Стояла теплая, тихая погода. Японское командование, уверенное в том, что советско-монгольские войска не думают о наступлении и не готовятся к нему, разрешило генералам и старшим офицерам воскресные отпуска. Многие из них были в этот день далеко от своих войск. Жуков принял это немаловажное обстоятельство во внимание.

Удар нашей авиации и артиллерии оказался настолько мощным и удачным, что противник был морально и физически подавлен и не мог в течение первых полутора часов открыть ответный артиллерийский огонь. Наблюдательные пункты, связь и огневые позиции японской артиллерии были разбиты.

К середине дня 22 августа в сражении наступил кризис: фронтальные атаки пехоты успеха не имели, а подвижные войска не смогли завершить окружение противника. Казалось, операция терпит крах. В этот момент на командный пункт командующего 1-й армейской группы прибыл руководитель фронтового управления командарм 2 ранга Г. М. Штерн, который стал рекомендовать Жукову не увлекаться, а остановиться и за два-три дня перегруппировать силы для последующих ударов и только после этого продолжить окружение японцев. Очевидцы этого разговора свидетельствуют: «Георгий Константинович внимательно выслушал рекомендации и такой план действий категорически отверг. Он в свою очередь на это ответил, что война есть война и на ней не может не быть потеря. Если мы сейчас из-за этих потерь и сложностей, возникших в обстановке, отложим на два-три дня выполнение своего первоначального замысла, то произойдет одно из двух: или мы не выполним свой план вообще, или выполним его с большим промедлением и с еще большими потерями, которые из-за нашей нерешительности в конечном итоге в десять раз превысят те потери, которые мы несем сейчас, действуя решительным образом»¹.

Непреклонность Жукова в кризисный момент решающего сражения на Халхин-Голе была оправдана всем последующим ходом боевых действий.

В барханах и дюнах Халхин-Гола была окружена и уничтожена 6-я японская армия.

Халхин-Гол был первой крупной вехой на пути становления Георгия Жукова, как мыслящего по-современному полководца. Это была операция современной войны с массированным применением бронетанковых войск и авиации. Будущий маршал стал одним из немногих советских военачальников того времени, приобретших ценный опыт организации современных наступательных операций. Военный и нравственный опыт Халхин-Гола показал, что в лице Георгия Жукова появился современный полководец, обладающий творческим мышлением, способностью предвидеть и прогнозировать развитие военных действий, волей и решительностью, высокими организаторскими способностями, интуицией и всеми другими качествами, которые позволяют военачальнику с наибольшей эффективностью использовать предоставленные в его распоряжение силы и средства для достижения победы в минимальный срок и с наименьшими издержками.

¹ Маршал Жуков полководец и человек: в 2-х кн. М.: Известия, 1988. С. 93.

Нарком обороны К. Е. Ворошилов в приказе 7 ноября 1939 года отмечал: «Подлинной славой покрыли себя бойцы и командиры — участники боев в районе реки Халхин-Гол. За доблесть и героизм, за блестящее выполнение приказов войска, участвовавшие в этих боях, заслужили великую благодарность».

Советское правительство, отмечая особо выдающиеся заслуги советских воинов против японских агрессоров, присвоило семидесяти из них звание Героя Советского Союза. Звания Героя Советского Союза дважды были удостоены три человека. Звание Героя Советского Союза было присвоено и Жукову, а в 1972 году Указом Великого Народного Хурала МНР за участие в разгроме японских войск на Халхин-Голе Георгий Константинович удостоен звания Героя Монгольской Народной Республики.

К тому времени было опубликовано Постановление правительства о присвоении высшему командному составу Красной армии генеральских званий. В числе других Жукову было также присвоено звание генерала армии¹.

Предвоенное десятилетие стало периодом бурного роста Г. К. Жукова, как талантливого и всесторонне подготовленного командира. Это постоянно подчеркивал в своих воспоминаниях однокашник Жукова по академическим курсам подготовки высшего командного состава Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза И. Х. Баграмян: «...Жукова, как полководца, отличали дар предвидения развития крупномасштабных боевых операций и аналитический ум, позволявший ему верно и в кратчайшие сроки оценивать обстановку любой сложности и принимать необычайно смелые, неожиданные для врага решения. Он обладал огромным организаторским талантом, железной волей, умел преодолеть любые препятствия на пути к цели. Он был нерасторжимо связан с воинами Советской армии — от генерала до рядового солдата.

Личная храбрость, презрение к смерти были органически свойственны ему, и это не просто мужество и храбрость солдата, действующего по поговорке “На миру и смерть красна”, а мужество высшей пробы»².

¹ *Гареев М.* Полководческий феномен // Красная Звезда. 1996. 16 ноября.

² *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 74.

НАШЕ ПРОШЛОЕ ЭТО НАШЕ БУДУЩЕЕ

*Интервью с известным
общественным деятелем
и меценатом, членом Меж-
парламентской ассамблеи СНГ
Грачи́ей Мисакови́чем
Погосяном*

Грачя́ Мисакови́ч Погосян — советник заместителя Генерального секретаря Совета Межпарламентской ассамблеи глав — участников СНГ, родился 11 августа 1970 г. в г. Октемберян Армянской ССР. Имеет военное и юридическое образование. В 2002–2004 гг. представитель ООО «Спецсервиспо-ставка» в Северо-Западном регионе в должности директора филиала. В 2004–2008 гг. — генеральный директор ООО «ЛБПСУ» по производству общестроительных и реставрационных работ. В 2008 г. учредил и по настоящее время возглавляет ООО «РосВоенСтрой» — производство общестроительных и реставрационных работ на объектах МО РФ. Награжден многими орденами и медалями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Завершился знаменательный для России 2015 год — год великих юбилеев, среди которых 1000-летие преставления святого князя Владимира — Крестителя Руси, наверное, основополагающий. Только вследствие личной победы князя-воителя и духовного просветителя нашего Отечества стали возможными все последующие победы и само бытие Руси-России. Много было сделано в ознаменование этого подвига и в честь тысячелетия упокоения в Боге его свершителя. Самое важное, конечно, это церковные события, строительство и освящение новых храмов, торжественные богослужения, благодарственные молебны святому князю. Все они из разряда непреходящих событий. Но были и другие дела, зримые, являющиеся направляющими вексами нашей памяти. Много делает по увековечиванию великих исторических событий известный в России и в Армении меценат, военный строитель, общественный деятель Грачя́ Погосян. Он возводит памятники, посвященные великим духовным и воинским победам. Памяти Крестителя Руси, родоначальника русской Православной цивилизации, меценат посвятил православный большой поклонный крест с иконой святого князя Владимира.

Валентина Ефимовская: *Уважаемый Грачя́ Мисакович, известно, что многие годы своей жизни Вы отдали созданию и установке памятников во славу воинских и духовных побед. Ставили кресты и хачкары на местах сражений и в церковной ограде. Как пришла к Вам, армянину, идея создания поклонного креста русскому святому равноапостольному князю Владимиру?*

Грачья Погосян: Вы правы, предыстория этого памятного креста есть. Я не раз говорил в своих интервью, что ничего случайного на свете не бывает, уверен, что каждое доброе дело и милосердное событие промыслительны. Идея создания креста зародилась, наверное, в предыдущих моих деяниях, в истории моей родины Армении. Современный мир страдает болезненными, можно сказать, хроническими провалами памяти. Лекарств от этой болезни нет, кроме прямого напоминания или духовного просвещения. С моей помощью создано много воинских мемориалов потому, что я считаю, мы в долгу перед нашей армией, к которой я имею честь принадлежать, и перед ее героями. На протяжении веков русские воины в крепком своем многонациональном единстве продолжали жертвенную традицию стояния за свою землю, за свой дом, за свою семью, наследуя библейскую заповедь — не щадить жизни «за други своя». Но кто помнит сегодня имена героев Крымской войны, Первой мировой, даже Афганской или Чеченской? Я, конечно, не в силах изменить это положение — это задача историков и учителей. Но память о героическом событии в контексте мировой истории, свидетельство об общенародном подвиге, о его духовных корнях, как мне кажется, я могу восстановить. «Лечение памяти» надо начинать с осмысления духовных корней подвига, уходящих в христианскую веру.

Я армянин. Моя родина одной из первых в мире, раньше Руси, приняла христианство в качестве государственной религии. Поэтому мне не трудно проникнуться в христианские смыслы подвигов и побед. Поэтому почти на всех памятниках и в скульптурных композициях мемориалов, которые создаются большим творческим коллективом и устанавливаются с моим попечительством, присутствуют кресты. Крест во славу князя Владимира имеет прямой прототип.

В. Е.: *Да, я знаю, что в Гатчинском районе Ленинградской области, вблизи мест, связанных с именем и жизнью святого Серафима Вырицкого, с Вашей помощью установлен похожий крест, посвященный не менее знаменательному юбилейному событию — 700-летию святого игумена земли Русской Сергия Радонежского.*

Г. П.: 3 апреля 2014 года в рамках визита Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Крест Сергию Радонежскому в Гатчине

в Санкт-Петербургскую митрополию и Гатчинскую епархию в городе Гатчине Ленинградской области был освящен закладной камень и поклонный крест на месте строительства храма в память преподобного Сергия Радонежского, изготовленный Группой компаний «Возрождение» по моему заказу и с моей помощью. Обряд освящения совершил Патриарх Кирилл при участии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия и епископа Гатчинского и Лужского Митрофана, в присутствии губернатора Ленинградской области Александра Дрозденко при стечении горожан и гостей. Патриарх благословил меня и поблагодарил за деяния во благо Святой Церкви.

После освящения камня и креста священнослужители и гости проследовали в поселок Вырица. Предстоятель Русской Православной Церкви совершил молебен в храме Казанской иконы Божией Матери в Вырице и посетил часовню на месте упокоения преподобного Серафима Вырицкого. Посещение было посвящено 65-й годовщине преставления святого и 100-летию со дня освящения Казанского храма.

В Вырице Патриарх сказал: «Сегодня мы празднуем 65-летие со дня смерти святого преподобного Серафима Вырицкого, человека очень близкого мне через моих родителей, потому что отец Серафим был долгие годы духовником моего отца. Когда мы в детстве молились, то наша детская заупокойная молитва всегда включала поминовение блаженной Ксении Петербургской и иеромонаха Серафима. И как я радовался, когда сначала блаженная Ксения, а позже и Серафим Вырицкий были причислены к лику святых».

Я знал, что в тяжелейшие годы, особенно после того, как была закрыта Александро-Невская Лавра, и преподобный Серафим приехал в поселок Вырицу, он не прекратил своей проповеди, молился за всех, кто к нему приходил. Для него не существовало различий по национальному признаку. Люди чувствовали силу его молитвы и свидетельствовали о ней во всех краях России. Старец был символом праведности, величайшим своим примером он возбуждал и укреплял веру в сердцах людей.

Почему я так подробно оговариваю об этом событии, потому что святой образ Серафима Вырицкого в моей жизни является путеводной звездой в мирской деятельности. Он — мой ангел, мой хранитель.

В. Е.: *Известно, что на территории Казанского храма в Вырице Вы установили памятный армянский крест хачкар.*

Г. П.: Да, я задался целью украсить место божественного деяния святого армянским духовным памятником — хачкаром. Этот крест был в тот же день установлен рядом с часовней Серафима Вырицкого. Хачкар, посвященный святому Серафиму, был специально изготовлен в Армении. На открытии этого символического памятника присутствовали члены нашей церковной общины во главе с настоятелем церкви Св. Екатерины отцом Саркисом Чопуряном. Я очень благодарен и выразил эту благодарность лично епископу Гатчинскому и Лужскому Митрофану за предоставленную мне честь поставить хачкар преподобному Серафиму Вырицкому и поклонный крест Сергию Радонежскому.

Свою радость я выразил памятным подарком, символизирующим это историческое событие и этот благодатный день. Патриарху были преподнесены изготовленные армянскими мастерами часы из орехового дерева, на

которых изображены храм иконы Божией Матери Казанской в Вырице, часовня преподобного Серафима Вырицкого, Поклонный крест с места закладки храма преподобного Сергия Радонежского и хачкар у часовни преподобного Серафима Вырицкого. Святейший Патриарх с благодарностью и благословением принял подарок во славу многовековой дружбы двух братских народов — русского и армянского.

В. Е.: *Более сложную задачу Вы поставили себе, уважаемый Грачья Мисакович, когда решили увековечить память равноапостольного князя Владимира в Амурской области. Почему именно там? Ведь и в наших краях не много крестов в память духовных подвигов.*

Хачкар в Вырице

Г. П.: В Амурской области мною установлен не только этот крест. Мои благотворительные проекты разнообразны. Это и памятник Константину Циолковскому, и фильм о нем, и возведение купола для церкви Казанской иконы Божией Матери, и другие дела. Но я считаю, что это лишь малая часть вклада в увековечивание памяти о достойных сынах своей Родины, в сохранение духовных святынь. Я уверен, что жизнь — это исполнение долга. И мой долг — помогать, пока Господь посылает такую возможность.

В. Е.: *Как и почему началась Ваша дружба с далеким амурским краем?*

Г. П.: Дружба эта и связи не случайны. Организация, которой я руководжу, — «РосВоенСтрой» — работает на строительстве объектов космодрома «Восточный» вблизи поселка Углегорск. Занимаясь своим профессиональным делом, я никогда не оставляю без внимания и территорию, на которой работает моя организация. Как можно было не откликнуться на трагедию в Амурской области и Хабаровском крае, ставших жертвами неумолимой стихии. Я оказал прямую материальную поддержку этому Дальневосточному региону. Тогда-то и обратил внимание на недостроенную церковь Ка-

занской иконы Божией Матери в Углегорске. Я сразу же поднял вопрос о возобновлении строительства и внес средства на установку купола. Какая же церковь без купола? К работам подключил ФАСС «Спецстрой России». Кураторство взял на себя заместитель директора «Спецстроя» Александр Мордовец. Председатель попечительского совета, руководитель координационного центра космодрома «Восточный» — Константин Чмаров нас поддержал, дал высокую оценку этой инициативе и поставил цель — мобилизовать силы всех благодетелей и заинтересованных лиц для скорейшего завершения строительства церкви. Так Космос оказался под знаком Всевышнего, а Церковь — под знаком Космоса. И это естественно, так как самого создателя космонавтики Константина Циолковского волновал вопрос: «нет ли чего-нибудь такого, что нами распоряжается, от чего мы зависим, что нас создало, что дало нам разум познания Вселенной, что благосклонно относится к своему созданию, дает ему вечность и счастье?»

Любого человека волнуют эти вопросы, но из уст первого, умозрительного покорителя Космоса они звучат особенно волнующе. Поэтому я захотел больше узнать о самом гении, увлекся историей развития космонавтики. Решил отдать дань памяти ее основоположнику Константину Эдуардовичу Циолковскому, установив в Углегорске ему памятник и сняв о нем документальный фильм «Невозможное сегодня станет возможным завтра». Но эта особая страница моей деятельности, о ней я, может, расскажу на страницах вашего журнала когда-нибудь подробнее.

В. Е.: *Известно, что Вами было задумано и воплощено много других проектов, связанных и с историей космонавтики, и с увековечением памяти воинов-амурцев, за что Вы получили в благодарность от епископа Благовещенского и Тындинского Лукиана медаль.*

Г. П.: За время работы на территории Амурской области у меня сложились теплые дружеские отношения с епископом Благовещенским и Тындинским Лукианом. Ведь именно благодаря Владыке Лукиану хачкар, привезенный главой армянской общины Благовещенска Артуром Казаряном, 24 апреля 2015 года был установлен и освящен на территории женского монастыря Благовещенска. На освящении памятного символа присутствовало более 500 человек. Для Артура Казаряна, как и для всей армянской общины, это событие стало великой радостью и сбывшейся мечтой, ведь привезенный хачкар обрел свое постоянное пристанище и стал местом поклонения людей.

На открытии священного памятника заместитель председателя регионального отделения Союза армян России Аркадий Аракелян сказал, что этот хачкар привезен из Армении. Он выполнен в камне, потому что Армения — страна камней, и все чувства, веру, культуру, искусство, архитектуру мы передавали и передаем через камни.

В. Е.: *А какой общественный резонанс вызвало это редкое по торжественности, значению и смыслу событие?*

Г. П.: Об этом прекрасном событии было доложено советнику министра обороны Республики Армения генерал-лейтенанту Муразу Саркисяну. По

приказу министра обороны Армении епископ Лукиан (Куценко) и некоторые члены армянской общины Благовещенска были удостоены высшей награды Министерства обороны Республики Армения — медали «Маршала Баграмяна» за укрепление дружественных отношений народов России и Армении.

В. Е.: *А как отнеслась к этому событию епархия?*

Г. П.: Церковь всегда высоко ценила благотворительную деятельность, в основном благодаря ей удалось в короткий, по меркам века, срок восстановить основную церковную инфраструктуру в России. Я счастлив по

Хачкар в Благовещенске

Его преосвященство епископ Лукиан вручил Грачье Погосяну медаль 1 степени Албадзинской иконы Божией Матери

мере своих возможностей помогать Церкви. И с глубокой благодарностью принимаю от нее благословение и награды. Так, за «сохранение исторической памяти и культурных традиций, укрепление духовно-нравственных основ общества, братских, дружеских отношений народов России и Армении», как сказал Владыка Лукиан, он вручил и мне медаль I степени Албадзинской иконы Божией Матери. А мой помощник Армен Габриелян был удостоен медали Албадзинской Божией Матери II степени.

Его преосвященство епископ Лукиан прикладывает много усилий, чтобы в Благовещенске была построена армянская апостольская церковь имени Григория Просветителя, в которой будут храниться частицы мощей первого Каталикоса всех армян. Святой Григорий был рукоположен во епископа Кессарии Капподокийской при содействии царя Трдата, и тогда христианство распространилось по всей стране. Традиционная дата Крещения Армении — 301 год.

Икона Григория
Просветителя

В. Е.: Известно, что этот святой издревле почитается и на Руси.

Г. П.: Да, он почитается просветителем и в Русской Православной Церкви. Житие Григория Просветителя было переведено с греческого на славянский язык в XII веке, перевод службы святому на славянский язык сделан не позднее середины XI века. Храмы, посвященные Григорию Просветителю, были в крупных городах и монастырях. Так, например, в 1535 году во имя Григория Просветителя была освящена столпообразная церковь в Спасо-Преображенском Хутынском монастыре. В середине XVI века святому был посвящен один из восьми престолов храма Василия Блаженного (Покровского на рву собора) на Красной площади в Москве. Тысячу лет могила святого Григория служила местом поклонения. В течение 500 лет часть мощей его хранилась в армянской церкви в Неаполе, в 2000 году они были переданы в Ереванский кафедральный собор св. Григория Просветителя.

Епископ Лукиан прикладывает много усилий, чтобы в Благовещенске, новой космической столице России, была построена армянская апостольская церковь имени Григория Просветителя, в этом ему помогает местный предприниматель Роман Самвелян, заказавший проект будущей церкви.

В. Е.: Уважаемый Грачъя Мисакович, расскажите о Вашем новом проекте, о

кресте в память другого просветителя — святого князя Владимира, принесшего Православие на Русь. Очевидно, что идея проекта связана не только с 1000-летним юбилеем преставления князя, но и с тем, что Вам особенно близка тема апостольского служения и просветительства.

Г. П.: Задачи церковного просвещения я вижу как первейшие в ряду задач просвещения светского, основанного на идее созидания христианского мировоззрения и христианского мира. Как говорил священник Владимир Архипов, надо «трудиться не над накоплением информации, а над открытием сердца духовному миру», над прививанием «культуры свободно и самостоятельно мыслить». Я, конечно, не вижу себя деятелем на ниве православной культуры, но многие памятники, которые с моей помощью появляются в России и в Армении, несут весть о Христе.

Сама идея по установке поклонного креста на Амурской земле мне пришла пару лет назад. А 12 июня 2015 года, когда в Исаакиевском соборе мне вручили медаль в ознаменование 1000-летия преставления Святого равноапостольного князя Владимира, это событие стало для меня знаковым. Тогда я и стал воплощать идею в жизнь.

Моя инициатива создания креста в память святого равноапостольного князя Владимира, крестителя Руси, была воспринята как весьма актуальная и нужная. Я предложил установить в честь 1000-летия преставления святого князя Владимира православный поклонный крест с его иконой, как благословение современным делам людским. Директор ФАСС «Спецстрой России» Александр Волосов также посчитал важным создание духовной святыни рядом с космодромом.

Крест, общей высотой 4 метра, вырезан из гранитного куба весом 14 тонн в каменотесной мастерской, расположенной на Октябрьской набережной в Санкт-Петербурге. Камень привезли с балтийского месторождения, нашли на Карельском перешейке особый гранит. Этот сорт гранита был выбран из-за его неповторимо-живого цвета, в результате полировки он обретает глубокий темно-вишневый оттенок. Мозаику с изображением святого равноапостольного князя Владимира создали в санкт-петербургской мозаичной мастерской «Тавр» по всем канонам православной иконы. Святой по канонам ростовой житийной иконы, как и преп. Сергей Радонежский на поклонном кресте в Ленинградской области, выполнен в полный рост. Золотой фон мозаики свидетельствует о том, что князь своим просветительским подвигом явил полноту жизни в Боге, распространил как свет учение Церкви об истинном житии по Христовым заповедям (см. фото 2 стр. обложки).

Сегодня моим попечением крест установлен у церкви Казанской иконы Божией Матери в г. Углегорске. Его освящение стало поводом для еще одного важного события — освящения космодрома «Восточный». Событие такого рода в России произойдет впервые. Мечту об освящении космодрома я вынашивал несколько лет. Озвучивал ее в разных кругах, но не надеялся, что эта смелая идея может воплотиться в жизнь. И вот совсем недавно узнал, что моя задумка может стать реальностью! Это стало возможным благодаря поддержке вице-президента ОАО «Объединенная ракетно-космическая корпорация» Константина Чмарова. Недавно в телефонном разговоре

он сказал: «Поздравляю, Ваша мечта по освящению космодрома воплотится в жизнь». Не представляете, как я этому рад.

В. Е.: *Это, действительно, важное духовное событие, способствующее пониманию того, что современные русские люди, как и их далекие предки, которые тысячу лет назад пошли за просветителем князем Владимиром, должны объединиться в вере во имя спасения не только своего Отечества, но и всего мира.*

Г. П.: В связи с этим я вспоминаю слова Председателя Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Московского Патриархата Всеволода Чаплина, который сказал, что примером нашего современного объединения вполне может стать цивилизационный выбор святого князя Владимира, — «те народы, которые остались язычниками, например, балтийские славяне, — исчезли. И это — ответ на вопрос — а надо ли было принимать христианство?! Если бы Русь осталась языческой, она бы исчезла». Поэтому, я уверен, наследие князя Владимира это не только наше прошлое, но и наше будущее.

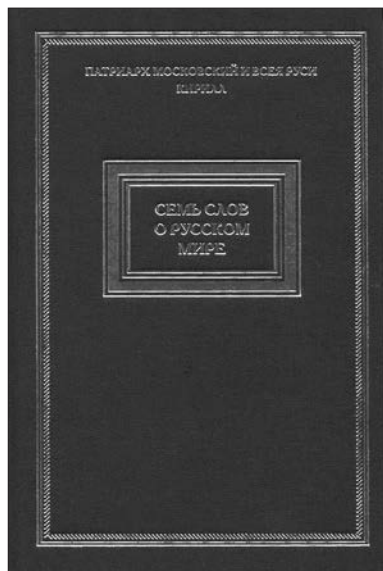
Беседовала Валентина Ефимовская

КВШЛА КНИГА

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси

Семь слов о русском мире / сост. А. В. Щипков. — М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015. — 120 с.

Хорошо известно, какую роль играл в древнерусской литературе наряду с летописными хрониками, поучениями и житиями жанр Слова. Одни из нас с легкостью назовут знаменитое «Слово о полку Игореве». Другие добавляют к нему «Слово о Законе и Благодати» или «Слово о погибели Русской земли». Сборник «Семь слов о русском мире» Патриарха Кирилла представляет собой уникальный пример возвращения к жизни жанровой формы Слова. В сборнике помещены семь Слов Предстоятеля Русской Православной Церкви, которые в разное время звучали на различных форумах и собраниях. Произнесенные однажды для публики, эти размышления и в письменном виде сохранили энергию живого общения, прямого обращения к единомышленникам, желание достучаться до сердец всех православных людей. Оставаясь проповедническими, Слова Святейшего Патриарха Кирилла выходят за узкие рамки религиозной тематики и затрагивают широкий спектр социальных вопросов. В стране, где 80 % населения придерживается православных убеждений, хотя и имеет разную степень воцерковленности, это закономерно. Церковь не может оставаться безучастной к внутренним проблемам страны, которая столкнулась с крупнейшими с момента окончания Великой Отечественной войны геополитическими вызовами. Лейтмотивом сборника можно смело назвать русскую тему — заботу об укреплении национальной идентичности, которая строится на государство-образующей роли русского народа и его культуры и принципах социальной справедливости.

Леонид САВИН

ДЕСЯТЬ КРИЗИСОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Леонид Владимирович Савин — родился в 1974 году. Главный редактор журнала «Геополитика» и интернет-портала Геополитика.ру, руководитель администрации Международного «Евразийского движения», автор многочисленных публикаций по международным отношениям, конфликтам, идеологии и политической философии. Политический обозреватель и комментатор радиостанций «Русская служба новостей», «Голос России» (лондонская и вашингтонская студии), «Голос Ирана», «Говорит Москва», а также телеканалов Russia Today и «Мир». Ведет авторскую колонку на сайте Фонда стратегической культуры. **Живет в Москве.**

Сейчас ЕС сталкивается с целым рядом взаимосвязанных кризисов. Некоторые из них являются институциональными, другие вызваны объективными факторами и показывают неготовность Брюсселя справляться с новыми угрозами, а третьи являются управляемыми, где немаловажную роль играют США как основной партнер ЕС в военном, политическом и экономическом сотрудничестве, который пытается извлечь из этого пользу.

Кризис общей политики европейской интеграции

Энтузиазм и пафос от создания единого пространства заметно иссяк, особенно после того, как стали очевидны основные бенефициары от проекта ЕС в лице Германии и Франции. Система принятия политических решений в ЕС (члены Европейской Комиссии не избираются прямым голосованием) противоречит демократическим нормам и ценностям, что подрывает основы национальных государств внутри сообщества и усиливает роль бюрократии. Это порождает недоверие к наднациональным институтам, даже не имеющим властных функций. Кроме того, ослабление суверенитета национальных государств значительно уменьшает роль стран в качестве игроков глобальной мировой политики. Если ранее Германия, Франция, Италия и другие страны претендовали на статус центров силы (даже при зависимости от США через посредничество НАТО), то сейчас их возможности заметно иссякли. Интересы и амбиции отдельных стран сталкиваются не только с естественной конкуренцией со стороны, но также с внутренним саботажем, выражающимся в блока-

де различных инициатив (в свое время Германия не дала развиваться проекту Средиземноморского союза, который активно поддерживала Франция). Подобная взаимно зависимая уязвимость привела к появлению концепции ЕС как *small power*¹. Если в эпоху модерна Европа могла гордиться концертом держав, задающих тон ходу мировой истории, то ныне даже объединенный блок стран в глобальной политике часто рассматривают как не совсем полноценную единицу.

Кризис экономики

Риск выхода Греции из еврозоны, а также текущие дебаты о возможных новых кандидатах на дефолт показывают несостоятельность экономической политики ЕС. Хотя видные неолиберальные умы типа Джорджа Сороса постоянно забрасывают европейских политиков советами по оздоровлению экономики, ЕС воздерживается как от полной либерализации, так и от возврата к более рациональному и сбалансированному управлению банковским сектором.

Вместе с этим над ЕС возникла угроза втягивания в Трансатлантическое партнерство по торговле и инвестициям, которое усиленно лоббирует Вашингтон.

Европейская общественность критически настроена к данной инициативе США. Тем не менее, исследователи отмечают, что согласно международным нормам и законам чиновники ЕС имеют только мандат на проведение переговоров, но они проходят за закрытыми дверями под давлением Вашингтона. Более того, со стороны США были неоднократные попытки подорвать европейские правила защиты данных². Об этом свидетельствуют отчеты как европейских, так и американских потребительских организаций и представителей гражданского общества. Подобные действия, как правило, ведутся через лоббистские компании, например, «Hogan Lovells», которая создала структуру «Coalition for Privacy and Free Trade». Очевидны прямые политические интересы США, так как в компании «Hogan Lovells» работают такие «тяжеловесы» как бывший посол США в ЕС Уго Пэмен, бывший представитель США по торговле Клэйтон Еуттер, бывший заместитель главы управления по политике Интернет в Белом доме Дэниел Вайтцнер³. Удастся ли европейским потребителям выстоять перед давлением транснациональных компаний? Очевидно, что это и вопрос политической воли руководства стран ЕС.

Анализируя макроэкономические показатели в ЕС, немецкий обозреватель Эрик Зюссе пришел к следующим выводам относительно последствия присоединения ЕС к Трансатлантическому партнерству.

— Соглашение в течение первых 10 лет приведет к потерям европейского нетто-экспорта. Больше всего пострадает Северная Европа (2,07 % ВВП), Франция (1,9 %), Германия (1,14 %), а также Великобритания (0,95 %).

¹ Asle Toje. The European Union as a Small Power: After the Post-Cold War. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2010.

² <http://www.statewatch.org/analyses/no-257-ttip-ralf-bendrath.pdf>.

³ <http://www.hoganlovells.com/hogan-lovells-forms-coalition-for-privacy-and-free-trade-03-18-2013>.

— Соглашение вызовет снижение роста ВВП. С учетом потерь европейского нетто-экспорта Северная Европа столкнется с самым крупным сокращением ВВП (0,5 %), Франция — (0,48 %), Германия — (0,29 %).

— Соглашение вызовет падение трудовых доходов. Сильнее всех пострадает Франция, которая потеряет в годовом исчислении 5500 евро на одного трудоспособного, Северная Европа — 4800 евро, Великобритания — 4200 евро, Германия — 3400 евро.

— Соглашение приведет к потере рабочих мест. ЕС ориентировочно лишится 600 тыс. рабочих мест. Наибольшие потери придутся на Северную Европу — 223 тыс., Германию — 134 тыс., Францию — 130 тыс., а также Южную Европу — 90 тысяч рабочих мест.

— Соглашение приведет к потерям государственных доходов. Маржа от доходов по косвенным налогам (акцизы, налог на добавленную стоимость) по отношению к государственным субсидиям будет сокращаться во всех европейских странах. Сильнее всего это коснется Франции, где суммарные потери составят 0,64 % от ВВП. Дефицит госбюджетов всех европейских стран увеличится с возможным превышением показателей, зафиксированных Маастрихтскими соглашениями, в 3 %.

— Соглашение вызовет повышенную финансовую нестабильность и накопление дисбалансов, повлечет за собой сокращение экспортной выручки, доли заработной платы в доходах населения, а также государственных доходов. В данной ситуации спрос должен будет поддерживаться доходами и инвестициями. Вместе с тем на фоне снижающихся темпов потребления рост продаж не сможет выступить движущей силой. Более реалистичным вариантом станет рост стоимости активов, который поддержит доходы и инвестиции (в основном в финансовый сектор). Потенциальная угроза макроэкономической нестабильности при такой модели экономического развития хорошо известна, что продемонстрировал последний финансовый кризис¹.

Кризис европейской культуры

Формирование общего пространства ЕС принудило к созданию специальных программ, призванных подчеркнуть единство стран, входящих в сообщество. Однако вместо того, чтобы апеллировать к историческим фактам и европейским традициям (т. е. подчеркивание плюриверсальных ценностей), включая христианские корни, Брюссель спровоцировал создание постмодернистской модели, наиболее известной как мультикультурализм. О крахе этой модели было официально объявлено лидерами Германии и Франции несколько лет назад. Хотя критика мультикультурализма в основном связана с демографическим дисбалансом и процессом исламизации Европы, корни этой проблемы более глубоки, а возможные последствия могут быть гораздо серьезнее (но и лицемерные обьятия под флагом толерантности вызывают порождение таких фигур как Андерс Брейвик). Речь идет не только о выхолащивании исторической памяти и подмене пошлой эрзац-культурой, но также о системе образования, которая институционализует интеллектуальную деградацию. В конечном итоге это может при-

¹ *Зюссе Э.* Трансатлантическое торговое партнерство Обамы станет катастрофой для Европы: http://www.rubaltic.ru/blogpost/torgovoe_partnerstvo_19112014/#t20c.

вести к дегуманизации и изменению антропологической картины Европы. Один из печальных фактов этого процесса — принятие закона об однополых браках, что демонстрирует очередной кризис, связанный с сексуальной ориентацией.

Кризис гендерной идентичности

Проект трансгуманизма, продвигаемый США, все чаще воспринимается в ЕС как механизм разрушения европейских народов с богатой культурой и историей. К сожалению, ряд законов, таких как легализация однополых браков и гендерное образование, уже были имплементированы в странах Европы, но они вызывают серьезное сопротивление у подавляющего большинства и могут быть пересмотрены в будущем.

Тем не менее, это серьезно ударяет по имиджу ЕС. Европа все чаще воспринимается как рассадник содомии и легализации извращений. Нарратив о Гейропе уже стал достоянием как обыденного дискурса, так и научных исследований¹.

Военно-политический кризис

Украинский конфликт и ложная цель в виде России оказали существенное влияние на реструктурирование вооруженных сил ЕС, если точнее, предопределили план манипулятивных действий, предпринятых США на европейской арене. Страны ЕС, входящие в НАТО, стали заложником указаний из Вашингтона, развернув долгосрочную операцию «Атлантическая решимость».

Помимо дебатов о роли НАТО, необходимости соответствующих платежей на уровне 2 % ВВП и создания Европейских сил реагирования, внутри ЕС обнаружилась проблема, связанная с разными мнениями в отношении самой стратегии действий.

Военно-политическая группа 11 февраля 2015 г. направила в Совет Европы рекомендательное письмо, где было указано, что все государства — члены ЕС политически поддерживают проведение операций или миссий, но только ограниченное количество желает и имеет возможность принимать военное участие².

Данная рекомендация военно-политической группы ЕС вынудила принять новое положение о механизме администрирования общих расходов по проведению военных операций Европейского Союза, известных под кодовым названием Athena. Основная идея заключалась в том, чтобы представить ЕС как источник безопасности.

Отметим, что различные гражданско-военные миссии ЕС сейчас проводятся в государствах, в большинстве своем находящихся далеко от границ Европейского Союза: Афганистан, Джибути, Сомали, Сейшельские острова, Танзания, Демократическая Республика Конго, Мали, Нигер, Центральнаяафриканская Республика, Палестина, Косово, Босния, Грузия и Украина.

¹ Riabov O., Riabova T. The decline of Gayropa? // <http://www.eurozine.com/articles/2014-02-05-riabova-en.html>.

² PMG Recommendations on Article 44 TEU, Brussels, 11 February 2015.

27 марта 2015 г. было принято решение 2015/528, которое утверждало 49 пунктов и два приложения по финансированию, компенсации и отчетности в ходе подготовки и проведения таких операций. Этот громоздкий бюрократический документ подвергся критике со стороны общественности за его несоответствие действительности. В целом дисбаланс между желаниями и возможностями, особенно финансовыми, был объявлен кризисом военно-политической системы ЕС¹.

Кризис добрососедских отношений

Политика соседства ЕС имеет длительную историю. Официально она направлена на создание дружественных буферных зон в Восточной Европе, Северной Африке, на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. В действительности часть проектов превратилась в инструмент политико-экономической экспансии (проекты «Восточного партнерства» и «Южного партнерства»), действующий в рамках «мягкой силы». С другой стороны, отсутствие глубокого понимания нужд и интересов стран-соседей привело к появлению и эскалации конфликтов в южном средиземноморье, что вызвало эффект домино и гуманитарную катастрофу в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Нужно отметить, что ЕС обычно заключает соглашения об ассоциации в обмен на обязательство проведения политических, экономических, торговых или судебных реформ. В обмен на это ассоциированное государство может получить беспопылинный доступ к некоторым или всем рынкам ЕС, рынку сельскохозяйственных продуктов и т. д., а также финансовую или техническую помощь².

Важно отметить, что среди стран «Южного партнерства» только Алжир и Сирия с 2000 до 2011 г. имели позитивный торговый баланс с ЕС, но в обоих случаях это связано с экспортом энергоносителей. Для всех других членов блока южных стран Европейской политики соседства был зафиксирован торговый дефицит.

Данные Евростата приводят такую статистику по странам³:

Алжир	— 2005 г. — 11 460 млн евро,	2010 г. — 5445 млн евро;
Египет	— 2005 г. — 1066 млн евро,	2010 г. — 6843 млн евро;
Израиль	— 2005 г. — 4095 млн евро,	2010 г. — 8244 млн евро;
Иордания	— 2005 г. — 1964 млн евро,	2010 г. — 2261 млн евро;
Ливан	— 2005 г. — 2845 млн евро,	2010 г. — 4274 млн евро;
Марокко	— 2005 г. — 2228 млн евро,	2010 г. — 5140 млн евро;
Палестина	— 2005 г. — 192 млн евро,	2010 г. — 267 млн евро;
Сирия	— 2005 г. — 1916 млн евро,	2010 г. — 115 млн евро;
Тунис	— 2005 г. — 626 млн евро,	2010 г. — 1163 млн евро.

¹ COUNCIL DECISION (CFSP) 2015/528 of 27 March 2015 establishing a mechanism to administer the financing of the common costs of European Union operations having military or defence implications (Athena) and repealing Decision 2011/871/CFSP // Official Journal of the European Union, 28.3.2015.

² <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

³ http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-32-12-269/EN/KS-32-12-269-EN.PDF.

Иными словами, эти государства больше приобретали европейских товаров и услуг, а не продавали в страны ЕС свои. Это типично для либерально ориентированной экономики, когда одна страна или группа стран создает особые условия для проникновения на рынки других держав, используя ширму открытого рынка и свободной торговли, в то же время принимая у себя протекционистские меры для определенных видов продукции, чтобы защитить своих производителей.

Данные, предоставленные в отчете European Neighbourhood Policy Countries. Essential macro-economic indicators 2013, изданной Европейской Комиссией, убедительно свидетельствуют о том, что в выигрыше оказался ЕС, но никак не страны «Южного партнерства».

Анализ действий ЕС в отношении государств, попадающих в рамки обеих «партнерств», привел к пониманию во многих этих странах, что на самом деле данные проекты являются завуалированной формой неокOLONиализма. В результате ряд стран вынужден был отказаться от ряда предложений ЕС. А в других странах (Молдова, Украина) европейские дотации по программам «Восточного партнерства» просто растаяли в коррупционных схемах.

Очередной кризис — проблема с мигрантами

Огромный наплыв беженцев и мигрантов в ЕС является лишь следствием предыдущих действий Евросоюза в странах Азии, Африки и Ближнего Востока. Кроме того, ассимилированные африканцы и азиаты (второе и третье поколение из бывших колоний) является неким опосредующим звеном между новыми мигрантами и коренными европейцами. А ранее принятые законы не позволяют оперативно решать вопросы гуманитарного характера, что приводит к абсурдным и трагикомическим ситуациям.

Брюссель недавно дошел до того, что рассматривались предложения топить суда, перевозящие нелегальных мигрантов. Выходит, что заявления о необходимости гуманитарных миссий и толерантности — это не более чем лицемерная политика двойных стандартов. Опросы общественного мнения в странах ЕС показывают, что местное население категорически против нового притока нелегалов из стран Африки, Азии и Ближнего Востока. Тем временем Еврокомиссия и Европарламент синхронно предлагают квотировать прибывающих мигрантов, что в первую очередь ударит по странам Восточной Европы, где и так довольно плачевная ситуация с демографией.

Размещение мигрантов на территории бывшего концентрационного лагеря, где нацисты уничтожали людей, — еще одна попытка построить хорошую мину при плохой игре.

Кризис в энергетической стратегии

Санкции против России напрямую отразились на энергетической политике ЕС. Концепция Третьего энергопакета напрямую противоречит национальным интересам ряда государств, которые испытывают дефицит собственных энергоресурсов и рассчитывали на преференции со стороны России. Экономическая выгода могла быть получена как от транзита газа, так и от непосредственного потребления. Но ряд стран вынужден терпеть унижительные указания Еврокомиссии.

Хотя официально говорится о необходимости создать консолидированную позицию и работать во благо интересов всех членов ЕС, на деле происходит иначе. В докладе Германского института по международным делам и безопасности, посвященном энергетической политике, указано, что «дискурс об энергетическом союзе может быть проинтерпретирован в основном как симптом кризиса интеграции ЕС»¹. Несмотря на все предложенные программы и стратегии, включая регулирование газовых поставок, зеленую энергию и изменения климата, авторы указывают, что только прагматический подход может принести результаты. Нужно учесть, что данный институт разрабатывает внешнюю политику для Германии и данные рекомендации означают превалирование воли Берлина над другими государствами. Учитывая организационный потенциал немцев, можно предположить, что Германия планирует взять на себя теневое управление будущим энергетическим союзом с упором на возобновляемые источники энергии. Любая утечка немецких планов и ущемление интересов стран, которые пока еще имеют возможность выбора источников энергоресурсов, могут породить более глубокий кризис и раскол между членами ЕС.

Кризис собственных обещаний

Создается впечатление, что у европейских граждан очень короткая политическая память. Они быстро забывают невыполненные обещания собственных лидеров. Один пример. Тессалоникийская декларация от 2003 г. до сих пор не выполнена. Западные Балканы за более чем 10 лет не превратились в процветающий и безопасный регион, а наоборот — ситуация во многих странах региона ухудшилась. И виной тому — непосредственная недалёковидная политика ЕС.

Кризис идей

Как ни странно, но многие из рассмотренных кризисов связаны с отсутствием идей у европейских политиков. Закоснелость мышления и навязчивая приверженность ограниченному блоку схем, связанных с неолберальной идеологией в различных формах ее интерпретаций (от левого троцкизма до правого милитаризма), не дает адекватно и объективно взглянуть на происходящие процессы и оценить их во временно-исторической перспективе. Это, в свою очередь, блокирует возможность прогнозирования и построения реалистичных сценариев, так как большинство прогнозов оказываются ошибочными.

Возможно, лицам, принимающим решения в ЕС, стоит посмотреть вокруг себя и более здраво смотреть на ход вещей, не гнушаясь использовать иные модели хозяйствования и политического управления.

¹ Severin Fischer and Oliver Geden. Limits of an “Energy Union”, SWP Comments 28, May 2015, P. 3.

ПРОЗА

Павел КРЕНЕВ

ДЯДЯ ВАСЯ

28 октября исполнилось 65 лет постоянному автору нашего журнала Павлу Григорьевичу Кренину (Поздееву).

Коренной помор, он родился и провел детство в деревне Лопшеньга, что на Летнем Берегу Белого моря. И это первая его родина. После окончания восьмого класса переехал в Ленинград, где поступил и впоследствии окончил Ленинградское Суворовское военное училище. На территории Ленинградской области служил в Советской армии. В 1976 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета, работал в ленинградской прессе, многие годы служил в ленинградских властных структурах. Здесь же проявил себя как литератор, опубликовал первые свои книги и был принят в Союз писателей СССР. Здесь он прожил 21 год. Поэтому Ленинград — Санкт-Петербург считает второй своей родиной.

С 1987 года живет и работает в Москве. Окончил аспирантуру Академии безопасности России. Кандидат юридических наук. Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Работал на руководящих должностях в российских федеральных ведомствах. Печатался в журналах: «Нева», «Ленинград», «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Север», «Вертикаль» и др. Является лауреатом Всероссийских литературных премий.

Журнал «Родная Ладога» тепло поздравляет Павла Григорьевича с юбилеем, желает ему здоровья и ждет от него новых ярких творческих работ!

— Палатки мы с собой не взяли, и если бы не предусмотрительность Виктора, захватившего в последний момент легкий брезентовый тент, мокнуть бы ноченьку напролет под небесной водичкой. Так всегда бывает: неделю на небе, кроме солнышка, ни одного пятна, а как на охоту — то дождь, то снег, то ветрище. А ты одет как на пляже.

Я едва успел разжечь костер, а Виктор уже охапку дров несет. И сухие, аж звенят. Где он их достал?

Честно говоря, завидую я своему другу. Ладный он какой-то и спокойный, если что сделает, можно не проверять: надежно. Вот как сейчас дрова на ночь заготовил — быстро, много и как порох. А стреляет как! Сегодня так красиво четырех вальдшнепов срезал, что двое молодых охотников с «пятизарядками», которые стояли на другом конце поляны, аж палить своими очередями перестали. Все бегали к Виктору и кланчили:

— Слушай, шеф, добудь парочку! А то друзья засмеют, а жены на охоту больше не пустят.

Виктор не жадный, я знаю, но терпеть не может «пятизарядок»: говорит, неспортивно. Поэтому, чтобы отстали от него начинающие, картинно снимает с огромной высоты очередного вальдшнепа и, пока тот падает, ворчит им:

— Хватайте и дуйте на свой угол. Хватит женам и одного.

Старенькая «вертикалка» — «тозовка» Виктора висит теперь на суку рядом с моей выдавшей виды «тулкой», и дым костра сушит капельки дождя, падающие на их стволы. Так висят наши ружья на охотах вот уже восемь лет, с тех пор как мы встретились с Виктором на работе и подружились. Нам нравится быть вдвоем, понимать друг друга с полуслова, нравится сидеть и сквозь треск пылающих дров слушать, как стучит дождь по веткам полуголых еще весенних деревьев.

Мы сидим у огня, разогреваем консервы, пьем чай.

Потом я прислоняюсь к стволу ели, под которой мы сидим, и блаженствую. Виктор ворошит головни, печет картошку в золе, и я опять замечаю большой рваный шрам на тыльной стороне его ладони.

— Витя, — спрашиваю я его, — с каких пор у тебя эта болячка?

— С давних, — отвечает он мрачно, бросает мне картошку и... молчит.

— Интригуешь, дружище, — подначиваю я. — Давно уже интересуюсь про себя: откуда да откуда, а ты инициативы не проявляешь.

Виктор как-то ежится, куксит широченные свои плечи, вперив взгляд в черный, обожженный клубень, старательно его чистит и опять молчит. Я вижу, что невольно затронул что-то болезненное, мне неловко, и я уже хочу что-нибудь сказать, чтобы смягчить свою настырность, но Виктор вдруг начинает рассказывать...

Потом, когда мы устраиваемся под елью на рюкзаках и прижимаемся для тепла друг к другу, я не могу уснуть, все ворочаюсь и крихчу. У меня стоит перед глазами рассказанное Виктором.

...Та голодная, безотцовская послевоенная пора была форменным раздольем для деревенских мальчишек. Летом матери с утра до ночи маялись в поле, и они, родившиеся в предгрозовую пору, босоногие, в рваных запыленных рубашках, жили своей галдящей вольницей, предоставленные самим себе.

Псковская деревня, где родился Витька Большаков, стояла на перепутье военных дорог, и поэтому в сорок первом и в сорок четвертом в округе гремели бои, леса и поля были изрезаны траншеями, воронками и окопами. А еще окрестная земля была крайне замусорена колючей проволокой, неразорвавшимися гранатами, минами, брошенными винтовками — неизбежными отходами прошедших здесь сражений. После боев проходили здесь саперы — усталые санитары ратных полей. Да разве весь тот мусор собрать им было! Мальчишки — вот кто лучше всего справлялся с этой задачей. Сколько их изранено было и покалечено в то проклятое время, сколько погибло. Матери пробовали запираť сыновей дома, брали с собой на работу. Да разве удержишь! А потом опять где-нибудь за речкой раздавался взрыв гранаты, разорвавшейся в чьих-то детских руках, и ребятишки кто бегом, кто ползком, оставляя красные капли на траве, сыпали в разные стороны... А потом опять, как в войну после похоронки, воют по деревне бабы, и не было, казалось, конца тому плачу.

Витьке и его брату долго все сходило, хотя уже не один осколок просвистел мимо их растопыренных ушей. Мать после работы кричала: «Поранитесь, паразиты, убью! Намучилась я с вами!» Долго сходили им с рук ковырянья в старых траншеях, да однажды кончилось это плохо.

Соседский парнишка рассказал по страшному секрету, что видел прошлой осенью на Красном болоте упавший самолет. Клюкву они там искали с матерью. Хотел один сходить и обшарить, да боится — вдруг там немец сидит. Пошли, говорит, посмотрим. Выбрали момент, пошли. Санька, младший Витин брат, увязался за ними. Его гнать, а он ультиматум: тады мамке расскажу! Пришлось взять.

Самолет они действительно нашли. На краю болота, задрав хвост, торчал вполне уцелевший остов нашего И-16. Позади стояла сосна со сломанной верхушкой. Летчика не было. Наверное, с парашютом прыгнул, решили мальчишки. Они облазили весь самолет, сунули нос во все дыры и щели, но ничего интересного, кроме множества крупнокалиберных патронов, не нашли. Сам пулемет никак было не вытянуть. Он вместе с двигателем прочно осел в болото. Тут же в лесочке разожгли костер, высыпали в него кучу патронов, легли за деревья и стали ждать. Больше всего их интересовало, есть ли среди патронов «трассеры» — с трассирующими пулями. Ох и салют получился. Бах! Трах! Скачут головешки, летят искры, а «трассеров» множество. С визгом выскакивают и кружатся в воздухе с огненными хвостиками. Потом стихло. Лежали, лежали. «Конец фильма», — сказал Витька и первый встал, робко вышел из-за дерева. Не стреляет. Тогда он подошел к костру и стал ковырять в нем палкой: действительно ли все патроны уже пульнули? Сосед и Санька тоже осмелели, подкрались (сосед спрятался за Виктора) и смотрели на огонь широко раскрытыми от страха и восхищения глазами.

И тут выстрелило! И еще раз, и еще! Санька заорал и схватился за лицо руками. Витька тоже прикрыл глаза, и его ударило в руку. Он столкнул Саньку и упал на него. Давно уже все стихло, а брат все кричал и кричал, и из-под пальцев у него текла кровь. У Саньки выбило правый глаз. Свою рану Витька обмотал только дома, когда принес туда братишку.

Страшно сказать, но и после этого Витька, да и Санька тоже, не бросили этого опасного и любимого занятия. Едва затянулись их раны, как они вновь начали шастать по старым окопам и блиндажам. Опять они взрывали, стреляли, снова летели вокруг осколки.

Раздолье ребятишек продолжалось, пока в деревне не появился дядя Вася, Василий Кошелев — один из совсем немногих мужиков, вернувшихся с войны...

Дядя Вася открыл настоящую охоту за любителями трофеев. Если кого-то ловил на месте преступления, бил смертным боем, при этом назидал:

— А-а-а, кричишь, змей! А башку бы оторвало? Не так бы закричал! А-а-а! Мало тебе батьки убитого! Н-на те еще по жопени, н-на! Увижу снова, сам башку оторву. Н-на!

И как он все вызывал, непонятно. Налетит как коршун вечером к кому-нибудь, мальчишку за шиворот сгребет:

— Вымай мины, змей!

А тому деваться некуда: все равно дядя Вася дознается. Да мать еще за ухват:

— Домишко, ирод, взорвать хочешь!

И вынимает парнишка сокровенный склад свой откуда-нибудь из-под печки. А там мины, лимонки, иногда и винтовка.

Крепко стала бояться дядю Васю деревенская шантрапа, больше нечаянных взрывов в руках. Казалось, он караулит мальчишек повсюду. Кончилась их отчаянная вольница. Деревенские бабы очень зауважали дядю Васю, хотя иногда и ругались с ним, что мальчишек больно лупит.

— Жалейте, дуры, жалейте, потом сами же меня добрым словом помянете! — кричал в ответ дядя Вася.

Витька всегда с опаской встречался с Василием Кошелевым, но в общем относился к нему хорошо. Главным образом из-за того, что дядя Вася почему-то очень уж вежливо обращался с его матерью. Однажды вечером, когда они с Санькой лежали па печке и Санька вовсю уже сопел и всхрапывал, пришел дядя Вася и сел с матерью за стол. Витьке очень хотелось услышать, о чем они судачить будут, но у них пошли разговоры про «нонешний захудалый урожай» да про то, как зиму протянуть, а после сегодняшней косьбы ныла спина и руки, и голова как-то отяжелела, отяжелела...

В другой уже вечер, когда произошло то событие, он проснулся от громкого разговора. В избе пахло махорочным дымом и самогонкой, и на печке, под потолком, было жарко и душно. Мать сидела в торце стола, там, где всегда теперь сидит Витька (отцовское место), голова ее была опущена, руки вниз ладонями устало лежали на столе.

— Всю-то душу ты мне измотала, Нина, всю, — говорил дядя Вася. Голос его вздрагивал, слова вылетали как всхлипывания, как причитания. — Всего-то ты меня наизнанку вывернула. Всего! — При этом дядя Вася криво, морщинисто сжимал щетинистое лицо и горько мотал головой.

— Ну уж и всего, — вяло отозвалась мать.

— Да-а, всего-о-о! — пьяно загундосил дядя Вася и забодал воздух, как будто хотел брыкнуть какую-то помеху. — Ты что думаешь, я не помню, как мы с тобой гуляли, как цветы вместе нюхали? Все как у людей, все на мази уже было. А ты-то с Колькой спелась. — Дядя Вася скрипнул зубами, замолчал и хмуро добавил:

— И чево ты в нем нашла, Нина, чево? Кожа да кости, шкет, а не мужик. По сравнению со мной-то, а, Нина?

— Ты, Вася, не ходил бы к нам больше. А то люди чего-нибудь подумают, да и перед ребятами стыдно уж.

— Стыдно! — Дядя Вася пристукнул кулаком по столу, от чего звякнули миски. — А мне не стыдно за тобой с сосунков бегать! Нюрку свою ненавижу. К тебе ехал с войны, к тебе, а не к ней! Понимаешь? У меня с ей, заразой, детей даже нету. Ненавижу-у-у!

— Ну, а что я поделаю? — как-то опустошенно, устало сказала мать. — Не люблю я тебя, Василий. А его люблю, хоть и покойник он теперь, наверно. Люб он мне, всю жизнь люб. Вот и все тут.

Дядя Вася вымученно и брезгливо поглядел на недопитую бутылку с самогонкой, обхватил ее огромной волосатой пятерней. Потом медленными бульками наполнил граненый стакан, вылил одним махом в рот, судорожно и брезгливо глотнул.

— Не любишь, значит. — Кошелев ссутулился, съезжился, сунул меж коленей свои ладони. — Знаю, что не любишь. Всю жизнь знаю. — Помолчал и, набрав в грудь воздуха, как перед нырком, жестко добавил:

— Вот за это я и рассчитался с твоим Колькой.

— Ты чего это, Вася, говоришь такое, где ты это с ним рассчитался?

— Свела судьба. Вместе воевали в одной части, вместе и в плен попали.

— А чего же ты раньше-то молчал? — губы у матери затряслись. — Ну и что же дальше-то?

Дядя Вася склонил голову набок, как-то выпрямился, подбоченился даже, зло схватил опять бутылку и прямо из горлышка плеснул в себя остатки.

— А то и было дальше, что хорохорился он там много. Все сидят и не рыпаются. Я, Васька Кошелев, — дядя Вася стукнул кулаком по груди и отбросил руку назад, — сижу как клоп в щели. Головы не поднять, расстрелы сплошные да крематории, с голодухи дохнем. А он самый хитрый как будто: бежать надо, бежать! Куда бежать, когда — Франция? А он по ночам мне талдычит: «Соппротивление, мол, партизанить будем!» Вот, думаю, шкет, петушится. И тут первым быть хочет! Потом, гляжу, сбил он с панталыку еще двоих — чеха и болгара. Братья-славяне, мать их в коромысло. — Щетина на щеке Кошелева опять сморщилась, он хмыкнул: — Поотговаривал я их сначала, а потом думаю: нет, славяне, ни вам не бывать, ни мне. Ну и шепнул одному человечку. Тот уж сообразил что к чему. Тепленькими их и взяли, пикнуть не успели.

Мать уронила голову на руки и начала тихо плакать.

— А-а как ты думала! — Дядя Вася раскурил новую сигарку. — Там, брат, или тебя, или ты. Волчий закон!

Мать подняла от стола красные, вытаращенные, ничего не видящие глаза и чего-то, наверное, хотела спросить, но только шевелила губами.

— Поинтересоваться, наверно, хошь, чего дальше было? А что, как обычно: поставили всех троих перед строем и в назиданье всем, как говорится... А после известно куда, в печку. — Дядя Вася после глубокой затяжки поперхнулся, протяжно и силло закашлялся:

— Выходит, что не на чего тебе надеяться, Нина. И пепла не осталось... А я, как видишь, сижу перед тобой... Живой...

Он поднял голову и уставился в глаза Витькиной матери:

— Подумай, Нина, не поздно пока ничего, ребят твоих я приму...

Витька воспринимал происходящее как кошмарный, нелепый сон. Вот как погиб батя... Перед ним сидел его убийца... Дядя Вася еще что-то назидательно толковал плачущей матери, крутил сигаркой. Витька,

как в мучительном, тяжелом сне, с болью в голове и во всем теле, слез с печки, с трудом нашел ногой привычный ранее приступок. Дядя Вася смотрел на него молча. Витька, не глядя, нашарил у плиты полено, горланно взвыл и побежал. Удар пришелся по табуретке, которую дядя Вася выставил перед собой. В следующее мгновение Витька, получив удар в поддых, лежал на полу.

— Не тронь парня, ирод! — вскочила мать.

— Да не трону я, не трону! — Нижняя челюсть дяди Васи тряслась, как в лихорадке. — Ишь набросился, змееныш! Весь в Кольку, сучий потрох! — И, не оглядываясь, качающейся, но уверенной походкой пошел к двери. Уже открыв ее, оглянулся: — Вот что, семейство, я того человечка сам убрал перед приходом американцев. Так что свидетелей нету. Не доказать вам. А ежели что, силенок у меня на вас хватит. — И, взглянув на мать, пьяно скривился: — «Не люблю-ю-у!» Ах ты... — и хлопнул дверью.

Мать упала на пол и затряслась в рыданиях. С печи тарасил свой глаз Санька и выл что было мочи.

Для Витьки не было вопроса — что теперь делать. Он сразу все решил бесповоротно. В Ольгиной роще у него был припрятан пулемет, настоящий, ручной, «дегтяревский», с набитым до отказа диском. Он лежал там в надежном месте, завернутый в промасленную тряпку, еще с прошлой осени. Пулемет работал что надо. Витька проверял его на лягушках в болоте. После очереди из воды полетели фонтаны брызг, лягушки с полчаса больше не высывались, а в ушах целый день стоял потом звон.

Однако сходить в Ольгину рощу прямо с утра не довелось. Спозаранок только вышел за калитку, а навстречу дядя Вася. Как что почувствовал. Стоит Витька перед ним, кулаки сжал, бледный весь, на лице ненависть смертельная.

— Ты, Витька, это... Я тут наговорил, вчера...

А Витька уже шарит глазами и руками по траве, ищет булыжник. Нашел, выцарапал из земли ногтями, но удар сапога снова опрокинул его на землю. Витька корчится и кричит:

— Все равно прибыю гада!

Дядя Вася уходит. Идет опять медленно, уверенно, не оглядываясь. Знает свою силу.

Витька весь день промаялся дома. Боялся выходить, знал, что Кошелев следит за ним, потому что тоже боится. И он решил — вечером еще лучше, страшнее будет тому помирать. Сидеть в избе было тяжело. Мать не пошла на работу и весь день проплакала. Санька тоже выл, но больше с перепугу, он толком ничего не понял.

Место, где зарыт пулемет, Витька нашел сразу, хотя стояли сумерки и в лесу плавала темень. Вынул из-под куста припрятанную саперную лопатку и откопал. А когда развернул из тряпки и погладил вороненый ствол, все страхи окончательно покинули его, вернулись спокойствие и уверенность.

Напротив дома Кошелева лег в траву, чтобы успокоиться после бега и убедиться, что хозяин в избе. Точно, дома! Вон тень его носатая на занавеске. Сидит, чаевничает...

Витька не стал красться к избе. Уверенно, как долгожданный гость, поднялся на крыльцо, повернул заложку, вошел в сени, сразу нащупал ручку и распахнул дверь...

Дядя Вася сидел с поднятой чашкой, Нюрка — напротив. Как увидели Витьку в дверях, Нюрка в визг, а у хозяина глаза полезли на лоб.

— Ты чего это? Чего это?

— Прощайся с жизнью, гад!

Витька передернул затвор. Дядя Вася вдруг швырнул свою чашку в Витьку и бросился на него. Но Витька дал очередь...

Кошелев хрястко стукнулся локтями о пол и замер. Нюрка, сидя, вжалась в стенку, бледная как полотно.

Все.

Пулемет Витька спрятал под хлев и устало вошел в избу. Мать лежала на кровати в углу и тихо всхлипывала. Санька сопел на печке. Витька сел на лавку и уснул сидя... Утром к ним приехал милиционер и велел отдать пулемет. Витька не сопротивлялся, был тих и послушен. Мать, видя, что сын опять что-то натворил, дала на всякий случай пару затрецин и устало проговорила:

— Ну сил нету тебя лупить, ну нету больше сил!

Витьку повезли в район, но он был к этому готов. Однако когда телега проезжала мимо дома Кошелева, ему стало страшно и обидно: дядя Вася стоял у калитки и курил сигарку, молча глядя на телегу. На голове у него была кепка, из-под кепки белел бинт.

В районном отделении его продержали трое суток. После первого дня тамошних мыканий Витька ворочался на замусоленном топчане и полночи проревел. Где справедливость? Предатель ходит на свободе и злорадствует сейчас, конечно, над ним, а Витьку допрашивает хмурый, недоверчивый лейтенант. Все интересуется: какое еще оружие прячешь? Что видел у других? И на каждый ответ: «Врешь! Врешь ведь!» В конце концов Витька разревелся, озлобился и замкнулся: ничего не знаю. А лейтенант грозил колонией, говорил, что школы Витьке больше не видать. Вот это Витька выносил с трудом. В школу ему очень хотелось. Когда лейтенант отвел его на топчан, Витька все же огрызнулся: «Все равно пришью гада!» Лейтенант мрачно пообещал: «Поговорим еще». Где справедливость?

На другой день его отвели в кабинет, на котором было написано: «Начальник отделения». Витька совсем струхнул. За столом сидел пожилой капитан, седой, с усталыми глазами. На кителе пестрели орденские планки.

Когда они остались вдвоем, капитан хмуро посмотрел на Витьку и сказал:

— Чаю хочешь?

Витька шмыгнул распухшим за ночь носом и отрицательно тряхнул головой.

— Ладно, знаю я твои харчи. Ишь, обиделся. Молчит как партизан в гестапо на допросе. — Капитан вдруг улыбнулся. — Тоже мне, народный мститель выискался! — И стал разливать кипяток в две железные кружки.

Потом они пили ядреный красный напиток, которого Витьке не доводилось пробовать сроду. Пошли какие-то разговоры о том о сем, о сенокосе, о рыбалке. Как-то само по себе вышло, что рассказал Витька капитану и о своем пулемете, и о дяде Васе, и об отце. Капитан внимательно все слушал, ходил по кабинету. Потом подошел к Витьке и пригладил его вихры.

— Понимаешь, парень, если все так, как твой дядя Вася подает, тут и впрямь ничего не докажешь. Хотя мы проверим, конечно, — сказал это капитан не очень уверенно и убедительно, и Витька как отрезал:

— Тогда я его все равно пришью. Сам за батьку отомщу, если вы не можете.

И даже кружку от себя отодвинул демонстративно.

— Да, парень, задал ты нам задачу, — проговорил капитан задумчиво и как-то извинительно добавил:

— Ну ты, Витя, побудь у нас еще немного. Мы тут решим.

И Витька пошел на свой топчан. А на другой день та же телега повезла его в деревню. Капитан сам усадил его, опять пригладил волосы и почему-то сказал:

— Хороший ты парень, надежный. — Помолчал, потом добавил: — А с Василием Кошелевым мы разберемся.

В деревне он увидел дом Кошелева с заколоченными окнами. Ему сказали, что дядя Вася и Нюрка срочно собрались и уехали неизвестно куда.

* * *

Вот такой увидел я историю, рассказанную моим другом. Думал, лежа на земле, что не усну, и надеялся поднять Виктора, как только забрезжит первый свет. Получилось наоборот, он меня растолкал, обозвал засоней. Как всегда. Он признанный лидер нашего дуэта. Я это и не оспариваю. Я им горжусь.

Утренней тяги не получилось. Прохоркало только два. Одного Виктор снял. Кто их поймет, этих вальдшнепов? Птица — она же не человек, она же не расскажет.

Но мы не в накладе и не в обиде. Мы побыли опять на охоте, вдохнули запахи весенней прели, услышали, как просыпается природа, посидели ночь у костра. Мы отдохнули.

На обратном пути Виктор, сидя за рулем, все вспоминал свою дочурку, крохотную совсем и смешную. Я его слушал, улыбался вместе с ним, но не мог не думать о вчерашнем его рассказе, сидевшем во мне острой занозой. Наконец я не выдержал и, круто бросив разговор в сторону, так и сказал, что это несправедливо: неужели дядя Вася остался в жизни без наказания? Без суда Божьего или человеческого?

Виктор сразу помрачнел, умолк, но все же рассказал мне, как долго искал он следы Василия Кошелева и как совсем недавно узнал, что судьба обошлась с ним закономерно беспощадно: Кошелев окончательно спился, да он и раньше временами впадал в дикий, необузданный запой, Нюрка его бросила. Сам он поначалу шабашничал по деревням, пока совсем не опустился: стал бродягой, последним побирушкой и однажды сунул голову в петлю на чердаке у какой-то горькой вдовушки.

Неохотно и трудно закончив свой рассказ, Виктор прибавил газу, и наша машина полетела в город по бетонке посреди безбрежного березняка. Мелькали по сторонам и убегали назад белые в зеленом весеннем пуху деревья. К ветровому стеклу приклеивалась роса и растекалась к краям прозрачными струйками. На горизонте становилось светлее.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

**Анатолий
ГРЕШНЕВИКОВ**

РЕГИОНАМ НЕ ПОД СИЛУ СОХРАНИТЬ ЛЕСА

Анатолий Николаевич Грешневиков — депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Народный депутат РСФСР. В 1993 г. — активный защитник Верховного Совета. Писатель. Журналист. Член СП России. Автор 28 книг. Лауреат премии Союза журналистов СССР и др. Награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом св. благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление памятников истории и культуры, русских православных святынь и др. Почетный работник Росгидромета. **Живет в Москве.**

Этот год не стал исключением для России — лесные пожары вновь стали национальным бедствием. Выводов из трагедии 2010 года, когда от огня пострадали территории пяти регионов, а в 2014 году уже 11, наше правительство не сделало. Заявленная инвентаризация лесного законодательства, возрождение уничтоженной лесной службы после принятия в 2006 году варварского Лесного кодекса остались лишь на бумаге. И сегодня уже половина страны охвачена лесными пожарами, а в семи регионах введен режим чрезвычайной ситуации.

Несмотря на то что в феврале этого года глава Рослесхоза Иван Валентик заявил о повышении эффективности управления лесопожарной ситуацией и готовности лесного спецназа, парашютистов из 700 человек, массовые пожары застали регионы врасплох. Неэффективными оказались и меры правительства, озвученные министром природных ресурсов и экологии Сергеем Донским. Он заверял: «За последний год были утверждены новые правила тушения лесных пожаров, был принят закон об отмене лицензирования тушения лесных пожаров. После его вступления в силу, к борьбе с огнем можно будет привлекать и арендаторов».

Безусловно, все эти меры нужные, как и принятый закон о госучете древесины, регулирования ее оборота, так и создание Единой государственной автоматизированной информационной системы по учету и контролю за оборотом древесины, на что выделено более 500 миллионов рублей. Но все эти меры — лишь полумеры. Потому половина страны была охвачена лесными и степными пожарами.

Спасение российских лесов зависит от принятия нового Лесного кодекса, когда лес перестанет быть

только товаром, а хозяином леса станет не арендатор, а лесничий, и функции управления лесами будут забраны у регионов и вновь переданы государству.

Многомиллиардный ущерб и масштабы самих пожаров доказали, что регионам и арендаторам не под силу, к тому же и невыгодно, хранить зеленые богатства в безопасности. Кстати, примерно об этом говорил в 2006 году тогдашний глава МЧС Сергей Шойгу, когда обязанности тушить пожары забрали у МЧС и передали в другие ведомства. Он строго предупредил, что все сгорит... Вот лесные регионы, где не было дождя, и полыхали безостановочно.

Неготовность регионов бороться с лесными пожарами подтверждается и проверками Генпрокуратуры. Там считают, что масштабные ежегодные пожары стали хроническими проблемами лесного комплекса, так как у нас ежегодно уничтожается более 1 млн га леса в результате незаконных рубок леса и вследствие пожаров. Но эти цифры по утверждению экологов не точны. Институт мировых ресурсов совместно с учеными института Мэриленда представили информацию о том, что Россия вышла на первое место в мире по хищнической вырубке лесов — за год мы уничтожаем 4,3 млн га леса. Эти показатели выше другой лесной державы — Канады, где под топор идет деревьев в два раза меньше — 2,4 млн га.

О неготовности регионов вести самостоятельную лесную политику и тушить пожары говорят и первые сигналы с мест. Начались пожары еще в апреле — в Хакасии. Стихийное бедствие, охватившее пять районов и два пригорода, было таким мощным, что погибло около 30 человек и свыше пяти тысяч человек остались без крыши над головой. Кажется, ведомства и службы, отвечающие за сохранность леса, должны были осознать начало надвигающейся трагедии и бросить все силы на борьбу с огнем. Но этого не произошло. В начале мая начались пожары в Бурятии и Амурской области. Затем загорелись Тыва, Забайкальский край, Амурская область, отдельные очаги возгорания произошли в Курганской области и Приморском крае. Здесь за сутки огонь уничтожил 44 тысячи гектаров лесных территорий. А в одном только Забайкалье площадь лесных пожаров выросла за выходные дни в 35 раз!

Огонь заходил в российские регионы один за другим, как по цепочке. В Сибири было зарегистрировано 93 пожара, уничтоживших 51 тысячу га лесных угодий. В Иркутской области огонь вспыхнул почти на 200 тысячах га, в Красноярском крае — на 9 га.

Не встретив должного отпора, огонь начал наступление на заповедники. В Бурятии в заповеднике «Байкальский» пожар уничтожил 88 га леса, в тувинском заповеднике «Азас» — 161 га, в Забайкальском крае в Сохондинском биосферном заповеднике — 100 га.

Когда пожары в стране становятся национальным бедствием, встает вопрос о причинах... Как так случилось, что за последние 14 лет на землях лесного фонда было зарегистрировано более полумиллиона лесных пожаров, которые нанесли вред 50 миллионам га лесных угодий?! Только в 2014 году в наших регионах возникло 17 116 лесных пожаров на площади 3 млн 738 тысяч га. А причины лежат на поверхности. Виноваты принявшие Лесной кодекс, по которому леса были отданы на разграбление, и виноваты люди, замотивированные на хищническое отношение к зеленому богатству.

В Хакасии пик пожаров пришелся на светлый праздник Пасхи. Горожане рванули из города на пикники, на шашлыки, а селяне стали жечь на полях траву — и при сухой теплой погоде огонь неминуемо стал всемогущим бедствием. В Забайкалье число пожаров возросло в 35 раз сразу после Первомайских праздничных гуляний на природе.

Ни для кого не секрет то, что именно человеческий фактор является причиной массовых пожаров. Причем причиной возгораний являются действия граждан, которые знают, что им все сойдет с рук. Глава МЧС Владимир Пучков не раз подтверждал — до 90 % лесных пожаров возникают по вине человека. Значит, вывод из всех этих преступлений должен быть один — полный запрет на любое выжигание сухой травы. У нас недавно постановлением правительства предусмотрены меры за умышленное выжигание травы или лесной подстилки. Но эти штрафы для нерадивых граждан, в размере 3—4 тысяч рублей, не идут ни в какое сравнение со штрафными санкциями в Европе, там за подобное нарушитель платит несколько сотен евро.

Однако надо понимать, что как бы мы не повышали штрафы за разжигание костров и пал сухой травы, само по себе ужесточение ответственности не спасает ситуацию, так как мало кто привлекается как к административной, так и к уголовной ответственности. Ловить и наказывать браконьеров и поджигателей некому. Служба лесной охраны, насчитывавшая 140 тысяч профессионалов своего дела, ликвидирована в 2006 году. Здесь, в парламенте, когда я выступал и просил Владимира Владимировича Путина восстановить лесную охрану, было обещано рассмотреть это предложение. Но службы нет, и контролировать порядок и безопасность в лесу некому. Потому я вновь повторяю: необходимо срочно возродить службу по охране леса. Возрождение лесной охраны это не прихоть экологов. История лесного дела в России тому свидетель. В штате Гослесохраны всегда были профессиональные лесники-обходчики. Им удавалось обеспечить пожарную безопасность в лесу, то есть нейтрализовать человеческий фактор. Они строили просеки и минерализованные полосы, делали профилактическое выжигание, регулярно проводили рубки ухода, удаляли кустарники, убирали сухостой и мусор. Еще они не давали рубить деревья около болот, лесных родников и ключей, понимая, что вода в бочагах тотчас пропадет. Три раза в неделю осматривали свою территорию, а в пожароопасный период лесник безвылазно дневал и ночевал в лесу. В их распоряжении находились в каждом ответственном квадрате вышки, высотой в 30—50 метров, для наблюдения и контроля. Конечно, система оповещения тогда резко уступала нынешней. Но во времена допотопных телефонов и рынд она работала, а сейчас, в век космических съемок, она демонстрирует низкую оперативность обнаружения лесных пожаров и их тушения. О том, что в Хакасии и в соседнем Красноярском крае надвигается ураганный ветер, жителей никто не оповестил ни по телефону, ни по радио и телевидению. В старые времена лесники-обходчики не только создавали в деревнях и селах отряды спасателей, но и копали противопожарные пруды, устраивали защитные полосы вокруг деревень, проводя опашку... Кроме того, сами крестьяне выкашивали овинники, пасли скот рядом с деревней, сажали рядом картошку. А теперь вокруг деревень сплошной бурьян, превращающий ее в «пороховой склад».

Правительственные чиновники знают, что арендаторы сегодня как не занимались, так и впредь не будут заниматься очисткой леса от захламленности, а тем более копкой пожарных прудов, установлением вышек и рынд, но продолжают на что-то надеяться.

Фракция «Справедливая Россия» настаивает на повышении статуса лесничих, на увеличении кадрового состава. В наших областях и республиках в лесхозах, занимающихся тушением пожаров, в штате всего-навсего 5–8 лесников, а в лесничествах и вовсе по 2–3 человека. А обходы у них составляют тысячи гектаров. Пора лесничих приравнять к статусу госслужащих и наделить их неограниченными полномочиями по борьбе с браконьерами и поджигателями.

А какая мобильная и эффективно работающая была при Гослесохране авиационная охрана лесов. Все мировые лесные державы перенимали опыт у нее. И самолеты, и вертолеты в ежедневном режиме в каждой области регулярно с утра до вечера проводили облет лесных территорий. Стоило было обнаружить очаг возгорания, как туда незамедлительно высылали пожарных. Подобный мониторинг сегодня уничтожен. На всю необъятную страну мы имеем парашютистов 700 человек, а тогда их были тысячи. И о какой тут безопасности леса можно говорить, если в горящей Бурятии на 27 миллионов гектаров леса задействовано всего лишь 100 парашютистов-десантников.

Грабеж национальных природных богатств с каждым годом лишь увеличивается. За один только прошлый 2014 год в Северо-Западном федеральном округе ущерб от незаконной заготовки древесины составил 1,6 миллиарда рублей. В Ленинградской области — 308 миллионов, в Новгородской — 90 миллионов. Среди лидеров по хищническому разграблению лесных ресурсов значится Иркутская область, где ежегодный ущерб от деятельности «черных лесорубов» составил свыше 4 миллиардов рублей. Общий ежегодный ущерб российской экономике от незаконной вырубki достигает по данным Рослесхоза 14 миллиардов рублей. При таких ударных темпах через 20–30 лет Россия превратится в безлесную и выжженную пустыню. А пока вырубленные делянки не расчищаются и постепенно нарастают сорными деревьями и кустарниками.

Вместе с управлением регионам передали такие научно важные и финансово затратные мероприятия, как лесоустройство, подготовка и учеба кадров, лесовосстановление, тушение пожаров. Безусловно, регионы с ними не справляются. Подтверждающих примеров много. Дело не только в том, что лес бросили в костер наживы и страна потеряла устойчивый источник пополнения бюджета. Все налоги лесной отрасли сегодня составляют 2 миллиарда рублей в год. При этом правительство выделяет из бюджета на ее поддержание 8 миллиардов рублей в год. Ущерб от браконьерства составляет, как я уже сказал, 14 млрд рублей. Такая низкая доходность лесной отрасли — результат регионального управления лесами.

Вливания из федерального бюджета не спасают — леса продолжают гореть и распродаваться за бесценок. А все сокрытия стали хроническими проблемами российского лесного комплекса. В Бурятии, например, по данным департамента лесного хозяйства по СФО сгорело до 94 тысяч га леса, а фактически тайга выгорела на площади в 180 тысяч га. Не зря глава МЧС Пучков признал, что ситуацию с пожарами в Сибири «упустили» и

«прошляпили». А почему в Иркутске занизили площадь лесов, пройденных огнем, в 7,4 раза, да потому, что тревогу забили поздно, а огненную лавину думали остановить самостоятельно. Еще побоялись остановить поток туристов к озеру Байкал. Результат вышел ожидаемый — на Большом Ушканьем острове все сгорело. Под огонь попали и Прибайкальский нацпарк, и Забайкальский нацпарк. Между тем в заповедниках и иных особо охраняемых территориях в зоне Байкала — памятнике ЮНЕСКО — неконтролируемых туристов вообще не должно быть. А их там было — полчище, и пожарники вместо тушения огня занимались их эвакуацией.

Чтобы изжить практику сокрытия масштабов лесных пожаров, нужно леса вернуть в федеральную систему управления, а для этого потребуется восстановление Министерства лесного хозяйства.

Фракция «Справедливая Россия» в очередной раз ставит перед правительством вопрос, если субъекты РФ не выполняют полномочия по государственному лесному контролю и надзору по использованию лесов, по охране лесов от пожаров, если арендаторы, не ставшие «эффективными собственниками», истощают и нещадно разворовывают лесные ресурсы, то почему нельзя восстановить Министерство лесного хозяйства?! Ну почему лесами должны распоряжаться те, кто хочет лишь быстро обогатиться. В Забайкальском крае в одном лишь Могочинском районе китайские компании вырубают редчайшие ценные породы — кедр, лиственницу, сосну в количестве более 200 тысяч кубометров за год. На Севере бесчинствуют соседи-финны. В Алтайском крае под видом рубок ухода под топор идут в знаменитом реликтовом ленточном бору самые крупные деревья. И этот беспредел по всей стране. Лес пустили на дешевый распил. И жаль, что во времена санкций не реализована идея секретаря Совбеза Николая Патрушева ограничить экспорт нашего леса в Финляндию. Торговля кругляком сегодня экономически и политически несостоятельна, проигрышна. Мы в Думе 20 лет говорим о глубокой переработке древесины, о развитии собственной мощной деревообрабатывающей промышленности, где бы не только выпускали бумагу и мебель, но и даже отходы продукции шли бы в топливные гранулы. Но воз и ныне там. Лес то бревнами за бесценок вывозится за границу, то просто-напросто захламляется. Площадь сплошных рубок превышает площади лесовосстановления. По мнению ученых, нам теперь для восстановления своих лесных угодий необходимо 100 лет. И тут возникает вопрос, а не забыли ли мы, депутаты Госдумы, что, с точки зрения экологии, наши леса обеспечивают экологическую безопасность не только России, но и планеты.

ПОЭЗИЯ

Владимир СОРОЧКИН

«СВЕТ НЕМЕРКНУЩИЙ БЫЛОГО»

Владимир Евгеньевич Сорочкин — родился в 1961 г. в Брянске. Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах. Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое „да“» (1997), «Завтра и вчера» (2005). Лауреат Всероссийской премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» и многих других. Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России. Главный редактор альманаха «Литературный Брянск». **Живет в Брянске.**

* * *

Безмолвны лес и сжатые поля.
Легко брести по желтому безлюдью.
Река стремится к устью, а земля
Уже вдыхает осень полной грудью.

И в тишине, над лепетом раки
Летит по небу крошечная стая, —
Так нестерпимо медленно летит,
В пронзительную точку вырастая.

* * *

*Фотохудожнику
Аркадию Курдикову*

На ловца и свет бежит
В вечном поиске ответа.
Как же все же трудно жить
На границе тьмы и света. —

И всегда искать свое,
Видеть в будничном иное.
Свет начертит бытие,
Мрак допишет остальное.

Взгляд спасет бывшие дни,
Прошлым ставшие отныне,
Нам лишь крайности даны,
А душа — посередине.

Но — дано лишь ей одной —
Нашим зреньем и устами —
Колдовать над полумглай,
Разговаривать с тенями. —

Быть, творить, бороться, знать,
Чтоб во мгле пути земного
Тьме забвенья не отдать
Свет немеркнувший былого.

ВСАДНИК

Холодно в комнате. Лампа коптит.
Слышится топот тяжелых копыт.
В голом просторе, по гулкой земле
Скачет невидимый всадник во мгле.

Только по звуку, идущему вспять,
Можно дорогу его отыскать.
Выйду, пытаюсь взглянуть во тьму,
С трепетом в сердце навстречу ему.

Черное поле. Сухая стерня.
Мертвое небо. Глухая стена.
Но на мгновенье — горячей волной
Бешеный всадник пройдет предо мной.

Вот он — с тоскою летя напролом,
Грузным обломком торчит над седлом,
Как задыхаясь, ударами шпор
Гонит коня в неоглядный простор.

Лязгом становится, хрипом, струной,
Бьющей наотмашь в погоне ночной, —
Рыщет во мраке за дальним ручьем
И пустоту рассекает мечом.

ПРОЩАНИЕ

Напотешились, будет... Довольно молиться кумирам... —
Князь не шутит, но, видимо, гнев бережет до поры,
И, возвысаясь над капищем, перед собравшимся миром,
Он глядит, как талдычат — во славу его — топоры.

И вот-вот брызнет кровь из-под щеп, и в смятенье великом
Ближе к пагубной круче отходит народ налегке,
И кондовый Перун, усмехаясь иссеченным ликом,
Закрывает глаза и безмолвно плывет по реке.

Берег ропщет, ждет чуда, толпится, и как для погони
Восходящее солнышко в воду глядит из-за спин,
И дитя прижимается к матери, фыркают кони,
И языческий оберег рвет на себе славянин.

БЕЗМОЛВИЕ

1

Снег выпал сонмом мотыльков,
Не миновав полей и улиц,
И — невесомей облаков —
Деревья к небу потянулись.

Снег выпал, скрадывая лед,
Размежевав в садах и рощах
Ветвей заснеженных полет
И колготу корней замерзших.

2

И воздух свеж, и синь дрожит,
И тихий день похож на эхо...

Вот-вот — и выюга закружит
Прочь кружева пустого снега.

Но, прежде чем взметнется дым,
Скрывая свет за пеленою, —
Уйдет безмолвный день, храним
Неповторимый тишиною.

* * *

Позабудь хотя б на миг о жажде,
Белый свет испив, как молоко. —

Уходи туда, где солнце жарче
И сильнее сердца моего.

Безоглядно, ни о чем не споря,
И уже спокойно и легко,
Уходи туда, где зелень моря
Бесконечней взгляда моего.

И — покуда день пригож и светел,
И — доколе ты светлее дня,

Уходи туда, где даже ветер
Трепетней, чем губы у меня.

Уходи — туда, где на просторе
Золотится солнце в вышине,
Где тебе ни ветер и ни море
Ничего не скажут обо мне...

* * *

Ни тепла не прошу, ни покоя.
Пусть и холод наступит, но — твой.
Пусть ненастье твоё всеблагое
Над моей прошумит головой.

Реют тучи как хищные птицы.
Дождь стучит и стучит по окну, —
Но ненастье твоё — как затишье,
И твой холод подобен огню...

* * *

Бывают дни пронзительного счастья,
Когда уже почти сойдя на нет,
Душа не разрывается на части,
Но воедино связывает свет,

За тенью жизни — призрачной и длинной —
Скрывает и безверие, и зло,
И трещины замазывает глиной,
Как ласточка разбитое гнездо.

* * *

Посмотришь вспять — а все уже пропето.
Ткет паучок одежку тишине.
Перетекает в осень бабье лето,
Лишь холодок проходит по спине.

Зима катит в глаза, но и тем паче
Мне дней не жаль, сгорающих дотла,
Пока у жизни есть ещё в запасе
Хотя бы искра Божьего тепла.

Вера БУРДИНА

«НЕУГАСИМОЙ НАДЕЖДЫ СВЕЧА...»

Вера Ивановна Бурдина — родилась в станице Арчединской Волгоградской области. В 1993 г. закончила Академию Государственной службы. Лауреат Всероссийской премии «Ладога» им. А. А. Прокофьева. Автор пяти сборников стихотворений. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Нипочем ни хлад, ни слякоть,
Ни метельная кудель —
От Сочельника до Святков
Только ночь и только день!

Ночь Звезды и в тучах ясной,
День, когда мы обрели
Искупленья Чудо в яслях
Древней матушки Земли.

Пахнет сеном — чечевицей,
И, пока в пути волхвы,
Чуду внемлют очевидцы:
Овцы, ангелы, волы.

Самый ласковый порядок!
Святость истины проста:
От Сочельника до Святков —
День Рождения Христа!

Ничего еще не знача,
Никому не свят, не мил.
Встретить можно ли без плача
Этот свет и этот мир?

После ясных грез эдемских
Вдруг очнуться во плоти
Беззащитного Младенца
На скитальческом пути.

И не как-то по-иному,
В неге участи иной,
Он родился по-земному
В муках Матери земной.

Здесь она — в одеждах смятых,
С непокрытой головой...
От Сочельника до Святков —
Время Матери Святой.

Божий Сын или не Божий,
Нежность смешана с тоской.
Он родился невозможный
В этой юдоли мирской.

Вифлеемский Свет над миром!
Только миру не до звезд.
Лишь астрологи да Ирод
Чудо приняли всерьез.

Свет пришествия не ярок,
Если гуще дегтя мгла...
От Сочельника до Святков
Божья вечность пролегла...

* * *

Лишь только русский адмирал
Эскадру выводил под ветер,
То враг в тревоге обмирал —
На суше, в гавани, на рейде.

Сама владычица морей,
Своим величием не рискуя,
Не поднимала якорей,
Не бороздила даль морскую.

Да, Ушаковская отвага
В расчете мудром и простом,

Как знак Андреевского флага:
Зло побивается крестом!

Святое воинство пополнив,
Вернулся Ушаков в Кронштадт.
Все так же бьются в берег волны,
Все так же валуны крошат.

Все так же беспокойно в мире,
И словно недругам в ответ,
Он возвратился в славе, в силе
И в святости своих побед!

* * *

Его дом на Петровской шестнадцать,
Почти рядом с фигурой Петра.
Овевают легендой Кронштадтской
Всепогодные наши ветра.

У него и фамилия дерзко
Обозначила с морем родство.
Море — мера судьбы Маринеско,
Оно билось в сердце его.

Никогда не готовился к подвигу,
Не мечтал всплывать на верха.
Глубина заменяла подводнику
Небо, славу и берега.

Был удачлив в бою и, признаться,
Капитан не терпел дураков.

И подлодка его С-13
Там и там имела врагов.

Словно странник
кронштадтской Итаки
Между Сциллой, Харибдой войны
Выбирал он рубеж для атаки
По характеру верхней волны.

И, задолго еще до Победы,
Он нашел свой глубинный рубеж.
Для судьбы и атаки торпедной
Прямо в борт нацистских надежд.

Для наград не отглаживал кителя,
Удостоился как наугад —
Личный враг разъяренного Гитлера!
Ну каких еще надо наград?

* * *

Столетию Дворцового моста

Зачем Нева течет на восток,
Ведь Стрелка указывает ост?
Он строился наперерез
Дворцовый мост.

Незримых ангелов насест
Поверх столетия внахлест?
То ли протест, то ли проезд
Дворцовый мост.

Нева откинула вуаль,
Увидев новый оком:
Мост, возведенный под Февраль,
Уже стонал под Октябрем.

Пролетно-арочный итог?
Упавший на «быки» вопрос?
Меж берегами двух эпох —
Дворцовый мост.

Мосты как истины просты.
Чем измерять их стать и рост?
На целый век, на полверсты
Дворцовый мост.

Привратник Зимнего дворца,
Невы державный фаворит,
Он начинается с торца,
В туман уводит фонари.

Он время чувствует хребтом,
Как нарастающий сумбур.
Санкт-петербургский камертон
Невероятных партитур.

Моста Дворцового сюжет
Мальчишка запросто поймет:
На пять касаний в рикошет —
Овеществленный перелет.

* * *

Актрисы стареют теперь в сериале,
Так раньше рабыни в эмирском серале,
С течением серий несчастная прима
Все больше и больше расходует грима.

Актеры беспечные после премьеры
Надолго прикованы к веслам «галеры».
Но могут меняться по ходу местами,
К примеру: бандиты вдруг стали «ментами».

Новейшее рабство постигло искусство:
Зелень, бабло или просто «капуста».
Служители муз тяжкий груз идеалов,
Рыдая, швыряют за борт сериалов.

* * *

Наверно, пророк сгоряча
О страшной вещал саранче,
Да только пришла саранча
Пророчества погорячей.

И вправду явилась! Стальной
Над миром развесила смрад,
Сжигая страну за страной,
Запутав в сетях автострад.

И жвалы ее как клинки,
Повадки убийственной пуль.

Пестрят вдоль обочин венки,
Кладбищенский выставив путь.

Плодятся они все лютей,
Бензиновой брызжа мочой.
Уже и не встретить людей,
Не сожранных саранчой.

Все громче прожорливый хруст,
Все жарче кровавый азарт.
Помилуй, спаси... Златоуст!
Возьми свое слово назад!

* * *

Все переменчиво на свете,
И лишь война не устарела.
Какую сторону отметить
Предупрежденьем артобстрела?

Куда на Невском надо деться,
Чтоб безопаснее пугаться
Разрывов «Града» у Донецка
И «Ураганов» под Луганском?

Европам память отморозило?
Забыли, как необоримо
Из Петербурга Малороссия
Врастала в море клином Крыма?

История всегда богата
На повторенья... Неужели

Кому-то легче, что Блокада
Сомкнулась несколько южнее?

Еще не все свершились тризны —
Могил так много неизвестных...
Где проложить «Дорогу жизни»,
Когда опять разверзлись бездны?

Когда не за морем, а рядом,
Пылая, ширятся руины.
Вот-вот и станет «Бабым Яром»
Земля и вера Украины.

Где ложь превышает Божьих истин,
Где пересчитаны на центы
И каждый стон, и каждый выстрел,
И все, что видится в прицеле.

* * *

Ветер в сугробы под вечер зароется,
Синей поземкой растает метель...
Тихо с небес снизойдет Богородица,
Тихо качнется земли колыбель.

Тысячи лет нам не стали наукою,
Тысячи бед и заветы Христа.
Божия Мать, нас жалея, баюкает,
И колыбельную шепчет уста.

Я, непокорная, гордая, дерзкая
У твоего замираю плеча:
Над колыбелью горит Вифлеемская
Неугасимой надежды свеча.

Милый, покрепче возьми меня
за руку,
Землю так просто
враждой раскатать.

Вместе уйдем за разлуку,
как за реку,
Радость Рождественской ночи
встречать.

Будет, я знаю, чудесно и весело
Вместе с тобою и с Богом в ладу
Звезды ловить сачком полумесяца,
Как махаонов в Эдемском Саду.

Ни интернетов,
ни бесов, ни магии —
Колокола над Россией поют.
Ели стоят у дорог, как монахини,
А все дороги к храму ведут.

Вьется по следу поземка кудельная,
Снег осыпается с веток, шурша.
Льется с небес мольба колыбельная,
Чтобы к любви просыпалась душа.

ПРОЗА

Владимир КАЗМИН

БАНТИК

Рассказ

Владимир Казмин (Прокопенко Владимир Афанасьевич) — родился в шахтерском поселке Михайловка, что на Луганщине. Работал в шахте. Воевал в Афганистане. Окончил Луганский гос. педагогический университет им. Т. Г. Шевченко. Учился на Высших литературных курсах Московского литературного института им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Член СП России. Председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля СП России. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Лауреат Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого, «Щит и меч Отечества» ВПК России и др. **Живет в Луганске.**

Сочные травы заливного луга сияли россыпями бриллиантовых капелек утренней росы. Над тихими лесистыми берегами реки поднималось солнышко. Белые клубы тумана стелились над водой и таяли в нежном, чуть заметном, плавном движении. В прозрачной глубине небес не было ни одного облачка, она была заполнена бездонной синевой, в которой уже потухли последние утренние звезды.

Мальчишка, лет двенадцати от роду, выгонял на луг корову. Он выбрал место, где была погуще трава, и детской, не по годам сильной рукой забил молотком в землю стальной крюк. Буренка принялась блаженно жевать сладкое разнотравье. Мальчик присел на бугорок, среди цветов проломника, астрагала и сияющих синих глазок васильков, он задумчиво всматривался в тающий туман над рекой, она манила его, река звала мальчишку своими хрустальными перекатами, нежной, летней прохладой, но мать категорически запретила ходить на берег. Его милая, нежная река была в каких-то трехстах метрах от их огорода и луга. Всего месяц назад он за считанные минуты стремглав пролетал это расстояние, влипая голыми пятками во влажную землю тропинки, что вела к реке, он бежал к заветному плесу и почти с ходу нырял с мостка в зеркальную гладь Айдара. Потом под крутым глинистым берегом драл раков, ловил голавлей на перетяжку, а под вечер с крестным дядей Сашей ставил донки на сома. Но теперь эти три сотни метров были непреодолимы, на его заветной тропинке вырос барьер строгого материнского запрета, на его землю невесть откуда обрушилась непонятная детскому уму война. Там, на крутом берегу реки, в лесистых зарослях обосновался полевой лагерь украинских вояк нацбатальона «Айдар».

Мальчик грустно смотрел в утренние дали. Корова, медленно передвигаясь по лугу, насколько позволял ей налыгач, мирно паслась. Вережка змеею ползла по траве вслед за буренкой. Незаметно к мальчику подошла худенькая девочка с красивым белым бантом, который был аккуратно вплетен в ее русые волосы.

— Ваня, можно я с тобой посижу? Мама пошла в магазин, а мне скучно...

Мальчишка вздрогнул от неожиданного появления сестренки.

— Фу, Катька, напугала!

— Ваня, смотри какой у меня красивый бантик. Это мамуля мне заплела, я с таким бантиком пойду скоро в школу, в первый класс. Ой, скорей бы, так хочется в школу, ты не представляешь!

— Красивый, красивый бантик, какая ты все-таки еще маленькая, Катька, просто ребенок.

Где-то вдали раздались глухие всхлипы разрывов. Низко над рекой, разрезая винтами утреннюю тишину, с пронзительным свистом прошуршала пара боевых вертолетов. Они были раскрашены в желто-голубые цвета, на их пузатых бортах красовались грозные рога трезубцев. Вертолеты развернулись над лесом и ушли в сторону гулко грохочущего горизонта.

— Опять грюкают. Ваня, мне уже не страшно, раньше было страшно, а теперь почему-то совсем нисколючки не страшно.

— Это опять где-то под Лисичанском началось, — как-то совсем по-взрослому сказал Ваня.

Дети сидели на лугу, рядом паслась корова, в голубом небе стремглав носились стрижи, за рекой в лесу размеренно вела свой счет кукушка, и сквозь всю эту мирную красоту начинающегося теплого летнего дня тревожным колокольчиком прозвучали страшные слова этой хрупкой, маленькой девочки: «Мне уже не страшно, раньше было страшно, теперь совсем нисколько не страшно...»

* * *

Война пришла в их деревню в начале лета. Далекие раскаты и всполохи грозных разрывов тяжелых снарядов терзали вечерние сумерки почти ежедневно. Казалось, что где-то бушевала гроза, но то была другая гроза, гроза человеческого безрассудства, алчности и ненависти. Грохот боев отчетливо доносился к окрестностям деревни, этот пугающий гул будил по утрам, днем обычно наступало затишье, и мирное пение птиц превращало окружающий мир в естественное течение сельской жизни с ее привычными звуками и запахами. Под вечер, как по расписанию, все начиналось заново, со временем люди привыкли к этому грохоту.

Однажды, по деревенским улицам, лязгая гусеницами и завывая мощными моторами, проезжала военная техника. Ваня с интересом из-за забора смотрел на бронемашину, над ними развивались желто-голубые и красно-черные флаги. Одна из машин остановилась у их двора. С брони спрыгнули двое вооруженных автоматами солдат, они постучали в ворота, калитка была не заперта, и вояки вошли во двор.

— О, дывись, Сэмэн, москалык.

Ваня с любопытством рассматривал непрошенных гостей, на шум из кухонной пристройки выбежала мать.

— Чего тут еще? — с тревогой в голосе обратилась она к солдатам.

— Хозяйка, нам бы воды набрать.

— Воды не жалко, вот колодец, сейчас ведро принесу.

Пока солдаты набирали в свои фляги и канистры воду, Ваня не отрывал взгляд от автомата. Настоящий автомат он видел не первый раз, но этот блестящий вороненой сталью, с откидным прикладом и подствольным гранатометом автомат, который висел через плечо у солдата, завораживал своей грозной, огненной силой, что таилась в его холодном, стальном чреве.

— Шо, москалыку, гарна игрошка? О цэ циею игрошкой мы сепоров та терористив гэтэ звидци погонимо!

— Ваня, марш в дом, сейчас же!

— А шо, хозяйка, чоловик твий не сепор случаем? Дэ вин зараз?

— Где мой муж, одному Богу известно, душа его давно на небесах, чтоб вы знали, вдова я, с двумя детками одна. Так что набрали воды и идите своей дорогой.

— У-у яка сурова тетка! Мы звильняты их прыйшлы, а вона лается. Ладно, Сэмэн, ходьмо звидци, а то ця жиночка нам в патлы ще вцепиться...

Бронетранспортер, завывая двигателями, уехал, оставив на деревенской улице клубы гари выхлопных газов и пыли. С огорода во двор вошла соседка тетя Клава.

— Наташа, что «освободители» к тебе заходили?

— Воду брали.

— А я испугалась, слышу, у тебя во дворе шумят. Это же «айдаровцы», от них что угодно можно ждать. Утром у магазина бабы шушукались, в городе Счастье эти изверги уйму людей перестреляли. Как нам с ними теперь рядом жить? За речкой возле нашей деревни они лагерем встали, окапываются. Ой, Наташа, беда, да и только.

— Не говори, Клава. Ночью стекла дрожали, из таких мощных пушек стреляли, что думала и хата развалится. Детишки вздрагивают, ужас! Ванечка постарше, а вот Катя плачет постоянно.

— А если по ним в обратку ополченцы станут бить, хана нашей деревне. Денис Павлович, председатель сельсовета, рассказывал, что под Луганском Новосветловку практически с землей сравнивали. Сначала нацики утюжили, а потом ополченцы наступали. Бои там страшные были. Там тоже «айдаровцы» хозяйничали, поговаривают: и грабили, и насиловали, и людей в церковь согнали, хотели взорвать. Правда, али нет, но люди говорят. У нас-то еще тихо пока, а коли начнется, что будет? Я вот подумываю к дочке в Харьков перебраться, но дед мой уперся, говорит, что никуда не поеду со своей земли.

— Да и мне, Клава, некуда ехать, кто меня и где ждет с моими детками?

— Наташа, ты хоть погреб оборудовала, не дай Бог начнут утюжить по деревне?

— Да уж давно, топчанчик соорудила и пару матрасов старых снесла. Если попадет, то никакой погреб не поможет.

— Это так, Наташенька, вот уж дожились, так дожились...

Ваня сидел на лавке, слушая взрослый разговор, вычерчивал палочкой на земле круги.

— Мам, а чего они «айдаровцами» называются и кто такие москалики? Айдар наша речка, а они чего так кличутся? И какой я москалик, что за москалик?

— Ваня, иди лучше книжку почитай, слушаешь здесь взрослых. Или с Катей поиграй, а то скоро Веселуху поить пойдем. Иди, иди, милый...

— Наташ, ты корову на луг гоняешь?

— А куда же еще. Ты слышала, что со Слободы пастух подорвался, гонял коров за речку и угораздило бедалагу, на мину напоролся, ногу оторвало.

— В Слободе-то коров почти три десятка будет, а у нас на улице у бабы Мани три козы, твоя Веселуха, у меня бычок и у Вороновых корова с телкой, вот и все стадо.

— Все одно, Клава, где пастись-то? Луг почти весь истоптали, а до речки гонять боязно, скотина рвется к привычным пастбищам, а там, говорят, мины могут быть. Корова постоянно впроголодь. Добро, что жмыху малость осталось с прошлогодних семечек. Подпаиваю Веселуху, ее бы погонять, а тут на цепи сидит, молока убавила. Я уж в обед и не дою.

— Это точно, Наташенька, беда, да и только... Я вот думаю бычка забить да тушенки на зиму заготовить, но дед ворчит, мол, куда его такого худого бить, одна шкура да кости... Ванька-то твой подрос, парубок почти, смысленный такой, весь в тваго Николая. Это ему уж тринадцатый годок пошел?

— Первого сентября тринадцать будет. Послушный, но озорной, как все это в нем только вмещается. Души я в нем не чаю, и боюсь, как бы куда не влез еще. Все на речку поглядывает, рыбачок он у меня заядлый, весь в отца. А тут по весне крестный Сашка пристрастил его сомов ловить, как не зайду в сарай, все сидит Ваня снасти ладит, боюсь, как бы не сбежал на речку. Я ему объясняю, что опасно там. Он вроде бы понимает, но мальчишка ведь...

— А что про Сашку-то слышно, говорят, в ополчении он?

— С весны ни слуху ни духу, после референдума ЛНРовского с казаками его в Новоайдаре эсбзушники арестовали, но от людей слышала, что он сбег, а тепереча, говорят, где-то под Лисичанском воюет. Мой Коля, если бы жив был, наверное, тоже не усидел дома.

— Это точно, Наташенька, горячий казак твой Николай, царство ему небесное...

Муж Натальи Николай Горбушин был товарищем хуторского атамана Всевеликого войска донского, подбесаул. Он работал в местном лесничестве, а в свободное от службы время с хуторскими казаками возрождал былые традиции донцов. На Луганщине был создан Луганский округ донского казачества, куда вошли и казаки Новоайдарского района. Луганские казаки наладили связь с войском Донским, участвовали в различных культурных мероприятиях, как на Дону, так и на родной исконно казачьей земле на берегах Северского Донца, Деркула, Айдара и Лугани. Потомки Кондратия Булавина, Иловайского и Платова возвращались к духовным истокам, к той корневой системе, которая была подрублена во времена гонений на казачество, точнее говоря, геноцида казачьего народа, который обрушился на головы донских казаков в результате изуверской политики советской власти во время Гражданской войны и коллективизации.

На все воля Божья, но гены и историческую память убить невозможно, она живет в сердцах и душах этих свободолюбивых людей, тружеников, пахарей. Да и казачьи станицы Луганская, Трехизбенская и десятки хуторов, которые стали именоваться деревнями и поселками, никуда не исчезли, сама земля всегда была в подмогу этим добрым, с открытой настежь душой, людям.

Казаки собственными силами построили в деревне церковь, небольшую, деревянную, но свою. Батюшка, отец Владимир, исправно служил, открыл казачью православную воскресную школу, люди тянулись к вере православ-

ной, оттаивали душой и сердцем. Деревня жила своей размеренной жизнью, но наступал украинский национализм, беспардонно врывается в жизнь и вековую культуру народа, по сути своей русского народа, православного и только по паспорту украинского...

Уже была организована в Киеве западными врагами русского мира «оранжевая революция», уже подросло на Галичине новое поколение «истинных и щирых украинцев». Уже националистическая пропаганда промыла мозги огромной части некогда доброго, с широкой душой народа, вбила в умы людские свою исключительность, и уже была привита им ненависть к братьям своим единокровным! Все беды на Украине от русских!

На уроках истории даже в деревенской школе заставляли говорить о новых «героях Украины» Бандере и Шухевиче, но взрастить любовь к «ридной неньке» насаждением чуждых ценностей было невозможно в здешних местах. Духовная прививка исторической памяти была и остается стойким противоядием. Против потока лжи и ненависти, которая обращена, прежде всего, против всего русского, стоит сила внутренняя, невидимая, коренная, и сила та в самом духе русском, мощном и непоколебимом...

Местные казаки привлекали к своей работе молодежь, проводились военно-патриотические сборы, не говоря уже о общедеревенских праздниках, праздниках православных, где всегда в центре событий были казаки.

Николай Горбушин был страстным рыбаком, мечтал зарыбить местный пруд и разводить рыбу, но его мечты были в одночасье оборваны трагической гибелью. За год до кровавых киевских событий на майдане, зимой двенадцатого года, Николай с друзьями поехал на рыбалку. Рыбачили на Северском Донце. Один из рыбаков, в поисках подходящего для ловли нового места, неожиданно провалился под лед. Николай не раздумывая бросился в полынью спасать тонущего товарища. Друга отважный казак спас, вытолкнув его обессиленное тело на стойкий лед, а сам не смог выбраться из ледяного течения Донца. Его достали из реки водолазы только через два дня, и хоронили донского казака Николая всей деревней с воинскими почестями. Наталья, убитая горем, ночи напролет выплакивала горькие слезы по героически стигнувшему мужу, но остались малолетние дети — Ваня и Катя, которых нужно было ставить на ноги. Собрав все свои бабьи силы в кулак, Наталья гнала печаль-кручину, гнала дурные мысли, она стала жить только ради своих милых детишек.

И вот она новая напасть — в ковыльные луганские степи пришла война, вспыхнул Донбасс под напором поднявшего голову украинского неонацизма. Наталья плохо разбиралась в политике, но сердцем чуяла, зло идет на их землю от украинского национализма, от киевской верхушки, от хунты, что пришла с кровью майдана к власти, и если бы не дети, наверное, она уже давно бы ушла в ополчение.

На порог дома выбежала Катя.

— Мамуля, ты мне бантик завяжешь? Я в школу с Ваней играю.

— Завяжу, завяжу, Катюша, играйте.

— А вот что, Наталья, чуть не забыла, я с дедом Пахомычем вчера телевизор смотрела по спутниковой тарелке, батюшку нашего Владимира показали, в плену он у нациков. Ну, слава Богу, что жив, а то матушка совсем извелась. Я хотела ей сегодня утром рассказать об этом, пришла, а хата на замке. Соседи говорят, что матушка ушла с дочками в Луганск. Видать, вовремя ушла, я видела, как у них на дворе рыскали мордовороты

какие-то в камуфляжах. В дом не полезли, а гараж вскрыли, все перерыли, машину отца Владимира выгнали и уехали. Говорят, по дворам скоро пойдут с обысками, наших казаков вылавливать.

— Пусть идут, Клава, кого они здесь выловят, деда Пахомыча или меня с тобой?

— Ты бы, Наталья, форму казачью Николаеву спрятала от греха подалее. Что у них, отмороженных, на уме, ненароком найдут, потом поди объясни, что это за лампы да погоны у тебя хранятся.

— Я уж давно прибрала. Ладно, Клава, заболтались мы что-то. Ваня, Катя, айда Веселуху поить!

— Да-да, и я пойду деда кормить, цельными днями у телевизера просяживает. Все новости смотрит, а там, что ни включишь, одно и то же: «Украинская армия освобождает Донбасс от сепаратистов и русских террористов...» Освободители хреновы!

Так и жила в эти летние месяцы 2014 года деревня, в постоянной тревоге перед порогом неизвестности, жила одним днем, так жил весь Донбасс, стонал и маялся от нахлынувшей братоубийственной войны...

* * *

Черный демон и белый ангел ведут бесконечное сражение на поле души человеческой. В этой битве разрываются судьбы людские на мелкие лоскутики грехопадения ненависти и безжалостной злобы с одной стороны, а с другой стороны, в слезном покаянии очищения и великой любви, вспышками Божественного Света взлетает над землей правда и вера в победу добра над злом, света над тьмой; сшиты эти лоскутики злобы и вспышки озарения любви кровавыми нитками житейских ситуаций, мгновений, событий, из которых, словно из кирпичиков, выстраивается эпоха.

Наша эпоха развала, ненависти, клеветы и откровенной исторической лжи пронизана лучами понимания того, что только в единстве с Богом нужно искать дорогу к миру и благоденствию. Мы на пороге великих свершений, перед нами может открыться путь к сияющему своду нового, золотого века в судьбе всего человечества. Мы подошли к этой черте, за которой пропасть или взлет. За полуторавековой путь нашей эпохи, в безжалостной борьбе вывернуло мир наизнанку, раскромсало народы бесконечными, страшными войнами, трепетом тлена, гарью и стоном сотен миллионов сгинувших душ. Весы колеблются в этом сражении. И последняя, самая маленькая капелька может перетянуть и победить в битве, взять верх над бушующей пеной пустоты — эта капелька правды заключена в слезе беззащитного, святого ребенка, в капельке его крови, и кто прольет эту кровь и выдавит слезу его — будет повержен и обречен на бесконечные муки ада...

Ваня и Катя сидели на лугу, сияющие лучи озаряли деревенскую округу, сплетение мирной тишины солнечного дня и грохот дальнего боя за горизонтом никак не могли ужиться в единой картинке мира, в этот мир ворвалась братоубийственная, самая подлая из всех войн — гражданская война, она перевернула сознание людей. Где искать выход из этого тупика, и как теперь его найти, когда пролито столько невинной крови и слез?

К ребятам подъехал на велосипеде соседский мальчишка, сверстник Ивана Витя Коробок.

— Привет, Ванька, поехали со мной, я тебе что-то покажу.

Витька жил неподалеку, через три двора от усадьбы Горбушиных. Иван частенько приходил в гараж к Витьке, где хранилось множество интересных отцовских вещей, здесь можно найти все, что угодно пытливой мальчишеской душе, но главное было то, что там хранился старенький мопед, который ребята всеми своими силами и умом старались восстановить, завести и наконец-то прокататься на этой чудо-машине. Отец Витьки Коробка еще ранней весной, до кровавых событий на Донбассе, уехал в Москву на заработки, и теперь в отцовском гараже Витька был главным. Его мать целыми днями была на работе, ранним утром уезжала в Новоайдар и возвращалась только поздним вечером. Ваня немного завидовал другу, его свободе. Витька дни напролет был предоставлен самому себе и поэтому нередко влезал в какую-нибудь шкоду, за что ему часто доставалось от матери, лупила она Витьку Коробка безжалостно и бесконечно. Но все эти воспитательные меры были пустой тратой времени и нервов, с Витьки, как с гуся вода; зализав раны после материнской экзекуции, он снова искал приключений.

— Ванька, у меня есть одна штука, ты обалдеешь, поехали покажу.

— Катя, иди домой, я с Витькой в гараж съезжу ненадолго.

— Ваня, а можно я еще немножко побуду на лугу, здесь так хорошо, я цветочков собираю для мамы и пойду домой. Смотри, какие красивые васильки!

— Ладно, я к Витьке в гараж и назад, за Веселухой присматривай...

Мальчишки уселись на велосипед и поехали по проселочной дороге в сторону Витькиного двора. В гараже Витька, заговорщически посматривая на Ивана, спросил:

— Отгадай, что у меня есть?

— Ладно, не томи, давай показывай.

Витька достал с полки деревянный ящик из-под гвоздей и вытащил оттуда ручную гранату Ф-1.

— Ух-ты, где взял?!

— Где взял, где взял, купил...

— Дай посмотреть.

— На, только осторожнее, такая граната может и гараж разнести. У меня их восемь штук имеется. Я на велике катался, ездил на гору к Луганской трассе, это там, где блокпост ополченцев был, который вертолетами укропы разбили неделю назад, так вот, я в посадке рядом с блокпостом сумку нашел, а в ней гранаты были. Ванька, я думаю рыбы глушануть на речке. У нас нельзя, у нас на берегу нацики окопались, а вот в Горшковке, пожалуй, можно будет. Я завтра к деду собираюсь поехать в Горшковку, там есть на Айдаре подходящее место, заодно испытаем эту штуку. Поедешь со мной, вдвоем веселее будет.

— Ты лучше спрячь их подальше...

— Что, испугался?

— Ничего не испугался, ты видишь, что творится вокруг, война, а у тебя детство в жопе играет.

— О, еще один воспитатель нашелся. Отдай гранату, я сам завтра поеду, и смотри, никому не говори о моей находке, а то рыло набью!

— Смотри, чтобы я тебе не набил, герой.

— Ладно, успокойся, Ванька, я пошутил. Бензина надо найти, сегодня мопед заводить будем. Попроси у деда Пахомыча литра три, я знаю, что у него есть, но мне он не даст, а тебя он любит.

— Хорошо, после обеда приду, Веселуху попою и приду. А гранаты лучше спрячь и не показывай их больше никому.

Катя собирала цветы, получался красивый полевой букет. Буренка, щипая траву, кружила по лугу, веревка запуталась за заднюю ногу коровы, Веселуха неуклюже топталась на месте, стараясь освободиться. Затем она, брыкнув всем коровьим телом, с силой рванула привязь, стальной крюк вылетел из земли, и буренка, почувствовав свободу, зашагала в сторону реки. Катя увидела, что корова отвязалась, и помчалась за беглянкой.

— Веселуха, стой, ты куда!

Девочка попыталась ухватить налыгач, но детских сил не хватило удерживать голодную корову. Веревка вырвалась из ее рук, и железный крюк больно ударил девочку по ноге. Катя упала, но, преодолевая боль, поднялась и схватила палку, побежала следом за коровой, стараясь завернуть непокорную скотину, но Веселуха, обнаружив погоню, еще больше прибавила шагу. Девочка бежала за коровой и сквозь слезы кричала:

— Веселуха, милая, стой, прошу тебя, Веселуха!

Корова уже была почти у прибрежных речных зарослей, где широкой полосой росла сочная суданка. Буренка ворвалась в густую траву и жадно стала работать своими челюстями. Катя, прихрамывая, приблизилась к беглянке. Корова увидела пастушку с палкой в руках и рванулась мимо кустов краснотала, в это же мгновение раздался оглушительный взрыв...

Иван шел по дороге от Витьки Коробка, когда он услышал этот злобный, кровавый выкрик разорвавшейся мины, он увидел черный дым у реки, и что-то внутри у него оборвалось, сердце гулко застучало в груди. Он посмотрел в сторону луга и не нашел там ни коровы, ни сестренки.

— Катька!

Ваня бежал не чуя ног своих, он понял, что случилось что-то страшное, непоправимое, он бежал что было сил, и вот она — мрачная картина смерти предстала перед его глазами. Веселуха лежала на боку возле кустов краснотала, корова, испуская последний дух, храпела. Глазные яблоки беспорядочно вращались в глазницах, а из растерзанной множеством осколков, изрешеченной туши струилась багровая кровь. Катя лежала в траве, шагах в двадцати от умирающей скотины. Ваня бросился к ней, девочка тяжело дышала, по ее щеке стекала тоненькая струйка крови...

— Катя, Катенька, — шептал сквозь слезы брат. Ваня подхватил раненую девочку на руки и понес в сторону деревни. Он старался нести ее осторожно, нежно прижимая окровавленную детскую головку к своей груди. Катя открыла глаза и тихо сказала:

— Ваня, я бантик потеряла, где мой бантик, ты его найди, Ваня...

— Хорошо, хорошо, Катюша, обязательно найду, потерпи, милая.

— Ты не плачь, Ваня, мне нисколько не больно...

Катя закрыла глаза. Со стороны деревни уже бежали люди, но Ваня не замечал теперь ничего и никого, он прижимал умирающую сестренку к себе и шел, шел...

Армейская противопехотная мина МОН-200, поставленная кровавой рукой убийцы, вспорхнула в мирную синеву небес, и над донецкой степью пронеслась очередная волна бушующего горя. В зеленой траве на ветру трепетал белый окровавленный бантик, а на лугу лежал рассыпанный красивый букетик голубых васильков...

Славянское БРАТСТВО

Светлана САВИЦКАЯ

СЕРБИЯ — ДЕСЯТЬ ТАЙН И ОТКРЫТИЙ*

*По материалам работы
Содружества литературных
сообществ, помещенных на сайте
www.perorusi.ru с 2000 по 2011 гг.,
и роману «Распутай время»*

Светлана Васильевна Савицкая — обладатель Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси». Автор романа «Распутай время». Всемирным Академическим университетом Мюнхен—Москва—Гамбург удостоена звания «Заслуженный деятель мировой литературы». Международным союзом писателей «Новый современник» совместно с интернет-порталом «Что хочет автор» этот роман отмечен Высшим золотым знаком «Сергей Есенин». СП России вручена Литературная премия имени А. П. Чехова за вклад в русскую литературу. **Живет в Москве.**

**Публикуется с небольшими сокращениями.*

Утверждение, что лучшие русские — это сербы, в России бытует много лет. Но в Белграде я услышала другое: лучшие сербы — это русские. Так, может, мы одно? Нет лучших и нет худших, а есть единая во времени великославянская сила духа?

Почему, исколесив Европу, мне приходится снова и снова возвращаться на Балканы? Почему не Франция, не Бельгия, не Германия волнует нерв? Почему именно с Сербии началась Первая мировая и Вторая? И, наконец, почему НАТО бомбило не Белоруссию, не Словакию, не Чехию, не Украину, не Россию? Почему Сербию? ПОЧЕМУ? Я долго искала ответ на этот вопрос. Я нашла его. Вопреки Сербии. Вопреки России. Вопреки себе. Но для этого пришлось, как сказал Александр Дольский, «найдя в скелете мироздания ячейки черной пустоты, его до основания разрушить» и начать искать Единую гармонию. А в чем она? Господи! Да в любви!

Там, в Сербии, однажды случилось знаковое событие. После бомбежки я побывала в гостях у школьников и читала сказки. Дарила книги. Дети задавали разные вопросы. Но этот, этот вопрос маленькой девочки ввел меня в полный ступор:

— А Россия любит Сербию?

Что я могла ей ответить? Я? Кто я, и что я на этой планете? «Тварь я дрожащая, или право имею» отвечать не то, чтобы «за Одессу», а за Державу? Но с другой стороны — я фрактал малого в большом, и мое маленькое мнение может вызвать как любовь, так и ненависть, как войну, так и мир между целыми народами, целыми мирами. Я в эту минуту и в этот час — представитель даже не России, а русскоязычного разлетевшегося осколками по Земному шару мира без границ, здесь на Балканах.

Ощущая одновременно укор и любопытство и тягу ко второму доверчивому горячему сердцу, я твердо и нежно, глядя ей прямо в глаза, ответила:

— Никогда в этом не сомневайтесь. Россия любит Сербию!

И потом, через несколько лет, когда Чрезвычайный и Полномочный посол Сербии в Москве Елица Курьяк была у нас в Балашихе в музее сказок на Дне Доброты, и собрались школьники семи классов такого же примерно возраста, как та большеглазая симпатичная балканская девочка, я рассказывала им о своем затруднительном положении и попросила ответить на ее вопрос самостоятельно:

— А Россия любит Сербию? — спросила я их.

И дети, не сговариваясь и не раздумывая, закричали:

— Да-а-а-а-а-а! Россия любит! Любит Сербию!

У Елицы из глаз побежали слезы...

Примерно тогда я начала роман «Распутай время», принесший множество открытий. Признание и награды. Но вот в чем парадокс. Уже выпущенная в свет идея романа, облаченная в бумажный и электронный носитель, продолжает будоражить и побуждать к постоянному поиску ответа на вопрос этой девочки. А любит ли Россия Сербию? А любит ли Сербию мир? А любит ли мир сам себя? Почему по одну сторону черного квадрата «баррикад» с ледяным бездушным знаком доллара стоят непоколебимо все страны НАТО (имеются в виду правительства этих стран), способные по шевелению брови невидимого обладателя «активов» то делать обвалы и кризисы, то 78 дней из 40 стран бомбить мирные деревни и города, а с другой — славянство с горячими идеями любви? Идеями «рыцаря круглого стола». Идеями «не уворуй», «не укради», «не прелюбодействуй», идеями «благородства».

И я начинаю расследование с начала: «Вера и правда? Это идеи или эпидемии? За Веру и Правду воевали наши предки. Все они умерли. Все они в нас...»

А теперь жму на «End» романа «Распутай время». Ведь он не закончен. И снова повторяю: «Прочь цветные стеклышки очков! За работу, душа моя! Распутывай время! Тебе еще предстоит сказать самое главное!»

И получается, что вопрос поставлен не верно, не в том дело: любит ли Россия Сербию, а в том, любит ли Россия Россию? И в том, что мешает нам это делать?!

Раньше я думала: зачем помещать в газете какие-то заметки? Ведь и так все всё знают! Зачем призывать людей к справедливости? К Любви? К порядку? Зачем так много говорить об экологии сердец? Ведь небо и так синее. Солнце желтое.

Но со временем я поняла. Надо! Надо говорить людям правду. Ведь люди-то... люди разные! И что для одних — пол, для других — потолок!

Ведь «сотни врак», как выразился Лопе де Вега, «приукрашающих одну сомнительную правду», вредны и опасны. Они-то и заставляют обращать по нашу душу вопросы детей, чудом увернувшихся от бомб НАТО, когда Россия индифферентно поглядывала со стороны на это безобразие:

— А Россия любит Сербию?

— Да! Любит! А кто не любит, тот не Россия, — ответила бы я и теперь. И вот почему.

ОТКРЫТИЕ ПЕРВОЕ

В каждом уголке, в каждой гостинице Сербии — своя мини-пекарня. Поэтому все время пахнет горячей выпечкой. Хлеб здесь особенно вкусен на второй день, когда поры испеченного жита набирают силу. Тогда как бы вы ни нажали на это белое чудо — все моментально обретает прежний объем.

Так и земля славянская — сколько ее ни дави, сколько ни терзай, она рождает пахарей и воинов...

А еще в Сербии пахнет скошенной травой, арбузами, виноградом и болгарским перцем.

Нет ни одной страны мира, где бы ни любили русских так, как в Сербии. Эта любовь на генетическом уровне. Она не поддается анализу. Ее невозможно понять, но лишь принять и поблагодарить Бога за то, что она есть.

А еще они верят в русских и в силу нашей нации. Люди подходили на литературных творческих вечерах и пытались поднимать вопросы совершенно другой компетенции — они просили достать лекарства для родственников от редких болезней или решить проблемы безработицы молодежи...

Через несколько дней пребывания понимаешь — Сербия смотрит на Россию, как младшая дочь на свою мать.

Все начинается с самолета.

Такое создается впечатление, что крыло разглаживает гобелен. Да-да, домашней выделки полотно, собранное из полосок скошенных полей. На том холсте вышиты домики. До невероятной игрушечности аккуратные. Беленые стены. Сверху — красные черепичные крыши. На окнах — цветов видимо-невидимо. Они расставлены по всему саду и вдоль дорог палисадников. Все это напоминает удивительную сказку, в которую мы всегда хотели попасть, но почему-то никогда не попадали. А когда увидели — растерялись: возможно ли такое — сказка наяву?

Всю Сербию составляют эти домики крестьян, точнее фермеров. И никак не укладывалась мысль: как можно было в наше «цивилизованное» время 78 дней бомбить сказку? Как?

Когда я пошла в первый класс, первое, что меня по-настоящему заинтериговало — цвет гибискуса. Высокий необычный куст жил в столовой в огромной полосатой кадке. И время от времени расцветал бордово-красными цветами. Все называли его домашней розой. В школах Крагуеваца тоже растут такие гибискусы. Но растут они и на улицах. И цветут постоянно. Наверное, это их родина.

Гибискусам радостно купаться в свободолюбивом солнце Балкан, как в постоянно обволакивающим счастье.

Со времен сражения на Косовом поле многовековая история этих мест потрясает постоянными кровопролитными войнами. Люди не могут расти, как розы в кадках, им надо бороться за власть. Очень красивое место Белград. По-русски — Белый город. Дунай встречается с рекой Савой. На слиянии этих могучих рек высоко на холме — старинная крепость, облюбованная древними славянами, потом римлянами. Потом 500 лет Сербия была под турками. А потом... Чем дальше, тем страшней. Путешествуя «в Цариград», великий французский поэт Альфонс д'Ламартин в 1883 году

проехал через Ниш и, увидев Челе-Кулу, построенную из черепов сербских повстанцев, погибших в борьбе на Чарге в 1809 году, записал в «Заметках о Сербии»: «Пусть сербы хранят этот памятник. Он научит их детей, чего стоит независимость народа и какой ценой заплатили за свободу их отцы!»

Показали мне и памятник, на котором до сих пор осталась надпись: «Если любишь Сербию, ты пойдешь дальше!»

А возле него цвел гибискус. И цветы его были алой крови. Здесь проливалось ее много. Очень много.

ОТКРЫТИЕ ВТОРОЕ

Наполеон, торжественным маршем пройдя по Европе и лишь слегка испачкав при этом белые перчатки, добрался-таки до центральной России. Но, господа! Как ведет себя Кутузов? Ну прямо Ельцин в Чечне! Один в один! Что он делает? Зачем оставляет рубежи? Почему не... Что это? Великий путь? Или великое предательство?

Но, похоже, два правительства договариваются меж собою напрасно. Вольнолюбивое русское сердце трудно рассердить. Только здесь иной случай. Застрял Наполеон в русском снегу и потратил силы на войну партизанскую.

И прапрадед мой, Василий, командир гусарского полка, гнал француза из Смоленска. Гнал потом долго по Европе. И саблей рассечено было лицо его... А «француз». А что француз? Русские до сих пор коварно улыбаются при этом слове.

И так, похоже, будет с каждым, кто попрет против законов нашего Бога.

ОТКРЫТИЕ ТРЕТЬЕ

Так случилось через добрую сотню лет, что карта мира не понравилась тем, кто сидел в министерском кресле.

Так случилось, что немецкому народу идея фашизма затуманила разум. На пути к России лежала маленькая Сербия. Очень легко получилось захватить крупные города и дороги. Но земля славян испокон держалась на крестьянских плечах. Стихийно родилось сопротивление гайдуков.

Так случилось, что за 7 тысяч километров от Крагуеваца в сибирской деревне из 240 крепких дворов забрали всех мужиков на войну. Шли сибиряки с парада на Красной площади мимо Сталина напрямик на фронт. Среди них был мой дед Петр Федорович.

История вывернулась спиралью и странно так повторилась. Вопросы просты. Почему Сталин увел войска от границы перед войной? Что это было? Великая стратегия? Или вновь великое предательство?

...В России уже шел снег. А в Сербии стояла золотая осень. Немцы никак не могли понять, почему их, таких аккуратных и умных, таких избранных, не любят на оккупированной территории. Сопротивление набирало силу. Партизаны поджигали склады, портили дороги, выводили из строя технику, уничтожали немецких солдат.

Гитлеровское командование издало указ: за каждого убитого немца — расстрелять 100 сербов, за каждого раненого — пятьдесят! Город Крагуе-

вац был оцеплен очень быстро. Все мужчины взяты в плен, включая детей мужской гимназии.

Приговор был приведен в исполнение незамедлительно. Восстание подавлено.

На холмистых лугах, где сейчас расположен «Спомэн парк 21 октября» (поминальный парк, Парк Памяти), были вырыты длинные траншеи, куда падали расстрелянные тела 13 тысяч мужчин.

И еще 6 дней ручей, находящийся внизу, истекал человеческой кровью...

Просто так случилось. Русские артиллеристы шли победным маршем через Крагуевац ровно через 4 года, именно 21 октября, и освобождали землю от фашизма. Они делились с местными детишками своим доп. пайком. И уходили дальше. Среди них был мой дед. Для него война закончилась в Чехословакии. Он вернулся в Сибирь. А через месяц умер от ран. В сибирскую деревню тогда вернулось всего три мужика. Три калеки.

А кто-то остался здесь. Навсегда прорастая в цветах гибискуса.

ОТКРЫТИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Не осталось очевидцев. И жители Крагуеваца уже думают, что это просто легенда. И только памятник Небойша Деля с названием «Кристалльный цвет», похожий на расколовшийся каменный цветок, да цыгане, передающие историю из уст в уста, могут рассказать, как это было на самом деле.

Немцы, посеявшие смерть, вольготно расположились в городе. Сербские женщины прятали детей. Прятали взгляды. Прятали мысли.

В те времена было много палаточек, где работали чистильщики обуви — маленькие цыганята.

И так случилось, что один из немецких солдат решил почистить сапоги. Но мальчик встал и ушел. И его долго не было у палатки. Тогда солдат пошел к другому чистильщику-цыганенку. Но и тот не стал чистить сапоги завоевателя.

Солдат доложил офицеру.

В тот день были арестовано 15 чистильщиков обуви в возрасте от 8 до 12 лет. Их забрали вместе с отцами.

Маленькие. Кучерявые. Они стояли у вырытой для них могилы, глотая сухими губами последний воздух. Их мальчишеские сердчишки подпрыгивали от страха. Но ни один не заплакал. Их расстреливали по одному. Тот, первый, был последним. На его глазах расстреляли всех, но даже когда уже не осталось никого, и никто не увидел бы его героизма, он снова отказался чистить сапоги фашиста...

21 октября 2006 года ромалы, как и каждый год, и я это видела, принесли сюда венок с надписью: «Маленьким чистильщикам обуви».

Большой в этот день был спрос на венки!

Итак. НАТО бомбит Сербию. Все ЗА?

Я — ПРОТИВ! Пусть на моих глазах НАТО бомбит и все остальные страны. Я и тогда буду против. Так что? Это только мой «Джихад»? Я одна? Я что ли теперь за того цыганенка? А Россия? Россия любит Сербию? Не та, «культурная» Россия, Господи, не та, что сидит у «голубой панели» и с восхищением глядит, как кто-то имеет кого-то в «Доме-2» или

как госпожа Пугачева в пятый раз выходит замуж! Я имею в виду ту культурную Россию, о которой мы бредим в своих мечтах!!!

Что после бомбежки? А вот это — самое интересное. После бомбежки — экономическая блокада. Сербии? Нет. Хотя, этой стране досталось пока больше нашего. Кто следующий?

Россия раздроблена. Обескровлена. Обескультурена. Обесточена. Обесстержена. Где наша экономика? На «Большом Каретном»?

Какого, извините, рожна, дюжина умников навязала нашей семье, извините еще раз за неприличное, но, заметьте, самое мягкое слово в данном случае «ваучеры»? Зачем эта смешная «наперсточная игра» в «Первый стабилизационный Фонд», который с помощью профессиональных продажных юристов веселешенько преобразовался в «Первый пенсионный», затем он благополучно «почил в бозе» там же, наверное, где и «Стабилизационный фонд». Кстати сказать, извините, какого рожна он оказался в Америке? Чтобы сгореть?

ОТКРЫТИЕ ПЯТОЕ

Так случилось, что в НАТО входит 40 стран. Все они решили, что земли Косово, где хранятся первые исторические христианские памятники, совершенно не нужны Сербии. 40 стран приняли решение — начать обстрел этой маленькой, уже и без того наглотаившейся слез страны.

Что для югославов эти христианские реликвии?

Чтобы русскому ответить на данный вопрос, подумайте — а что для вас храмы Золотого кольца России? Покрова на Нерли? Юрьев Польский? Владимир? Суздаль?

Вы бы возмутились, если бы наше достояние посчитали собственностью других стран? Я бы — да!

Ну, вот, собственно, и ответ. Но это мой ответ. И я отдаю за него отчет.

Интересен тот факт, что первая бомба упала рядом с могилой, где лежат расстрелянные немцами заложники 1941 года. По «праву первой бомбы» она упала именно на «Спомэн парк 21 октябрь». А потом 700 самолетов ежедневно в течение 78 дней бросали бомбы на Сербию...

То, что рассказывают очевидцы, поднимает непроизвольно на голове волосы. Дети ночью спали в подвалах. Люди покидали города и крупные объекты. Это спасло многие жизни. Дети рассказывали мне: «Вот когда самолеты летели бомбить из Италии, нас успевали предупредить. А Болгария совсем рядом...»

Вам не страшно?

Мне — страшно! Болгария страна НАТО. В любую минуту по мановению приказа мирового правительства Болгария... Надеюсь, этого все-таки не случится, и здравый смысл восторжествует. Украина тоже, кстати, «рвется в бой»... Хотя, сколько ни спрашиваю украинцев — не хотят они ни синтетического «украинского» языка, ни НАТО, ни отделения от России. Переводить Гоголя на украинский — идея забугорных американцев выглядит абсурдной и смешной. Но ведь, перевели!

Страна Югославия разделилась с помощью «дяди Сэма» на Словению, Хорватию, Македонию, Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Хотела она этого? Нет!

Ах! Какая похожая история! А от нас отделили Беларусь, Украину, Казахстан... Вы хотели этого? Я — нет! Города не хотят. Предприятия не

хотят. Республики не хотят. Общества не хотят! Союзы не хотят. Кого ни спрашиваю — никто не хотел! У нас как в том анекдоте: «Драку заказывали? Нет? Не волнует! Оплачено!»

Я была в Чечне после событий. Люди молили, просили — скажите там, в Москве — **МЫ НЕ ХОТИМ ВОЙНЫ!** Мы хотим мирно выращивать виноград!!!

«Не волнует! Оплачено!»

Вопрос простой. Кто оплачивает боевиков Чечни? Чечены? Да Бог с вами! Откуда у больного здоровье? Вы были в их домах? Я родилась в Орджоникидзе, мы снимали комнату на земляном полу у чечено-ингушей. И потом я часто ездила на Кавказ. Нет в их доме книг! Ни одной. Это нормально! В лучшем случае, даже не целый Коран, а страница с молитвой на стене!

Так что дальше? По плану мирового правительства стран НАТО Россия в скором времени должна быть раздроблена еще минимум на четыре части. Что делать будем, господа?

В «Спомэн парке» я нашла книгу, где оставляли автографы «великие» деятели. И с непростым чувством читала: «Вечная слава героям, павшим в борьбе с фашизмом, за честь своего народа, свободу и независимость!» *Л. И. Брежнев*. «О! какая жестокость в массовом избиении! Жестокость, какую помнит Крагуевац, гордый сильным духом людей, показавших пример всему человечеству!» *Друзья из Италии*. «Все прогрессивное человечество представлено здесь, что в то же время символизирует и показывает человека как символа мирового братства». *Сауро Де Мура, градоначальник Каррары (Италия)*. «В сущности, Надежда должна исчезнуть. Но это доказательство того, что надежда существует!» *Олаф Илау, «Дойче Цайтунг*. «Храбрость дана не всем народам. Пусть это больше никогда и нигде не повторится». *Джуди Бейли Арнен, журналист из Нью Йорка*.

Слова как крокодильи слезы. Италия. США. Германия. Россия. — Только недавно расписывались в своей дружбе...

И еще одна деталь поразила меня. 21 октября здесь, в «Спомэн парке», были представители разных стран. Венки, один пышнее другого, возлагали они у памятников. На могилу расстрелянных детей немецкая делегация принесла свой венок. Мне понравился один немец. Высокий. Красивый. Синие глаза. А волосы белые-белые, как у ангела. Я зачарованно смотрела на него и думала: «Может быть, он стрелял в моего деда? Этот до безобразия красивый ангел смерти?»

Мне очень хотелось отбросить его венок подальше. Мне хотелось сказать — не нужны тут ваши венки. Вы же наши братья по крови! По вере изначальной! Вы просто не делайте так, чтобы их приносить. Потом не делайте! Никогда. И детям своим закажите. И детям детей своих...

Так случилось, что там, в Крагуеваце, у братских могил, я поняла в первый раз в жизни, как мне не хватает своего деда. Как не хватало мне его всю мою жизнь! И я решила найти следы тех, кто отдал жизни свои за сербскую землю. И я их нашла.

ОТКРЫТИЕ ШЕСТОЕ

Звонки в Россию не дали особенных результатов. «Сербия-Телеком» — грабительский тариф — 500 рублей две минуты! А их было не мало. Баланс

«сдох» сразу. Пришлось просить срочной помощи у друзей из Москвы, чтобы дали подкрепление на связь. Но и это мало помогло.

Бабушка давно умерла. А отец был тогда совсем маленьким, и уже не помнил ни номер армии, тем более батальона, где воевал дед. Петр вернулся в Сибирь буквально на честном слове. Весь изрешеченный ранами, полученными на Курской Дуге, в Сталинграде, в Югославии и Чехословакии, он нашел в себе силы добраться до дома. Он подолгу рассказывал сыну Василию, моему отцу, о войне. Бывало так, что разворачивал он свое артиллеристское оружие один, когда уже никого не оставалось в живых. Дважды немецкие танки закапывали его заживо в окопе. Силой он обладал необыкновенной. До войны один ставил дом, сам поднимал бревна на венец крыши. В одиночку ходил на медведя. Кулаком быка-трехлетку мог сшибить с ног. Звали его за глаза Полтора Ивана.

Так случилось. Один Иван на войне погиб. А половинка домой вернулась, на руках у жены умереть. Валентина раньше веселая была. Но сорок лет потом бабушка не улыбалась вовсе. Улыбнулась лишь в преддверии смерти. Наверное, увидела его и к нему ушла. Так любить до гроба могут, наверное, только русские женщины.

Неожиданно на помощь пришла Сербия, предоставив материалы Белградского музея ВОВ. Петр Стефанович — тезка моего деда Петра — очень близко воспринял мою историю. Помог найти очевидцев.

Один из них — отец Владимира Ягличича. Второй — Миломир Минич. И хотя живут они в разных местах, рассказы совпадают. Они оба утверждали, что помнят, как русские отвоевывали деревню за деревней у немцев. Глаза у русских были очень добрые, с сибирской лукавинкой. Артиллеристы угощали сербских детей круглым шоколадом. (Круглым?! Возможно, его выдавали артиллеристам на «допнаек».) В первый раз они пробовали шоколад! Разве такое забудешь?!

Оба утверждают, что политика Югославии после войны была направлена на пиар югославской освободительной армии. Вся слава и все почести достались им; Армия Тито. Это звучало гордо. Останки русских воинов собрали из разных могил и перезахоронили под одним памятником вблизи деревни Яблонево.

Но местное население вспоминает о русских, прошедших победным маршем через Крагуевац, с большим теплом и благодарностью. Владимир Ягличич показал в деревне Драча дом, где находился штаб русских войск. Через Крагуевац прошли не только артиллеристы, но и пехота, и «Катюши».

Мы вместе поехали в цветочную мастерскую. При поддержке «Школы Мира» Петра Стефановича, с Миломиром Миничем возложили венок из белых хризантем на могилу советских воинов, защищавших Сербию.

Когда я была маленькой, мир казался мне таким большим! Наверное, и этим ребятам, которые были моложе меня, он казался большим, а уместился в братской могиле, одной на сотню, на тысячу...

По приезду в Москву я выяснила, что за круглый шоколад такой. Как сообщил Народный артист Михаил Ножкин, ссылаясь на материалы Государственного архива, партия круглого шоколада в виде бубликов была специально выпущена для детей освобожденных стран.

ОТКРЫТИЕ СЕДЬМОЕ

Крагуевац назван именами птиц. Птицы Крагуйи — существа из древних славянских легенд. Мощные, сильные, с лицами людей, Крагуйи знали все. По какой-то причине они покинули этот город навсегда.

Население Сербии очень набожное. Православные христиане, они не углубляются в язычество. Но оно осталось в песнях. В именах.

Европа сохранила, не понятно как, живые славянские имена. Они благотворно действуют на слух. И окружали меня, вы только послушайте, кто! Я записывала имена, как будто собирала небесный дар по капле и пила его пригоршнями счастья! Вслушайтесь в музыку этих имен! Так называли не только богов, но и наших предков. Отворите генетическую память поколений! Так называют славяне дочерей и сыновей до сих пор. И ходят по планете:

Бажена, Белослава, Белоснежа, Беяна, Благолюба, Благомила, Бояна, Братислава, Братомила, Верослава, Весела, Веселина, Весняна, Влада, Голуба, Греза, Дана, Дарена, Добринка, Добруша, Драгомира, Елица, Желана, Забава, Загляда, Звана, Звенислава, Злата, Златовласка, Златоцвета, Искра, Истома, Касатка, Краса, Красимира, Купава, Лада, Ладислава, Леля, Любава, Любомира, Любомудра, Любо-рада, Любослава, Милада, Миловзора, Милослава, Надия, Неждана, Ненагляда, Полеля, Прекраса, Рада, Радосвета, Радослава, Радостина, Светана, Светислава, Светла, Светлана, Светогора, Светозара, Светолика, Светослава, Святослава, Синеока, Сияна, Смяяна, Смирена, Снежана, Слава, Славина, Славолуба, Славомила, Славомира, Славяна, Тайна, Творимира, Умила, Улада, Улита, Улыба, Улада, Утеха, Хорошава, Цвета, Цветава, Цветана, Чара, Чаяна, Яра, Ярина.

Бажен, Баян, Белогор, Белояр, Благовест, Благодар, Благолюб, Богомил, Благомир, Благород, Благослав, Богун, Валигора, Вас, Ведислав, Велигор, Велимир, Велимудр, Велимысл, Велинег, Велислав, Велко, Венд, Венцеслав, Волот, Дал, Далимир, Далимысл, Дан, Девясил, Добробуд, Добровест, Добровит, Добродей, Добромысл, Жалимир, Зореслав, Златовлас, Златодан, Златосвет, Златояр, Зорян, Искр, Красмир, Крутослав, Ладимир, Любозар, Любомил, Любомир, Любомудр, Любомысл, Милош, Миролюб, Мирослав, Надей, Найдан, Нарышка, Нежен, Незван, Нечай, Огневед, Огнедар, Огнезар, Огнеслав, Олень, Олен, Отрад, Первослав, Радован, Радолюб, Ростислав, Светояр, Светибог, Светилюб, Светослав, Светодар, Светолик, Святолик, Светомир, Светозар, Святополк, Святоград, Святояр, Тихомир, Утеш, Юрас, Юрий, Ян, Яробор, Яролик, Яромир, Ярослав.

Крагуевац очень красивый город. В большинстве своем постройки, как и по всей Сербии, составляют коттеджи. Белые с черепичными крышами. Город утопает в розах! Несколько высотных зданий в центре. Дороги, свободные от машин. Водители вежливо останавливаются перед пешеходами.

Сербский язык на первый слух не очень похож на русский.

Но вот мы вслушиваемся и понимаем, что практически все слова имеют общий корень.

Но ведь мы и состоим из слов.

Вначале было Слово!

В каждом слове схоронена великая тайна!
О них знают только Крагуи-птицы, давно покинувшие эти места.

ОТКРЫТИЕ ВОСЬМОЕ

От Кельна до Берлина — поднялся и сел. Авиалайнер красивый. Современный. Удобный. Кресла из натуральной серой кожи. Летит в облаках — хорошо ему. Хорошо тебе!

Только зуб болит. Так болит, что сил нет, чтобы терпеть эту боль. И вот незадача — некому в жилетку поплакаться!

Под крылом то, что видели летчики во время войн. Бомбили дома, мосты, коммуникации, заводы...

Невольно глядишь на соседей. Немецкая речь заставляет постоянно быть в напряжении. Но они так приветливы и беззаботны. И жалость рождается к порушенной чужой жизни, тогда, от бомб, несмотря на..., на..., на...

Как много причин, на которые теперь «несмотря», ты понимаешь вдруг, что любишь эту землю.

В Европе рушатся стереотипы. Оказывается, все, что делал ты до сих пор, ты делал не так. Думал не так. И говорил не так. Слушал не тех. Не видел дальше собственного носа. Но раздвигаются границы сознания, и ты меняешь наводки бинокля на более дальнее расстояние. Мир, где не было тебя до сегодняшнего дня, оказывается, так прекрасен! Хорошо! Как же хорошо там, где ты есть, сегодня!

И лишь одна мысль терзает и бьется у виска: Любовь! Не благодаря политикам и лозунгам разных времен, а вопреки. Любовь не прикрытая, ранимая и незащищенная. Любовь к Родине, если ты далеко от нее, приносит боль и страдания.

А что есть Родина? Кремль? Собор Василия Блаженного? МКАД? Да нет. Глупости все это.

Родина — это тысячи теплых сердец и тысячи рук: подрагивающие руки отца, когда, смущаясь, читал он на радио первую свою поэму о целине. Руки бабушки, вяжущей вечное вязание, пахнущие... молоком. Руки мамы, терпеливо и настойчиво включающие ежеминутно мобильник в ожидании твоих звонков, и доверчивые руки твоих собственных детей, вцепившихся впервые в руль велосипеда, когда у тебя просто нет шансов сделать неверный шаг. Руки любимого, глядящего косы. Ручки внука, делающего надпись под рисунком с феей: «Бабочка Сета». Это простертые к небу лепестки тюльпанов, цветение которых в этом году пройдет без тебя. Это рабочие руки друзей, ожидающих возвращения «в обойму», посылающие письмо за письмом тебе вслед...

Родина — это тысячи надежных крыл, потому что это не лайнер баюкает звенящей песней полета. Это белые ангелы — все твои предки, от рождения земли и до настоящей минуты, подставляют крылья, чтобы поддержать тебя. Ты летишь. А они, те, кто ушли до тебя, прикрывают ладонями свечу любви к Родине. Ведь Родина — это они. И ты. И все, кто тебя любит и ждет.

Не плачь. При чем тут зуб. Любовь сильнее. Ее притяжение победит все!

Берлинские друзья мои заказали пропуск в Рейхстаг.

Это было крайне важно!

В центре Берлина, бывшей столицы ГДР, а ныне столицы Германии, все оказалось, как я себе и представляла в детстве, когда мы изучали немецкий язык. Бранденбургские ворота с гордостью подчеркивают величие немецкой нации. Им есть чем гордиться. Вот, к примеру, стоит стела победы над французами. Это как во Франции стоит стела победы над немцами.

Но и мы «не лыком шиты». Остались следы нашей Победы. Вот артиллеристские пушки, на которых воевал мой дед. Вот танки. Вот обелиски и памятники воинам-освободителям. Надписи славы на русском и немецком. Причем не в одном каком-то месте, а повсюду! Удивительно, что немцы содержат их, как и во времена социализма, с той же тщательностью и чистотой!

Рейхстаг, естественно, затерли от автографов. Но я нашла один на втором этаже под флагом! Здание Рейхстага вобрало в себя тысячи смертей. Может, от этого оно почернело. Как ключ, волшебный ключ, с которого невозможно стереть кровь в сказке о Синей Бороде...

«Рейхстаг взят!» — отправляю я смс в Москву.

«Ура!» — отвечает Москва.

Удерживать слезы в Берлине оказалось задачей сложной. Причин для них хватало. Здесь бросили на прорыв наших ребят в 1945-ом. На не подавленные артиллерией точки противника. И семь тысяч русских ребят не дождались их матери в последний день войны.

Великий Сталин!

Что жизнь человеческая для главнокомандующего? Даже не строчка — цифра, третья или четвертая цифра справа. Больно. Жутко. Несправедливо.

Мой дед Петр израненным вернулся с войны. Вернулся? Можно считать вернулся, если через месяц умер от ран на руках жены Валентины?

Берлин награждал его Победой. Его тогда. И меня сейчас за роман о нем. Роман «Распутай время» — лучший роман 2011 года. «Гран при» тебе, дед! Ты слышишь меня? Я принесла к твоим ногам свою крошечную победу...

Но вот он, Трептов парк. Удивительно. Наши русские там, в России, не берегут так могилы фронтовиков, как немцы здесь!

И ноет ветер. И ноет зуб. И ноет сердце. Куда-то вдруг убрались с горизонта тучи. Солнце осветило Родину-мать, склонившуюся пред аллеей памяти. Памятник женщины в русском платке с кистями. Огромный. Черный памятник.

Вокруг плакучие березы. Кто это придумал — склонить их, отрезав верхушки, чтобы березы вечно плакали у могил наших ребят?

Вперед! Туда, где замерли два русских воина, держась за автоматы, направленные в небо. Могилы за ними. Большие. Совсем не страшные с виду.

Огромные площади общих могил покрыты аккуратной стриженной травкой. На ней — бронзовые громадные венки.

Под нею семь тысяч солдат. А сколько тех, кто не дошел до этого страшного места?!

У подножия последней могилы — белые ступеньки, ведущие в небо. Нет конца этим ступенькам. Они всегда белые. Почему белые? Почему они белые?

Не лейтесь, слезы! Возрадуйся сердце! Там, над ступеньками в небе — громадный бронзовый символ непобедимости русской души...

Вот оно, таинство.

Солдат в Трептовом парке очень красив. Я никогда не думала, что памятник на могиле может так волновать! Славянское мужественное лицо без злобы и горя, без угроз — смотрит вдаль, туда, где его Родина. Он хочет домой!левой сильной жилистой рукой у сердца держит солдат немецкую девочку, защищенную от выстрелов. Правой рукой прижимает к земле побежденный черный символ войны.

Но как победить войну во всем мире? Ее споры прорастают в сердце мальчишек. И они снова и снова играют в войну. Играют на улицах, играют на компьютерах.

Большие выросшие мальчишки играют в политику стран. О! Где бы найти такой остров, чтобы поместить туда всех, кто развязывает войны руками политиков? И поместить их на этот остров. Изолировать от нормального создаваемого добро мира! И дать им оружие, то самое оружие, на продаже которого они жируют. Пусть перекусают друг друга, как пауки в банке, и сдохнут!

ОТКРЫТИЕ ДЕВЯТОЕ

Приятно оказаться в Сербии после того, как проедешь всю Европу и есть с чем сравнивать.

Пятнадцатилетняя экономическая блокада НАТО оставила множественные плюсы для этой страны. Представляете: на всей территории до сих пор в хлеб не добавляют химических разрыхлителей «круасанного Парижа», в соки не попадает немецкий модификатор, на столах колбаса из натурального мяса, а масло из коровьих сливок, а не из нефти?! Местная «Сливовица» гонится из фруктов без добавления красителей, загустителей, подсластителей и консервантов. А свинина не вымачивается потом в китайских морозильных растворах по тысячу раз. Утверждение, что «Бог создал Землю, а все остальное сделали китайцы», здесь не работает.

В противовес влюбленной в себя Европе, красивых девушек и юношей на улицах сербских населенных пунктов так много, что кажется, они собраны со всего света. И, кстати, даже деревенские женщины одеты изящнее, чем во Франции, Бельгии, Германии, Дании и Австрии, вместе взятых. Ходят на каблуках. Как москвички, в меру и со вкусом пользуются косметикой.

Однако, если верить сербам, наши девушки им тоже нравятся. Меня позабавил анекдот, услышанный на форуме в Белграде: «Если Россия когда-нибудь пойдет войной на Сербию и в армии будут одни русские женщины, мы моментально сдадимся в плен!»

Я не заметила, что произошло с участниками 48-го съезда писателей в Белграде. На каком-то этапе мы стали мыслить шире и выше. Глядеть дальше.

Мне рассказывали, во время Великой Отечественной наши деды, освобождая Европу от фашизма, понимали языки польский и сербский, венгерский, чешский и словацкий. Я раньше не понимала — как?

Но вот представьте. Вы специально никогда не учили сербский. И закорючки на бумаге вам совершенно не знакомы. День-другой — и расширяются границы сознания. Вы открываете текст и читаете, не вникая в буквы,

а как бы сквозь них, без гласных, согласных и «несогласных»... Земля предстает вне границ. На ней единый язык.

Не только текст, но и речь становится понятной без переводчика. И если серб говорит вам: «Я не знаю русского». Вы тут же отвечаете: «Ты знаешь! Только говори медленнее. Я буду медленнее говорить. Мы пойдем друг друга, брат!» И все получается.

Пару дней — и даже быстрая речь становится понятной. Более того, стихи поэтов не только балканских, но и других стран в переводе уже не нуждаются. Почему? А в этом и весь парадокс! Поэт в России больше, чем поэт. Да и не в России тоже! Поэты пишут о великом. О вечном. О жизни, любви, дружбе, надежде, нежности, счастье. Ключевые слова эти есть в наших братских языках.

Поэты истинные пишут о вечном.

Интересно, что в Сербии нет тостов. Есть здравица. Звучит она так: «Живели!» Что это значит? Да не смотрите в словарь! Включите воображение! Живели — значит — будьте здоровы, живите богато долго и счастливо, здравствуйте!

Но более всего в поездке поразила одна маленькая деталь.

Я поняла, наконец, почему.

Почему НАТО бомбило Сербию.

В одном из древнейших монастырей есть уникальная роспись. Строгий и прекрасный ангел с синими крыльями облачен в белые одежды, он указывает на кудель белой шерсти. Сербы считают этот памятник живописи православным. Но корни его идут в глубочайшее язычество.

По преданию, Матерь Макошь плетет наши судьбы. Ей помогают Доля и Недоля. По-сербски Среча и Несреча. Изображение известно всему православному миру. Эта, одна из самых древних и популярных икон Сербии, в народе названа «Белый ангел» или «Милосердный ангел».

Именно так была обозначена странами НАТО операция бомбардировки Сербии — БЕЛЫЙ АНГЕЛ! Догадываетесь теперь, что бомбили они на самом деле?

Общий стержень, схороненный в балканских монастырях, как меч-кладенец, не дает покоя мировому империализму. Сербия — сердце непокорного славянства. Сердце мира, в самом широком значении этого слова. В древних монастырях лучатся со стен неземным светом священные лики БОГА. Лепо! Глубинные тайны прошлого, настоящего и будущего хранит в себе, объединенная кириллицей, фонетика и лексика славянских преданий.

Вот этого и бояться те, кто бомбил Сербию. Страх породил агрессию.

Слово и Слава так похожи! Они бояться и нашей Славы, и нашего Слова. Нашего менталитета. наших обычаев. Нашей доброты. Нашей любви к миру, если хотите. Благородства! Справедливости! Золотые тельцы стран НАТО под эгидой знака доллара, сея смерть на Балканах, на самом деле бомбили Россию в самое сердце. А мы до конца не понимали, почему мы вздрагиваем здесь, в Москве, когда там рушатся дома и горят села...

Они бомбили нашу славу. Ведь недаром так тщательно в Австрии и Америке, в Израиле и Германии в учебниках истории переписываются исторические факты! Затирая автографы победы на Рейхстаге, они не могут понять одного, что на ошибках своих поражений надо учиться. Что снова и снова добро будет побеждать зло. Это неизбежно.

Вы уже взяли Россию экономически? Нет, господа! Вы договорились с нашим чиновничьим аппаратом? Да сколько угодно. Если в России остался хоть один партизан, увязнете вы в нашем русском снегу!

Я. Маленькая русская женщина. С древним языческим именем Светлана. Я и есть тот партизан. Мое оружие против холодного расчета — горячая любовь к древним обычаям. Древним Богам. Священным словам и тайнам. К Земле. К миру. К белому свету.

Я думала раньше — зачем люди пишут заметки в газетах и журналах? Ведь и так все ясно! Оказывается, не ясно. Информация — дело сложное. Поди распознай в ребусе современных СМИ — что главное, а что второстепенное!

А что главное?

А главное — любовь. Это так просто!

ОТКРЫТИЕ ДЕСЯТОЕ

Вот песня. Прислушайтесь. Центральная Сербия. В ней говорится о том, что сидит на склоне горного леса старуха. Шьет кафтан. А на кафтане том — звезды. Старинная поминальная песня. Поди разбери — свадебная или упокойная? Какую судьбу прядет нам Матерь Макошь?

Следующая песня. «Три девойки сбор собирали. Между собом говорили». Дальше так и хочется продолжить: «Кабы я была царица, говорит одна девица...» Так и получается в древней песне: «А наймлада гойворила, я бы милого любила...» Не отсюда ли Пушкин взял сюжет?

Что во времена смены политических режимов уничтожается в первую очередь? Правильно! Остатки культуры! Так во времена Гитлера сжигались книги. Физически уничтожалась интеллигенция. Так во время революции в России в первую очередь преследовалось дворянство. На алтарь легли миллионы...

По аналогии делаем срез на наши дни. Народ становится очень легко управляем, если им правит безграмотность и бездуховность.

Перестройка. В самую первую очередь закрываются Мосфильм и Союзмультфильм. В театры выползает разврат. С телеэкрана убирается детская сказка, детская песня, литературные чтения, лишается финансирования Союз писателей России и никаким образом не поддерживается до сих пор! Воин и пахарь становятся посмешищем! Человек труда дискредитирован. Закрываются учебные заведения. В первую очередь сокращается количество ПТУ, чтобы уменьшить количество специалистов. Куда же направляются деньги государства? Прямо анекдот! На восстановление Чечни! Ну и так, по мелочи, вот клуб Челси купили... часовые пояса сдвинули, чтобы обалдеть от темноты и потерять ориентацию!

Экономическая война оказывается гораздо эффективнее физической.

Вопрос следующий. Зачем, к примеру, разбомбили Крагуевацкий автомобильный завод? Да затем, господа, чтобы, используя его территорию, в наши дни выпускать там итальянский автомобиль типа «Фиат». И если рабочий в Италии получает 1500 евро в месяц, то за такую же работу зарплата серба составляет 100 евро.

Что, возвращаем рабовладельческий строй?

Ура, товарищи!

Да я не против Италии. Я люблю Италию. И итальянцев. И французов. И греков! И немцев! Я ничего не имею против болгар; кроме того, конечно, что они бомбили по указанию НАТО Сербию! Я люблю русских и «русское правительство», когда оно бывает русским в своем действии или бездействии, что по большому счету одно и то же! Но давайте же, наконец, жить дружно!

Почему я так часто употребляю прилагательное «русский», не боясь нарваться на зубастых интернационалистов. Многие наши соотечественники рассеяны за рубежом. Это бывшие жители республик Советского Союза: немцы, казахи, украинцы и другие, знающие русский язык, думающие на нем, работающие на нем. Уезжая в Германию или там в Израиль, они продолжают быть русскими. Иврит они не знали никогда, немецкий, английский, французский, испанский — они также никогда не сумеют освоить настолько, чтобы творить на нем и думать. Все равно, русский менталитет, эта въедливая русскость никуда от них не денется, ничем не излечится. Постальгией прорастет и заставит вздыхать о мифе, о сказке, о вере, о том, в чем Россию не понять. Душу я имею в виду.

И не в национальности дело. А в менталитете нации, к которой относятся и русские, и украинцы, и немцы, да! немцы, и шведы, и народы скандинавских стран, поляки, чехи, словаки... греки, потомки единого Бога... Наказ одних богов — поклонение Золотому тельцу. Наказ других богов — соблюдение законов любви и справедливости. Недаром сказано Вергилием: «Выбирая богов, мы выбираем судьбу».

И как написано в Библии: «Если Бог с нами, то кто против нас?»

Хотите возразить, что Сербия далеко, что название операции по бомбардировке старинных храмов «Белый ангел» дано по чистой случайности, и я тут напрасно сотрясаю воздух?

А вспомните времена перестройки. Заводы и фабрики по производству кур вокруг, ну, к примеру, Ленинграда! Вспомните горы испортившихся мясных изделий, которые никто не покупал. Почему не покупал? Да потому что американские стратегические запасы 50-летней давности были выброшены на питерские рынки по цене вдвое ниже! Кто руководил Питером и его экономикой? Известный мэ! Кто сейчас показывает нам, как молодежь должна вести себя в постели и в жизни? Безнравственные передачи его дочери. Откуда у нее средства выпускать на телеэкране эти передачи? Да от продажи куриных ножек «Буша» во времена перестройки, когда задушены были наши центры производства! И я, жаря их на сковороде, думала — а что же это они чернеют? Я кормила ими детей. Потому что меня вынудили это делать. Потому что не давали зарплату по три месяца. И мы экономии на всем! А в это время в Сберегательном банке сбережения семьи, на которые можно было в те времена приобрести три квартиры, благополучно превращались в замки олигархов. И мы купили в конечном итоге две пары обуви...

Планы Даллеса и Кондолизы Райз — не миф. Не сказка. Все документы свободно выставлены в Интернете.

Что же нам делать?

Да как в той сказке про Золушку!

Во-первых, научиться не только говорить правду, а находить ее среди «сотни врак». Во-вторых — петь! Русские песни. Украинские песни. Бело-

русские. Словацкие. Польские. Сербские! Песни пойте, братцы! Поэты не врут! Врут политики. А настоящие песни так похожи!

Ведь если безвкусицей на экране заменяют песню, значит, смысл там и живет! В песне! В сказке! В художественном произведении, которое не берут в печать! Не показывают по телевидению! Не финансируют! Почему не финансируют? Да потому, что боятся!

Почему боятся? Нас ведь практически уже экономически уничтожили! Да потому, что не удалось еще до конца уничтожить духовно!

К тому же, снова снег выпал... И еще, потому что один партизан точно есть. Это я! И не надо обвинять меня в национализме, фашизме и в другом всяком ...изме. Все просто. Я русская. Живу в России. Люблю Россию. Душаю и пишу на русском языке. По этой по самой причине я люблю Сербию. Там живут мои братья и сестры.

И последнее: Сербия — единственная страна, которая ни разу исторически не воевала с Россией!!!

Как будете на Балканах, сорвите с ветки виноград. Почувствуйте на губах мощь славянской земли. В ней капли крови и пота пахаря и воина. Обязательно попробуйте джигирицу и каймак. Говорят, это любимые блюда Наполеона. Из-за них он долгое время позволял своим войскам насыщать сокровищницы Лувра сербскими редкостями. Почистите обувь у цыган — чистильщиков обуви. Они из всей Европы сохранились, пожалуй, только в Белграде. Ощутите ненависть, ярость и бесстрашие маленького цыганенка, который отказался чистить сапоги гитлеровца, и его расстреляли за это. Посетите музей «Спомезн парк 21 октября» в Крагуеваце. Взгляните на небо через стеклянные трубы мемориала, как со дна колодца, и осознайте место, свое ли, России ли, Сербии... в этом мире.

Возложите венки нашим русским ребятам, отдавшим жизни во время войн. Все они похоронены у деревни Яблонево. Возможно, это ваши деды, пропавшие без вести или ушедшие дорогой храбрых.

Напомнить хотелось бы и слова с камня Алатыря: «Налево пойдешь — любиму быть, направо пойдешь — богату быть, прямо пойдешь — судьбу свою найдешь!» Обязательно посетите росстань в Шумадии, где умытый дождями и отполированный ветром старый камень скажет вам по-сербски: «Если любишь Сербию, ты пойдешь дальше!»

Великая ПРОВИНЦИЯ

*Узнать Россию,
сколько сие возможно,
и дать себя видеть
будущим подданным...*

Из инструкции Императора
Николая I Наследнику престола
перед его путешествием по России

Игорь ИЗБОРЦЕВ

МОЯ СИБИРЬ, МОЯ РОССИЯ!

*История одного
путешествия*

Игорь Изборцев (Смолькин Игорь Александрович) — прозаик. Родился в 1961 г. в Пскове. В 1984 г. окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ. Член Союза писателей России. Председатель Псковского отделения СП РФ. В различных издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова вышли в свет восемь книг прозы. Печатался на страницах журналов: «Наш современник», «Москва», «Православный паломник», «Благодатный Огонь», «Русский дом», «Балтика» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. кн. Александра Невского. **Живет в Пскове.**

Весной 1837 года, когда на оттаявшей и все еще свежей могиле Александра Сергеевича Пушкина зазеленела трава и оживший после зимы птичий гомон огласил просторы над Синичьей горой, Царское Село погрузилось в хлопоты и суету: снова ли туда и сюда флигель-адъютанты, лейб-медики, гвардейцы, форейторы, лакеи и прочий дворцовый люд. Готовились экипажи, выводились кони — это собирался в путь конный поезд, на котором Наследнику престола, девятнадцатилетнему Великому князю Александру Николаевичу, предстояло отправиться в дальний путь по нелегким дорогам Российской империи. Маршрут поездки был намечен воистину грандиозный, он включал едва ли не пол-России, в частности, такие города, как Новгород Великий, Ярославль, Кострому, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Курган, Оренбург, Уральск, Казань, Симбирск, Саратов, Пензу и т. д. и т. п. Проехать предстояло ни много ни мало, двенадцать тысяч верст. Государь Император собственноручно составил для венценосного сына обстоятельную инструкцию: что и как смотреть, где бывать, когда ложиться спать, когда вставать и пр. И определил ему в наставники поэта Жуковского. Василий Андреевич, и без того полный дум и забот о наследии недавно ушедшего в путь вся земли Пушкина, едва не опоздал к отъезду и лишь в последние минуты занял место в определенном ему экипаже вместе с молодым подпоручиком Виельгорским...

Поэт, со свойственным ему чувством романтизма, назвал эту поездку «всенародным венчанием с Россией». Назвал пророчески, ибо, если бы не осуществилось это деяние, стал бы Император Всероссийский Александр II носителем особенного высокого звания — Освободитель? «Венчание» состоялось, и будущий Император воочию увидел свой народ, распознал его мудрость, ощутил простор его души, прикоснулся к его сердечным глубинам и отождествился на все это любовью и верностью, которые хранил до своей мученической кончины в 1881 году¹.

Но всему этому еще предстояло свершиться. Пока же экипажи конного поезда, пронзая шумные облака восторгов подданных, прорываясь сквозь скреб перьев просителей и стоны жалобщиков², стучали колесами по суровым дорогам империи. Жуковский по обыкновению вел дорожный дневник.

Так, например, по прибытию в Тобольск он записал: «2 июня. Пребывание в Тобольске. Широков. Евгений Милькеев. Ершов. Осмотр училища и выставки. Прием чиновников. Архиерей Афанасий. Губернатор Повало-Швейковский. Голофеев. Комендант Жерве. Мурзы Киргизские. Иван Семенович Пестов. Чтение бумаг князя Горчакова. О соединении Сибири. О ссыльных. — После обеда у Горчакова с Арсеньевым. В 9 часов бал. Вечер после бала дома. Простуда»³. Этакая краткость, скоропись, просто фиксирующая событие и называющая имена, но за каждым именем — историческая эпоха, пласт деяний и свершений — и все тянутся к нам и с нами связаны. Поэт Евгений Лукич Милькеев (о нем еще будет речь впереди); Петр Павлович Ершов — поэт, драматург, автор сказки в стихах «Конек-Горбунок»; Петр Дмитриевич Горчаков — генерал-губернатор Сибири, герой Русско-турецкой войны, при нем началось пароходное движение на Иртыше, он активно способствовал расширению российских границ на юге казахских степей; Иван Семенович Пестов — председатель Енисейской Казенной Палаты, издатель российских законов; архиепископ Тобольский и Сибирский Афанасий (в миру Александр Федорович Протопопов) — известный миссионер, под его руководством тобольские и пермские миссионеры обратили в Православие несколько тысяч человек...

И все это вместились в краткую запись одного дня, завершившегося, увы, простудой самого автора дневника. Бедный Василий Андреевич, ведь его ожидала еще такая долгая дорога. Путешествие продолжалось...

* * *

Путешествие... Какое отрадное для слуха слово. С детских лет мы грезим ими. Уносимся мыслью вслед за казаками Ермака Тимофеевича и Юрия Москвитина, фрегатами Семена Дежнева и Харитона Лаптева, кораблями Дмитрия Овцына и Ивана Крузенштерна. Как же мы им завидуем и как счастливы бываем, когда удастся вдруг, собрав рюкзак или дорожную

¹ 1 марта 1881 Александр II был убит народовольцами, в день, когда он должен был подписать проект широкой программы административных и экономических реформ.

² Во время путешествия Великого князя по 30 губерниям России на его имя было подано до 16 тыс. прошений.

³ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Языки славянской культуры. М., 2004. Т. 14. Дневники 1837 года. С. 55.

сумку, отправиться куда-нибудь к Балтийскому или Черному морю, в Кировск, Ивано-Франковск или Самарканд... В мои школьные и студенческие годы все это было возможно, легкодоступно, билеты стоили дешево, а принимали везде гостеприимно и радушно.

Теперь многое изменилось — границы, цены, отношения между народами, людьми. Изменения эти зачастую выливаются в военные и национальные конфликты, делающие невозможной саму идею путешествий. Многое стало выглядеть иначе, но, как бы там ни было, манящее чувство дороги осталось, как и предвкушение встреч, новых знакомств, открытий. Да и поехать еще есть куда. И гостеприимство, слава Богу, по-прежнему живо. Так, зимой 2015 года я получил весточку из Сибири с приглашением посетить Ханты-Мансийск и Тобольск. Ну как же не поехать в никогда еще мной не виданную Сибирь? Тут же дал согласие и начал недолгие сборы...

19 февраля. Москва. На улице плюс один, слякоть, лужи. Пока добирался до аэропорта Внуково, ботинки набухли от влаги, потяжелели, так что и по легким мраморным полам терминала «А» ноги едва передвигались... Аэропорты современного мегаполиса — это витрины цивилизации, воплощение передовых технологий, реализация чуда технической мысли с движущимися тротуарами, стеклянными лифтами, эскалаторами, подземными железными дорогами, бутиками, кафе и ресторанами. И все это горящее, сверкающее, сияющее, переливающееся разными цветами и красками пространство заполнено многоликою толпою с полным смешением национальностей, рас и языков. Если потребуется представить современный образ Вавилона, то лучшего сравнения не найдешь. И это совсем не в уничижительном смысле. Ведь еще в древности отец истории Геродот признавался, что лучшего города не знал. «Вавилон, — писал он, — был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов»¹. Но как же здесь — от этого никогда не переставшего шума-гама, мелькания лиц — устаешь! Слава Богу, скоро на посадку. И в путь-дорогу...

Здравствуй, Ханты-Мансийск!

*Сибирь обильна и полна
Сокровищ редких, благородных,
И дань богатую она
Выносит из широт холодных...*

Евгений Милькеев

Из московской, совсем не февральской промозглости, тротуарной слякоти, отравленного бензиновыми выхлопами воздуха, из вавилонских столпотворений, минуя время и долгие российские версты, замечательно вдруг перенестись в сибирскую зимнюю тишину, едва не утонув в бесконечных заснеженных просторах...

Утро 20 февраля. Ханты-Мансийск. На улице минус 20, но холод не чувствуется. Впрочем, что такое минус двадцать для юного сибиряка Ханты-Мансийска? Пустяк! Конечно, молодость Ханты-Мансийска относительна. Это по сравнению с Владимиром, Великим Новгородом, Псковом он юн, а, к примеру, Братску, Ангарску — он старший брат. Как поселение воз-

¹ Геродот. История. Памятники исторической мысли. М., 1972. Книга I. Клио. Гл. 178.

ник в конце семнадцатого века, но настоящее свое имя обрел лишь к середине двадцатого. За три года до этого события в Ханты-Мансийске было построено первое здание из кирпича. С тех пор жизнь налаживалась, и даже, наверное, кипела. Потому что летом 2008 года город Ханты-Мансийск уже был центром саммита между Россией и Евросоюзом...

Сегодня он выглядит как благоустроенный европейский город — этакая Сибирская Швейцария на семи холмах. Интересная архитектура новых зданий, множество парков с великолепной ландшафтной архитектурой. Но и прошлое покуда живо в нем, бревенчатые поселковые дома еще сохраняются в старом центре. Заваленные высокими, в человеческий рост, сугробами, они, не то испуганно, не то просто удивленно, смотрят на взметнувшиеся к небу по соседству от них дворцы, стадионы, офисы банков и многоэтажные дома и еще более жмутся к земле... А присмотришься, понимаешь, что и они еще хранят в себе былую красоту и стать — ажурные наличники, например, резьбу на фасадах и проч. Но все равно, их время уходит, они как те самые мамонты из знаменитого ханты-мансийского «Археопарка», в котором мы фотографировались на фоне этих вымерших гигантов — самых в минувшие времена видных представителей сибирской фауны...

Ханты-Мансийск раскрашен снегом и морозом, свежестью и простором, вознесен в ледяных ладонях Иртыша и Оби, застывших сейчас в зимней спячке. И эти данные свыше красота и величие исполняют сердце трепетом. Свыше — это значит от Бога. Но и от человека привнесено в эту землю немало. Здесь имеется единственный в России и мире Парк славянской письменности и культуры, Парк Победы с Аллеей Героев, Парк Бориса Лосева, природный парк «Самаровский Чугас», библиотеки, музеи (среди них старейший музей округа — Музей Природы и Человека, музей под открытым небом «Торум Маа»), картинная галерея Фонда поколений, концертно-театральный центр, центр культуры и народных ремесел, и множество всего другого.

Мы, члены делегации лауреатов международной литературной премии «Югра», фотографируемся на фоне сибирских берез, бронзовых зайцев, лосей, медведей, льнущих к нашим протянутым рукам выстуженными морозом мордами и будто бы просящих: «Тепла, дайте тепла...» Мы же полны ожиданий, приятных предчувствий, поэтому не замечаем мороза и улыбаемся. Для нас все только начинается. Тонет в пышных усах улыбка статного чеха Ярослава Голоубека, светится радостью, словно вписанное в овальную рамку из отороченного мехом капюшона лицо Владимира Скифа, движутся вверх, растягиваясь в улыбке, губы Игоря Шумейко, зажглись веселые светлячки в глазах Юры Перминова... Последние трое — мои завтрашние спутники в новом путешествии. Юру я знаю давно, а вот со Скифом и Игорем Шумейко встречаюсь впервые, поэтому присматриваюсь к ним, обмениваюсь короткими фразами, в общем, не торопясь, не спеша знакомлюсь...

Чуть позже мы оказываемся в Государственной библиотеке Югры, где вот-вот начнется церемония награждения лауреатов международной литературной премии «Югра» за 2014 год. Здание библиотеки выстроено недавно и стилизовано под старинный особняк с колоннадой у входа. Хантымансийцы зачастую называют его «библиодворцом». В центре вместительного фойе — огромная пишущая машинка «Royal». Нет, сегодня уж нет таких

больших писателей, которым было бы впору на ней работать. Подле нее для группового фото умещается вся наша делегация.

Начинается церемония вручения премий. Лауреатов много, среди них — Виктор Буланичев, главный редактор альманаха «Бийский вестник», который поощрен за литературно-художественное просветительство. Вячеслав Ар-Серги (Удмуртия) получает премию за пропаганду и переводы финно-угорской литературы. Чешские писатели Ярослав Голоубек и Карел Сыс награждены за переводы русской поэзии и прозы и за талант, конечно же. Узнаю, что Игоря Шумейко жюри отметило за книги последних лет — «Ближний Дальний Восток. Предчувствие судьбы», «10 мифов об Украине», «Вторая мировая. Перегрузка», «Апокалипсис в мировой истории. Календарь мая и судьба России». А Владимира Скифа — за поэтическое переложение «Слова о полку Игореве», которое, по мнению членов жюри, уникально по близости к оригиналу, по стилистике, передающей душевное напряжение и авторскую боль за землю Русскую.

Между прочим, радуюсь про себя, что завтра отправлюсь в путешествие с такими интересными спутниками. Но пока главное мое внимание в зале, где представляют поэтические сборники моего давнего друга Дмитрия Мизгулина. Он вообще находится в эпицентре настоящего действия. Как его организатор, устроитель и вдохновитель. Он элегантен, быстр, отзывчив, блистательно умен. Он безупречно-аристократичен и в идеально сидящем костюме (как сейчас, например), и когда одет в вольном стиле.

Я вспоминаю его участие во Всероссийском Пушкинском празднике поэзии в Михайловском. Мы на вершине Синичьей горы подле могилы Поэта Александра Сергеевича Пушкина. Только что закончилась панихида «о упокоении убиенного боярина Александра». Далее должны выступить три поэта с лучшими стихами, самыми проникновенными, ведь внимать им будет Пушкин. Помню, как накануне переживал, метался мыслью Дмитрий Мизгулин: «Что прочитать на этой самой высокой поэтической трибуне России?» И сделал, как мне кажется, верный выбор...

У восточной алтарной стены Свято-Успенского храма он на мгновение застыл перед микрофоном, потом начал читать:

*Судьба испытывает дважды,
И дважды ты ответ давал.
В Париже Вяземский однажды
Был зван на некий важный бал.*

*Соображаясь с политесом,
Стоял как маршал на плацу...
И вдруг, о Господи, с Дантесом
Столкнулся он лицом к лицу.*

*Под сводами блистали свечи.
Дробился в хрустале огонь.
Дантес обрадовался встрече
И князю протянул ладонь¹.*

¹ Мизгулин Д. Встреча. См. на сайте: http://www.mizgulin.ru/index.php?catid=1:2010-03-24-10-28-33&id=137:2010-03-24-18-26-37&Itemid=5&option=com_content&view=article.

Поэтические строки легко рождали образы — фраки, бальные платья со шлейфами и кринолинами, мазурки, вальсы, канделябры, свечи, хрустальные бокалы... И протягивающий руку убийца Пушкина Дантес... «Как можно принять эту руку? Возможно ли это? Но политес...»

Сам Дмитрий Мизгулин, невзирая на то, что одет был просто и по-летнему легко, — в джинсы и голубую рубашку поло, — казался в эти минуты безупречным аристократом-кавалером. Уж он-то точно убийце руки не подал бы... А Вяземский... Да уж, не позавидуешь этому рабу политесов... Поэт Мизгулин сочувствует ему, но не оправдывает:

*О чем подумал князь? — не знаю.
Быть может, стал припоминать,
Как бедный Пушкин, умирая,
Шептал-просил морошки дать.*

*А за окном — дождливый вечер,
Парижских улиц мерный гул...
И Петр Андреевич навстречу,
Помедля, руку протянул.*

*А пары в танце мимо, мимо.
Бокалов пенных гулкий звон...
Не так уж трудно объяснима
Распавшаяся связь времен...¹*

Нет, времена как раз соединились — ушедшее пушкинское и нынешнее с вечными вопросами и проблемами о верности и чести, о мужестве и предательстве, о любви и ненависти...

Ему бы, Мизгулину, быть философом, а он стал финансистом. Но при этом всегда был и остается поэтом с высоким творческим даром. А раз так, значит, внутри него все равно живет дух Сократа или Платона, Солона или Диогена. Ведь настоящий поэт, он всегда и философ, и мыслитель. От того и вечное желание осмыслить, понять:

*Жизнь мчит, суетяся и спеша,
Перепутались лица и даты,
Отчего же, скажи, вдруг душа
Озаботилась чувством утраты?²*

«Жизнь мчит, суетяся и спеша» — с этим не поспоришь! И, кажется, ты все время смотришь на ее, жизни, последний вагон. «Перепутались лица и даты», ты спешешь, протягиваешь вперед руки... Но мелькают, удаляясь, сигнальные фонари, ты остаешься один и с тобой лишь душа, озабоченная

¹ Мизгулин Д. Встреча. См. на сайте: http://www.mizgulin.ru/index.php?catid=1:2010-03-24-10-28-33&id=137:2010-03-24-18-26-37&Itemid=5&option=com_content&view=article.

² Мизгулин Д. «В зеркале изменчивой природы». Лирика // Общественно-благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». 2011.

«чувством утраты». А сердце воздыхает о покое, как о грядущем вечном! Сердце ищет покоя!

Мне близки образы, рожденные поэтическим дарованием Дмитрия Мизгулина. Он одинаково талантливо и красиво пишет о земном и небесном, о временном и вечном, о природе и человеке.

Опираясь на земное, его поэтическая мысль обращается к вечности и там ищет понимания смыслов настоящего, потому что все лучшее земное является лишь образом непреходящего, вечного. И лишь душа, не связанная тенетами плотского существования, способна это понять, потому что она стремительна, она легка:

*Все земные законы круша,
Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа.
Вот о ней-то подумать и надо...¹*

Я люблю размышлять о своих друзьях, перебирать их «времена и даты», грустить вместе с ними, радоваться. Тем более, когда есть чему радоваться. Мы с Мизгулиным одногодки. Он родился 10 сентября 1961 года в Мурманске. Я в это время плакал в псковской колыбельке, и было мне от роду уж три недели. Я так и рос в Пскове, а его семья перебралась в Ленинград. Там он окончил финансово-экономический институт им. Н. Вознесенского, чуть позже — Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал рано. Его стихи публиковали журналы «Звезда», «Литературный Азербайджан», «Нева», «Молодая гвардия», «Наш Современник», «Российский колокол», «Юность», еженедельники «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Теперь он автор многих книг, часть которых переведена на французский, английский, сербский, греческий, чешский и другие языки. Его литературные труды отмечены многими премиями: имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, «Петрополь», журнала «Наш Современник», Всероссийской премии «Традиция», премии Правительства РФ в области культуры и другими.

Таков мой друг Дмитрий Мизгулин. Я думаю об этом уже в гостинице, в своем номере, где, после торжественного ужина, располагаюсь для отдыха. Завтра вставать чуть свет. Но не спится, думается — о минувших событиях, о людях, о новых друзьях...

* * *

Владимир Скиф, сибиряк, иркутянин, отец троих детей и автор двух десятков книг, лауреат премий имени Ершова, Эдуарда Володина, Николая Клюева и др. — в общем, человек известный. Владимир Бондаренко почему-то предположил, что Скиф — истинный поэт эпохи Водолея. «И не только потому, — пишет Бондаренко, — что родился 17 февраля 1945 года, под знаком Водолея; всем творчеством своим он как бы предваряет наступающую эпоху Водолея, эпоху России»². Не могу с этим согласиться, ведь

¹ Мизгулин Д. «В зеркале изменчивой природы». Лирика // Общественно-благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011.

² См. статью «Поэт эпохи Водолея», Владимир Бондаренко. http://symill.ucoz.ru/news/stikhi_vladimira_skifa/2010-03-04-30.

эпоха Водолея — это концепция (согласно определению Википедии), лежащая в основе представлений культуры Нью-Эйдж о том, что на смену эры Рыб (ассоциируемой с христианством) приходит новая эпоха, в которой будут господствовать учения, представляющие синтез различных вероучений и современных научных достижений. То есть, по сути это антихристианство — то, что разрушает Россию, весь мир. Я бы не стал отлучать поэта Скифа от великой русской христианской культуры, записывая его в приверженцы религии «нового века». Нет, он вырос на русской почве, крона его таланта шумит в нашем, русском лесу. Таким я его и увидел — стройным, с выбеленными сибирскими морозами волосами, седобородым, но моложавым, поэтом с искренней, звонкой, но глубокой, как Байкал, поэзией.

«Смирнов, который изменил фамилию», — так иронично объясняет Скиф происхождение своего псевдонима. Скиф улыбается, я улыбаюсь в ответ, его слова тоже отзываются во мне шуткой, но какой-то грустной: «Главное, Родине не изменил. Главное — Родине верен остался». И остается! Последнее — совсем уже без иронии.

*У меня коровы нету.
Но как только алый круг
Заскользит по белу свету,
Я иду на мокрый луг.
Острой бритвою-косою
Я размашисто кошу.
Даже в полдень под грозой
Травы-навы торможу¹.*

Нет, не он изменил свою фамилию. Это Блок его благословил из далекого далека, это сама Поэзия поставила его в первые ряды тех «с раскосыми и жадными очами», которых «тьмы, и тьмы, и тьмы». Кому-то ведь надо возвещать миру, что «так любить, как любит наша кровь, / Никто из вас давно не любит! / Забыли вы, что в мире есть любовь, / Которая и жжет, и губит!»² И не Блок напроорочил, что «Россия — Сфинкс», вечная древняя загадка. Так судил нам Бог:

*Архангелом набросана вчерне
Судьба России, длящейся веками.
Она — то в небе, то на самом дне,
То скипетром сверкает, то курками³.*

*Так судил Бог: коль хотите нести правду, быть совестью народов,
помните — в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33). Из столетия в столетие мы протягивали руки и зывали:

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!⁴*

¹ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>.

² Блок А. Скифы // Избранное. М.: Детская литература, 1969.

³ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>

⁴ Блок А. Скифы // Избранное. М.: Детская литература, 1969.

А они в ответ:

*...глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!¹*

И приходил роковой срок (и приходят новые сроки), и пушки стреляли (и опять будут стрелять), стонала земля, плавилась, рассыпались в прах горы, но стоял человек, русский человек. «Мильоны» их? А нас?

*...Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!²*

В глазах Владимира Скифа плещется Байкал, и в поэзии его, морозной, свежей и по-сибирски крепкой, играет волнами «Славное море — священный Байкал»:

*И мой Байкал. И этот чистый свет,
Мои глаза и душу напоивший.
Я не загинул. Я еще поэт,
Не зря, быть может, на земле светивший³.*

И еще:

*Под сырой осенней позолотой
Оживаю от душевных ран...
Из меня уходит сумрак плотный,
Как с Байкала-озера туман⁴.*

Воистину, выплеснувшееся на землю и ставшее Байкалом небо, сибирская ширь заживляют все раны души и изгоняют из нее сумрак. Что перед этой красотой, необъятностью вся наша боль, все наши слезы, невзгоды, разлуки? Лишь штрихи легкого дождя, лишь ветерок, опавший на лицо... Не потому ли так свежо лицо Владимира Скифа, так неуловимо-легка его улыбка? И так точно, так проникновенно его слово?

*Посреди дороги древней
В тишине почую Русь.
И душой к родной деревне,
Как к иконе, прислонюсь⁵.*

¹ Блок А. Скифы // Избранное. М.: Детская литература, 1969.

² Там же.

³ Владимир Скиф, см. на сайте: http://symill.ucoz.ru/news/stikhi_vladimira_skifa/2010-03-04-30.

⁴ Там же.

⁵ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>.

Пусть болью проникнута его мысль о родной земле. Но и надежда живет в его слове, и благодарность Богу за все. А в этом и есть полнота, в этом и есть сила:

*И увижу: в темном небе
Так и кружит воронье.
То кровавый снег, то пепел
Век мой сыпал на нее.
У деревни сто отметин,
Сто зарубок, сто могил:
Кто любил ее на свете,
Кто мечами порубил.
Слава Богу, что живая,
Что не мертвая она.
В небе рана заживает,
Красным полымем полна¹.*

Наша сила в вере, в любви к родной истории, в преданности нашей великой стране. Да, мы скифы, но скифы великие, вечные, непобедимые...

* * *

Игорь Шумейко — легок, изящен, импозантен, чисто европеец с шевелюрой Пьера Ришара. При этом умен, часто задумчив, углублен в себя, но всегда внимателен. Он все замечает, фиксирует, его будущие книги рождаются в каждое мгновение бытия, где-то в глубине его, не умолкая, стучат клавиши невидимой пишущей машинки, подобно той, «Royal», что украшает собой вестибюль Государственной библиотеки Югры. Только у Шумейко это не экспонат, а живой, деятельный инструмент.

Игорь Шумейко прост, немногословен. Во время нашей будущей совместной поездки в Якутию кто-то пошутит: «Шумейко как обычно молчит, а Молчанов² как всегда шумит».

Он действительно тих, он спокоен, он невозмутим. Мне он видится таким, и поэтому слова о нем литературного критика Льва Аннинского кажутся адресованными какому-то другому человеку: «Он ярок, хлесток, находчив. Талант полемиста здесь настолько очевиден (и настолько соблазнителен), что автор иногда явно предается соблазну, и тогда, втягиваясь в обмен уколами, успевает шепнуть серьезным читателям, что это, конечно, памфлет, и он, Шумейко, это понимает»³.

Но, как видно, такова данность таланта — быть многогранным, по-разному звучать, светиться, видиться в различных ракурсах, разнородных ситуациях. Поэтому Шумейко желанный гость в самых известных СМИ, литературных журналах, редакциях телевизионных программ. Скиф и Пер-

¹ Владимир Скиф, см. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/skif-stihi.htm>.

² Молчанов Владимир Ефимович. Поэт. Член Союза писателей СССР с 1990 года, член Союза журналистов России с 1983 года, председатель Белгородского регионального отделения Союза писателей России.

³ Аннинский Л. Дождались младенца, черти? // Информпространство. http://www.informprostranstvo.ru/N3_2007/Voyna_N3_2007.html.

минов сибиряки, Дмитрий Мизгулин по роду работы тоже, а Игорь Шумейко в рождении своем перешагнул Сибирь, вобрав в себя ее смыслы и идеи, и появился на свет на самом Дальнем Востоке в городе Находка, в 1957 году. В 1983 году с отличием окончил факультет кибернетики Московского института управления имени Серго Орджоникидзе. Работал в Министерстве внешней торговли СССР. В общем, набирал опыт для будущей литературной деятельности, к которой приступил в начале 90-х. С тех пор он стал автором многих книг, среди которых — «Большой подлог, или Краткий курс фальсификации истории», «Вторая мировая. Перегрузка». Касательно последней, Лев Аннинский отмечает: «...исследование молодого историка Игоря Шумейко поражает doskonaльным, скрупулезным знанием фактов войны, которой он не застал. И вообще фактов Истории. Фигурально говоря, от Горация до Гроция — если о толще времен. А если об истории недавней — то во всю ширь непроходимых завалов...»¹.

Шумейко неприхотлив, воздержан. На каком-нибудь правительственном банкете может просидеть с одной рюмкой, едва ее пригубив. И, тем не менее, он один из самых известных знатоков русской водки. В 1994–2004 годах он участвовал в борьбе за возвращение незаконно уведенных советских водочных брэндов, опубликовал более 150 статей по алкогольной тематике. Его книга «Русская водка. 500 лет неразбавленной истории» стала бестселлером. Его любят читатели, ценят и уважают коллеги-писатели, не упускают из поля зрения литературные критики...

Все это делает его большим, заметным, значимым, а он (вспоминаю я давешние экскурсии), грустно улыбаясь, смотрит в объектив моего фотоаппарата, ежится от ханты-мансийского мороза и стучит-стучит клавишами невидимой пишущей машинки. Таков Шумейко, призванный в мир, чтобы тихо его удивлять...

Хранитель Китеж-града

*...Я плыву на белом теплоходе
По зеленым водам Иртыша,
Чтобы побывать в Тобольском граде,
Что хранит величие страны;
Там, где ждет меня мой друг Аркадий,
Собирает русской старины.*

Дмитрий Мизгулин

21 февраля, ранее утро, режущая глаз белизна сибирского тракта. Мороз не велик, но, как говорят в народе, стоять не велит... Мы едем в Тобольск. Дорога иногда изгибается, как тетива лука, но, по большей части, она пряма, как стрела воина хана Кучума. И мы — наконечник этой стрелы. Убегающие назад ряды сосен и кедрачей успевают лишь удивленно качнуть головами-вершинами. Мы едем в Тобольск.

Память моя хранит его историю, как и имя боярского сына Данила Чулкова, прибывшего в Сибирь в 1587 году и при слиянии Иртыша с Тоболом заложившего городок Тобольск. Как сообщает об этом Кунгурская лето-

¹ Аннинский Л. Дождались младенца, черти? // Информпространство. http://www.informprostranstvo.ru/N3_2007/Voyna_N3_2007.html.

пись, «...по промыслу Божию, доплыв воевода Данило Чулков, и против устья Тоболу поставил град, именем Тоболеск, на горе, первый стольный во всех городех, и церковь первую воздвиже, во имя Святыя Троицы, и другую Всемилоственного Спаса на взвозе...».

Итак, Тобольск начался с церкви во имя Святой Троицы. И это роднит меня с Тобольской землей, поскольку я, как пскович, сын Дома Пресвятой Троицы, воздвигнутого при слиянии рек Великой и Псковы еще равноапостольной княгиней Ольгой. Тобольск молод, но также укоренен в русскую историю, такой же равночестный ее сын, как и всякий другой, пусть и более древний, город России.

Мы едем в Тобольск, и рядом со мной в машине мои друзья — омич Юрий Перминов, талантливый русский поэт, умница и труженик, и Аркадий Елфимов, наш путеводитель и патрон этого путешествия, человек удивительной судьбы, у которого можно учиться, кажется, всему. В другом автомобиле, вслед за нами, движутся поэт Владимир Скиф и публицист Игорь Шумейко...

Как настоящие сибиряки, мои спутники молчаливы, сосредоточены, погружены в себя. Им есть о чем думать, поскольку мысли их выливаются в дела. Я же размышляю о Тобольске, о его славной истории, о коварном Кучуме и отважном Ермаке...

В знаменитой битве у Чувашского мыса на реке Иртыш 540 казаков, возглавляемые Ермаком Тимофеевичем, наголову разгромила 15-тысячное полчище сибирского хана Кучума. Как такое могло произойти? Этот вопрос до сих пор не дает покоя историкам. Впрочем, историкам всегда что-то не дает покоя. Мне же здесь все ясно, потому что если Бог с нами, кто против нас?

Между тем, мы останавливаемся. Выхожу из машины. Над головой хрустальное морозное небо и бледное солнце. Высокий снежный вал отделяет дорогу от темного строя сосен, которые смотрят на меня, как мнится мне, молча и хмуро. Хотя нет, я слышу их шепот, переходящий порой в тихий гул. Они словно обращаются ко мне. О чем хотят сказать?

*Начните знакомую речь вы со мной,
Припомните быль старины золотой!..
Быть может, ваш древний, приветливый шум
С отрадою слушал суровый Кучум...*

Это Евгений Милькеев... Его поэтические строки, еще не читанные мною, наплывают на меня из будущего, из ближайших его часов, когда мой друг Аркадий Елфимов подарит мне книгу, изданную к 195-летию со дня рождения поэта¹.

Аркадий Елфимов... Как-то удивительно легко, гармонично вписывается он в эту сибирскую явь, в суровый мороз, хрустящий наст над высоким сугробом, заснеженный, скованный холодом Иртыш, царапающие небо, похожие на глыбы льда облака — во всю эту суровую северную красоту; вписывается легко, гармонично, но и твердо, непоколебимо, как и положено

¹ Речь идет о книге: Милькеев Е. Л. Стихотворения. Поэмы. Письма. Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2010.

настоящему потомку Ермака Тимофеевича. Он и внешне похож на дружинника храброго казачьего атамана — невысокий, крепкий, невозмутимый духом, исполненный внутренней силой. А все прочее, как известно, восполняет Бог. Он прокладывает наши пути, и все наши победы от вечности возведены в судах Его. Говорят, что еще за 30 лет до прихода Ермака в небе над горой татарам стал являться небесный град. Кунгурская летопись сообщает: «При сих во вся лета видеша царь и князи, агуны, муллы и абазы и прочие бусурманы на том месте, идеже ныне град Тоболеск и соборна церковь до колокольной, видишася христианский со светом град в воздухе, и церкви и звон великий, яко ими дивися и ужасно недоумеая. Что будет сие им видение начаться видетись, яко примером бусурманских историк, с 1060 (1552) году во вся зори и праздники и им до приходу Ермакова».

Небесный град... Как это возвышенно, поэтично. Сколь об этом пропето, сколь написано. Так жив в русском народе красивый сказ, легкосветлый, как восходящее солнце, и задумчиво-печальный, как солнце заходящее, — сказ о чудесном Китеж-граде, что отстроил князь Юрий Всеволодович, третий сын Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. «Китежский летописец» по этому поводу сообщает, что «князь <...> приехал к озеру, именов Светлояру. И увидел место то, необычайно прекрасное и многолюдное. И по умолению его жителей повелел благоверный князь Георгий Всеволодович строить на берегу озера того Светлояра город, именов Большой Китеж, ибо место то было необычайно прекрасно, а на другом берегу озера того была дубовая роща»¹.

О таинственной судьбе сего светлого града, связанной с нашествием на Русь Батыею, узнаем из рассказа Мельникова-Печерского: «Преданья о Батиевом разгроме там свежи. Укажут и “тропу Батыеву” и место невидимого града Китежа на озере Светлом Яре. Цел тот город до сих пор — с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженицкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, негниющего леса домами. Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа. Скрылся он чудесно, Божьим повеленьем, когда безбожный царь Батый, разорив Русь Суздальскую, пошел воевать Русь Китежскую. Подошел татарский царь ко граду Великому Китежу, восхотел дома огнем спалить, мужей избить либо в полон угнать, жен и девиц в наложницы взять. Не допустил Господь басурманского поруганья над святыней христианскою. Десять дней, десять ночей Батыевы полчища искали града Китежа и не могли сискать, ослепленные. И досель тот град невидим стоит, — откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре, тихим летним вечером, виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема княженицкие, хоромы боярские, дворы посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских»².

Чудесная мечта о Китеж-граде есть неотъемлемая часть русской души, отыми эту мечту и душа тут же закаменеет, зарастет плотью иноплеменной; такая душа уж навсегда будет отлучена от России, она «не поймет и не заме-

¹ Книга, глаголемая летописец...: пер. Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997.

² Мельников-Печерский П. И. (Андрей Печерский). В лесах (В двух книгах). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. Т. 1. С. 6.

тит... / что сквозит и тайно светит / в наготе твоей смиренной...» Родина... как дорога нам ее «смиренная нагота», как важна для нас «любовь к родному пепелищу, / любовь к отеческим гробам». И из этой наготы, из пепелища рождается великая русская тайна, возрастает необоримая мощь России, ни с чем несравнимая ее красота. Ибо все это дает нам Бог, а сила Божия в немощи свершается (2 Кор. 12, 9), и *когда я немощен*, — сказано, — *тогда силен* (2 Кор. 12, 12). Воистину, «мы — русские! С нами Бог!»¹

В благодатном плену таких идей и живет Аркадий Елфимов. Я смотрю на моего друга, как всегда молчаливого, задумчивого. И вижу, как в глазах его, словно в зеркальной глади озера Светлояра, отражаются «церкви, монастыри, терема княженицкие, хоромы боярские...» В нем живет Китежград, но живет деятельно, мечты преобразуются в дела, они взлетают в небо, вознося за собою год от года все более и более обретающие плоть и крепь идеи возрождения Тобольска и всей Сибири.

Книгоиздатель, историк, коллекционер, меценат. Его замечательными книгами будут гордиться — и уже гордятся! — и нынешние, и будущие поколения сибиряков. Да что там сибиряков — всей России, ведь Сибирь лучшая ее часть. Двадцать пять уже вышедших в свет альманахов «Тобольск и вся Сибирь» — двадцать пять ярчайших звезд на российском литературном небосклоне. «Тобольск», «Сургут», «Томск», «Тюмень», «Лукоморье», «Югра», «Омск», «Красноярск» и т. д. и т. п. — это как азбука таланта, красоты, мужества, достоинства, преданности, любви... уникальности русской истории... — драгоценный дар потомкам. И все это плод неутомимного труда талантливого, бескорыстного, всесторонне одаренного человека. Елфимовым изданы творения тобольского картографа и зодчего XVII века Семена Ремезова. Большая красочная «Чертежная книга Сибири» также заняла почетное место во многих библиотеках области. Он передал Тобольскому государственному музею-заповеднику собранную им большую коллекцию произведений искусства... Впрочем, что говорить о добрых делах? Пусть их собирает Бог в Свою небесную копилку. А Тобольск, он просто становится краше, уютнее, любимей — город талантливых, умных, добрых людей, город друзей.

И если в пору жизни Евгения Милькеева можно было воскликнуть, как сделала это Каролина Павлова:

*В глухую степь, у края света,
Далеко от людских бесед,
Туда забросил Бог поэта,
Ему меж нами места нет²,*

то теперь такие слова уж не покажутся уместными. Теперь здесь далеко не глушь, здесь место мудрых бесед и неожиданных встреч, скрещения судеб и исторических путей. В серьезности последних слов мне вскоре предстоит убедиться...

21 февраля 2015 года. Полдень. Тобольск. Мороз уменьшается градусом до пятнадцати и уже совсем не холодно. Мы у губернаторского дома,

¹ Из речи Суворова, записанной со слов Багратиона на военном совете в монастыре св. Иосифа.

² Отечественные записки. 1839. № 5. С. 133.

где с августа 1917 по апрель 1918 года проживала Царская Семья. Романовы занимали восемь комнат из восемнадцати. На первом этаже находились слуги. Охрана Царской Семьи проживала в доме Корниловых. Непосредственной охраной Царской Семьи занимался отряд особого назначения под началом полковника Кобылинского, составленный из отборных солдат трех гвардейских стрелковых полков... На втором этаже слева два окна — там был кабинет Государя. Отсюда, из «города, не убившего Царя», начался его путь, путь всей России на Голгофу. Вот оно — скрещения судеб и исторических путей...

Чуть позже мы на историческом Завальном кладбище. Основано оно во времена Петра I по правую сторону от дороги, выходящей на Иркутский тракт, «близ прежде стоящего убогова дому». В 1776 году преосвященным Варлаамом (Петровым) на кладбище был освящен храм семи Ефесских отроков. На северо-западе кладбищенского храма находится братская могила. По свидетельству местных жителей, «когда Тобольск взяли войска Колчака, то порубили красных и свалили их в общую могилу. Потом пришли красные и порубили белых и положили их на красных». На Завальном кладбище в частности погребены:

Словцов Петр Андреевич (+ 1843), историк
Барятинский Александр Петрович (+ 1844), декабрист
Кюхельбекер Вильгельм Карлович (+ 1846), декабрист
Муравьев Александр Михайлович (+ 1853), декабрист
Ершов Петр Павлович (+ 1869), писатель
Знаменский Михаил Степанович (+ 1892), историк

И опять скрещения судеб и исторических путей... Думаю об этом, стоя у гранитной плиты на могиле Вильгельма Кюхельбекера. Думаю долго, наверное, всю дорогу до дома Аркадия Елфимова, там, под теплым кровом, нас ждет горячий ужин и чарка доброго вина. Но прежде нам, гостям — мне и Владимиру Скифу — предстоит выполнить важное действие, ритуал, который до нас выполняли десятки гостей Тобольска, гостей Аркадия Елфимова — писателей, деятелей культуры, политиков и т. д. Какой? Подбираю слова, что бы ясно и внятно объяснить... Помните стихотворение Алексея Плещеева «Легенда»?

*Был у Христа-Младенца сад,
И много роз взрастил Он в нем;
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок Себе потом...*

Так вот, у Аркадия Елфимова тоже есть сад, только он из лип, пока еще не вековых, подрастающих. Им, этим липам, еще предстоит развесить свою благодатную сень на Тобольской земле. Первая липа посажена тринадцать лет назад, в 2002 году, Валентином Григорьевичем Распутиным. Потом были Лощиц, Небольсин, Аненский, Курбатов, Поляков и многие другие. И вот наш черед. У студеных квадратных ям стоят озябшие саженцы с закованными в мерзлую землю корнями. Они как бы неживые, не верится, что они смогут когда-нибудь зазеленеть. Но оживут и зазеленеют. Я опускаю

саженец в землю и почему-то вспоминаю Евангельские слова: *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин. 12, 24). Это словно заклинание... Нет, это молитва, это благословение, напутствие на долгую жизнь в этой священной роще.

А ведь в Европе липу и правда считали священной. Ее садили во дворах замков, на городских площадях. Под нею проходили общие собрания, решались важные дела. Священным считалось это дерево и на Кавказе. Срубить или сжечь липу запрещалось, это был большой проступок, ее сажали вокруг церкви, и до сих пор некоторые старые храмы окружены развесистыми липами...

Таков был этот замечательный день просвещения и созидания, радости бытия и веры в благую будущность. А на следующий день в своем замечательном кабинете, словно перенесенном со страниц произведений Жюль Верна, Аркадий Елфимов подарил мне книгу Евгения Милькеева «Стихотворения. Поэмы. Письма», изданную к 195-летию со дня рождения поэта. Книгу, которую я и сейчас держу в руках, перелистываю, перечитываю. Например, о том, как любивший Милькеева Хомяков, по прибытию первого в Москву, обратился к нему с поэтическим приветствием, завершающимся такими словами:

*Ты наш, ты наш! По сердцу братья
Тебе нашлись. Тебя зовут
И дружбы теплые объятья,
И музам сладостный приют¹.*

Удивительно, но мне слышались те же слова под сводами приветливых кровов Аркадия Елфимова. До сих пор в ушах моих звучит его обстоятельная, неторопливая речь, видится добрая улыбка Владимира Скифа, чувствуется крепкое сибирское рукопожатие Юры Перминова, помнится мудрое молчание Игоря Шумейко... Незабываемые «дружбы теплые объятья». В Тобольске. В феврале 2015 года.

Что же касается липовой рощи... То, без сомнения, зашелестит она однажды листвою, зашепчет, заголосит. О чем? Быть может о том, что в каждом русском сердце живет свой Китеж-град. И сколь есть в человеке русскости, столь явственен он и силен. Если ее, русскости, мало, то чудный град туманен, как ускользящее сонное видение. Если поболее — то и град сей гадательно уже является в мечтах, манит, зовет к себе. А если много русской силы в человеке, то и град Китеж уже не просто блазнит и влечет, а деятельно побуждает любить, творить, делать жизнь краше и лучше, жертвовать личным, обогащать мир вокруг себя, поднимать повсюду новые волшебные Китеж-грады, подтверждая былое величие нашей прекрасной России и укрепляя ее нынешнюю благородную статью...

Обо всем этом думал я, покидая Тобольск и глядя на удаляющую фигушку моего друга Аркадия Елфимова, хранителя сокровенного Китеж-града и благоуукрашителя славного города Тобольска...

¹ Отечественные записки. 1839. № 5. С. 134.

Век живи, век учись

*Не сетуй, смертный, вольнодумно,
Что жизнь мятежная твоя
Без цели реет слепо, шумно
В широком поле бытия...*

Евгений Милькеев

Дорога от Тобольска до Тюмени развернулась двухсотпятидесятикилометровым белым рукавом с высокими снежными обочинами. Мы оставляем за собой редкие сибирские деревни и поселки, среди них Покровское — родина таинственного, неразгаданного доселе старца Григория Ефимовича Распутина. Минуем поворот на Вагийский тракт. Перелетаем засыпанные снежной ватой реки с характерными сибирскими именами — Бергилька, Заимка, Аталык, Тобол... Все это моя Россия, мой народ, который сам себе напоминает, что «терпенье и труд все перетрут», что «без муки нет и науки», что «добрые умирают, да дела их живут». Красив русский народ, трудолюбив и мудр. Чтобы сохранить мудрость, опять же напутствует себя: «век живи, век учись». Хороший совет. Я тоже пытаюсь ему следовать, получается, правда, не всегда. Вот, например, у моего друга Юрия Перминова, с которым мы только что простились в Тобольске, я учусь трудолюбию, умению делать много, но при этом хорошо, талантливо. Как редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь», он подготовил и выпустил в свет много замечательных изданий. Я звоню ему по скайпу в любое время суток и практически всегда застаю за работой. И всякий раз он говорит, что готовит очередную книгу...

А где же, когда рождаются его стихи? Ласковые, как весеннее солнце, свежие, как утренний ветер, прозрачные, как байкальские льды, колючие, как сибирские морозы — в общем, такие разные, но все по-своему красивые и талантливые? За этим же письменным столом? Или там, в замечательном снежном поле, которое я вижу сейчас из окна автомобиля? Как это у него?

*А снегу сегодня нападало столько,
что хватит его для зимы...*

В небесах

*загадочно светится лунная долька —
улыбкой погожей в Господних устах.
Я чувствую — знаю! — догадку помножив
на свет, заполняющий ночь: никогда
Господь не оставит Россию — поможет,
как было не раз,
пережить холода¹.*

Или, поднимаясь в небо над родным поселком, присаживаясь на краешек облака, он торопливо скребет пером листы своего поэтического блокнота? И строки быстрыми пунктирами падают на землю, ищут там обложки будущих книг и встреч с грядущим читателем, который однажды прочтет:

¹ Перминов Ю. По крупичкам любви. См. на сайте: http://www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_45_440.html.

*Поселок мой ночными дышит снами,
не слышно никакого воронья.
С бессмертными родными небесами
сливается окраина моя.*

*Полночный свет расходится кругами —
Господь рассыпал звездную крупу...
Земли не ощущая под ногами,
не выйти на небесную тропу...¹*

Или, быть может, поэт Перминов спешит отшельником в темные леса, утопает во мхах и болотах, хоронится в густых ельниках и кедрачах. Все видит, все запоминает, все чувствует:

*Время ночное, просторное...
Ухает леший
в местном лесочке — худые осины одни...
Время незримое сердце скудельное лечит,
вечность вдыхая в мои незлобивые дни.
Ухает леший — кого он пугает? — В лесочке
нет никого, не считая ночного меня.
Время весеннее... В каждой осиновой почке
тикает вечность
еще не знакомого дня².*

Мы с Юрой, как и с Дмитрием Мизгулиным, одноклассники, но мне зачастую кажется, что он старше, мудрее, обстоятельнее. Он живет по принципу «больше дела — меньше слов», он бережет слова, как драгоценный бисер — для стихов, для публицистики, прозы. Настоящий писатель!

Родился Юрий в Омске. Окончил Омский педагогический институт. Работал на заводе, корреспондентом газеты «Омское время», затем ее главным редактором. Сейчас редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Автор поэтических сборников: «Первые дороги» (1990), «Потому и живу» (1997), «Пусть город знает» (2007), «Как всякий смертный» (2008), «Свет из маминого окна» (2008) и др. Лауреат Международной литературной премии «Югра», Международного поэтического конкурса «Золотое перо», Всероссийской премии им. Лескова, премии им. Расула Гамзатова и др. Живет в Омске. Или, точнее, в России, потому что настоящей поэзии тесно среди сутолоки домов, толчеи улиц и проспектов, ей, поэзии, нужны пространства от горизонта до горизонта, поля и леса, реки со всеми их берегами. И даже само время охватывает поэзия, держит в чутких руках, потому-то всякому времени, всякой эпохе поэт все равно что родня...

Спросило бы время: «Ты здешний?», — ответил бы: «Свой».
Такой, что другого рассвета — ни капли не надо...³

¹ Перминов Ю. Русская поэзия. См. на сайте: http://www.ya-zemlyak.ru/avtpoesia.asp?id_avt=238.

² Перминов Ю. День жизни. См. на сайте: <http://ulpressa.ru/2010/12/25/article149672/>.

³ Перминов Ю. См. на сайте: <http://www.rospisatel.ru/perminov.htm>.

Мы все ближе к Тюмени. Ветер задувает в стекла снежную пыль, он наметал повсюду снежные сувои, завалил снежными раскатами русло величественной Туры, которая давно уже вьется гигантской белой змеей по левую от нас руку. За леском открывается очередной поселок с серебристой свечой храма, неведомо кем и когда зажженной, но молитвенным своим горением поддерживающей стояние России, рассеивающей наползающую со всех сторон тьму. Что б мы делали без вас? Какими бы были? Да и были бы? Неслучайно говорят в народе, что вера спасает, вера животворит, вера и гору с места сдвинет. Мне вспоминается наша вчерашняя поездка в Знаменский Абалакский монастырь — духовную святыню всей Сибири...

С этой обителью связаны чудесные события, относящиеся к первой половине XVII века. Как рассказывают, в 1636 году жительнице села Абалак, вдове Марии четыре раза являлся Святитель Николай Чудотворец, передавая повеление Божией Матери построить на Абалакском погосте деревянный храм в честь Ее образа «Знамение». Не сразу, но через некоторое время, по благословению местного Владыки, храм построили. Для него была написана икона в честь Божией Матери «Знамение». После чего болящий крестьянин Евфимий, который по обету и заказал этот образ, полностью выздоровел. Это стало первым чудом. Весть о чудесах от иконы Богородицы распространилась не только по Сибири, но и по всей России. Только в XVII веке было записано более 130 случаев благодатной от нее помощи. Эти многочисленные чудеса и послужили причиной того, что в 1783 году по высочайшему повелению Императрицы Екатерины II на месте Абалакского прихода был учрежден Знаменский Абалакский мужской монастырь. После революции, как водится, он был закрыт, и лишь в начале 90-х XX века начал свой путь к возрождению...

Мне, выросшему среди живых древних псковских церквей, блистательная красота свежесвеженных Абалакских храмов — Знаменского собора, храма во имя Николая Чудотворца и храма Марии Египетской — показалась несколько искусственной и холодной. Холод этот оттеняли и усиливали расстеленные повсюду сугробы и высокая снежная гряда над Иртышом. Внутри храмы светились золотом роскошных иконостасов, богатыми ризами икон, но прихожан не было вовсе. Лишь пустота, гулкая и зябкая... Не потому ли теперь на эти воспоминания так хорошо ложатся поэтические строки из поэмы Евгения Милькеева «Абалак»:

*Стоит пустынный Абалак
На крутизне горы высокой:
В ненарушимости глубокой
Пред ним лесов раскинут мрак...
Вдали громады их одело
Небес туманной синевою;
Внизу шумит осиротело
Иртыш. Он пенится волной...¹*

¹ Милькеев Е. Л. Стихотворения. Поэмы. Письма. Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». 2010. С. 85.

Пустота, одиночество среди огромного мира... Это словно сюжетная нить судьбы самого Евгения Лукича Милькеева. Он родился в 1815 году в Тобольске в бедной семье. Лет в шестнадцать им овладело, как позднее он признался сам, «решительное желание сделаться стихотворцем»¹. И это желание помогало ему самостоятельно познавать правила стихосложения. После окончания уездного училища он работал писцом в одной из тобольских канцелярий, помощником столоначальника Главного управления Западной Сибири. Поворотным моментом стала встреча в 1837 году с Жуковским, который сопровождал Наследника престола в его поездке по России. Милькеев, человек чрезвычайно застенчивый, никому ранее не показывавший своих сочинений, все-таки решается и показывает знаменитому поэту свои стихи. Жуковский высоко оценивает его дарование и принимает живейшее участие в дальнейшей его судьбе: содействует переезду в Петербург, знакомит с известными российскими литераторами С. П. Шевыревым, А. С. Хомяковым, К. К. и Н. Ф. Павловыми и др.

Вскоре Милькеев поселился в Москве и поступил на службу к московскому губернатору И. Г. Сеньявину. Он активно посещает литературные салоны. Славянофилы считают его, по свидетельству И. И. Панаева, «одною из самых блестящих надежд русской литературы»². Хомяков пишет о нем: «Милькеев... растет не по дням, а по часам, и пишет славные вещи»³. В 1843 году выходит в свет его первая (и единственная) книга «Стихотворения». Но в жизни у него наступает полный разлад, он теряет работу, живет в нужде, хотя все еще надеется на признание и славу. Литераторы, дружелюбно расположенные к Милькееву (Шевырев в «Москвитянине», Плетнев в «Современнике»), откликнулись на выход книги хвалебными отзывами. Рецензии Белинского (в «Отечественных записках») и Сенковского (в «Библиотеке для чтения») были убийственно отрицательными. «...Не к таким поэтам принадлежит самородный поэт г. Милькеев, — пишет в частности Белинский, — если только принадлежит он к каким-нибудь поэтам. Не только самобытности и оригинальности, — в его стихах нет даже того, что прежде всего составляет достоинство всяких порядочных стихов: нет таланта поэтического»⁴. Воистину, слово животворит, утешает, лечит, но и убивает не хуже пистолета. Каждая строка неистового Виссариона — словно пуля — и в творчество поэта, и в самую его жизнь. Увы, естество глубокого провинциала Евгения Лукича Милькеева не было защищено столичной броней цинизма, бесчувственности и равнодушия, он был беззащитен и перед ложью, и перед злобой, и перед предательством. Когда его обвинили в бесталанности и литературном самозванстве, а друзья охладели к нему и быстро его забыли, он разорвал последние нити, связующие его с этой жизнью. Утратив веру в себя и людей, преследуемый нищетою, он покончил с собой в 1845 году. Звезда Милькеева была яркой, стремительно взошедшей, она могла кого-то увлечь, и наверняка увлекла, но путь ее был недолог...

¹ Милькеев Е. Стихотворения. М., 1843. С. XV.

² Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 162.

³ «Русский архив». 1884. Кн. 3. С. 206.

⁴ Милькеев Е. Л. Стихотворения. Поэмы. Письма. Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». 2010. С. 223.

Да, участь его печальна, и лишь милосердие Божие может распорядиться к лучшему его загробной будущностью. Слова же его, плывущие где-то между бытием и небытием, еще слышны, и вся мощь мироздания не способна заглушить их: «Я любил смиряться и дивиться Богу, любил смотреть на звезды и открытое небо и хотел одевать чувствования звуком, хотел говорить о небе и Творце...»¹

* * *

Тюмень. Сибирский тракт остался на той стороне Туры. А мне все еще слышится тихая исповедь поэта, который «любил смотреть на звезды и открытое небо»...

За окном парки с толпою сбежавшихся к обочине дороги высоких берез в белых тулупчиках с темными заплатами. Они заглядываются на машины и робко машут ветвями им вслед. Старые застройки сменяются современными многоэтажными домами. Остаются позади театры, стадионы, дворцы культуры — все, как везде, как во всяком большом городе нашей необъятной России. Говорят, что Тюмень — самый первый русский город в Сибири, что основан он значительно раньше Петербурга. Причем закладывали его в 1586 году люди с суровыми русскими фамилиями — казаки Василий Сукин и Иван Мясной. Долгое время Тюмень была малоизвестным городком, пока в здешних недрах не нашли огромные запасы нефти и газа. С тех пор Тюмень — «нефтегазовая столица России», осваивающая поступающие в нее нефтедоллары... Наверное, все так и есть. Мне еще будет время об этом подумать, ну а нынешнее мое пребывание на сибирской земле подходит к концу. Вижу указатель: «Аэропорт Рощино — воздушные ворота Сибири». Это и мои ворота в Москву...

В самолете я читал стихи Евгения Милькеева, и память то и дело возвращала меня к ставшим мне в минувшие дни друзьями Тобольскому кремлю и Софийско-Успенскому собору, Чукманскому мысу и памятнику Ермаку Тимофеевичу, Абалаку и Иртышу...

*Сжат холодом зимним в доспехах кристальных
Гуляка степей беспредельных, Иртыш,
Еще ты не скинул пелен своих спальных,
Еще в неподвижном покое молчишь!
Желал бы я видеть твоё ликование,
Побег твой весенний, свободу от сна,
Желал бы я видеть, как в шумном восстаньи
Помчится со льдами живая вода...²*

И я, как Евгений Милькеев, искренне желал бы все это увидеть — шумное пробуждение от зимнего сна, отступление снегов, мазки зеленой краски от горизонта до горизонта, — но, увы, не сегодня, не сейчас, в следующее, дай Бог, путешествие на эту благословенную землю...

¹ Из письма В. А. Жуковскому. См. Милькеев Е. Л. Стихотворения. Поэмы. Письма. Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». 2010. С. 27.

² Милькеев Е. Л. Стихотворения. Поэмы. Письма. Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». 2010. С. 155.

Медленно переворачивались страницы книги, сменяли друг друга портреты Погодина, Шевырева., Галахова, Сенковского, Жуковского... Я чувствовал, что глаза мои закрываются, я засыпаю... Жуковского... Жуковский...

Сон Василия Андреевича

*И гении иногда могут
кое в чем ошибаться.*

Перед сном Василий Андреевич мучился простудой, кашлял, утирал лоб платком. Он вспоминал минувший день, думал о составе сибирского общества и отличии оно́го от столичного, потом перекинулся мыслью на давешний разговор с генерал-губернатором Сибири Горчаковым, как тот осмелился просить Наследника престола ходатайствовать перед Государем за испрошение прощения некоторым несчастным и назвал имя Николая Алексеевича Чижова¹. «Накликает на себя беду, — пожалел Василий Андреевич Горчакова, — однако милости к падшим просить — Божье дело, быть может, и примет Государь прощение? А я ведь решил, было, что человек этот большого дерзновения не имеет и действовать без оглядки на начальство в столице решительно не способен. Ан нет...» Внезапно он почувствовал сильную усталость, мысли его тут же сгустились, замедлились, замерли, очи смежились, и он мгновенно уснул.

Проснулся он глубокой ночью, сел в постели. Утер со лба холодный пот и попытался привести на ум нелепый и жуткий сон, столь напугавший его только что. Что там было? Что за жуть? Василий Андреевич ловил ускользающие осколки сонного видения, но те, как это часто бывает, ловко прятались в сумраке сознания... Ему все-таки удалось ухватиться за два четверостишия и вытащить их на свет Божий. Да, в этом жутком видении кто-то читал стихи... женщина, глухим, чуть надтреснутым голосом... незнакомым ему голосом...

*Стоял той порой он в своем чердаке, —
Души разбивалась сила, —
Стоял он, безумный, с веревкой в руке...
В тот вечер спросить о больном бедняке
Нам некогда было.*

*Стон тяжкий пронесся во мраке ночном.
Есть грешная где-то могила,
Вдали от кладбища, — на месте каком,
Нам некогда было².*

— Господи, ужас-то какой! — Василий Андреевич перекрестился, — огради меня от всякого зла! Привидится же такое...

¹ Чижев Николай Алексеевич (1803–1848) — поэт-декабрист.

² Павлова Каролина. Памяти Е. Милькеева // Стихотворения. М.: Советская Россия, 1985.

Он начал было размышлять, чьи же это могли быть стихи? Но бросил, не вспомнив, да и голоса не узнал. Ему вдруг на ум пришли строки из его «Светланы»:

*Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи...¹*

Мертвец... К чему вспомнился? Не о грехах ли напоминает Господь? Не о смерти ли? «Достойное по делам моим приемлю, — мысль его опять встрепенулась, почти уж успокоившееся сердце застучало — помани мя, Господи, во царствие Твоем!» Но нет, не сейчас, не сегодня. Господи, столько надо сделать! Вот и Наследнику престола он нужен. Нужен! И России. Он вспомнил свои юношеские наивные вирши:

*На троне светлом, лучезарном,
Что полвселенной на столпах
Взнесен, незыблемо поставлен,
Россия в славе восседит —
Златой шелом, огненпернатый
Блится на главе ее;
Венец лавровый осеняет
Ее высокое чело;
Лежит на шийце щит алмазный;
Расширивши крыла свои,
У ног ее орел полночный
Почует — гром его молчит².*

— Видишь, Господи, — прошептал он, — уж сколько лет минуло, а ведь и тогда я пекся о матушке нашей России. И еще попекусь. Услышь, Господи и помилуй!

Господь, как видно, услышал и вернул Василию Андреевичу успокоение. Мысли у того выправились и опять потекли в государственном русле — широком, могучем, державном, как Иртыш или Обь. И как же приятно опять ему думалось. Прекрасна наша Россия, и будущность ее великолепна! Какой же человек явится в ней миру через двести лет! Куда там немецкой философии, да и всей европейской мысли? Силища у нас будет! Да, Пушкин ушел, но другие придут. Вот, юноша тобольский, здешний пиит Евгений Милькеев, самородок! Быть может, будущий Пушкин? И себя прославит, и Россию... Душевное благорасположение окончательно возвра-

¹ Жуковский В. А. Светлана, 1808—1812 // Собр. соч.: в 4-х т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2.

² Жуковский В. А. Могущество, слава и благоденствие России («На троне светлом, лучезарном...»), 1799 // Собр. соч.: в 4-х т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 1.

щалось к Василию Андреевичу, члены исполнялись сонной истомой... Он опять засыпал... Но тихо-тихо, отдаленно и жутко все еще звучал откуда-то незнакомый женский голос:

*Стоял той порой он в своем чердаке, —
Души разбивалась сила, —
Стоял он, безумный, с веревкой в руке...
В тот вечер спросить о больном бедняке
Нам некогда было.*

«Дай, Бог, чтобы нам было когда», — успел прошептать Василий Андреевич, прежде чем окончательно заснуть. — Чтобы было когда!»

* * *

*Русь необъятна, Русь велика!
Бог предназначил ей греметь!*

Евгений Милькеев

Василий Андреевич еще нежился на перинах моего сна, а я уж вернулся в явь, в салон самолета, оставив Василия Андреевича в неведомом далеко. Мы подлетали к Москве. Я смотрел в иллюминатор, в серую забортную муть — гудящую, колющую, холодную — и думал о том, что внизу, не подозревая о моем существовании, занимаются чем-то своим — нужным им и не нужным — незнакомые мне люди. Я никогда не встречусь с ними, не узнаю их имен, не порадуюсь их радостям и не поплачу над их несчастьями, но нечто незримое, вышнее могучее связывает нас неразрывными узами. И не только нас, сегодняшних, но и тех, бывших прежде нас — всех!

Самолет снижался, и виделись мне на открывшейся вдруг глазам земле, расчерченной линиями дорог, границами полей, темными, словно пробитыми копытами Конька-горбунка, оврагами, зигзагами рек, овалами озер, знакомые и родные лица: хозяина Китеж-града Аркадия Григорьевича, поэта и украсителя Ханты-Мансийска Дмитрия Александровича, великого сказочника Петра Павловича, и, конечно же, милого сердцу Василия Андреевича с его тихим и напевным «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали...»... Господи, как же мы нужны друг другу! Нужны, потому что мы, — каждый из нас! — часть единого народа, которому Господь вверил попечение о самой прекрасной, самой удивительной, самой великой стране — России! Сам Господь вручил ее нам, — не власть предержащим, не политикам и нуворишам, а всем нам, каждому человеку, живущему на западном ли рубеже или на Дальнем Востоке, на севере ли у Ледовитого океана или на юге у берегов Каспия, на Урале или просторах Сибири, чтобы мы берегли ее, нашу Россию, заботились о ней, возделывали ее, украшали и, главное, любили. А с любовью в сердце жить так легко и отрадно...

Почему-то мне нестерпимо захотелось узнать, возымело ли силу то прошение о милости к падшим, с которым обратился к Наследнику престола князь Петр Дмитриевич Горчаков. Увы, тогда это не представлялось возможным. Позже, дома я открыл дневники Василия Андреевича Жуковского и, недолго поискав, в разделе за 1837 год, нашел нужное место:

«Июня 23, вторник. Переезд из Казани в Симбирск... Великолепная равнина. Свияга. Поля, рощи. Въезд на гору с поля. Чернозем. Дуб. От Сибири лошади несли Великого князя под гору. Тут мы под липками остановились и поздравили друг друга с благостию Государя...»¹

«Поздравили друг друга с благостию Государя...» Что бы это значило? Обратился к комментариям и прочел: «Между Буинском и Симбирском Наследник получил через фельдъегеря письмо Государя, в котором говорилось о “милости к несчастным”, в том числе к сосланным декабристам, в ответ на письма к нему Наследника, Жуковского и Кавелина. “Посреди дороги, под открытым небом, мы трое, Великий Князь, Александр Александрович [Кавелин] и я обнялись во имя Царя, возвестившего нам милость к несчастным”, — писал Жуковский Императрице...»²

Я шел сквозь толпу по сверкающему мраморному полу аэропорта Внуково — этой витрины цивилизации — и думал: «Вот бы и нам, таким разноликим, разноречивым, обняться сейчас во имя милости к несчастным, уважения друг к другу, во имя любви к нашей великой стране!»

¹ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Языки славянской культуры. М., 2004. Т. 14. Дневники 1837 года. С. 61.

² Там же. С. 451.

ВЫШЛА КНИГА

Корнев М. Г.

Я — в бою! Песни, рассказы / Михаил Корнев: Иркутск, 2015, — 56 с.: ил. худ. В. Семёнов.

В книгу Заслуженного деятеля искусств РФ, Заслуженного артиста РФ, режиссера Михаила Георгиевича Корнева вошли песни и рассказы, написанные после поездки в Луганскую Народную Республику в 2014 году.

«Песни эти, самые казалось бы разнообразные в смысловом отношении и далекие друг от друга и по времени рождения, так подобраны Михаилом Корневым и так звучат в его исполнении, что невольно составляют мучительно-сладкую песнь России, о нашей бесконечной любви к ней и преданности. Но это глубокое чувство “от нас” не единственное, оно, в свою очередь, как бы в чуть преломленном голосе исполнителя вызывает ответные слова и ответное чувство “к нам” — подбадривающее, теплое, материнское», — так сказал об этой книге Валентин Распутин.

Николай КОНЯЕВ

ICH BIN RUSSISCHE ПТИЦА

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 г. в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Лил дождь, но люди не расходились, пока не сползло белое полотно, прикрывавшее бронзового человека.

Задумавшийся, сидел Шадрунов на скамейке рядом с огромной бронзовой вороной и смотрел на воробьев, возящихся в бронзовой, разлитой на постаменте сметане.

Может быть, из порта, где электриком работал, домой Шадрунов шел...

А может, из поездки на Родину вернулся...

Хотя и поставили Шадрунову памятник в Ломоносове, сам он и все корни его — с Вологодчины.

Перед войной семья Шадруновых переехала в Монзенский леспромхоз на Северной железной дороге, где отец заведовал ОРСовским магазином, но в 1943 году отца мобилизовали, и он погиб на фронте, а мать с тремя сыновьями — Николай был старшим! — вернулась назад в деревню Михалково Грязовецкого района, чтобы попасть там в «незнаменитый» голод 1947 года, унесший жизни двух миллионов человек. Родственники, чтобы спасти детей, посоветовали матери пристроить старшего сына в Вологодское железнодорожное училище № 1...

И что с того, что в ремесленные училища тогда брали с четырнадцати лет? Препятствие это — в деревне Михалково шадруновская родня высоко летала! — устранили, исправив в метрике дату рождения с 1935-го на 1933-й год.

В результате этой «протекции» два года оказались вычеркнутыми из детства Николая, и стал двенадцатилетний мальчишка полнообязанным ремесленником, а к своим настоящим четырнадцати годам — слесарем-паровозником со всей вытекающей отсюда ответственностью.

На два года раньше срока призывали его и в армию...

Служил Шадрунов в Кронштадте, а после демобилизации остался работать в военном управлении в качестве бригадира электромонтажников. Платили там мало, работа была тяжелая, разъездная, зато отработавшим пять лет гарантировалось получение собственной квартиры...

Этот кусок жизни Николай Шадрунов описал в повести «Приключения полковника в гробу».

Наверное, это одно из лучших повествований о лукавстве шестидесятых годов...

Работу над ним Шадрунов начал еще в начале девяностых, но все откладывал, и так и не завершил ее. Повесть обрывается, когда герой попадает в квартиру, в которой должен был жить сам, если бы благо-

Николай Шадрунов. 2000-е годы

даря просьбе полковника, заправлявшего на пользу себе и своим сородичам всеми делами в засекреченном строительном управлении, не уступил свою квартиру родственнику полковника, «бедолаге»-детдомовцу.

Однако «бедный детдомовец» — это герой повести видит, попав к нему на квартиру, — оказался весьма зажиточным человеком, обладающим к тому же, в отличие от излишне доверчивого героя повести, еще и другой жилплощадью...

Открытие неприятное. Неприятно сознавать, что тебя вместе со всей твоей верой в товарищество и дружбу развели, выражаясь современным языком, как последнего лоха...

Эти переживания, разумеется, не отливались в финал повести, но тем не менее, чем закончились приключения полковника в гробу не для героя повести, а для ее автора, известно совершенно точно.

В начале семидесятых, когда мы познакомились с Шадруновым, я частенько бывал в жилище, которое ему выдали по протекции полковника взамен уступленной «бедолаге»-детдомовцу квартиры. Это была Г-образная выгородка на лестничной площадке в деревянном двухэтажном бараке. На стыке палочек выгородки помещался диван и столик, а в длинной вертикальной палочке буквы-комнаты висела на стене одежда, поскольку больше здесь невозможно было что-либо разместить.

Не помню, была ли в комнате печка. Шадрунов согревал свою жилплощадь какими-то специально изготовленными «козлами».

А вот окно было... Оно выходило на железнодорожные пути, по которым круглые сутки громыхали товарняки.

Прожив около десяти лет в этой конуре, Николай в конце семидесятых все-таки получил однокомнатную квартиру. Но к этому времени он уже совершенно не походил на того бравого парня, которого мы видим и на страницах «Приключения полковника в гробу», и на армейских фотографиях Николая.

Все это — цена...

Двумя годами детства пришлось заплатить Шадрунову за «протекцию» родни в голодные послевоенные годы. Двумя десятилетиями жизни в барачной конуре — за доверчивость и искренность в лукавых шестидесятых.

Впрочем, похожую цену — увы! — приходится платить каждому русскому человеку за освобождение от навязанных ему мифов и обольщений.

И все-таки, хотя русского человека легко, как мы видим по произведениям Николая и по всей его жизни, обобрать, но его — и это тоже доказывают и произведения, и сама жизнь писателя Шадрунова! — невозможно сломить.

Сам Николай никогда не писал об этом, хотя, конечно, все его рассказы и об этом тоже.

2

Меня всегда забавляло, как по-домашнему косолапо бродил Николай Шадрунов в ораниенбаумском парке среди дворцов, в которых надламывались императорские династии и замышлялись повороты истории, как по-деревенски простовато рассказывал он, дескать, на этой полуразвалившейся даче Дарьи Леоновой умирал Модест Мусоргский, а на той, что за трансформаторной будкой, родился Игорь Стравинский...

Со своей внешностью и манерами уроженца Монзенского леспромхоза Шадрунов как-то не очень подходил к этим ветшающим дворцам и старинным дачам, но при этом он был совершенно неотделим от них, как и от самой рамбовской жизни.

Здесь, в Ломоносове, называемом в просторечии Рамбовом, и начал писать он, здесь своим сбереженным с вологодского детства языком сумел он не только нарисовать яркую картину жизни ленинградского пригорода, но и выявить новые тенденции в общественной жизни и запечатлеть их в достаточно новых для литературы типажах. Успеху «Рамбовианы» способствовало и то, что фрагментарные зарисовки любопытных происшествий и самобытных характеров, соединяясь в единый цикл и подпитываясь друг другом, обретали художественную цельность и полноту. Право же, без шадруновских петриков, сег и стилиг неполной будет галерея образов, созданных русской литературой в 70–80-е годы XX века.

Практически с самого начала в рассказах Шадрунова проявились характерные для сказовой прозы особенности. Художественная роль рассказчика, от лица которого ведется повествование, усиливалась в живой стихии крепкого и удивительного в своей красоте русского языка, позволяющего показать героев-неудачников во всей яркости проживаемой ими жизни.

И эти яркость и красочность, а не рассудочные морализирования, и становились судом, только не над героями, а над тусклой застойной атмосферой фальши и лжи, в которую были погружены они. Житейская правда, как бы уродливо она ни выглядела, не превращается в рассказах Шадрунова в грязь, рассказы не очерняли, а воспевали далекую от норм социалистической морали жизнь.

Отчасти это и обусловило определенные сложности литературной судьбы Николая. Даже на общем неблагоприятном фоне судеб литераторов, дебютировавших в начале 1970-х годов, судьба Шадрунова сложилась особенно неудачно. Хотя уже первые рассказы его привлекали внимание, с печатанием дело застопорилось на долгие десятилетия, и первые настоящие публикации появились в начале девяностых, когда не очень и нужна стала новой России художественная литература.

И так получается, что только сейчас и начинаешь понимать, что хотя герои рассказов Шадрунова чудят, спиваются, сходят с ума, но практически никого из них нельзя назвать подлецом. Они нигде не переступают нравственной — пусть и очень по-рамбовски понимаемой! — черты. Даже совершая те или иные правонарушения, они не преследуют никакой выгоды.

В каком-то смысле в героях Шадрунова происходит осуществление невозможного, соединение несоединимого. Парадоксально, но отблеск старорусской святости ложится на этих не знающих церкви, полуспившихся чудаков эпохи развитого социализма, которые живут возле превращенного в пожарное депо городского собора Михаила Архангела...

3

Сам Шадрунов дожил до времен, когда снова стало собором городское пожарное депо, когда чудаки, герои его рассказов, если и не пришли, то подошли к церкви. Сам-то он тоже расположился своим бронзовым изваянием на взгорочке, напротив собора Михаила Архангела, и Красная ворона, сидящая рядом с ним на скамейке, круглым своим глазом косится на храм, наблюдая, что происходит в церковном дворе.

Красная ворона залетела на памятник Николая Шадрунова из рассказов Алексея Ремизова, и этому я сам был непосредственным свидетелем, это я сам собственными глазами видел.

Так получилось, что познакомился я с Николаем в конце 1970 года на занятии литературного кружка при газете «Балтийский луч», а через несколько дней столкнулись в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, поскольку выяснилось, что заказали одновременно одну и ту же книгу А. М. Ремизова.

В этой книге и был рассказ о том, что «много бывало чудес на Руси и каркать о ее гибели, только воздух портить!».

Повествовалось там, между прочим, что привезенный «к пришествию в Петергоф Его Императорского Величества» попугай Антон Антонович Кормедон не захотел на «Der Paragei» откликаться, полюбил щегольнуть русским словом:

— Ich bin russische красная ворона!

Рассказ небольшой, но очень емкий и, главное, удивительно созвучный тому, что Николай Шадрунов про Рамбов писал... Поэтому, когда в 1990 году

Памятник Николаю Шадрину в Ломоносове

в «Советском писателе» выходила первая книжка Николая «Реверс», я так и назвал свое предисловие к ней: «Красная ворона Николая Шадринува».

Русский писатель Алексей Ремизов когда-то воскликнул: «Какая беда с нами стряслась и как оболванило!» — а дальше добавил, что одна надежда осталась на попугаев, которых выпустили в Петергофе еще при Императрице Анне Иоанновне. «Но ведь это же в Петергофе! — сокрушался Ремизов. — А где еще слышна на русской земле “красная ворона”?».

Я вспомнил Ремизова не только из-за географической близости Петергофа и Ораниенбаума и не только потому, что Ремизов — один из «учителей» Шадринува. Слава Богу, что еще пробуждается порою в душе человека ремизовская «красная ворона» и начинает литься незамутненная, нешипящая речь. И весело тогда делается вокруг. Так же весело и беспечно, как в том городе, где поселились герои рассказов Шадринува, в городе, куда легко могут попасть его читатели.

К сожалению, хотя в конце жизни писателю и премию дали, и звание «Почетный гражданин г. Ломоносова» присвоили, написано о Шадринуве очень мало, и мое предисловие к его первому сборнику цитировали великое множество раз, а после смерти Николая ломоносовские библиотекарши, которые Шадринува очень любили (а он их), придумали даже учредить в память о нем знак «Красная ворона».

Статуэтку эту большой почитатель таланта Николая Шадринува, скульптор Николай Александрович Карлыханов, изготовил. Очень шадринувская у него Красная ворона получилась и, наверное, потому и получилась такая, что с Шадринувым Карлыханова не просто знакомство связывало, а некая общность. Мне это в глаза бросилось, когда я его впервые в середине девя-

ностей увидел. Николай Александрович сбежал тогда с семьей из Узбекистана, оставив там и дом, и карьеру, и начал оседать в Рамбове, реставрируя дом Анжу. Помню такое же, как и по поводу Шадрунова, ощущение, что не очень-то и подходит он к здешним дворцам и старинным дачам, но при этом — и это ощущение только крепнет у меня с каждым годом — совершенно неотделим от них, как и от самой рамбовской жизни...

Хорошая, в общем, очень шадруновская Красная ворона получилась.

Вот и памятник Шадрунову с Красной вороной, косящейся своим глазом на собор Михаила Архангела, тоже Николай Карлыханов сделал.

4

Хотя и лил дождь на открытии памятника, но речи, как и положено, говорили.

И жители города, прикрываясь зонтиками, не спешили расходиться.

Только речи не совсем мемориальные звучали.

Вспоминали о Николае всякие подробности, которые памятнику как бы и не положено совершать...

Николай Карлыханов все порывался рассказать, что Шадрунов и сейчас подшучивает над собравшимися, всю поливая их дождем.

А вдова Шадрунова, Татьяна, сказала, что хоть и отпраздновали два года назад восьмидесятилетний юбилей Шадрунова, но все равно памятник поставили правильно, перед настоящим 80-летним юбилеем, который только 4 ноября 2015 года и будет.

И заплакала под этим непрекращающимся дождем...

Потом я с местными библиотекарями отправился в дом Анжу.

Посидели там за столом, поговорили возле старинного, плохо разгорающегося камина, как, однако, не прямо складываются судьбы рамбовских писателей и художников, помянули, понятное дело, Николая Шадрунова, и я двинулся на вокзал, размышляя, что все-таки интересно — вот уже и памятники твоим приятелям начали ставить! — жить в России, если, конечно, жизнь у тебя достаточно долгая.

Дождь к тому времени все-таки кончился.

Чернела вокруг памятника растоптанная земля, а сам Николай Шадрунов как будто и приободрился, искоса поглядывая на двух девчушек, что, совершенно не обращая внимания на бронзового писателя, терли нос Красной вороне...

— Ich bin russische красная ворона! — грустно процитировал я Алексея Михайловича Ремизова, и девчушки заинтересованно посмотрели на меня, соображая, не иностранец ли я, но, разобравшись, потеряли интерес и ко мне.

— У нас, дедушка, в городе обычай такой есть. Нос вороне на счастье тереть... — сказала одна.

— Так вы уже, внученьки, не только себе, а и внукам своим счастья натерли!

— А ты не считай, дедушка... Правнуков тоже забывать не надо...

5

И на этом и собирался я завершить свой рассказ об открытии в городе Ломоносове памятника писателю Николаю Вениаминовичу Шадрунову и

Красной вороне, которая залетела в его жизнь из рассказов Алексея Михайловича Ремизова, но не такой характер у Красной вороны, чтобы так просто отпустить сюжет...

Прошло несколько дней и мне показали заметку, написанную каким-то Михаилом Золотоносовым в журнале «Город 812».

Обругав поставленные за минувший год в Санкт-Петербурге памятники, автор в завершение вспомнил и о памятнике, про открытие которого я рассказывал...

Впрочем, отдушину все же есть — забавный памятный знак «Красная ворона», установленный в Ломоносове и посвященный памяти писателя Николая Шадрунова (1933–2007), почетного гражданина Ломоносова, автора цикла рассказов «Рамбовиана» и книги «Психи».

Образ заимствован у Алексея Ремизова, который в рассказе 1923 г. упомянул, что попугаев, заведенных при Анне Иоанновне в Петергофе, один солдат назвал красными воронами. Потом уже местный русофил Н. Коняев придумал, что, согласно Ремизову, только попугаи и остались единственными носителями чистого русского языка. И этот образ Н. Коняев в 1990 г. применил к Шадрунову. Дескать, у него чистый русский язык, как у ремизовских попугаев. На самом деле Ремизов ничего такого не утверждал, но кто же будет нынче читать Ремизова? Так что с исторической достоверностью и тут неблагоприятно: наврал Коняев про Ремизова. А всем понравилось.

Как я понял, заметку мне показали, чтобы подколоть меня, но — честно скажу! — заметка меня очень развеселила. Особенно слова насчет того, что «на самом деле Ремизов ничего такого не утверждал, но кто же будет нынче читать Ремизова?»

К сожалению, современные журналисты, пополняющие свое образование в основном в Интернете, часто вот так попадают впросак. Понятно, что Интернет великая сила, набьешь в поисковике «А. М. Ремизов. Красная ворона» — и тебе сразу на экране рассказ Алексея Михайловича «Красная ворона» явится. И, прочитав его, не раскрывая книг, можно и эрудицией блеснуть, с присущим таким журналистам апломбом.

Только вот беда, что у А. М. Ремизова и другие произведения есть, где он эту тему развивает, а компьютер-то — подлец такой! — промолчал. Вот Золотоносову и невдомек, что цитировал я в предисловии к Шадрунову не «Красную ворону» А. М. Ремизова, а его текст из «Морозной тьмы»...

6

Приведу уже не для Золотоносова, конечно, а для всех нас несколько фраз из этого воистину великого ремизовского текста:

Какая беда с нами стряслась и как оболванило!

Петр для России Александр Двурогий — «разум сибирской а ус сосотерской» — затеял огрозить военною силой и индустриализировать Московское государство по-европейскому, залил на Москве Красную площадь стрелецкою кровью и по крови дубинкой забил глубоко в землю природный лад русской речи.

Осьмнадцатый век никакой памяти. У Тредьяковского еще какие-то, как из сна, обрывки, а у Ломоносова не ищите.

Третий век, из поколения в поколение — да мы и думаем-то не по-русски, ладя слова по грамматике Грота, и со знаками препинания.

Книга только с намеком на русский лад отзовется единым всеобщим: «не понимаю!». А переводчики отказываются.

Для понятливости Афанасьев поправлял «Русские народные сказки», Забелин исправил «Урядник» царя Алексея Михайловича, а Карамзин в своей «Наталье, боярской дочери», повести из XVII-го века, прямо говорит: «тогдашнего языка не могли бы мы теперь и понимать».

Попугаи хранители старинных диалектов. Правда, в Петергофе при императрице Анне Ивановне немало их напущено, по-русски «красные вороны». **Но ведь это ж в Петергофе, а где еще слышно на русской земле «красная ворона»!**

Стою, как в пустыне, и покликать не знай кого, на чужом не хочу, а своего нехватка.

Вдовы матушки, дьяконицы и причетницы, наши московские просвирни, хранительницы русского лада, все люди простые, и простой человек стесняется: «в речи неискусен». После Пушкина норовили по-«господски» выражаться, а после Хомякова по-«образованному».

Но кто это, и как возможно выкоренить душу народа — душа народа лад его речи? И пусть кровавая дубинка и века молчания, русскую душу под землю забей, сквозь землю, ан выйдет.

Русская словесная земля сберегла из веков русский лад. Беритесь за дьячьи и подьячьи грамоты, корпите над Писцовыми книгами, вникайте в документы Посольского Приказа и Судебные акты — живая речь обвиняемых и свидетелей.

Пушкинское пожелание простор стихам, а это то же, что и прозе, свобода языку и воля слову. Да не тычь в бока, не хлобучь головы чуждым грамматическим железом! А как озвучит слово живая вода! И вы еще увидите, не одни цветы, а и слова цветут.

7

Что тут добавишь к этому?

Только разве спасибо сказать журналисту Золотоносову, что он подумал, будто я такое «наврать», как он выразился, мог.

Увы... Не мог...

И боюсь, что и Николай Вениаминович Шадрунов тоже такого сказать не мог...

И сам Алексей Михайлович Ремизов, разве он это говорит?

Конечно же, нет...

Это душа народа...

«И пусть кровавая дубинка и века молчания, русскую душу под землю забей, сквозь землю, ан выйдет...»

Или живой водой разольется, или словом зацветшим, или Красной вороной взлетит.

И как такое и кому у нас в России может не понравиться?

Алексей ЛЮБЕГИН

ЖИТЬ БЕЗ СУЕТЫ

Алексей Александрович Любегин — родился в 1954 г. в д. Горка Сандовского района Калининской области. Окончил специализированное профтехучилище по специальности «столяр-краснодеревщик». Первая публикация в 1972 г. Печатался в газетах и журналах, в коллективных сборниках. Автор четырех книг стихотворений. Член Союза писателей России с 1987 г. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Важинская И. Скитанья солнечной души. Стихи. — СПб. Родная Ладога, 2014. 168 с.

Название последней прижизненной книги стихотворений Ирины Важинской вызвало из моей памяти пушкинские строки, где есть ключевое слово «скитаться»:

*...По прихоти своей
скитаться здесь и там,
Дивясь божественным
ПРИРОДЫ красотам...
...вот счастье, вот права!*

Счастье «по прихоти своей скитаться здесь и там» Санкт-Петербургская поэтесса извела в полной мере, побывав в городах и весях России, ближнего и дальнего зарубежья как поэтесса, искусствовед и старший научный сотрудник Русского музея.

Тяга к «божественным ПРИРОДЫ красотам» была в ней столь велика, что Ирина Важинская рвалась:

Из города прочь!..

Зачем?

*...Слушать вешние воды.
Там белые ноги в ручьи окунают
Березы — насельницы
тихой природы...*

«Тихая природа», по логике Важинской, была монастырем для берез-насельниц. Именно в этот монастырь рвалась душа поэтессы, уставшей от суеты и косного быта. Потребность молиться уже не с людьми, а с деревьями — свидетельство ее неоспоримого духовного роста. К тому же она подспудно ощущала свое родство с деревьями и даже признавалась в одном из стихотворений: «Я, кажется, завидую

деревьям...». Под дарственными надписями на своих книгах она расписывалась неожиданно: «ИВА».

*...Над водицею
ИВА клонится,
Словно кается...*

Это она о плакучей иве возле Иверского монастыря написала. А кажется — о себе. О себе, склонившейся не над водицей — над отражением неба, по которому она так стосковалась. Небо духа! Да, небо духа в женском монастыре? Или все же есть? Есть, отчего иве быть плакучей...

*Когда пронзительно светлеют дни,
Сверкают, словно льдинки, силуэты
Старинных куполов, что искони
Парят, крестами к облакам воздеты.
Не удержусь я, чтоб не петь, не ПЛАКАТЬ.
Чтоб не скитаться солнечной душе
ЗА ГОРОДОМ, ГДЕ ВЕТРЕНО И СЛЯКОТЬ,
НО СУЕТА НЕ ТЯГОТИТ УЖЕ.*

Спасение от мирской суеты поэтесса обретает не в храме, не в женском монастыре, а в открытом поле за любым городом мира, вне любого города мира, там, где «ветрено и слякоть». Но разве святая Ксения Петербургская не молилась в поле?

Поэтессе все-таки нелегко молиться вдали от деревьев. Иное дело — в лесу, где:

*Отсыревший сквозной березняк,
Всхлипты ветра и талой воды
Так созвучны мне нынче, и так
Облака надо мною чисты,
Что в березовом круге свечей
Я тихонько молюсь, будто плачу...*
.....
*И сердечная боль за родных
И Отчизну — в молитвах моих.*

Нет ничего необычного в лесных молитвах Плакучей Ивы — Ирины Важинской. Ведь в лесах молились и Сергей Радонежский, и Серафим Саровский, и многие Богу и Церкви известные подвижники и подвижницы, спасаясь от суетного мира.

Известно, что в последние годы жизни Пушкин все больше тяготел к аскезе. К аскезе тяготела и Ирина Важинская, почитавшая Пушкина. В стихотворении «Зимняя дорога» есть такие строки:

*...В душе — стихи про солнце и мороз,
И жажда жить БЕЗ СУЕТЫ, ВСЕРЬЕЗ
И ВГЛУБЬ...*

Ну как не возрадоваться этим строчкам! Как не согласиться с тем, что душа поэтессы, действительно, солнечная! Ведь в ней — пушкинские стихи, а он, как известно, Солнце Русской Поэзии! Как же душе Ирины Важинской не быть солнечной! Ее душа помнила пушкинское наставление: «Служенье муз не терпит СУЕТЫ». И Важинская спрашивала себя:

*...Осознав свое предназначенье.
Я исполню ли его без СУЕТЫ?..*

Прощание с молитвенницей за «родных и Отчизну» прошло в кругу поминальных свечей в больничном морге при огромном стечении людей и цветов. Запоздалые цветы, которых так не хватало Плакучей Иве при жизни, ложились в гроб, желая отправиться вместе с ней в последний путь.

День похорон поэтессы совпал с днем поминовения Пушкина. В этот день поэтесса из Кинешмы Наталья Андреева, выступая перед учителями и учениками 10-й школы для слабослышащих (Санкт-Петербург), оповестила их о кончине Ирины Важинской. Учителя и ученики почтили минутой молчания Ирину Важинскую и Александра Пушкина, а потом, слушая их стихи в исполнении Натальи Андреевой, дружно аплодировали — Пушкину и Важинской, достойно исполнившей свое поэтическое предназначение.

И хотя все это происходило в другом конце города, мысленно все они принимали участие в отпевании поэтессы. В этот скорбный февральский

день тело покойной отправилось путем всея земли на Киневеевское кладбище Санкт-Петербурга, а ее легкая солнечная душа отправилась путем всея неба, наконец-то освободившись от ненавистой суеты и косного быта. А всем, кто был дорог ей при жизни, Солнечная Душа приказала долго жить «без суеты, всерьез и вглубь» и не оставлять без попечения осиротевшие без нее стихи.

Ирина Важинская

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

ПОЕЗДКА В КАРАМЗИНКУ

Елена НАУМОВА

Сойдя с поезда в Ульяновске, мы несколько минут не могли перейти вокзальную площадь, провожая завистливым взглядом кортеж автомобилей, в которых встречающие увозили некоторых из прибывших пассажиров. Когда же удалось подойти к остановке автобуса, заметили старенькую девятку и стоявшего возле нее задумчивого водителя. Решили спросить: «До Карамзинки довезете?» «А как же, мигом долетим, всего десять километров от города». «Нет, нам не туда нужно», — медленно произнесли мы. «А куда же? — удивился таксист. Тогда мы принялись объяснять, что хотим попасть не в ту «Карамзинку», где ныне находится дом для душевнобольных, а в деревню, где провел детские годы великий писатель, историк, журналист Н. М. Карамзин. «Ну что ж, надо подумать, — промолвил хозяин девятки, — пожалуй, поедем».

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

И предложил цену, которая вполне нас устроила. Итак, вместо того, чтобы отдохнуть в гостинице, мы снова отправились в путь, но на этот раз уже по шоссе в сторону Сызрани.

Конечно же, мы ехали, располагая определенными сведениями о жизни Карамзина, как в Ульяновске, так и в деревне, где он провел детские годы. В самом Ульяновске помнят о великом земляке. В честь него названа библиотека, отдел редких книг которой размещился в здании бывшего Дворянского собрания. Там в старинных шкафах хранятся книги из личного собрания писателя, переданные городу его потомками. В 1845 году в Симбирске установили памятник Карамзину. Но

не подумайте, что на пьедестале возвышается застывший в бронзе автор «Бедной Лизы». Нет, вы увидите ту, которая вдохновляла его на создание великого исторического труда, — музу истории Клио. Бюст же самого Карамзина находится в нише памятника. Под ним можно прочитать надпись: «Николаю Михайловичу Карамзину, историку Российского Государства повелением Императора Николая I». По сторонам пьедестала — два барельефа из меди, выполненных в стиле классицизма. На одном Карамзин читает отрывки из своей «Истории» Императору Александру I, причем Николай Михайлович изображен в римской тоге. Второй барельеф посвящен более печальной теме — последним часам жизни Карамзина, который в окружении семейства получает в качестве высочайшей милости благодарственный рескрипт, предусматривающий путешествие в Италию и получение огромной по тем временам суммы в пятьдесят тысяч рублей. Воспользоваться царской милостью историк так и не успел.

Есть в Симбирске и еще один монумент, имеющий отношение к Карамзину. В 2005 году в городе появилась гранитная стела, в центре которой красуется буква «Ё». Может быть, кто-нибудь догадался, что она стала использоваться в русском языке благодаря все тому же Н. М. Карамзину. С этой буквой в 1796 году было напечатано несколько стихотворений, вошедших в первую книжку издававшегося Карамзиным альманаха «Аглая» — так звалась одна из трех античных граций. Интересно, что даже сам Карамзин не сразу привык к этой букве. Во всяком случае, в изданиях «Истории

В Ульяновске не забывают знаменитого земляка

*Памятник Н. М. Карамзину в Ульяновске.
Установлен в 1845 году. Автор проекта
памятника — скульптор
Самуил Иванович Гальберг*

Государства Российского» она отсутствует.

29 ноября в Ульяновске отмечается День «буквы Ё». Мы вполне разделяем такое уважительное отношение к этой гласной. Ведь пренебрежение к ней может привести к весьма курьезным происшествиям, какое чуть было не случилось с одним из нас в период работы собственным корреспондентом газеты «Труд» в Чехословакии. На географической карте есть название — «Чёшская губа». Это один из заливов Карского моря. Работая в Праге, журналист, естественно, заинтересовался этим названием и даже решил отправиться в далекие края. Просматривая перед отъездом географические издания, он обнаружил подлинное название залива — Чёшская губа, происходящее от впадения в море реки

Чёши. Вот и вся разгадка. Но почему-то картографы, которые должны стремиться к точности, часто пренебрегают буквой Ё, исключая ее из географических названий. Что же касается очертаний буквы на ульяновском памятнике, то оно повторяет ее написание в слове «СЛЁЗЫ» на 166-й странице выпускавшегося Карамзиным другого альманаха — «Аониды».

К сожалению, стоявший на Венце — крутом волжском обрыве — двухэтажный дом Карамзиных не сохранился. А ведь сам Николай Михайлович, узнав от брата Василия о начале его строительства, писал: «Воображаю привольно моего любезнейшего брата, сидящего под окном прекрасного дома и смотрящего на величественную Волгу, столь знакомую мне с детства. Симбирские виды уступают в красоте не многим в Европе...». Жаль, конечно, что родовое гнездо Карамзиных до наших дней не дошло. Может быть, его восстановят к 2016 году, когда будет отмечаться 250-летие писателя? И как бы хотелось, чтобы в нем разместился музей великого земляка сегодняшних жителей Ульяновска. А ведь еще А. С. Пушкин во время пребывания в Симбирске 15 сентября 1833 года изобразил дом Карамзиных на одном из своих рисунков. А еще в Ульяновске, вернее, неподалеку от него, есть аэропорт, названный, конечно же, в честь Карамзина. Вот с таким багажом знаний о «следах» Карамзина в городе и его окрестностях мы

приближались к селу Елшанка.

Сначала все шло отлично. Но вот мы свернули с трассы, и скоро дорога уперлась в деревню, где мы стали обсуждать с местными жителями, сколько осталось до Карамзинки и сможем ли мы туда добраться проселочной дорогой. «Да, — многозначительно промолвила пожилая женщина. — Сейчас проехать можно. Всего семь километров, тем более, что дожди не шли целых две недели. И хотя кое-где по оврагам и низинкам еще лежит снег, земля уже просохла. Я сама неделю назад пешком дошла до Карамзинки. И ничего».

Мы поверили ей, но очень скоро нашей уверенности в успешном достижении цели поубавилось. Едва выехав из деревни, мы оказались в поле. По его краям серпантином из-

«Карамзинская общественная библиотека» — мемориальная экспозиция в Ульяновской областной научной библиотеке им. В. И. Ленина

Карамзинка сегодня

вивалась еле заметная не то тропа, не то дорога, а тут еще мостик через ручей, который на самом деле представлял собой две бетонные плиты, ширина которых едва превышала ширину автомобильной шины. С трудом миновали ручей и продолжили свой путь среди появившихся озимых. Подъехали к деревне. Дорогу преградил трактор, возле которого возился мужчина средних лет. «Дальше дороги через деревню нет. Вы попали в Малую Карамзинку. А до Большой Карамзинки, куда вам надо, всего с километр. Вот там она, — и он указал в сторону видневшихся вдали крыш. — Но добраться туда можно только полями». Мы еще поговорили немного и узнали, что тракториста зовут Павлом, и вот уже двадцать лет он работает фермером. С весны до осени в полях, и только зиму проводит в Ульяновске, с семьей. Круглый год безвыездно в Малой Карамзинке живет лишь девяностолетняя бабуля. Да, мы действительно почувствовали себя первопроходцами среди бескрайних полей. И поэтому решили задать такой вопрос: «А появлялись ли здесь кто-нибудь до нас в поисках усадьбы Карамзина?». И вдруг услышали весьма удививший нас ответ: «Да, в начале девяностых годов приезжали сюда японцы. Представились как знатоки творчества Карамзина». — «А наши?» — «Лет десять назад пожаловали к нам журналисты, как и вы. Но почему-то дальше ехать не отважились. Развернулись — и обратно». Мы же, на свой страх и риск, решили продолжить путь.

Прощались с фермером и вновь оказались среди полей. Конечно же, заблудились. Еле видимые домики Большой Карамзинки совсем потерялись из виду, и никакая дорога к ним уже не вела. Пришлось снова вернуться

Крест на месте перенесенного в Ульяновск храма

в Малую Карамзинку и оттуда вновь начать путь по другой дороге, которая привела нас к шлагбауму, перегородившему мостик через еле заметную речушку. Снова вернулись. Подъехали к убогой избушке, из которой вышел заросший, в оборванной одежде человек, мало походивший на фермера. Его звали Эдуардом. «Правильно ехали, — тягуче произнес он, — надо было только пройти по мостику, а там и деревня начинается. Машину можно оставить у шлагбаума. Так что возвращайтесь, но только скорее, я ведь траву поджег». Мы оглянулись и с ужасом увидели, как со стороны речки к дороге стеной подступал огонь. Но нам ничего не остава-

лось, как вновь ехать в сторону шлагбаума.

Горел прибрежный камыш. Пламя уже не стелилось по земле, а шло верхом. Отдельные его языки угрожающе выползали на дорогу. Но мы продолжали путь под собственные причитания и вздохи водителя. Девятка придавливала стелившийся по дороге огонь, слава Богу, что пламя не разгорелось под машиной. Так, в дыму и чаду, вновь приблизились к шлагбауму. Водитель остался у машины, а мы перешли по мостику на другой берег. Только переправились, как увидели ехавший навстречу УАЗик. «Здравствуйте, — сказал вышедший из него мужчина, — меня зовут Сергеем. Сарафанное радио, — весело произнес

*Бывшая Знаменская, ныне Благовещенская
церковь, перенесенная
из Карамзинки в Ульяновск*

*Карамзинка. Ограда на предполагаемом месте захоронения
Василия Карамзина, брата знаменитого историка*

он, — уже сообщило, что в округе рыщут журналисты. Усадьбу Карамзина хотят найти». — «А если серьезно, — спросили мы, — как вы узнали о нас?» — «Да Эдуард позвонил». — «Это тот самый фермер, который поджег траву?» — «Да какой он фермер, просто бомжует здесь. А траву поджег, потому что боится, что его хибарку могут спалить черные археологи. Они к нам частенько навешиваются». — «А далеко до усадьбы?» — задали мы еще один вопрос. — «Да нет, совсем близко, могу подвезти». Нас не надо было долго уговаривать, мы быстренько уселись в машину и совсем скоро оказались возле металлического креста. Его поставили несколько лет назад на месте деревянной Знаменской церкви, построенной по завещанию старшего брата Николая Карамзина — Василия. Обретя храм, Карамзинка стала называться Знаменским. Но в начале девяностых церковь разобрали и перевезли в Ульяновск. С одной стороны, возможно, поступили правильно — спасли забытый в глухом месте архитектурный памятник от гибели. Но в то же время мы вспомнили слова фермера из Малой Карамзинки о том, что все, кто разбирали церковь, в скором времени ушли из жизни. Ведь неслучайно в здешних местах говорят, что негоже переносить храмы.

*Ульяновск. Могила Василия Карамзина.
Захоронение перенесено из Карамзинки*

Рядом с крестом расположена могильная ограда. Но надгробного камня нет. Когда-то на этом месте похоронили В. М. Карамзина, брата знаменитого историка. Ему-то и принадлежала Карамзинка. Само захоронение тоже перенесли в Ульяновск. Оно находится на территории некрополя, недалеко от сквера, который называют «Колючей оградкой». В самой Карамзинке о существовании усадьбы напоминает заросший пруд, похожий скорее на болотце. А где находился усадебный дом, никто в деревне точно не знает. По словам одного из местных жителей он стоял возле пруда, на пригорке, ныне поросшем кустами сирени. Не скрою, мы с трудом понимали слова единственного постоянного обитателя Карамзинки. Его слова нам «переводил» Сергей, который снисходительно объяснил: «Не удивляй-

тесь, дед Михаил здесь один круглый год живет. За зиму порой ни одного слова не произносит. Вот и отвык от человеческой речи».

Впрочем, по другой версии, усадебный дом находился в стороне от деревни. Там, где ныне возвышается тополиная аллея. Но старых деревьев нет. Тополя высадили, когда вокруг Карамзинки создавали лесозащитные полосы, спасавшие поля от выветривания.

Настало время прощаться с Карамзинкой и с ее гостеприимными обитателями. В этот момент мы с ужасом подумали о том, как нас встретит и что скажет оставленный на другом берегу речки Каменки водитель такси. Ведь прошло уже немало времени с тех пор, как мы оказались в деревне. Мы поспешили к машине, провожаемые взглядом жителей деревни, не привыкших к появлению чужаков. На счастье, Слава встретил нас достаточно дружелюбно. И только пожаловался на то, что заканчивается бензин. Ведь сколько мы кружили по полям! «Ну и хорошо, — грешным делом подумали мы. — Чем меньше бензина, тем меньше вероятность взлететь на воздух, странствуя по огненным полям». Но намек поняли и сказали, что сверх оговоренной суммы обязательно оплатим заправку.

Обратная дорога, как это часто случается в путешествиях, показалась не такой долгой. Расплачиваясь со Славой, спросили, не согласится ли он отвезти нас в другую «Карамзинку» — так называют ульяновскую психиатрическую лечебницу, построенную на средства потомков Карамзина согласно духовному завещанию историографа. «О чем речь, конечно, — весело ответил отважный водитель. — Понимаете, с сегодняшнего дня слово “Карамзинка” приобрело для меня особое значение».

ВЫШЛА КНИГА

Шестаков Ю. М.

Зеркало памяти. Рассказы, эссе, статьи, воспоминания / Сост. И. Н. Важинская. — СПб. : Родная Ладога, 2015. — 608 с.

В книгу «Зеркало памяти» вошли рассказы, эссе, статьи Юрия Шестакова, наполненные глубокими размышлениями о судьбах Отечества и русской поэзии, а также публицистические очерки, отразившие эпоху, время, в которое жил и творил поэт, историю литературы второй половины XX века. Интересный раздел представляют собой литературные киносценарии и сценарии радиопередач. Даром признательной памяти являются несколько десятков статей о творчестве Юрия Шестакова, воспоминаний о нем, стихотворений, посвященных поэту.

Связь ВРЕМЕН

Анатолий ХАЗАНОВ

ВХОЖДЕНИЕ В БОЛЬШУЮ ЖИЗНЬ

Анатолий Михайлович Хазанов — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, действительный член Лиссабонского географического общества. Родился в 1932 г. в городе Благовещенске. Окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова. Работает в Институте востоковедения РАН. Автор трех десятков монографий и более 300 статей. Профессор кафедры теории и истории международных отношений МГЛУ. Имеет многолетний опыт преподавательской работы. Под его руководством подготовлены и защищены диссертации более 30 кандидатов и двух докторов наук.

Жизнь — это минное поле, и надо учиться на опыте тех, кто прошел его, не взорвавшись.

Я родился 1 мая 1932 года в городе Благовещенске на Амуре. О своей родословной я знаю немного, хотя кое о чем я спрашивал у отца и даже записал то, что удалось выяснить. Мой отец Михаил Аронович Хазанов родился в 1900 году в Вильнюсе, умер в 1981 году. Дед папы Моисей Давидович родился в городе Лепеле Витебской губернии, был рабочим мыловаром.

Отец папы (мой дедушка) Арон Моисеевич был мелким торговцем. У него был брат (дядя отца) Лазарь Моисеевич, который убил пристава в 1913 году, был пожизненно сослан в Петровск-Забайкальск и умер в середине 30-х годов. К нему приехал жить в 1923 году мой отец.

Мать папы — Ревека Давидовна Осиновская умерла в 1911 году. Ее брат Борис Давидович имел шесть сыновей. У одного из них — Исака — папа работал управляющим лесной биржи в Старой Русе еще совсем молодым в 1915–1916 годах.

С моей мамой — Сарой Ароновной Шварц — отец познакомился и поженился на Дальнем Востоке в городе Чите. Мама родилась там, в 1901 году, а умерла в 1942 году в возрасте 41 года. Ее родители жили в Чите. Отец Арон Павлович Шварц был рабочим в аптекоуправлении, мать Надежда Лазаревна Левинская — работала уборщицей в магазине. Одна из маминых сестер — Лилия Ароновна Шварц — сыграла большую роль в моей жизни.

В 1936 году наша семья переехала в Ярославль. С пятнадцатилетнего возраста и на протяжении всей своей жизни я вел дневник, так что могу восстановить основные события своей жизни почти с документальной точностью. Вот первая запись в

моем дневнике: «19 июня 1947 года, 3 часа дня. Вывожу первые строчки моего дневника. Мысли и отрывки мыслей беспорядочно толпятся в моей черепной коробке и, очевидно, мешают друг другу, так что я решительно не знаю, с чего начать».

Сейчас я ловлю себя на том, что те же самые мысли, которые роились в моей голове на заре моей жизни, одолевают меня и ныне, на закате моей жизни. Я опять, как и 60 лет назад, решительно не знаю, с чего начать мое жизнеописание.

Я взял с тумбочки пачку бумаги, ручку и надолго задумался. Надо вспомнить всю свою жизнь, а это занятие нелегкое.

С высоты 75 лет вся жизнь видится так, как земля с высокой башни — все кажется маленьким, незначительным и трудноразличимым. И все же надо постараться выделить и вспомнить хотя бы самое существенное. Давай, Толя, поднатужься и напряги свою память!

Я пытался оживить в памяти самые ранние воспоминания своего детства. «Интересно, какое же самое первое из них отложилось в памяти? Пожалуй, вот это: мама моет пол, передвигаясь по нему на четвереньках. При этом она за что-то бранит нас — меня и моего братишку. Следующее воспоминание: мы с братиком возимся на ковре и играем в кубики...»

Да, как все это было давно, кажется, с тех пор прожито не одна, а тысячи жизней. Я продолжал перебирать в памяти воспоминания своего детства. Все они такие отрывочные, разрозненные, трудно уловимые. Запомнилось не то, что важно, а то, что больше всего согрело или, наоборот, поранило душу. Вот пионерский лагерь около Ярославля. Мне 8 или 9 лет. Вместе со мной отдыхает друг детства Юра Рунов. Как болезненная заноза сидит в моей памяти такая сцена: ребята загорают на солнечной лужайке, удобно расположившись на траве. Вместе со всеми загораю и я, положив голову на колени сидящему на траве Юре Рунову. Вдруг подходит какой-то незнакомый парень и, обращаясь к Юре, с искренним недоумением спрашивает: «Ты чего держишь на коленях этого...?» Лицо парня исказила брезгливая гримаса, как если бы он видел перед собой жабу. Я не расслышал ответ Юры. Кровь бросилась в виски. Стало невероятно противно. Возникло чувство отверженности и бесполезности от сознания, что я не такой, как все. До этого я никогда не задумывался над своим происхождением. Теперь меня неотступно преследовали вопросы: почему мы не такие, как все? — за что нас презирают и ненавидят?

Тогда я еще не знал, что этим вопросам и этим мыслям суждено стать неразлучными спутниками, постоянным печальным аккомпанементом моей жизни.

Вскоре к этим чувствам отверженности, отвращения и беспомощности добавилось еще и чувство страха за свою жизнь и жизнь близких. В конце 1941 года, когда немцы были уже в нескольких километрах от Ярославля, поползли слухи, что они не сегодня завтра будут в городе. Когда мы гуляли во дворе, соседка Катя Жукова крикнула громовым голосом, показывая на меня и брата Бориса: «Как только немцы придут, я первая покажу, где у нас живут...!»

Больше всего меня удивило, что никто из соседей не возразил ей ни слова — все боялись за собственную жизнь. Позже мне много раз приходилось убеждаться в том, что страх порождает «молчание ягнят».

Воспоминания военного времени врезались в мою память особенно глубоко, и сейчас они ярко и четко высветились на экране памяти. Вот громко, протяжно и противно воеет сирена, и из репродуктора доносятся напряженные пугающие слова: «Граждане, внимание! Воздушная тревога!»

Взрослые сразу бросали все свои дела, хватали за руку детей и спускались вместе с нами в бомбоубежище, где сидели до тех пор, пока тот же голос из репродуктора не говорил уже совсем другим, облегченно радостным тоном: «Внимание! Отбой воздушной тревоги!»

Я вспомнил, как однажды зимой 1941 года, когда началась воздушная тревога, видел самый настоящий воздушный бой, взрослые спрятались в бомбоубежище, а мы, мальчишки, демонстрируя друг другу свою храбрость и больше всего на свете боясь прослыть среди своих товарищей трусами, остались во дворе. Всем было страшно, но никто не решался этого показать.

А над нашими головами шел воздушный бой. Я видел, как от немецких бомбардировщиков отделялись маленькие черточки, выстраивались в пунктирную линию. Наши истребители атаковали этих бомбардировщиков. Снизу палила противовоздушная артиллерия. Вдруг я ощутил, что в мое зимнее пальто ударились что-то твердое. Я наклонился и посмотрел на этот предмет — это был небольшой осколок снаряда. Удар, к счастью, был слабым и не причинил никакого вреда. Я бережно и уважительно взял осколок в руки, осмотрел его со всех сторон и сунул в карман. Дома переложил в шкатулку для самых ценных вещей и хранил почти всю свою жизнь как дорогую реликвию. В другой раз во время бомбежки мы с друзьями бегали к зданию НКВД, около которого взорвалась немецкая бомба. За это я получил крепкую трепку от отца.

В ноябре 1942 года, в разгар войны, от туберкулеза умерла моя мать. Я запомнил на всю жизнь сгорбленную фигурку навзрыд плакавшего отца, заплаканных родственников. Мне было тогда 10 лет. Это была первая в моей жизни тяжелая утрата близкого человека. Сколько их еще ждало меня впереди! Я еще не знал, что каждая такая утрата оставляет на всю жизнь глубокий, никогда не заживающий рубец на сердце, и от каждого из них жизнь укорачивается, подобно бальзаковской шагреновой коже.

Через несколько месяцев после смерти матери, отец женился на ее сестре (таков еврейский обычай).

Эта женщина — моя тетя, а затем и мачеха, заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее.

Лилия Ароновна Шварц (по первому мужу Четунова) была женщиной незаурядной, весьма образованной и чрезвычайно талантливой. Она обладала необычайно эффектной внешностью. Большие темные глаза, длинные черные волосы, высокая стройная фигура — придавали ей какую-то особую привлекательность, элегантность, одним словом, шарм, совершенно неотразимый для мужчин.

Лиля Шварц закончила Медицинский институт в Москве, по собственному желанию попросила направить ее на работу врачом на Колыму в страшный ад ГУЛАГа для того, чтобы, насколько это было в ее силах, помочь заключенным переносить те страдания, на которые их обрекли Сталин и его подручные. В Колымских лагерях в конце 30-х годов — в начале 40-х она провела несколько лет в качестве вольнонаемного врача и спасла от преждевременной смерти тысячи людей. Она выдавала больничные листы,

укладывала в госпиталь, лечила и облегчала страдания многим жертвам сталинского террора, и по всей Колыме из уст в уста передавали рассказы о чудесной доброй докторше Лиле Шварц, спасшей жизни многим людям, которые без ее помощи наверняка погибли бы от голода, холода и изнурительной работы. Благодарные эки, работавшие на колымских золотых приисках, в знак признательности приносили любимой докторше самые крупные из найденных ими золотых самородков. Как рассказывала Лиленька, золотыми слитками была забита вся ее комната, они валялись на полу и на подоконниках, причем двери комнаты никогда не запирались...

На Колыме Лиля Шварц встретила много выдающихся талантливых людей — политзаключенных, среди которых были писатели, художники, музыканты, люди самых различных профессий, повседневное общение с которыми духовно обогатило Лилю и сделало ее суперинтеллектуалкой. Ощувив непреодолимую тягу к литературному творчеству, она написала несколько романов и повестей, но, к сожалению, все они позже были утеряны.

На Колыме Лиля встретила своего первого мужа — вольнонаемного врача Четунова. Это был очень умный, образованный и добрый человек. Одно из воспоминаний мне врезалось особенно глубоко. Лилия Ароновна Шварц и ее муж Четунов перед самой войной приезжали в отпуск в Ярославль навестить маму — сестру Лили. Перед моим мысленным взором до сих пор стоит эта картинка: высокий импозантный с аристократической внешностью врач Четунов созвал во дворе детвору чуть ли не со всей Республиканской улицы и, доставая из большого баула, вручал каждому металлическую коробку с леденцами и всякие другие сладости, которые в те голодные годы считались поистине неземным деликатесом. Это был чудесный добрый человек! Но, к сожалению, судьба не была к нему снисходительной. Ему не суждено было долго наслаждаться счастьем с красавицей-женой. В самом начале войны Четуновы уехали с Колымы, решив перебраться в Москву. При них были несколько чемоданов, набитых золотом. Однако, когда пароход отошел от Петропавловска-на-Камчатке, направляясь во Владивосток, разразился девятибальный шторм. Судно дало течь и стало тонуть. Когда люди стояли уже по пояс в воде, капитан скомандовал: «Вещи за борт!», и матросы, не обращавшие внимания на мольбы и крики пассажиров, стали выбрасывать в море их чемоданы, набитые золотом и деньгами. Некоторые пассажиры бросались за борт вслед за своими вещами. Многие посидели в течение нескольких минут. Золото Четуновых тоже оказалось на дне Охотского моря. Пароход был спасен японским судном, принявшим сигнал «SOS» и отведшим его в ближайший японский порт, через несколько дней все советские пассажиры были возвращены японцами на родину. Четунов после всех этих потрясений тяжело заболел и вскоре после приезда супругов в Москву умер от инфаркта.

Когда заболела мама, Лилия Четунова бросила свою квартиру в Москве в Козихинском переулке и приехала в Ярославль к больной сестре. В нее невозможно было не влюбиться, и отец влюбился по уши. Через какое-то время после смерти жены он сделал ей предложение, и она его приняла. Для нее это предложение вовсе не было заманчивым, так как при ее внешних данных, образованности, уме она могла бы найти мужа и получше, и побогаче, и не в провинции, а в Москве, где у нее была квартира в центре города. Но ею руководило чувство долга — надо было помочь поставить на

ноги троих маленьких племянников (самому старшему Борису было тогда 14, мне — 10, а младшему Вове 5 лет).

После женитьбы отца на Лиленьке, весь уклад жизни семьи изменился коренным образом. Лиленька сразу привнесла в эту жизнь какую-то интеллектуальную струю. Она словно распахнула окно в мир, и поток свежего воздуха ворвался в спертую и душную атмосферу мещанского быта. Она постепенно, но упорно стала приучать детей к творческим и интеллектуальным занятиям. Почти каждый вечер в доме устраивалась читка вслух художественной литературы. О, как любил я эти незабываемые долгие зимние вечера, когда, устроившись поудобнее на диване, часами слушал, боясь пропустить хоть единое слово, как отец или Лиленька читали вслух «Отверженные» Виктора Гюго или «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. Таким способом Лиленька сумела привить всем трем братьям любовь к чтению. Для меня эта любовь стала самой большой и неутолимой страстью на всю последующую жизнь. Первой книгой, которую я прочел самостоятельно, был «Спартак» Джованьоли. Эта книга зародила во мне любовь к истории, которая потом превратилась во всепоглощающую страсть и определила выбор профессии. За «Спартак» последовали «Айвенго», «Ричард Львиное Сердце» и другие романы Вальтера Скотта, а затем книги Майн Рида, Жюль Верна, Стивенсона, Джека Лондона, Драйзера, Конан Дойля.... Довольно рано я пристрастился к классикам и даже стал вести дневник, который озаглавил «Дневник моих знакомств с мировыми классиками». Лиленька умело поощряла детей не только к чтению, но и к собственному творчеству. Под ее благотворным влиянием я уже в 10-летнем возрасте начал пробовать сочинять стихи. Свои первые «опусы» носил на суд Лиленьке, и она подвергала их справедливой и очень доброжелательной критике. Она была безусловно талантливым педагогом и воспитателем. Часто я слышал и ее суждения по политическим проблемам. Меня всегда ужасно удивляло, что Лиленька говорила совсем не то, что я слышал в школе, по радио, в кино или читал в газетах. Нам всюду и везде внушали, что Сталин — гений и мудрейший вождь всех народов, что наш строй самый справедливый и лучший в мире, что нет на свете народа счастливее, чем советский народ. Лиленька же говорила прямо противоположное: Сталин — палач и убийца, наш строй — самый дикий и бесчеловечный, наш народ живет в голоде, нищете и вечном страхе. Иногда она рассказывала о тех ужасах и актах кровавого сталинского террора, которые ей довелось видеть во множестве своими глазами в царстве ГУЛАГа. Она заронила в моем мутном сознании семена критического отношения к советской действительности, хотя в те годы под влиянием массовой официальной пропаганды я был еще махровым сталинистом. Но семена были брошены, и когда-нибудь они должны были дать всходы. По инициативе Лиленьки в семье начали даже издавать домашнюю юмористическую стенгазету, которая называлась «Начхать вам на голову!» В ней печатались смешные заметки, фельетоны и стихи (газета выходила в рукописном виде). Когда в пятом классе нам задали сочинение о Сократе, я написал: «Сократа я себе не представляю, но связывает нас единой мысли нить: Я тоже говорю, что ничего не знаю, когда приходится к доске мне выходить!»

Рано пробудившаяся во мне любовь к истории проявилась в том, что мы вместе с братом Борисом изобрели собственную игру. Мы нарезали каранда-

ши на мелкие кусочки (их называли «чубчики»), которые изображали солдат-легионеров и офицеров древнеримской армии, армии Ганнибала и т. п. Эти армии мы передвигали, формировали, разворачивали в боевые цепи и сталкивали в бою (в самом буквальном, прямом смысле этого слова). «Чубчики», которые при этом падали, считались убитыми воинами. Игрой в «чубчики» я и Борис увлекались много лет, даже в школьные годы.

Одно из самых сильных впечатлений детства было связано у меня с первым посещением ярославского театра имени Федора Волкова, где я посмотрел спектакль «Овод». Это была первая пьеса, которую мне удалось увидеть на сцене. Она произвела на меня ошеломляющее впечатление. Я мучительно страдал, плакал от жалости и скрежетал зубами от ненависти. Эта пьеса открыла мне новый неведомый мир — мир прекрасного, мир искусства, который навсегда стал неотъемлемой частью моей жизни.

«Овод» произвел на меня настолько сильное впечатление, что, придя домой, я склеил из бумаги миниатюрную сцену, декорации, актеров и стал показывать домашним сочиненные мною самим пьесы (как в кукольном театре).

Войну я вспоминаю как время голода, холода и огромнейшего напряжения моральных и физических сил. Питалась наша семья плохо. Счастливым считался день, когда удавалось поесть жареные картофельные очистки. О существовании таких продуктов, как мясо, масло, сахар, давно забыли. Вместо сахара в пищу употребляли так называемый сахарин, а если в доме появлялся кусочек сахара, то чай пили вприглядку. Самым большим деликатесом считалась конина. Однажды ее удалось достать, и мама сделала котлеты из конины, которые все съели с огромным удовольствием. От голода во время ленинградской блокады умер мой дедушка.

Отец, Михаил Аронович во время войны имел бронь (документ, дававший право отсрочки от мобилизации в армию). Он работал начальником транспортной артели. В его распоряжении было несколько сотен лошадей, использовавшихся для транспортировки грузов. От голода лошади дохли в огромном числе. Михаил Аронович, отличавшийся незаурядными способностями, придумал способ, позволявший лошадям как можно дольше сохранить быстро убывающие силы. Он предложил привязывать лошадей к потолку конюшни. В таком подвешенном состоянии они экономили силы и ту энергию, которая расходовалась на стояние на ногах. Кроме того, он ухитрился где-то доставать корма, и вскоре артель окрепла.

В конце 1941 года немцы подошли к Ярославлю настолько близко, что была реальная угроза захвата города. Уже велась запись в партизанский отряд, и брата Бориса туда записали, чем он потом ужасно гордился. Я же об этом не мог и мечтать — мне было всего 9 лет. Некоторые старшие ребята из нашего двора ушли на фронт. Особенно хорошо я запомнил одного — Васю Гребешкова, у которого была очень красивая сестренка Катя. От него долго не было никаких известий, а в конце войны вдруг пришло письмо из Франции, в котором он известил мать и сестру, что попал к немцам в плен, затем бежал из концлагеря и вступил в Ряды Французского сопротивления. К письму была приложена фотография — Вася среди французских маки, одетый в их форму, в лихо надвинутом на лоб берете. Судьба Васи Гребешкова была трагичной. После войны он угодил в сталинский концлагерь и умер на каторжной работе в Чирчикстрое (Узбекистан).

Хорошо запомнился мне День Победы: все высыпали на улицу, обнимались, целовались, смеялись от счастья. Это был самый (а может быть, единственный) счастливый день моего детства.

В школу я поступил учиться еще до войны в 1940 году. У всех в памяти еще был 1937 год, о котором напоминало многое, даже старые школьные учебники. Когда я пришел в первый день в первый класс, учительница командовала: «Дети, раскройте ваши учебники и залейте чернилами портреты Бухарина, Зиновьева, Каменева, Блюхера, Тухачевского, Егорова». Дети с огромным удовольствием плескали чернила из бутылки на портреты «врагов народа». С этого акта «очернения» (в буквальном смысле этого слова) началось мое образование. Все тогдашнее образование было рассчитано на то, чтобы готовить из молодых людей подлецов «а ля Павлик Морозов».

С раннего детства у меня был комплекс неполноценности. Я страдал из-за своей непривлекательной внешности. Ассиметричное лицо и деформированный нос были главной причиной этих страданий. Отец говорил, что, когда я был еще грудным младенцем, старший братишка случайно ударил меня ногой по носу и сломал носовую перегородку. Так ли это было на самом деле — проверить было невозможно. Деформированный нос еще в школе сделал меня предметом насмешек товарищей и заслужил мне кличку «кривонос». Впоследствии этот физический недостаток повлиял и на психическо-интеллектуальное развитие. Он развил во мне ощущение превосходства окружающих и собственного несовершенства. Комплекс неполноценности и внутренние конфликты заставили меня искать такие формы самореализации и самоутверждения, при которых внешность не имеет никакого значения. С раннего детства я сильно комплексовал и в то же время стал подсознательно ощущать, что на внешность рассчитывать нечего и, следовательно, надо делать ставку на что-то иное. Вступив в сознательную жизнь, я, сначала инстинктивно, а потом осознанно, стал стремиться преодолеть внутренний конфликт, обрести душевное равновесие и самоутвердиться, компенсируя дефекты внешности усиленным развитием интеллекта. Это развитие стимулировалось тем, что я рано стал замечать, что оно приносит желаемый эффект и дает внутреннее равновесие, поскольку помогает приобрести необходимое для этого уважение окружающих и, как следствие этого, самоутверждение. Еще в четвертом классе школы, когда я стал «круглым» отличником, никто больше не решался меня дразнить, а когда на «Доску почета» повесили мою фотокарточку, мне однажды удалось случайно подслушать, что, несмотря на явную ассиметричность физиономии и прочие недостатки, меня находили симпатичным и даже красивым. Я сразу вырос в собственных глазах и почти ощутил, как на спине прорезаются крылья. Как бы то ни было, но ощущения собственной неполноценности со временем у меня стали исчезать, а позже пластический хирург устранил мой дефект. До конца жизни во мне сохранились элементы сформировавшегося в детстве комплекса неполноценности в виде определенного чувства стыдливости за свою внешность, а также манеры держаться: застенчивости, робости и страха перед многолюдным обществом, привычки не смотреть в глаза собеседнику и т. п. Следствием этого были, вероятно, и нелюдимость, и свойство очень трудно сходитья с людьми. Однако во всем этом была и положительная сторона. Нет худа без добра. Именно чувство неполноценности стимулировало развитие таких свойств, как трудолюбие, настойчи-

вость, любовь к чтению и т. д. Уже в школьные годы я, как путник, идущий по пустыне, с жадностью припал к роднику знаний. Я с невероятным упорством учил английский язык, вымолив у родителей деньги на частные уроки на дому у англичанки (точнее, она была американкой, родившейся в США и вышедшей замуж за советского инженера). Я жадно поглощал художественную литературу. Много читал критической литературы, а также книг по истории и искусству. В старших классах школы всерьез изучал «Историю дипломатии», так как собирался поступить в Институт международных отношений. Учась в 8–10 классах, я одновременно закончил Центральные государственные заочные курсы иностранных языков. При всем при этом я еще успевал вести «Дневник», в который старательно записывал события своей, тогда еще лишенной событий жизни. Уже в школьные годы я выработал в себе привычку к систематическому длительному, упорному труду, которая впоследствии очень пригодилась. Именно эта привычка и была, пожалуй, моим самым сильным козырем в той сложной и опасной игре, которая называется «жизнь». Я довольно рано понял одну простую истину, которая стала моим жизненным принципом: при всех жизненных неудачах и поражениях, от всех огорчений, неприятностей и несчастий самое лучшее, самое целебное и эффективное лекарство — труд. До тех пор пока человек трудится, он остается полноценным человеком.

Жизнь в те послевоенные годы была трудная и голодная. Отец выбивался из сил, чтобы как-то прокормить семью из пяти человек, в которой он был единственным кормильцем. Помню, что я испытывал постоянное чувство голода. В те годы все кормились главным образом со своих огородов. Помню, мы всей семьей часто выезжали за город на свой огород — копали картошку, выращивали помидоры и огурцы. Мальчишки моего возраста в войну были лишены всякого воспитания и родительской заботы. Ежедневно происходили драки — наша Республиканская улица дралась с «бутусами» (так мы звали парнишек из Бутусовского поселка). Драки были серьезные — деревянными мечами, битами и камнями. Много раз доставалось и мне, и моему брату Борису. Большинство мальчишек из нашего двора потом пошли по плохой дорожке, а некоторые кончили тюрьмой.

В 1947 году я посетил Ленинград, навестив своего дядю. На следующий день после приезда, как свидетельствует дневник, «я уже направил свой нетерпеливый бег по Невскому проспекту. Меня поразила высота и пестрота архитектурных зданий, бесчисленное множество бросающихся в глаза вывесок и реклам, оживление, царящее на улицах... На углу мне бросилась в глаза любопытная надпись “Кафе-автомат”. Захожу. И что же я вижу? Верх оригинальности! Из крана в стакан наливается чай, кофе, причем, ровно стакан и ни капли больше. Таким же образом можно получить пирожное, винегрет и т. д.». Недоумевающему читателю напоминаю дату этой записи — 1947 год.

В школе мне нравились гуманитарные предметы; математику, физику, химию, черчение я терпеть не мог, зато по литературе, истории, географии всегда был первым учеником в классе. В довольно раннем возрасте я стал настоящим библиофагом — пожирателем книг. Как видно из детского дневника, я прочел в школьные годы огромное количество книг. Свои впечатления записывал в особую тетрадь. Вот выдержки из этой тетради: «Ноябрь 1947 г. увлекаюсь Шиллером. Неделю назад взял книжку юношеских его

произведений. Фридрих Шиллер! Как мало слышал я о нем за 15 лет моей жизни и как много узнал за одну лишь неделю. Конечно, неделя — ничтожный срок для познания глубины шиллеровского таланта, но разве в малое время нельзя угадать великое?»

«Март 1947 г. Прочтя “Фауста”, я не стал заставлять себя поверить в то, что автор его гениален, велик и т. п, ибо не привык обманывать сам себя. К таланту Гете быстро нашелся ключ — его изумительные стихи. Я прочел стихи Гете самых различных размеров, тем и жанров, начиная от стихов-музыки “Лесной царь”, выдавливающих слезы из глаз, и кончая юмористической балладой “Муж и жена”, которую нельзя читать без смеха. Стихи Гете поражают своим глубоким лиризмом, глубиной скрытой в них мысли». Сильное впечатление и влияние на меня оказало творчество Г. Гейне, которого я основательно проштудировал еще в школьные годы. В моем школьном дневнике есть такая запись: «14 февраля 1948 года. Что я думаю о Генрихе Гейне? Гейне был не только поэт. Его нельзя рассматривать как литератора и только. Поэзия была только оружием Гейне, его профессия — борьба. Храбрый солдат в борьбе человечества за освобождение. Лучшее доказательство, подтверждающее его громадную роль в борьбе за свободу, — то, что фашисты, придя к власти в Германии, уничтожили все памятники Гейне и с варварским остервенением побросали его бессмертные творения в костры...»

Эту запись о Гейне 16-летний автор закончил собственными стихами:

*Гигант среди пигмеев — Гейне!
Умов и нравов исцелитель!
Позволь мне звать твой светлый гений
«Мой идеал», тебя — «Учитель»,
Борец, за правду жизнь отдавший,
По крови и по духу брат,
Клянусь поднять твой меч упавший,
Клянусь стоять с ним как солдат!*

Николай ЛУГИНОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ*

Повесть-притча

Николай Алексеевич Лугинов — народный писатель Якутии, родился в 1948 г. Окончил физико-математический факультет Якутского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Секретарь правления Союза писателей России, член Президентского Совета Республики Саха (Якутия). Автор повестей «Роща Нуоралджыма», «Песня белых журавлей», «Дом над речкой», рассказов и пьес. **Живет в Якутске.**

*Окончание. Начало № 3 и № 4 2015 г.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ

Это была удивительная ночь. Светила ущербная, но яркая луна. Далеко мерцали звезды. Ах, как триумфально он вернется назад и обустроит совершенно новую, ни на что не похожую жизнь!

Первым делом — купит перевоз у Старого Лодочника. Определит ему пожизненное безбедное обеспечение. Пора создать новую паромную переправу, затем построить мост. Это значит — все торговые пути лягут через него... Но он подберется и к «Веселому заведению». А что он с ним будет делать?.. Ну, потом видно будет. Главное — размах... А там!

Голова шла кругом. Под утро, скрючившись, заснул. Когда проснулся от холода, уже начало светать. Первым делом стал вновь рассматривать свое золото. Все было настоящим. Сомнений не было! От этого опять объяла его жаркая радость.

Сложил золото в свой кожаный мешок и пошел назад по вчерашнему направлению. Странная ухмылка вчерашних участников торга не выходила из головы. С чего бы это? Почему они так странно улыбались? Может, они сегодня вернутся и отнимут золото? Все возможно. Во всяком случае, их облик не вызывал доверия. Такие могут все. Они — познавшие нечто запредельное, ни перед чем не остановятся...

Нет, здесь ему больше нечего делать, надо скорее уходить. Главное, сумеет спасти вдруг приобретенное богатство. Ноша была тяжела. Но теперь, если сумеет перевалить через край этой чаши, то тащить вниз будет намного проще. Во всяком случае, можно спускать груз вниз по веревке. Или даже бросить вниз, а затем найти, спустившись после.

Ему повезло — совсем недалеко от того крутого склона он нашел более пологий, по которому можно было хоть с трудом, но пробираться вверх между огромными валунами. Когда с великим усилием удалось достичь края, он увидел, что о спуске вниз нельзя было даже помышлять. Ибо это была верная гибель. Так было высоко, что звук камня, брошенного вниз и наконец достигшего дна, почти не был слышен.

Вот это да! Он, будто призывая небо в свидетели, поднял голову, но на небе не было ни луны, ни солнца, а только низкие сырые облака. И те были более счастливы, чем У Синь — они могли странствовать, где хотят, а У Синь сидел, прикованный к мешку с золотом, как каторжник к своему чугунному ядру.

А каким чудом он взобрался сюда? Что им двигало? Какая жажда и страсть? Видимо, только помощь двух братьев подняла его в эту адскую чашу. Да, он уже назвал ее адской. Ведь ясно же — отсюда нет выхода. Стоило столько стремиться, пройти через невозможные преграды, обрести богатство и понять, что попал в западню. Вот отчего над ним смеялись. И правильно смеялись.

БАРСА КЭЛМЭС

Вдруг он ощутил, что как будто кто-то приказал ему успокоиться. Он стал размышлять. Должен же быть иной путь. Как-то же даже эти доходяги сюда взобрались? Но, опять же, почему не ушли? И неужели его ждет их участь? Неужели отсюда нет возврата? Может быть, именно про это место говорили хунны: «Барса Кэлмэс»?

Он вспомнил зловещую легенду... Нет, там был остров в море, откуда никто не возвращался. Но какая сейчас разница? Что с острова, что из бесного котла...

Тучи постепенно прогонялись ветром, и оказалось, что уже высоко поднялось солнце. Стало видно, что земля простиралась где-то далеко-далеко внизу за синим маревом. А под ним была пропасть. Вот тут-то и рухнула последняя надежда. С такой вышины нет возврата...

Он лихорадочно озирался, все-таки надеясь отыскать путь спасения. В котле никого не было видно. словно вчера были не люди, а призраки. Он стал звать, но никто не отозвался. Спустился немного вниз к синеющему вдали озеру. И каково же было его удивление, когда вместо воды обнаружил огромное количество голубых камней — изумрудов.

Но какой же ужас он испытал, увидев повсюду белеющие скелеты людей и черепа, иссушенные солнцем. Среди костей валялись золотые самородки. Он стал торопливо собирать их в кучу. Но затем, устав, разогнулся и увидел, что таких куч множество...

— Здесь золото ничего не значит, — сказал он вслух. — Ни-че-го. — Он сел, взял в руки череп побольше, насыпал в него мелких самородков и позвонил как в колокольчик. Дробный глухой звук напомнил звонкий колокол на далекой заставе Сангуань. Там колокол звал на обед. А здесь что есть? Глодать кости? Глотать самородки? Он свою еду вчера выменял на золото, которое здесь валялось везде...

Здесь, кроме безумных от алчности обитателей, которые нечеловеческим усилием взобрались сюда, не было ничего живого. Ни мышей, ни змей, никаких иных зверей и тварей.

Он стал искать вчерашних обитателей, облазил почти весь котел, но никого не нашел, словно все куда-то провалились.

Его окружала удручающая картина: огромные валуны и черный песок, а внизу изумрудное озеро. Из которого еще никто никогда не напился.

А золотых самородков здесь было так много, что он скоро перестал их собирать. Ходил, запинался за них и отпинаывал в сторону. Они хорошо были заметны на фоне черного песка.

КРОВАВЫЙ ПИР

Вдруг он вострепнулся, услышал гортанные крики, второй, третий. Словно кого-то звали или перекликались. Оказалось, это были огромнейшие грифы с голыми шеями, крайне неприятного и страшного вида. У Синь затаился.

Грифы деловито облетали, внимательно осматривая каждый валун. Вдруг радостно вскрикнули и сели неподалеку. И тут же, вытягивая длинные шеи, стали что-то тяжелое тащить из-за груды камней... Они кряхтели, кашляли, почти как люди.

Скоро появилось что-то лохматое, бесформенное... Оказалось, это был труп вчерашнего одноглазого Трясуна. Волосы У Синя встали дыбом. Он отвернулся, чтобы не видеть подробности этого страшного пира. Кинулся прочь, чтобы не слышать звуки ударов клювов и жуткие восторженные причмокивания. Бедный Трясун... Вот и завершились его земные похождения.

— Вот так и живем.

У Синь прямо подскочил от неожиданности, вдруг услышав разумную человеческую речь.

Это был вчерашний старик, вылезавший из-за камней. У Синь рассказал ему, как грифы выволокли Трясуна и стали рвать на куски.

— Это хорошо. Наконец, прекратились долгие страдания несчастного странника. — Старик, увидев удивленное лицо парня, печально добавил: — А что у него было? Тюрьмы да неволя, каторга. Как и мы, хотел разбогатеть. И что? Такая участь ждет каждого из нас. В конце концов, хорошо, что хотя бы для этих птиц мы представляем интерес... Ужасно, но это так... Хотя в ином качестве вернемся назад на землю. Иного будущего у нас нет.

В это время рядом с ними возникла фигура вчерашнего Длинного, который при свете дня оказался не выше его. Но был он такой же ехидный, как и вчера.

— Ну что, купец, распродал свой товар и уже, наверное, проголодался? Зато ты бога-а-тый, — с издевкой протянул он. — Вчера бедный, а сегодня столько золота! Хэ-хэ-хэ!

— Ладно, ладно. Вчера поиграли от души, пошутили и хватит! — прервал его старик и увел У Синя прочь. Они подошли к глубокой пещере, дно которой уходило глубоко вниз.

— А кем он был там, на земле?

— Трудно поверить, но был самым настоящим и даже очень крупным купцом.

— Ах, вот почему он так хорошо организовал торг! — сказал У Синь. — И как же этот крупный купец оказался тут?

— Думаю, не от хорошей жизни. Наверное, он разорился или какое несчастье случилось, но он не любит говорить об этом.

— Ну, а вы сами кем были?

— Я был старостой горного поселения. — Старик горестно вздохнул. — Знал бы ты, как хорошо я жил... Но я не люблю вспоминать об этом.

— А я небогато жил, но теперь кажется, что так счастливо. Служил, работал с родителями, был перевозчиком. Но что теперь, ведь отсюда нет выхода. Нет спасения. Буду ждать смерти, а потом грифов.

— Так-то оно так. Но если вдруг нечто произойдет и ты спасешься?

— Нечто? Дух святой прилетит? Не рви душу.

— Но вдруг... Надо надеяться до конца, — глаза старика задорно блеснули.

— Бред это, — махнул рукой У Синь. — Какая надежда, когда ясно, что отсюда нет выхода. Я сегодня утром поднимался на край кратера. Там пропасть. Как я оказался здесь — не понимаю.

— Человек живет надеждой на лучшее. В нашем случае — на спасение. А спасение возможно только через веру. Нельзя без веры.

Старик, вполне довольный, лег на плоский камень и подложил под голову гладкий черный булыжник.

— Сейчас самое лучшее время. Ночной холод ушел в тень, а жара еще не настала. Вот днем тут такое пекло будет... Тогда спрячемся за прохладными камнями. Теперь благодать!.. Хорошо! Вот я теперь вспоминаю, какую бесполезную, бестолковую я жизнь прожил!.. сколько глупостей наделал. Пренебрегал тем, что имел, зарился на чужую долю. А она, оказывается, никогда не приносит счастья, а, наоборот, разрушает твоё нутро.

— А вам сколько лет, почтенный?

— Мне уже шестьдесят, но даже в столь преклонном возрасте не нажил ума... Всем был недоволен, ничему не верил, кроме золота. Иначе бы я был в своем поселении у себя дома, а не пустился, как мальчик, в эту авантюру за золотом... Ведь жил же... был уважаемым человеком, работал ради людей, но казалось — мало меня ценят, не воздают по заслугам. Все завидовал купцам и богачам. Зависть заела... Зависть, страсть разбогатеть... Вот и сорвался... Все потерял, что нажил, чего добился всей жизнью. О, какой я дурак...

У Синь вспомнил совсем непочтенного, несерьезного, смешливого, даже ребячливого старика двухсот лет от роду и его младшего братишку. «Все в этом мире относительно», — подумал он. А еще подумал, что думает уже как древний мудрец, постигший множество тайн бытия.

Ну, что ж. Надо было как-то устроиться. Старик поделился с ним его же проданными запасами и предупредил, что здесь совсем нет воды. Только ночью собирают росу, кладут тряпку на влажные камни и потом ее выжимают.

— Занимай пещеру, в которой жил покойный Трясун.

Но У Синь не захотел пойти в нее и остался на солнце.

О-о, что началось днем! Это было нечто невообразимое. Воздух так накалился, что обжигал дыхание. По горячим камням нельзя было ходить, все вокруг пылало жаром.

Когда стало совсем нестерпимо, до того, что стало дышать нечем, пришлось, конечно, убежать в спасительную прохладу пещеры.

Иногда со дна пещеры поднимался отвратительный, ни на что не похожий запах. Там на дне непрерывно булькало, дышало. Ощущалась постоянная дрожь, а иногда и толчки.

Так прошел день, другой, третий... На третье утро обнаружилось, что умер и Длинный. И опять налетели грифы и начали свой кровавый завтрак у всех на глазах. К своему удивлению, У Синь воспринял новую трагедию спокойно, почти привычно, уже не так, когда умер Трясун.

Трое оставшихся во главе с Солдатом обследовали пещеру Длинного. Каково же было их изумление, когда они обнаружили припрятанные запасы еды. Как понять то, что человек умер от голода, имея солидное количество съестного? Было очень странно и дико... Впрочем, здесь все было возможно.

Все добытое поделили поровну и справили поминки. А к концу дня Солдат начал беспокоиться: «Неужели никто больше к нам не придет? Неужели там внизу уже не осталось авантюристов, готовых ради золота пуститься в любой трудный, почти безнадежный путь?»

Настал седьмой день... Все заметно сдали, старик перестал ходить... Солдат начал заговариваться... Видимо, начал сходить с ума.

Дни стали казаться все длиннее. Дождаться дневной жары и ночного холода становилось все труднее и труднее.

НОВЫЙ БЕЗУМЕЦ

Однажды под вечер раздался вполне разумный радостный крик Солдата:

— Эй, все сюда! Скорее сюда! К нам пожаловал очередной купец! А какой он оказался добрый молодец!

У Синь поднял старика, и они медленно подошли к круглому камню.

Это был худощавый человек средних лет. Конечно же, хуннских кровей и даже рода. Рода У Сун...

Видимо, их внешний вид не вызывал у пришельца особого расположения. Он испуганно озирался по сторонам, готовый на все...

— Ладно-ладно! Хватит скалиться на него, — прикрикнул на Солдата старик. — Он же гость. И притом долгожданный, дорогой гость и только потом купец... Сейчас ты оглянись, а затем начнем торг.

— А я... Я не купец. Мне нечем торговать...

— Ничего-ничего, ты не торопись. Если присмотреться, у каждого хоть что-нибудь найдется, что заинтересует другого... — сказал старик многозначительно.

Солдат поддержал старика:

— Не думай, что мы доходяги какие. Может, и выглядим неважно, но все мы солидные, очень состоятельные люди. Все мы обладаем несметными богатствами.

У Синь смотрел на новичка, на неопишемое выражение его лица и вспоминал себя самого всего несколько дней назад. Он за это время познал столько неожиданного, что совершенно преобразился и стал другим человеком.

— Ладно, давай не тянуть, может, начнем? — предложил Солдат с присущей ему прямолинейностью и подкинул с ладони на ладонь самородок округлой формы. — У нас есть то, за чем ты сюда взобрался, вот в эту заоблачную даль.

— Что это? — У парня знакомо заблестели глаза, как у подверженного страсти к желтому металлу. Он догадался и сразу вспотел.

— Но у меня же ничего нет... Ничего. Почти... — сокрушался парень и дрожащей рукой достал свой заплечный мешок.

— Давай-давай, выкладывай, что у тебя там?

Парень достал из мешка, видимо, самое дорогое, что у него было: нож, длинную кожаную веревку, шило, трут. Но, увидев, что все это богатство не вызвало никакого интереса, совершенно пал духом.

В конце из небольших мешочков достал немного бобов и риса — совершенно бесполезного здесь, где не было ни огня, ни воды, чтобы его приготовить.

Но, тем не менее, с деланным воодушевлением они начали торг.

У Синь почти не участвовал, а только наблюдал. Ему было очень неудобно, что он так много знает и понимает из того, что пока недоступно новичку. Как он хватал очередной кусок золота! Как он весь дрожал! Бедный. Пока бедный. Но скоро он разбогатеет и станет... еще беднее.

Все же У Синь выменял за самородок длинную веревку. Видимо, что-то помимо его воли жило в нем и надеялось на перемену жизни.

Больше всех был воодушевлен Солдат. Вошел в такой азарт, был таким разумным и обстоятельным, что трудно было подозревать, что он на самом деле сумасшедший. После торга, оставив нового богача один на один с кучей золота, все разошлись по норам. Наступило благодатнейшее мгновение, когда после дневной жары наступила желанная прохлада, но еще не было холодно.

В этот вечер звезды сияли с особой силой.

— Наверное, внизу на земле будет ветер, — с тоской заговорил старик. — Под ним будут качаться деревья в лесу, травы в тени... волны в реках и морях. Какая досада, что это Божье творение мы не понимали и не ценили. Здесь всегда неподвижен воздух. А как хотелось бы настоящего ветра...

Они сидели на плоском камне, на котором свершались торги.

— Я вот долго-долго думал и придумал для тебя единственный способ спастись, — сказал старик. — Опять не то говорю. Не я придумал, а Всевышний Тэнгри сжалился над тобой и вложил в меня эту мысль.

У Синь промолчал, ибо уже ничему не верил. Он подумал, что старик тоже, как Солдат, начал заговариваться — о каком спасении можно говорить, когда здесь столько скелетов и ни одной даже легенды о том, будто кто-то когда-то спасся...

— Ты не веришь. Но слушай, что я придумал. Спасти тебя могут только грифы. Надо суметь сделать петлю и суметь заарканить одного из них, но только не за шею, а за ногу... Это будет трудно, но если суметь, то гриф, большой, сильный, тебя поднимет. Возьми с собой заплечный мешок с самородками затем, чтобы, когда гриф начнет выбиваться из сил, скидывать их. Главное, чтобы ты снова ступил на землю. Теперь ты понял, что золото — ничто, иллюзия, которая столько душ сгубила и еще сгубит... Вот в чем беда-то! Но, видимо, никто не образумится. Постарайся остаток жизни прожить разумно, осознавая ценность каждого мгновения жизни, отпущенного тебе. А главное — молись Спасителю своему, все мы в его власти. Всю оставшуюся жизнь твори добро. Только этим ты сможешь отплатить Ему Его добродетель...

У Синь молчал. Ему стало жутко от подозрения, что и старик начал сходить с ума.

— Чую, это моя последняя ночь, — вздохнул тот. — Слушай. Утром около моего тела насторожи петлю, а сам, заранее обвязавшись концом веревки, спрячься. К трупам самым первым подходит самый крупный — значит, самый сильный, он сумеет поднять тебя. А теперь молись Богу о нас с тобой... Проси себе спасения, а мне упокоения... Главное, чтобы Он услышал и обратил внимание на тебя и на твою мольбу. Для этого молиться надо от души, искренне... Он добрый, он услышит искреннюю молитву и поможет...

У Синь вышел и, обратившись лицом на восток, откуда пришел сюда и куда желал вернуться, откуда должно подняться солнце, стал молиться, как это делали все хунны.

Он не помнил, сколько поклонов совершил, какие слова говорил, творя Всевышнему молитву... Но будто нечто раскрылось в нем в эти высокие мгновения молитвы. Было ощущение, что он парил... Он потерял ощущение времени, не чувствовал ни холода, ни голода, словно поднялся над всем миром... Когда пришел в себя, уже настало утро, он весь был в поту, изнутри согревало странное тепло, ему даже был приятен легкий ночной мороз. В эту ночь было так холодно, что даже камни покрылись инеем.

СПАСЕНИЕ

Спустившись в пещеру, У Синь обнаружил уже окоченевший труп старика. Он легко поднял его и вынес наружу. Распутал длинную веревку, которую выменял вчера, соорудил петлю у трупам, другим концом обвязал себя и мешок с четырьмя крупными самородками. Мелкие он не стал брать. Стал ждать и продолжал неустанно молиться.

Поднялось солнце. Он услышал знакомые крики планирующих над трупом старика птиц. Спрятался за камни.

Получилось очень удачно, ровно так, как было задумано. Когда к трупам старика подошел самый крупный гриф, У Синь дернул веревку и удачно заарканил его за ноги. Гриф, от неожиданности вскрикнув почти по-человечески, отчаянно замахал огромными крыльями и тяжело поднялся в небо вместе с У Синем.

Видя, как тяжело грифу, как он даже стонет, пытаясь подняться, с усилием взмахивая огромными крыльями, У Синь понял, что переборщил с грузом, и бросил вниз крупный самородок. Это сразу почувствовалось. Гриф поднялся выше, они перевалили за край котла, и гриф стал планировать вниз от высоты, подернутой дымкой. Земля стремительно приближалась, уже ясно проступали угрожающие клыки каменных вершин. Разобьемся, понял он и сбросил еще один самородок. В мешке осталось только два.

Грифу опять стало легче, и он уже более плавно летел в сторону зеленеющей вдали долины. Вдруг под ними показалась река со стремительным течением. Конечно, это была Хуанхэ. Ее желтые воды быстро приближались. Утонем, испугался У Синь и бросил оставшиеся два самородка, которые бултыхнулись в желтые воды Хуанхэ. Вконец выбившийся, из последних сил гриф летел над самой водой, но дотянул до берега. Вот и берег с благоухающими цветами и высокими травами. У Синь достал нож и, отрезав веревку, свалился на землю. Свалился и гриф. Но силы к нему вернулись быстрее, чем к У Синю, и он улетел. Видимо, доедать труп старика.

Какие здесь были запахи! Какое благоухание! Это после испытанного в кратере смрада. Впервые столько оттенков почувствовал он. Спустившийся с небес? Или поднявшийся из ада? Он долго лежал без движения, еще не веря в свое чудесное спасение.

Тут он услышал журчание воды. Это был родник. Он еле поднялся, шатаясь, дошел до родника и долго пил... Какое это было наслаждение!

Никогда в жизни он не был так счастлив.

Добрел до берега реки, забрел в нее, снова жадно напился, умылся. Как же было радостно ощущать прохладу, дышать воздухом пространства. Прямо у ног он увидел большую рыбу и прямо руками поймал ее. Развел костер, зажарил рыбу на углях, наелся досыта. Все было внове. Все имело сто оттенков вкуса, цвета, столько ощущений, о существовании которых он раньше и не подозревал даже.

Началась совершенно новая жизнь. Новая, неведомая, незнакомая и прекрасная жизнь. Он начал изо дня в день, не переставая удивляться, заново открывать для себя ее, эту чудную, чудесную, прекрасную жизнь...

И, как оказалось, единственную и неповторимую... такую несравненную — а раньше он не понимал, не знал, не ведал этого.

ГДЕ ЦЕНТР МИРОЗДАНИЯ?

Вот и открыл он Центр Вселенной... Этот кратер? Да нет, центр оказался у него дома. Блаженный край, куда стекаются все блага мира, не зря китайцы определили свою родину как срединную землю, куда съезжаются со всех сторон за удачей, счастьем, за лучшей долей все китайцы и некитайцы, которые в конечном счете сливаются в единое целое. Многие неразумные не понимают, что уже по праву рождения обладают великим благом. Но человек такая тварь, что никогда не ценит то, что достается ему даром.

И идет... искать лучшую долю, которой нет. Да, есть такие. Но кто знал, что лучше этой — нет и не может быть. Это понимание приходит к человеку ценою невероятных страданий. Чего искать, когда за тебя найдена, тебе подарена Всевышним твоя родина!

Почему же так устроена натура человека, что он более ценит призрачное, ложное, ему ближе иллюзорное, чем реальное, обыденное окружающее? И начинает ценить, только потеряв безвозвратно силы и здоровье, энергию. Почему так?

У Синь тяжело, как-то по-стариковски вздохнул и успокоил себя мыслью, что и большинство людей прозревает всегда слишком поздно. Когда жизнь проходит. Понимание истинных ценностей и есть великое благо, которое он обрел все-таки не в старости. Он натерпелся многих страданий. У него будет болеть надорванная спина, многочисленные ушибы колен, суставов, шеи, спины... Но отныне он будет жить иначе, ценя каждое мгновение, данное ему Всевышним. Отныне он обрел понимание своей высокой доли, подаренной Спасителем. Было время, когда он все это воспринимал совсем превратно, как несчастье, неволю. Многие проживают жизнь, словно отбывают наказание, и вместо того, чтобы радоваться — страдают.

У Синь собрал сухой плавник, гибкими тальниками связал крепкий плот и пустился вниз по течению... Сидя на плоту, смотрел на меняющийся облик родной реки и не мог наглядеться. Так она красива! И это его река! Он был счастлив. Он даже плакал, слезы радости струились по лицу.

Затем, вдоволь налюбовавшись вечерним закатом, засыпал крепким сном. А река, нежно покачивая плот, несла его вниз по течению к родным пределам.

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Левый пустынный, немного суровый берег — хуннский. Отсюда начинаются степи его хуннских предков. Но, опасаясь всяких неожиданностей, он держался ближе к правому — китайскому берегу. Правый берег был полностью обжит. Чувствовалось, что каждый клочок земли ухожен, каждая травинка под присмотром.

Узнавать родные очертания он начал однажды рано утром. С густонаселенного правого берега махали, приветствуя проплывающего мимо путника.

И вот, скалистый высокий правый берег...

Издалека виден «Веселый дом». Но его огни уже не волновали У Синя, как прежде. Он был равнодушен, чему сам удивился: ведь было время — он почитал обитателей этого заведения как обретших вершину человеческого счастья. Он завидовал завсегдатаям этого райского уголка. Он мечтал... О-о, как он мечтал хоть чем-то походить на них: походкой, повадками, гонором и говором...

Но теперь он смотрит на это сословие иначе. Теперь У Синь знает цену всей сущности богатства. Пристань! Сердце радостно забилося при виде лодок с поднятыми веслами.

Наверху, на своем излюбленном месте, так же, как год назад, сидел Старый Лодочник...

— Здорово, добрый молодец, с возвращением!

Они обнялись.

— Вижу и чувствую, помотало тебя! — старик улыбнулся доброй, широкой улыбкой. — Ты изменился... Это очень хорошо. Человек должен успеть вовремя измениться.

У Синя очень удивило, что буквально с первого взгляда Старый Лодочник безошибочно по его глазам, по его внешности определил другим невидимую перемену, произошедшую в нем... Удивительно.

Старый Лодочник и разговаривать с ним стал совершенно иначе. Как с равным себе. А раньше только с усмешкой. Отшучивался и говорил: «Ну, это для тебя ныне недостижимо, ты сейчас с другого поля ягода. Потом поймешь, если сумеешь, хотя не все доживают до понимания. И даже не все дожившие достигают понимания».

Они сидели за вечерним чаем. У Синь не мог наговориться. Всему изумляясь, слушала его и дочь лодочника. У Синь спросил:

— А вы, почтенный, неужели тоже были там, где я был?

— Может, и был... — Лодочник многозначительно усмехнулся. — Много всякого навидался я, хлебнул многое, очень многое. Но главное не то, где ты был, а то, что оттуда вынес... Вот в чем дело.

— А я ничего не сумел вынести, — печально, но без всякого сожаления вздохнул У Синь, вспомнив свои самородки.

— Нет, ты не понял меня. Я имел в виду совсем другое. Мешок у тебя пустой, как был. Но я вижу и нечто другое — ты вынес самое ценное, что можно оттуда вынести. Молодец ты.

— Как-то странно вы выражаетесь. — У Синь и на самом деле не понял старика: что он хотел этим сказать? — Там, где я был, о, вы бы знали, столько золота и всяких камней! Прямо валяются под ногами. Так много, что никто не подбирает, ибо там оно никакой цены не имеет. Люди даже, может, из-за обиды, что ли, как-то издевательски относятся к золоту. Ибо все туда попали из-за страсти к золоту, вот и вымещали обиду подчеркнутым пренебрежением, граничащим с ненавистью.

— Знаем-знаем... — опять многозначительно усмехнулся старик.

— Так скажите наконец, и вы тоже там были? — опять переспросил У Синь. — В Барса Кэлмэс?

— Может, и был... Но и Барса Кэлмэсов несколько. Дело совсем не в том, где ты или я точно были. Они все схожи своей полной безнадежностью. Это места крушения всех иллюзий... Горькая правда в том, что очень мало и редко кто возвращается целым и невредимым оттуда. Немногим удается спастись. Но и из их редкого числа еще мало кто выживает и находит силы продолжать жить дальше. Вместе с иллюзиями многие теряют и смысл жизни. Ну, я вижу, ты молодец... Ты из такого пекла, из такой безнадежности вырвался, что ты должен, обязан жить дальше...

— Спасибо, почтенный, за вашу доброту, за вашу мудрость.

— А где ты и как ты будешь жить?

— Как где? — У Синь удивился и даже слегка опешил, огорчился: не хочет ли почтенный отвалить его от себя? Почему бы и нет? Все может быть.

— Что смешался? Еще и не решил, где?

— Да... Я как-то об этом и не успел подумать.

— Ну, подумай. Думать тоже надо вовремя, чтобы не опоздать, не упустить свой шанс, не отстать от своей лодки... Бывают люди, которым привалит счастье, а они сомневаются, а когда проплыло — сокрушаются. — Старик замолк и посмотрел на желтые воды Хуанхэ. — Ну, если не решил, где, можешь пока у меня остаться.

— А я... я как раз хотел об этом попросить... — У Синь в это мгновение вздрогнул, чем-то пораженный, по всему его телу прошла горячая искра: он увидел, как у очага встала дочь Старого Лодочника...

Как она преобразилась!.. Не было в ней прежней полноты, неуклюжести, угловатости... Она налилась удивительной красотой. Движения ее стали плавными. А кудрявые соломенные волосы были сплетены на хуннский манер в восемь тугих узлов.

Вообще удивительное произошло везде. Весь городок, все люди словно в одно мгновение преобразились. Если раньше были видны только скверные черты, грязь, непотребство людское и природное, то теперь все это исчезло, а проступили совершенно иные черты, ранее незаметные, невидимые и совершенно не замечаемые.

Даже желтые воды Хуанхэ, закаты, восходы, небеса стали совершенно иными, словно кто-то подменил. Так они преобразились, что не верилось... Куда он вернулся? Что случилось с прежней надоевшей, серой обыденностью под серым небом?..

Столько ярких, неповторимых красок везде. Изумительные восходы и закаты, удивительные небеса. Все неповторимо красиво. Все излучают радость и довольство.

У Синь не переставал удивляться. Он теперь целыми днями и даже ночи напролет сидел на берегу, смотрел и смотрел на ежеминутно меняющийся прекрасный мир. И восторгался красотой, восхищался непрестанно.

И он понял, что, наконец, обрел покой. А дальше? А дальше он женится на белокурой дочери Старого Лодочника. Придет время, сядет на его место и без всякого сожаления просидит тут всю жизнь, от восхода до заката, от ранней весны до поздней осени...

На склоне лет его тоже окрестят Старым Лодочником. Сбудется предсказание почтенных старцев в Темной Комнате, что он будет служить родному пограничному ведомству, следя за переправой как за границей.

Прослужит он на своем посту ровно столько, сколько отпущено будет ему Всевышним...

Перевод с якутского В. Кругина

ВЫШЛА КНИГА

Пушкин А. С.

Полное собрание сочинений и писем.

Издательский проект «Ваш Пушкин». Руководители проекта — В. Е. Багно, В. Н. Кузин. В 2 томах. — М.: Редакционно-издательский центр «Классика», 2015.

В Год литературы в России Международный Пушкинский Фонд «Классика», Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук под общей редакцией члена-корреспондента Российской Академии наук Н. Н. Скатова выпустили в формате специального подарочного издания полное собрание сочинений и писем А. С. Пушкина в двух томах.

Солнце к лету пошло.
На восток повернуло.
Утром раньше взошло
И на тучку вспорхнуло.

И оттуда лучи,
Словно веер взметнуло,
И огарок свечи
В чьей-то келье задуло.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ

Ночь греха
Промчалась над страной.
Опрокинула,
Опустошила души.

Утро.
— Есть ли кто-нибудь живой?..
На снегу
Разбросанные суши.

Никого.
Пустыня. Тишина.
Но не та,
Что чутко внемлет Богу.

Пьяный крик!..
Любимая страна
Ослабевшей завтра
Выйдет на дорогу.

БЕЗСМЕРТНЫЙ ПОЛК

Безсмертный полк!..
Что огненная лава,
Что дождь живительный
В иссохшие сердца.

Встает с колен
Великая Держава!
И молит о прощении
Отца!..

Безсмертный полк!..
И, кажется, вернулись
Отцы и деды
С той большой войны,

Сергей КОРЫТИН

«МИР СПАСЕН!.. И В ПЛАМЕНИ РОЖДЕНИЯ ПРОСТУПАЕТ СИЛУЭТ КРЕСТА»

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1954 г. в селе Екатериныно Никифоровского района Тамбовской области. После окончания в 1972 г. Екатерининской средней школы работал токарем, служил в армии. В 1980 г. окончил Гидрометеорологический институт по специальности «Гидрология суши». Работал инженером-гидрологом в Нижнем Новгороде. В настоящее время подвизается на ниве отечественного предпринимательства. **Живет в Санкт-Петербурге.**

И вместе с нами
Празднуют Победу,
И вместе с нами
Крепят мощь страны!..

Безсмертный полк!..
Идут, идут колонны!..

Как будто совершают
Крестный ход!..

И эти
Фотографии — иконы,
Соединяют вновь
Разрозненный народ!

ШЕСТОЕ ЯНВАРЯ

Сороковой, последний день поста.
А завтра?.. Завтра — Рождество Христово!..
И в небе вспыхнет яркая звезда,
Чтоб возвестить нам эту радость снова.

Младенец в Вифлееме!.. Божий Сын
Лежит спеленутый, почти недвижим.
А между тем, мы движемся и дышим,
И существуем только Им одним.

И тайна эта велика весьма.
Нам не постичь всей глубины духовной.
А разве нам понятнее весна,
Когда вдруг травы покрывают склоны?

И как из почки выбегает лист?
И как зерно выплескивает стебель?
И почему так белоснежно-чист
Летающий в небе одинокий лебедь?

Мы ограничены почти во всем,
И наши знания пред океаном бездны,
Что пред Вселенной сей подснежник бледный,
Что распустился утром на окне моем.

Сороковой, последний день Поста!..

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Святая ночь. Мерцание звезды.
И радость, радость без конца и края!..
На окнах храма снега мокрого следы
Нам кажутся живой водой, струящейся из рая.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

Рождество Христово приближается. В доме ель любовно украшается,
Скоро воплотится чудный Бог! И в печи румянится пирог.

Настроение святое, чистое.
Внуки учат дедовы стихи.
Солнышко за окнами лучистое.
Поле, лес — торжественно тихи.

Ожидание... Ресницы в инее...
Вечереет... Долгожданный миг!

В Вифлееме в стенах Новой Скинии
Раздается первый Его крик!

Мир спасен!.. И в пламени Рождения
Проступает силуэт Креста.
А за ним икона Воскресения,
И все те, кто возлюбил Христа!

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Дождались! Святое Рождество!
Елка, песни, сладости, хлопушки, —
И пошло такое торжество —
Врассыпную бросились игрушки!

Медвежата юркнули под стол,
Мяч футбольный укатился в угол,
Слон с лошадкой выбежали в холл,
Белки, зайцы спрятались за кукол.

Парашют зеленою стропой
Зацепился за большую люстру,

Самолет с оторванной звездой
Протаранил и рассыпал пудру.

Малышня!.. Конечно, малышня!
Веселится, озорует очень!
В нашем доме собралась родня,
Ребятишек стало сразу восемь.

Как же обойтись им без игры?
Без восторга!.. Радости без края!..
Если ныне в души детворы
Радость велия идет из рая!

* * *

Мороз и солнце; день чудесный.

А. С. Пушкин

Мороз и солнце — классика зимы —
Пришли в Россию только на Крещение.
А до того низины и холмы
Лежали в полунищем облаченье.

Ни инея, ни снега. Снегири
И те не прилетели в эту зиму.
И бледны были отблески зари,
Как будто зиму постригали в схиму.

Поля, деревья, травы и кусты,
Дороги, реки, небо — вся природа,
Поникли, ожидая чистоты,
Снегов родных и святости народа.

А что народ? Не помнит Колымы?..
Забыл, за что тогда пришли страданья?..
Гул революций, ужасы войны —
Все это было Божье наказание!..

Вот и теперь — подобие зимы —
За то, что позабыли покаянье.
Грехи и страсти, и все силы тьмы
Толкают к катастрофе мирозданье.

* * *

Сегодня — Старый Новый год!
Кто сможет сделать перевод
Хоть на испанский, хоть на датский
И объяснить, что мед не сладкий?

К победе устремится взвод!
Европа это не поймет!
Она все скачет по верхам!
А русских мыслить учит Храм!

Европа это не поймет!
Как это — Старый Новый год?
Как совместить — огонь и лед?
Команду: шаг назад — вперед!

От наших дней — до Авраама,
От Авраама — до Адама, —
Вот историческая рама,
В которой наш народ живет!..

Абсурд!.. Нелепость!.. Скажет взвод
Немецкий, шведский иль французский,
Но только не гвардейский русский,
На шаг отступит и вперед,

Взыскует, чтит священный род.
Христа Спасителем зовет.
И ждет Его второй приход.
Вот вам и Старый Новый год!

* * *

Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучается доныне.

Рим. 8, 22

Середина зимы.
Ни мороза, ни снега.
Виноваты все мы.
Мы для снега — помеха.

И стоит лесной бор,
Как опущенный в воду.

Наш греховный раздор
Разрушает природу.

Жалко малых зайчат.
Им и спрятаться негде.
Белым снегом горят
Шубки их среди веток.

* * *

Скоро начнет смеркаться.
Замерли камыши.
Не устаю удивляться,
Как хорошо в глуши!

Тихо. Просто. Просторно.
Лишь под ногами хруст
Корочки снежно-морозной,
Да пар из горячих уст.

* * *

Январь!..
Как встарь, морозы и снега!
И значит — Бог помиловал Россию!
И не помянет прежнего греха,
И поведет народ от силы в силу.

Даст терпкий запах первого дождя,
И колос полный в середине лета,
И дух святых! И мудрого вожда!
И это будет Божия Победа!

Галина ТАЛАНОВА

«ТЕПЛО ЕЩЕ ДОЛЖНО ВЕРНУТЬСЯ...»

Галина Таланова (Галина Борисовна Бочкова) — родилась в г. Горьком. Окончила с отличием биологический факультет Горьковского госуниверситета по специальности «биофизика», кандидат технических наук. Работает в ООО «НПО «Диагностические системы» начальником подразделения, занимается разработкой и производством иммуноферментных тест-систем. Поэт, прозаик. Автор шести книг стихов. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Болдинская осень». **Живет в Нижнем Новгороде.**

* * *

И щедр июль, как прежде, на тепло.
Трава по пояс кинулась в цветенье.
И дятел вновь обследует дупло.
Стучит часами, проявляя рвенье.
Стучат соседи:
Новый строят дом.
Им все трудней живется
в мире в старом.

И грохот их, похожий на погром,
Становится навязчивым кошмаром.
Он не дает послушать пенье птиц
И посчитать, что наврала кукушка.
А дележи участков без границ —
Отныне постоянная игрушка.
И от того в их жизни брезжит цель...
А я живу в бурьяне и крапиве,
Бензопилы выслушивая трель,
Что обрубает ствол старушке-сливе,
Свет заслонившей в добрый огород.
Щекой прижмусь
к коре сосны шершавой.

Зажмурюсь на свету,
как старый крот,
Припомнив детство:
Жили в нем оравой.

* * *

Стоит жара.
И раскалилась крыша.
Перед глазами синие круги.
В тени деревьев учащенно дышишь.
И катера летят, как утюги,
Туда-сюда,
Не глядят — режут воду.
Рукав вспороли, повернув назад.
И лыжников —
аж пара (взяли моду!) —
На бечеве за катером парят,
Не замечая, как взмутили воду:
Взвесь рыжей глины хлещет берега.
Здесь все бурней катанье год от года,
И так давно не косят здесь луга.
Все зарастает: пойма — перелеском,
Особняками — старые бугры.
Здесь, как и прежде,
заглушают плеском
Тоску и боль последних дней жары.

* * *

Тепло еще должно вернуться —
Еще не осень.
Погоди...
Все это — летние дожди,
Хоть ими можно захлебнуться.
Еще целебные лучи
Вольются в сумрачную душу,
И родниковые ключи
Еще прозрачней станут к стуже.

Осядет муть, что смыта с гор
Грозой,
Внезапно налетевшей,
Разбудит листья, будто сор,
В смятение на воду осевший,
Чтоб плыть, куда течет вода,
Прибиться к берегу под зиму.
...А первый снег — подобно гриму,
Пусть полежит на корке льда.

* * *

Жизнь прошла так быстро и нелепо,
С верой: будет счастье впереди.
Слушалась советов добрых слепо.
Времени, казалось, пруд пруди,
Чтобы жизнь сложилась,
Как мечталось...
Выйду в августовский звездопад.
Тьма желаний все-таки осталась —
Выбирать придется наугад...
Лунный свет
Опять тревожит душу,

Словно черный кот из темноты.
Я пока еще не очень трушу,
Чуя холод вечной мерзлоты.
Дыбом шерсть,
Вся выгнулась дугою.
Веер искр —
Бенгальским бьет огнем.
Млечный Путь
Течет большой рекою
И мельчает суетливым днем.

* * *

Вернулась внезапно жара
Напомнить об огненном лете,
Что все сокрушило вчера,
Оставив мир в выжженном цвете,
Где черные ветки торчат
Из белого снега, как прутья,

Где близкие люди молчат,
И снег отливается ртутью,
Где низкого неба навес
Так давит на сердце,
Что страшно.
Там темным становится лес,
А многое вовсе не важно.

* * *

Ну, продержись, тепло, хоть чуть!
Дай насладиться ветра лаской,
Что продолжает дуть и дуть,
Грозя обрушиться развязкой.
...Так было...
В душную грозу
Осокорь —
В три почти обхвата —
Сломался в небе на весу:
И половина сада смята...
Осокорь рос годами в синь,
И набирали силу корни.

И на него — кто взгляд ни кинь —
Потом его годами помнил:
Он мощь вселял, былинный дух,
Казался глыбой вековой.
...Когда скрипел,
То чуткий слух
Не озадачился бедою.
Вот так и мы:
Стремимся ввысь,
Как челку с глаз,
Смахнем печали.
Но молодцом как ни держись,
Ты не удержишь жизнь в начале.

**Наталья
ФИЛИМОШКИНА**

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Рассказы

Наталья Владимировна Филимошкина — родилась в г. Печоре, республика Коми. Окончила Днепропетровский национальный университет, историк и практический психолог. Участник Форума молодых писателей России и зарубежья, Москва, Липки 2009–2012 гг. Участник Фестиваля русской литературы на Украине — 2011 г. в Киеве. Автор ряда историко-биографических романов. Лауреат премии «Серебряный Витязь» в номинации «Литература для детей и юношества» **Живет в г. Днепропетровск, Украина.**

1-й день

Крепкий шершавый ствол, широкие ветви, мощные, упругие корни.

Древо рода.

Ни ветрам, ни солнцу, ни паразитам не одолеть его. Повезло же мне!

2-й день

Я есть! Но мама пока ничего не знает. Вот она обрадуется!

3-й день

Листья мелко дрожат. Предчувствие. Моя почка наливается соком, невероятной силой. Побеждая земное притяжение, она вырвется к миру. На древе появится новая ветвь. Я знаю, она будет крепкой и здоровой. Так нужно. Маме, предкам. Род заждался меня.

5-й день

У меня будут голубые глаза, как у мамы. Правда, надо ждать много-премного дней, и только потом я увижу мамочку. А еще я люблю играть со своим хвостиком. Мне надо успеть вдоволь наиграться им. Ведь скоро у меня появятся ножки. И тогда я буду играть во что-то другое.

9-й день

Я просыпаюсь от приятного серебристого света. Как тихо в моем мире. Тепло. Уютно.

Я буду мальчиком. Так хочет мама. Когда мы встретимся, я крепко-крепко обниму ее, поцелую, и она поймет, как это здорово — что я есть.

Я засыпаю. И вижу первый сон. Я во вселенной, а вокруг миллионы серебристых шаров. В них живут мальчики и девочки, кто-то еще с хвостиком, а у кого-то уже ножки.

Мне улыбаются. Я тоже хочу улыбнуться. Но пока только приветливо киваю.

Ко мне подлетает мальчик в серебристом шаре.

— Привет! Как тебя зовут?

Я не понимаю его.

— У тебя уже есть имя?

— Мама пока не знает, что я есть.

— А меня зовут Саша, — хвастается мальчишка. — Мне четыре месяца. И папа купил уже мне велосипед и машинку. Гоночную.

Я резко просыпаюсь.

Папа! А где же мой папа? Почему, подарив меня маме, он больше не приходит к ней?

11-й день

Ветви. Большие плотные листья. Я иду от рода к роду. От папиного к маминному. Я нужен.

Червоточины древа — плохие мысли, подлые дела, мерзкие преступления. Хорошего мало. Так хочется распробовать все смыслы.

18-й день

Тук.

Тук-тук.

Тук — тук — тук — тук — тук...

Сердце!

Мама! Мамочка! У меня бьется сердце!

Теперь у нас два сердца.

Ну, когда ты уже узнаешь, что Я ЕСТЬ?

Жду не дождусь, когда ты дашь мне имя. А как я жду встречи с тобой!

С каждым днем я чувствую тебя все лучше и лучше. Я знаю, ты сильно переживаешь за папу. Где он? Что с ним? Я тоже переживаю. У меня будут его характер и привычки. Ничего, мамочка, он обязательно придет к нам. Ведь мы его любим. И ждем.

21-й день

Сон и явь. Как отличить? А надо?

Я вижу хорошие и плохие сны. Реальны мама и я. Мне нравятся путешествия во вселенной, я так быстрее расту. Серебристые ниточки-жизни растягиваются, оплетают, щекочут. Они крепкие, чтобы порвать — надо постараться. Они связывают меня с мамой и миром. А что меня связывает с вечностью? А есть ли она? И где?

23-й день

Вселенная сжимается. Происходит что-то дурное. Многие дети в серебристых шарах плачут. Я подлетаю к Саше. Ведь он старше и уже многое знает.

— Что случилось?

Саша молчит, горько поджимает губы. У него черные глаза с длинными пушистыми ресницами, круглое милое личико.

— Да что случилось? — спрашиваю нетерпеливо.

— Помнишь Червяка?

Это наша подруга. Ей 32 дня. Такое странное имя ей дала мама.

Я киваю.

— Ее нет больше.

— Как нет?

Я пораженно смотрю на Сашу. Не дождавшись ответа, лечу туда, где был серебристый шар Червяка. Там пусто.

Черная дыра.

— Что же случилось с ней? — шепчу я. И сердце тревожно замирает.

Ко мне подлетает Саша.

— Они убили ее.

— Кто?

— Врачи.

— Но ведь у нее есть мама! Почему она не защитила ее?

— Она не хотела ее защищать.

— Это неправда! Мамы всегда защищают своих детей! Всегда! Всегда!

Саша печально смотрит на меня.

Я плачу. Впервые в жизни.

4-я неделя

Смерть. Пустота, в которой все пропадает. Я не хочу там оказаться.

В нашей вселенной много черных дыр. Их во много раз больше серебристых шаров.

В тех дырах мрак и беда. Там все непоправимо. Все обреченно. ТАМ странный холод и неподвижность. Но откуда я это знаю? Во мне непонятное чувство, будто я что-то припоминаю...

Шары, в которых мы живем, разные. Тусклый с темными пятнами — мама курит. Болотистый, с дурным запахом — пьет и принимает наркотики. В таких шарах не живут, а мучаются. У кого-то не вырастает ручка или ножка, а кто-то растет жутким уродом.

Мне грустно как никогда. Я хочу помочь вселенной. Чтобы в ней было как можно больше серебристых шаров, а холода и неподвижности меньше. Но у меня нет даже имени. А мама до сих пор не знает, что Я ЕСТЬ. Она часто плачет. Ах, мамочка, как же я хочу обнять тебя, утешить. Я обязательно сделаю тебя счастливой. Дай мне только родиться. Ведь ты же захочешь этого, правда?

4-я неделя и 2-й день

Я пью сок древа. В меня вливается сила всех, кто уже был или просто побывал. Красивые ветви дают чистый и вкусный сок, червоточины — темный и тягучий. Доброе и злое перемешивается. Ничто не перевешивает и не превосходит. Всё в равновесии. Я ищу свое равновесие. Не просто это. Скорей бы маминого молока попробовать.

5-я неделя

Память. Да, да, я все больше и больше вспоминаю. Но как это странно! Сейчас я в раю. А за пределами вселенной ад. Именно там черные дыры. Неподвижность и мрак. А где же тогда моя мама? В раю или аду? Где она меня встретит? Или это я ее встречу?

Граница бытия и НЕ-бытия. Я живу на тонкой-тонкой ниточке МЕЖДУ.
Ура! Я пограничник!

6-я неделя

Я проснулся.

Нетерпеливо жду.

Сейчас маме скажут, что Я ЕСТЬ.

Вот сейчас.

Сейчас.

Она обрадуется. Ведь я ее сын. Все, как она хотела.

Тук — тук — тук — тук — тук. Тревожно бьется сердце.

Фу-у, наконец-то сказали.

Я радостно машу ручками. Подплываю к серебристой стеночке. Прижимаюсь к ней, кричу из всех сил.

— Мамочка, я люблю тебя!

Я знаю, мама не услышит меня. А вдруг...

— Мамочка, милая, дорогая, хорошая, я люблю тебя! Люблю! Люблю...

Я испуганно сжимаюсь. Как же больно.

Этого не может быть.

Я же так люблю тебя. Мама, мамочка.

Я ныряю во вселенную. В сон. Лечу к другу.

— Саша, Саша! — я смотрю на него глазами полными слез.

Его серебристый шар касается моего. Он утешает меня.

— Она расстроилась, что ТЫ ЕСТЬ?

Я киваю.

— Она просто еще не поняла. Дай ей время.

Словно камень упал с сердца.

— Как же я сразу не догадался! — восклицаю я.

Ей надо время привыкнуть ко мне.

Но. Я-то ведь сразу принял ее.

6-я неделя и 1 день

Я оборачиваюсь. Мужчины, женщины, молодые и старые, дети... Капля по капле. И теперь во мне ИХ кровь. В лицах много общего. Тонкой ниточкой от сердца к сердцу — НАДЕЖДА. Вот и мое время пришло — присоединиться или осуществить надежду?

7-я неделя

— Скоро я увижу солнце и небо.

Саша любит мечтать.

— Интересно, какой на вкус снег? А вода в реке? А черешня?

Мы весело хохочем, болтаем ножками. Мне нравится это занятие. А еще я люблю рассматривать свои пальчики. Я быстро расту и меняюсь. Я стал замечать, что вокруг много смыслов. Они приходят из вечности. Некоторые на вкус сладкие и добрые, другие — горькие и невкусные.

— Я накушаюсь смыслов и тоже что-то новенькое узнаю из маминого мира.

Саша лукаво смотрит на меня. Какие же у него красивые реснички. Интересно, у меня будут такие же?

— Удачи.

Я остаюсь один. Вокруг маленькие светлячки. Какой же выбрать смысл? Фу-у, горькая! Эта про войну... А вот эта... творчество, предназначение... ням-ням. Наевшись смыслов, я засыпаю.

Мне снится мама. Мы гуляем по лесу. Я срываю для нее цветы, самые красивые и самые необыкновенные. Она счастлива.

8-я неделя

Я прислушиваюсь. В мамином мире музыка. Серебристыми ручейками разливается она в моей вселенной. В музыке светлая грусть и что-то еще. Чтобы понять, надо съесть смысл.

Это одиночество.

Сложив на колени ручки и наклонив голову набок, я вместе с мамой слушаю волшебство музыки.

Мама думает о своем одиночестве. Странно, я ведь так сильно люблю ее. Почему моя любовь не помогает ей? Саша говорит, что она не хочет моей любви, и поэтому я ничего не могу для нее сделать.

Я не верю ему.

Мама еще не привыкла ко мне. Она не знает, что у меня ее глаза и я, так же как и она, люблю музыку. Как только она про все узнает, сразу меня полюбит.

Ведь не может так быть, чтобы мамы не любили детей! И не хотели их!

9 с половиной недель

Я просыпаюсь от грубых и резких криков. Протираю глаза.

Мама с кем-то ругается.

Ко мне подплывает смысл. Невкусный, приторный, но я его ем.

Так у меня есть бабушка?

Но вместо радости я морщусь. Как противно они кричат друг на друга. Зачем?

Мне становится плохо. Я закрываю руками ушки. Начинаю плакать.

— Мама! Бабушка! Пожалуйста, перестаньте!

Ну почему? Почему? Вот прямо сейчас я не могу попасть в мамин мир? Защитить ее. Успокоить бабушку. Ведь я так счастлив, что вы есть у меня. Почему же вы так несчастливы?

Я торопливо кушаю смыслы, размазываю по щекам слезы.

Как же вам помочь? Ах, если бы рядом был папа.

Громко хлопает дверь. Бабушка ушла. Мама горько рыдает.

Я отскакиваю от серебристой стеночки. Мама бьет руками по животу.

Я в ужасе. Я кричу изо всех сил. Ведь она же не может так делать нарочно?

— Мама! Мама! Здесь я! Мне больно! Мамочка, не делай так! Мне больно!

Мама бьет сильнее. Она кричит, что-то очень-очень плохое. Я реву вместе с ней, закрываюсь руками.

Вселенная сжимается. Из черных дыр раздается гул.

И вдруг становится тихо.

Я всхлипываю.

Осторожно прикасаюсь к серебристой стеночке.

В маме огромная пустота, словно она превратилась в черную дыру.
Родная, любимая, я защищу тебя. Ты так нужна мне.
Мамочка.

9-я неделя и 6 дней

Из вечности приходят смыслы — любовь и ненависть. Две первобытные силы, они в гармонии. Между ними люди, где-то там и моя мама. Это только ее выбор, на стороне какой она силы, у меня свой. Жаль, что обязательно надо выбирать. Без выбора проще и честнее. Чего я больше хочу? Любви и незащищенности? Или ненависти и безжалостности?

Во мне пробуждается память, маленькие осколки большого ВОСПОМИНАНИЯ. Я уже был и в ненависти, и в любви, я исходил все стороны добра и зла. Я что-то искал...

Истину.

Да, я нашел ее. В иной вселенной и с другой мамой. И тогда пришла печаль. Бездонная, словно колодец вселенной. Глядишь, глядишь в него и падаешь.

10-я неделя

Я сонно рассматриваю смыслы. Когда же, наконец, у меня появятся реснички? Ведь уже все есть! Как я устал ждать.

Я засовываю большой пальчик в рот. Засыпаю.

Сегодня вселенная сжимается чаще обычного. Много-много черных дыр.

Я знаю, мама думает обо мне. Она не хочет дать мне имя. Она поверила врачу, который сказал, что я зародыш и никакого отношения ни к чему человеческому не имею.

Маме от этого стало легче.

А как быть мне?

10-я неделя и 3 дня

Люди не верят людям. Но чтобы не чувствовать вину, придумали сказку о доверии. Ха-ха-ха... И мне жить среди них? Да, жить и защищать маму, бабушку, папу. Они пришли из ненависти, а я иду из любви. Когда они переступили границу — то забыли добро, а я зло. Мы уравновесим первобытные силы. Именно от меня род получит свет и познает чудо любви. Я исцелю израненные души. Примирю враждующих. Родовое древо обретет силу и выбросит новые ветви. От прадеда к деду, от деда к сыну, от сына ко мне, от меня в бесконечность. Здоровое семя даст начало новому. И в родовом древе уже никогда не будет червоточин. Это и есть МОЕ предназначение.

11-я неделя

Какие красивые у меня ножки! Вот бы мама их увидела. Прозрачная тонкая кожа. А что там просвечивает? Я кушаю смысл. Ага! Капилляры, нервная система. Сколько всяких премудростей.

— Мама дала тебе имя?

Я долго молчу. Иногда мне кажется, что мама не любит меня.

Но Саше отвечаю.

- Она еще привыкает ко мне.
- Она полюбит тебя. Дождись.

Я грустно вздыхаю. В сердце появляется боль. Такого еще никогда не было.

- У меня болит сердце, — испуганно говорю я.
- Серебристый шар друга прикасается к моему.
- Закрой глаза и представь что-то хорошее.

Я так и делаю.

Я с мамой на море. Море теплое, ласковое. Я весело плескаюсь в воде. Мама улыбается, ее сердце переполняет счастье.

Я открываю глаза.

- Ну как?
- Не болит.

Вокруг вселенная и много-много смыслов. Миллионы серебристых шаров — и в каждом из них маленькое чудо.

Почему же мне так одиноко?

11-я неделя и 4 дня

Я войду в ад, чтобы жить воспоминаниями о рае. Я буду рисовать солнечные восходы. Огромный красный шар с маленькой светящейся верхушкой. Все это было со мной давным-давно.

Я войду в рай для наслаждения жизнью. Я буду рисовать морской прибой с многоликими и прозрачными волнами.

Но в истине я познал: жизнь наполняется как счастьем, так и болью. Одно без другого невозможно. Чья же это несправедливость? Человеческая или вселенская?

12-я неделя

Что-то должно случиться. Я ем смысл.

Зло?

Мама что-то задумала.

Где же ты, папа? Почему так долго не приходишь? Ты ведь можешь все изменить.

Куда идет мама? Зачем ей в больницу?

Меня гложет тревога.

- Что случилось? — Саша переживает не меньше моего.
- Не знаю. Мне страшно.
- Что это?

Из черных дыр раздается гул. Мы испуганно переглядываемся. И... Саша громко кричит:

- Хочешь, я дам тебе имя?
- Да.
- Богдан. Данный Богом.

Страшная сила вторгается во вселенную. Кто-то пытается пробиться в мой серебристый шар.

Удар. Еще удар.

Сердце бешено колотится.

Тук — тук — тук — тук — тук.

Гул нарастает, усиливается. Я в ужасе кричу:

— Мама! Мама, спаси меня!

Серебристый шар лопается. На меня обрушивается холод и мрак. Я захлебываюсь криком и слезами. Из всех сил колочу в мамин животик.

— Мама! Мама, я люблю тебя! Я не хочу умирать!

Металлическая острая ложка... Она царапает стеночки, разрушает мою вселенную.

Я отчаянно цепляюсь за маму.

— Мамочка! Поверь мне, я люблю тебя! Спаси!

Что-то полоснуло по тельцу. Вместо ножек кровавое месиво.

Я дрожу от боли, ужаса и страха. Острая ложка нависла над головой.

Еще раз. В последний. Мама, ты должна знать. Я перекрикиваю гул черных дыр. Так громко я еще никогда не кричал.

— Я люб...

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Солнце медленно скатывалось по верхушкам деревьев за горизонт. В правой руке держа куклу, а в левой ее пижаму, мальчик недоверчиво наблюдал, как в небесной колыбели исчезало багрово-золотистое дитя.

— Теперь и нам пора ложиться спать, — грустно произнес он.

Одев куклу, Ваня вошел в дом. Он бережно положил ее в большую мамину кровать, взял со стола книгу со сказками и, медленно выговаривая буквы, старательно читал по слогам. У куклы было одно ухо, глаз, перекошенный рот, даже волосы кто-то из детей выдрал, но мальчик рассудил, если оставили сердце, значит, еще не все потеряно. Когда ему показалось, что кукла уснула, он положил книгу на стол и пошел мыть посуду после ужина.

Ночь была ясной. Звезды, словно маленькие светлячки, задорно подмигивали, то тут, то там мелькали фантастические бабочки, вспыхивали и гасли — только успевай загадывать желание! Ванечка очень хотел разбудить куклу, чтобы вместе смотреть на это волшебство, но сдержался. Кукле и так нелегко — чужой дом, да и он не подарок — приготовь, постирай, в парк своди — пусть отсыпается. Как привыкнет, так и будут вместе на звездные чудеса смотреть.

Ванечка вставал в шесть утра. Застилал кровать, готовил завтрак — овсянку на молоке. Дети по утрам должны есть кашу. Это он хорошо усвоил. Мальчик посадил куклу за стол напротив себя и положил ей каши побольше.

— Ты взрослая, а значит, сил тратишь много, — объяснил он кукле, — сиди ровно, не сутулься!

Съев с удовольствием овсянку, Ваня с горестью заметил, что кукла совсем не ценит его трудов и к тому же решила показать свой дурной характер. Ему пришлось дать ей подзатыльник.

— Опять не доела, — недовольно заметил он. — Для кого я готовил? Старался? Вот пойдем гулять, начнешь хныкать. Что тогда? — немного подумав, он примирительно ответил, как если бы кукла с укором на него смотрела. — Так и быть, возьму с собой хлебешек, но немного, чтобы аппетит не перебить.

В парке было много детей. Огромные очереди стояли на карусели, а кому уже надоело кататься, тот весело плескался в фонтане. И, конечно же,

все были с куклами, а некоторые даже с очень красивыми, нарядно одетыми, с аккуратными прическами, пушистыми ресницами и алыми губами. В общем, с новыми.

К Ване подошел закадычный друг Женька и показал свою куклу.

— Как она тебе?

— Нормальная. А почему без ноги?

— Я такой ее взял. Продавец рассказал, что она своего сына ногами била, а как стала куклой, он ей это припомнил. А мне и к лучшему. На одной ноге она никуда не сбежит. А то любят они нас, детей, бросать. Вот как сбежала моя мать со своим собутыльником, так до сих пор не могу найти ее. А твоя что? Полюбила уже?

— Свыкается.

— А если не полюбит?

— Что ж, — Ванечка пожал плечами, — не впервой, — ответил он как можно безразличнее.

Мальчики сели на скамейку. Женька злобно дернул куклу за руку.

— А ну сиди, дрянь! На карусель захотела! А где деньги взять?

— Ты бы поласковей с ней, — заметил Ваня.

— Ничего, пусть привыкает к жизни, не все ей как сыр в масле кататься.

После парка Ваня с куклой зашли в магазин. Кукла вела себя из рук вон плохо: капризничала, упиралась, требовала сладкое. Ванечка сначала шикал, а потом ему надоело, и он ударил ее по лицу. Кукла сжалась, но поняла, кто сильнее, и безвольно повисла в руке мальчика.

— А как ты думала, — идя домой отчитывал ее Ваня, — будешь меня позорить, а тебе все с рук сойдет! Вот придем домой, еще ремня получишь.

Дома кукла долго стояла в углу. Ванечка даже телевизор погромче сделал, чтобы знала, чего лишилась из-за дурного поведения. Но к вечеру ему стало жалко куклу и, уложив ее спать, долго читал сказки. Но сам не спал всю ночь. Он грустно вздыхал. Одиночество, словно колющее одеяло, укрывало его с ног до головы. Сердце подсказывало, он поступает неверно, так любовь не заслужить. Кукла будет его бояться да мелко пакостить в отместку. А можно ли по-другому получить любовь? Ваня решил узнать об этом у детей с красивыми куклами.

— А почему вас любят куклы? Что вы делаете для этого? — спросил он, как только пришел в парк.

— Ухаживаем и заботимся, — ответила одна из девочек.

— Так и я все это делаю! Может, еще что-то есть?

— Гуляем в парке, читаем сказки, смотрим на небо, — присоединился к разговору мальчик.

— Странно, — пробормотал Ваня. Для любви всего этого было явно мало. Размышляя над тем, из чего же состоит любовь, он заметил Женьку, но уже с новой куклой.

— А что со старой?

— А! — Женька махнул рукой. — Матерные слова кричала, а потом где-то водку купила. Хватит с меня алкоголичек! Я пошел и сдал ее в магазин.

— Но у новой только голова и туловище!

— Специально долго искал. Такая не станет меня бить и уж тем более пить водку, — гордо ответил Женька. — Думаю, она меня полюбит. Ладно, мы пойдем кататься.

Ваня долго смотрел им вслед, а затем направился в магазин игрушек. За прилавком стоял седой старик с роскошной кучерявой бородой и добрым выражением лица, но с острыми, пронизательными глазами.

— Опять за новой пришел, Ванечка? — ласково спросил старик. Он знал всех детей по именам, многие приходили в магазин по нескольку раз за день.

— Нет.

— Что тогда?

— Хочу вернуть куклу.

— А что взамен? — удивился старик.

Ваня шмыгнул носом. Полки магазина были завалены куклами — грязные, поломанные, а некоторые с порванными тряпичными сердцами. Видимо, кто-то из детей совсем отчаялся получить любовь.

— Я хочу забрать свою маму, — наконец решился он.

— Маму? Но ведь она обижала тебя, смеялась над тобой, была к тебе несправедлива и холодна. Ты ей все руки и ноги поломал. Даже не знаю, что осталось от нее.

Ваня немного помолчал.

— И все-таки я хочу забрать маму.

— Что ж, пойду, поищу ее.

Через некоторое время старик вернулся, он нес в руках ободранную куклу.

— Вот, держи свою маму.

Ваня бережно взял куклу и направился к выходу.

— Постой, — окликнул его старик, — ты единственный, кто вернулся за своей мамой. Может, скажешь, почему?

— Если честно, я не знаю, — простодушно ответил Ваня, — только она помнит тот солнечный день, когда купила мне самое вкусное в мире мороженое, а потом долго катала на качелях. Это мой единственный счастливый день. И мы разделили его на двоих.

Мальчик неспешно возвращался домой, так же неспешно солнце скрывалось за верхушками деревьев. Мамино тряпичное сердце было порвано другими детьми, но Ваня знал — придя домой, он аккуратно его зашьет.

ДЕЯТЕЛИ

**Валерий
СДОБНЯКОВ**

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА

Валерий Викторович Сдобняков — родился в 1957 г. в Красноярском крае, на станции Решеты. Прозаик, публицист. Лауреат литературных премий имени М. Горького, имени Города (Н. Новгород), лауреат волгоградского фестиваля православных СМИ им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Председатель Н. Новгородской писательской организации. Главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Живет в Нижнем Новгороде.

Для читателя, любящего неспешное, вдумчивое, углубленное чтение, видящего в книге не повод для занятого времяпрепровождения, а друга, собеседника, учителя, эти три тома, выпущенные в русском переводе Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой, истинный подарок. Иначе сказать о «Творениях» преподобного Максима Грека невозможно. Их чтение — это общение с вечной истиной — мудростью, которой держится мир. Но как просто, интересно, доступно о ней говорится. Может быть, потому, что самому святому (Максим Грек причислен к лику святых на Поместном соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси и проходившему в Троице-Сергиевой Лавре 6–9 июня 1988 года) в жизни пришлось эти спасительные истины доказывать собственными страданиями и лишениями. И вознесясь духом, оставить нам, последующим поколениям, не только свои замечательные труды, но поразительный и во многом утешительный пример собственной судьбы.

Он родился около 1480 года «от родителей богатых и благочестивых Мануила и Ирины в городе Арты, в Албании, близ Эпира. По происхождению грек». Максим получил образование в Париже, Венеции, Флоренции. Он приобрел достаточные сведения о науках, основательно изучил греческий, латинский, французский и итальянский языки. Но затем из просвещенной и шумной Европы в поисках уединения он отправляется на Афон, где с 1507 года поселяется в братстве Благовещенской Ватопедской обители, принимает монашество и десять лет несет иноческие подвиги, изучает святоотеческие писания, выполняет монашеское послушание — ходит за сбором милостыни для обители. Отсюда по просьбе Великого князя Московского Василия Иоанновича

Максим Грек отбыл в Россию для перевода с греческого и исправления ошибок в уже используемых при совершении богослужений книг, имевшихся в России.

А также для разбора уникальной библиотеки, которая была вывезена Великой княгиней Софией Фоминишной из Константинополя в то время, когда она ехала в Россию для бракосочетания с Иоанном III, родителем Василия Иоанновича. До Максима Грека библиотека простояла закрытой под замком сто лет.

Инок осуществляет перевод толковой псалтири, «толкования древних отцов на Деяния Апостольские и толкование Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна»; Правила апостольские и Правила вселенских и поместных соборов; извлечения из книг пророческих с толкованиями; житие Богородицы Метафраста; пишет более ста тридцати статей о том, что волнует и занимает умы в Москве. Но как часто бывает — обличитель невежества и безграмотности, клятвопреступничества и пороков духовных и плотских — вскоре сам оказывается в немилости у верховной государственной и церковной власти, которые определяют его под стражу и вменяют ему в преступление то, чего он не делал или сделал без всякого злого умысла.

Из заточения вопиет преподобный Максим Грек к власти верховной о милости. Просит, чтобы отпустили его назад в афонскую обитель. Об этом же в 1545 году восточные патриархи: Константинопольский Дионисий и Александрийский Иоаким просят Царя Иоанна IV — но все тщетно. И «лишь в 1551 году, после 25-летнего заключения, игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий вместе с некоторыми добродетельными боярами упрости Царя освободить невинного страдальца из заключения». Но силы подвижника были на исходе. 21 января 1556 года он скончался. Богом уготовано было великому праведнику закончить свой жизненный путь на русской земле и здесь же получить прославление за подвиг исповедничества и за сбывшиеся его предсказания.

Рассматриваемое нами издание «Творений» преподобного Максима Грека, как уже было отмечено, выпущено в трех частях, в первую из которых вошло «Житие» святого и его «Нравоучительные сочинения». Последние так приятны уму, так ласкательны для слуха, что чтение их доставляет искреннее духовное наслаждение, вносит в сердце веру в истинность выбранного в вере пути. Сочинения будто бы написаны для тех, кто хочет и любит слушать МУЗЫКУ слова, представляющую собой явление красоты неземной, льющую откуда — нам неведомо, но воплощающуюся странным, непостижимым образом в чувство и мысль. И эта тройственность в СЛОВЕ, произнесенном Максимом Греком, — греет, оживляет, объясняет смысл нашей жизни. В нем мы находим многие необходимые ответы для себя, для своего бытия на этой земле. Все происходит как-то просто, легко. Лишь миг, и волнение охватывает сердце. Целебное чувство открытия истины заполняет его от прочтения столь простых, доступных всякому уму, разъяснений. Но... мгновение, и неуловимым движением обретенное вновь ускользает из сердца. И оттого хочется вновь и вновь читать и перечитывать сочинения святого.

Но есть и другая поразительная черта написанных (а как бы произнесенных — столь близки и доступны они для читательского восприятия) преподобным Максимом Греком «Слов». В них автор по-христиански глубоко откровенен. Нелицеприятны взывания его к собственной душе, омраченной и обремененной житейскими помыслами и страстями. (Это его-то душа! Это

ей-то возносить упреки и осуждения! Это ее-то призывать к послушанию и благоразумию!) Не есть ли это самая высокая требовательность к себе?

Одно из своих нравоучительных сочинений о покаянии преподобный, преподнеся читателю истинный урок смирения, заканчивает так: «Написавшему же это слово воздайте, прошу, вашими богоприятными молитвами, чтобы и мне сподобиться вместе с вами исполнить содержащееся в нем учение. Никто из вас, умоляю, пусть не считает меня вполне исполнившим сказанное в нем; ибо я, воистину, — то бесплодное “древо, при корени” которого “лежит” мысленная “секира”, которою оно “посищается и во огонь вмещается” (Мф. 3,10). Я — тот путь и то камение и терние, куда западает бросаемое небесным Сеятелем семя, и погибает, не принося Ему плода. Я — солома, сожигаемая огнем неугасающим. Поэтому, прошу вас: молитесь о мне грешном, чтобы и мне сподобиться вместе с вашею святынею оказаться чистою пшеницею, собираемою в вечные житницы Создателя и Владыки всех Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Ему слава во веки. Аминь» (Слово 4-е). Привожу такую длинную цитату потому, что в этом потоке православного высокого самоуничтожения не только истинное осознание ничтожества человеческой (и собственной его писателя-праведника) воли перед всеусущей и всепобеждающей волей Творца, но и глубочайшая любовь к ближнему, превозношение его этой любовью над собой, своими желаниями и гордостью.

Слог Максима Грека, несмотря на кажущуюся многословность, в достижении полноты выражаемой мысли очень точен и образен. Оттого передаваемая мысль не «суха», а как бы «разбавлена» чувством, сопереживанием. Оттого и льются сказанные им слова прямо в благодарное читательское сердце. И особенно пронзительно, когда сказаны они о сострадании к нищему и убогому, о милосердии, о нестяжательности, о бренности всех земных приобретений и накоплений, о человеческой черствости и сребролюбии в то время, когда рядом оборванный и изголодавшийся нищий, протягивая руку, просит подаяния.

Как близки эти слова нашему времени, какой вечный, непреходящий смысл имеют они, насколько велик человек, произнесший и написавший их более четырехсот лет назад, что смог проникнуть духом в безвременье, достичь вечности. Ведь: «Как любовь есть исполнение закона, так и вера есть основание всех вообще добродетелей: от веры рождается страх, а от сего — исполнение заповедей, через которое ум наполняется божественной любовью». Таким высказыванием преподобный заканчивает другое свое «Слово». И еще: «Возлюбим же уготованные на небесах от Бога славу и честь, и похвалу, а не те, которые бывают от людей, за которыми мы, по великому своему безумию, всячески гоняемся, ласкаясь, с рабским самоуничтожением, ко всем, находящимся на власти, умалчивая об их неправдах, тогда как, если бы не стеснялись их, мы могли бы заслужить себе от Бога награды, и их самих отвлечь от всякого зла и от всякой неправды...».

В этом и есть поразительная современность поучений святого. Говорит он в них о категориях вечных, стремясь, во спасение наше, отвлечь нас от повседневного, кажущегося таким важным, только что открытого нами и до этого другим никем не испытанного и не понятого так, как это понимаем и чувствуем мы. Но все это губительно, от лукавого. Работы Максима Грека, написанные несколько столетий тому назад, это доказывают, призывая нас к вниманию и сосредоточенности.

И уж совсем особняком стоят в книге «Слова» с 25-го по 31-е. В них святой обращается с чувством христианской любви и просьбой отпустить его, невинного инока Максима Грека, обратно в обитель Ватопедскую на святую гору Афон, где он обещает молиться за своих обидчиков и прославлять перед Богом тех, кто доставил ему столько физических и духовных страданий. А если невозможно возвращение, то чтобы допустили его до причастия, коего он был несправедливо лишен многие и многие годы, находясь в заточении. Слова эти обращены к его вольным и невольным мучителям: царям Василию Иоанновичу и Иоанну Васильевичу, митрополитам Даниилу и Макарию, епископу Тверскому Акакию, князю Петру Шуйскому.

Страх Божий двигал им при написании этих «Слов». Скорбь за дальнейшие судьбы своих мучителей и нас, ныне живущих.

Вторая часть репринтного издания сочинений преподобного Максима Грека состоит из ярких и эмоционально насыщенных, энергичных догматико-полемических сочинений. В этих статьях, как и в первом томе, автор являет себя пламенным борцом за истинное Православие. Его слово не только наполнено верой как бы до краев каждой буквы, но зачастую облечено в доступную, помогающую более полному восприятию его читателем, художественную форму. Так, изучающих священные книги он уподобляет пчелам, собирающим нектар и перелетающим для этого с цветка на цветок, а читающих «еретические учения», которые «не от источников разумного Израиля проистекают», Максим Грек называет пьющими из «мутных рвов, на погибель и отравление».

В статьях — яростное обличение ереси, но и истинно христианское стремление к примирению, призыв к покаянию и возврату к неизменным догматам, оставленным для нас нашим Спасителем Иисусом Христом и его учениками — апостолами, которые изложены в Евангелии и Посланиях. Преподобный постоянно цитирует Священное Писание, приводит примеры в подтверждение своих слов из книг Ветхого Завета, высказываний святых и подвижников благочестия. В 12-й статье он цитирует грозное восклицание святого Дионисия, прозванного Ареопагитом: «Тебе поручено содействовать спасению подобных тебе людей, и не так как тебе этого хотелось бы, а по спасительному учению священных Евангелий и по апостольскому и отеческому преданию...».

В томе помещены работы, где Максим Грек вступает в непримиримую борьбу практически со всеми имевшими тогда место церковными смутами и ересями, вплоть до основных религиозных отклонений и противостояний. Здесь и «обличение против латинских трех больших ересей», и «слово против армянского зловерия», и «ответы против агарян, хулящих нашу Православную христианскую веру». Отдельные большие работы посвящены разбору заблуждений, а зачастую и полному непониманию христианства.

Причем в своих статьях святой вступает в полемику не столько с личностями, проповедующими ту или иную веру, сколько с самой сутью этой веры, являя при этом отменное знание предмета своего разбора, его основы, свободно цитируя книги-первоисточники. Его поражает (он и не скрывает этого — удивление автора неудержимо «выплескивается» на страницы книги), как можно не видеть всю пагубность представленных заблуждений и столь очевидную спасительность учения Христа.

«Все, что преподано нам и законом, и пророками, и Евангелием, — цитирует в своей статье Максим Грек блаженного Иоанна Дамаскина, —

будем изучать и сохранять честно и более ничего не будем искать. Ибо Бог, будучи Благ, и всякого блага податель, — что нужно было нам знать, то открыл, а чего мы не могли вместить, о том... умолчал. Будем же любить то, что Им преподано нам, и в том будем пребывать, не предлагая пределов вечных и не преступая божественного предания. Ибо кто что-нибудь малое или великое божественное отмечает, тот отмечает весь закон и почитается заодно с преступниками его».

Слово Максима Грека — это порыв, неукротимое желание передать свою любовь в вере другим, тем, к кому он и обращается со страниц книги. Трудно говорить о догматических противоречиях, с которыми идет полемика в книге. Слишком велик авторитет вопроса, и очень значительные знания необходимо для этого иметь. Потому, по недостойности своему, и не смею. Но упиваться чужой эрудицией, насыщать ею мозг, сберечь в сердце разбуженное ею чувство — кто может запретить?

Слово святого удивительным и непостижимым образом спасает, укрепляет, единит неразрывно разум и сердце, рассудочность и чувства, радость и печаль покаяния. И происходит это потому, что достаточно прочитать первые строки его обличающих грех статей, чтобы осознать всю свою уязвимость и зависимость от мира, повязанность им. Но чувство покаяния, принятое сердцем от слов преподобного, уже спешит твою печаль увести от отчаяния, открыть для тебя иной путь, который ты вроде бы и сам знал и знаешь, да только идти по нему нелегко, оттого и нерешительность, сомнения тревожат. Слово же святого — наша укрепляющая подмога, наш посох в странствиях житейских, наша поддержка и опора.

Особняком в книге стоят статьи о волхвах и звездочетах, пытающихся по звездам угадывать будущее. Эта тема затрагивалась духовным писателем и в первом томе его сочинений. В этом же издании она более обобщена (статьи с 17-й по 21-ю), а в некоторых случаях, напротив, очень конкретизирована. Максим Грек на примерах из Ветхого Завета, из истории Церкви наглядно показывает, как Промысел Божий движет историей и в то же время судьбами отдельных людей, а отнюдь не движение по небу звезд и светил, их нахождение в том или ином месте. Они могут играть свою роль в наших судьбах, но только тогда, когда в особых случаях для этого их использует Промысел. Так, в Евангелии волхвы пришли для поклонения родившемуся Христу, следуя за звездой, звезда ли здесь решала дальнейшую судьбу человечества и возможность явления нам искупителя?

«...Не от звезд, зодиака, движения и сочетания планет, и не от колеса какого-то счастья происходит и зависит все касающееся нас, но что, будучи изначально почтены создавшим нас самовластием, сами властны в своих помыслах и делах, как добрых, так и злых».

Как своевременны эти слова преподобного. Словно к нам, живущим в XXI веке и начинающим свои дни, недели, месяцы с разглядывания и чтения гороскопов, помещенных на страницах газет, журналов, передаваемых по радио и телевидению, обращены они из глубины прошлых веков.

Во всех статьях говорит Максим Грек о вечных вопросах нашего спасения. Оттого они имеют для нас непреходящую ценность. Но самый большой раздел книги посвящен теме разногласий между православными и католиками (латинянами называет их автор) в вопросах догматов христианства, сформулированных, утвержденных, затем сформулированных окончательно в виде

молитвы «Символ Веры» (Первый Вселенский собор в Никее изложил устав Православной веры. Второй собор в Константинополе прибавил в священный Символ догмат о Святом Духе. Третий в Ефесе утвердил страшными клятвами изложение веры, составленное прежними двумя Вселенскими соборами, чтобы никто не дерзнул изменить ни одного слова в прежде составленном Символе.) При этом в рассуждениях своих Максим Грек опирается на высказывания блаженнейшего Келестина, в то время Папы Римского, который в своем послании Третьему собору в Ефесе писал так: «... если кто когда-либо убавит нечто или прибавит к исповеданию веры, был предан анафеме, то это было сделано правильно; ибо то, что с полностью и ясностью предано нам Святыми Отцами, не терпит ни прибавления, ни убавления».

На Четвертом Вселенском соборе, собравшемся в Халхидоне, блаженнейший Лев, Папа Римский, по прочтении священного исповедания веры, составленного предыдущими соборами и утвержденного Третьим, сказал: «Повелевает сей Святой Вселенский собор — иную веру никому не дозволять произносить, или писать, или составлять, или учить, или доказывать. А которые осмелятся... те, если будут епископы или клирики, да будут лишены: епископ — епископства, а клирики — звания клирика; если же то будут простые, таковые да предаются проклятию». Затем эти положения были подтверждены еще тремя соборами, на последнем из которых — Седьмом — последовало осуждение и обличение «возвысившейся латинской ереси».

Как известно, разногласия (ересь) выражаются в том, что, извратив Символ Веры, латиняне утверждают исхождение Духа Святого от Отца и Сына. На что святой возражает, ссылаясь при этом на священное Евангелие: «Как не быть им отлученными от любви Христовой, когда богословия Его о Святом Духе они не хотят слушать но... достоинство Параклита, исходящего от Единого Отца... определяют двумя началами, не зная, что как Единородный от единого Отца и Один рождается рождением и единородство есть Его особенность, так и Дух Святой, будучи равен во всем Отцу и Сыну, Один исходительно от Единого Отца исходит и потому исхождение Его признается единоисходным, что и составляет Его особенность, Ему свойственную».

Также и о другом противоречии далее сказано: «В выше естественном богорождении один другого не приобщаются, то есть не причастен той особенности, какая свойственна каждой из богочастных ипостасей, как то: Отцу нерождение, Сыну рождение и Духу Святому исхождение».

Не может преподобный согласиться и с другими нововведениями латинян в святых таинствах и относительно священнического чина. В книге святой предстает перед нами и как знаток древней истории, философии, геометрии. Все используется им для непреложного доказательства своей правоты, а вернее, правоты незыблемых догматов Православия против всяческих нововведений, извращений и прибавлений, наносящих опасные удары по чистоте веры, способные нанести ей непоправимый вред и ввести в заблуждение многих и многих, тем самым уведя их со спасительной дороги в гибельное болото заблуждений. Отдельная 12-я глава книги представляет из себя большой трактат о Святом Духе и разбор всевозможных ошибок и заблуждений в трактовании этого вопроса. Если учесть, что это один из краеугольных камней, на чем зиждется вечное Православие, то не будет преувеличением отметить значительную роль работ Максима Грека по утверждению истины и уклонению от заблуждения тогдашней России.

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

ХОД ИСТОРИИ

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 г. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. университета. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре.**

* * *

Я ощущаю иногда,
Что становлюсь с собою дружен,
Что улетает ум туда,
Где никогда он не был нужен.
Там все к отплытию готово,
Окончен бал и прерван пир,
И красотой креста Христова
Весь многосложный дышит мир.

* * *

Сердце ноет. Время мчится.
Мать с утра печет блины.
Не могу я научиться
Много лет уже — молиться
За врагов моей страны.
По ночам мне снятся старцы, —
Не могу припомнить всех, —
Говорят они: «Сквозь пальцы
Смотрит Бог на этот грех.
Если мы тебе явились,
Значит, нет в тебе вины.
Мы и сами не молились
За врагов своей страны».

ХОД ИСТОРИИ

Ты двери в прошлое толкни:
Услышишь крик толпы забитой:
«Распни Его! Распни, распни!»
Врага увидишь с его свитой.
...Что изменилось в наши дни?
Толпа, по-прежнему забита,
Кричит: «Распни Его! Распни!»
И тот же враг, и та же свита...

ЗДЕСЬ И ТАМ

Здесь утро. Солнце. Даль. Россия.
И колокольчик на меже...
А там? А там педерастия
Не грех уже.
Там налицо процесс распада,
Туда нельзя мне и не надо
Ни под каким предлогом.
Я здесь останусь. С Богом.

* * *

Не пишу об Украине
По одной простой причине:
Я с ума сойти боюсь
И молюсь, молюсь, молюсь.

Вот бы Бог меня услышал.
И сейчас, не через год,
Чтобы дух нечистый вышел
Изо всех, в ком он живет.

ОБЛАКА

Стою, слежу за облаками:
Вон то похожее на замок,
А вон точь в точь арба с быками,
А то как след в снегу от санок.

А вон как в белой бурке горец,
А вон похожее на льдину.
А вон как ангел-миротворец,
Мелькая тенью вдоль околиц,
Спеша, летит на Украину.

* * *

За границу предлагает
Друг поехать. Не хочу.
Друг, конечно, полагает,
Что я лгу. А я ворчу:

Это только за границей
Бытия земного.
Но туда спешить не надо,
Скажут нам, когда пора».

«Все старо в Бордо и в Ницце,
Если что и ново —

После этого расклада
Друг задумался. Ура...

ПОБЕГ

Я в детстве жил в плену иллюзий,
Теперь живу в плену у Музы,
В плену тревоги за страну...
Вся жизнь с рождения — в плену.
Но все на этом свете тленно

И предсказуемо вполне:
Удачный мой побег из плена
Железно предначертан мне
Под крик жены и плач детей
В кругу мерцающих свечей.

Денис БАЛИН

РУССКОЕ ПОЛЕ

Денис Александрович Балин — родился в 1988 г. Окончил Институт телевидения, бизнеса и дизайна («Невский университет»). Был членом молодежного совета Кировского района и председателем молодежного совета п. Мга, помощником депутата МО Мга. Основатель Литературного объединения «МГА». Участник 11-го Форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья в Липках (2011) и участник 28-й и 31-й конференций молодых литераторов Северо-Запада, лауреат Международного фестиваля Козьмы. **Живет в пос. Мга Ленинградской области.**

ФИНСКИЙ ЗАЛИВ

Чайки над Финским заливом висят,
пробуют воду на вкус.
Небо седое, как дед в шестьдесят.
Небо из серых медуз.

Виден в пыли облаков Петербург.
В город плывут корабли.
Разве возможно все это вокруг
просто отдать за рубли?

Невский проспект, поезда под Невой,
теплый семейный очаг.
Видишь, там крыши,
 подняв над собой,
держат дома на плечах.

Балтики шепот и шорох лесов,
прячется в берег волна.
Чайки летают, от их голосов
миля морская полна.

Сумерки выкрасят светом звезды
белые ночи в зарю.
Если родился на севере ты —
знаешь, о чем говорю.

✻ ✻ ✻

Пусть звезд догорают ночные угли,
прости нас, Гагарин, но мы не смогли,
до них дотянуться, коснувшись рукой.
Прости нас, Гагарин,
прости нас, герой.

И были так близко к земле небеса,
что пухом цепляли густые леса;

летели Протоны на дно кирпичом.
Весна по колено. Никто не причем.

Ах, милая Родина! Зебра берез!
Колючие сосны, колючий мороз.

С востока на запад,
на север, на юг —
бескрайнее поле и небо вокруг.

НАТЮРМОРТ

Пусть луна упадет за черту, и все звезды уйдут,
на востоке вдруг вспыхнет рассвет без конца и без края.
Я люблю это солнце и неба синеющий пруд,
где дельфин-самолет, облака, журавлиная стая.

Нарисую простой натюрморт на бумажном листе
или оду кусту сочиню — не засохнуть чернилам.
Наступила весна, и апрель наступает везде:
от полярных снегов до равнин и озерного ила.

Собирается дождь в глубине кучевых облаков,
чтоб на землю упасть, там быть съеденным вскоре цветами.
Оглянувшись вокруг, не найдешь ни друзей, ни врагов,
только ветер шумит за окном, предвкушая цунами.

Догорает трава, высыхают воронки от луж.
Вот и жизнь электричкой куда-то пронесится мимо.
То пейзаж городской, то по-сельски унылая глушь.
Наступила весна и апрель от Камчатки до Крыма.

ЮГО-ВОСТОК

Раздавай всем долги, отключай телефонную связь,
покупай автомат и — вперед, воевать на восток.
Кирпичи городов разлетаются, падают в грязь,
где следы от солдатских сапог.

На войне все равны: и москаль, и чечен, и хохол;
умирают в бою навсегда, никого не спасут.
Но посмотришь наверх, а там синего неба подол
и готовится каждому суд.

* * *

Мы в школе не знали, о чем писал Маркс —
я сжег на костре его том «Капитала».
Мы пепси не пили и прочего мало.
Мы мир разделили на сникерс и марс.

Старел президент в интерьерах Кремля.
Закончилась школа, закончили вузы.
Года пролетали, и тучи-медузы
куда-то летели за курсом рубля.

Ты сможешь найти нас, зайдя в Интернет:
на мертвых страницах, в которых забыты
фамилии наши, да в столбики сшиты
простыми рядами, как в песне куплет.

Напишет учебник профессор седой,
расскажет о нас молодой археолог:
что книги хранили в пыли среди полок
и диск телефона крутили рукой.

РУССКОЕ ПОЛЕ

Тут можно рубли не менять,
не прятать во рту глагол.
Не надо на ять обзывать
поля, где бывал монгол.

Ты Бога в ночи попроси —
пусть Он не забудет про нас,
в бескрайних просторах Руси,
где черное небо и квас.

Мы веруем в чудо всерьез,
своих избираем вождей.

Нас кутает зимний мороз
и летняя зелень полей.

Березовой зебры стада
стоят через ямы дорог,
их давят вокруг города
подошвой бетонных сапог.

Вот милая родина — дом,
вот церковь моя, а вот крест.
Сыграй мне сегодня о том...
Сыграй мне, военный оркестр.

КВШЛА КНИГА

Грешневилов А.

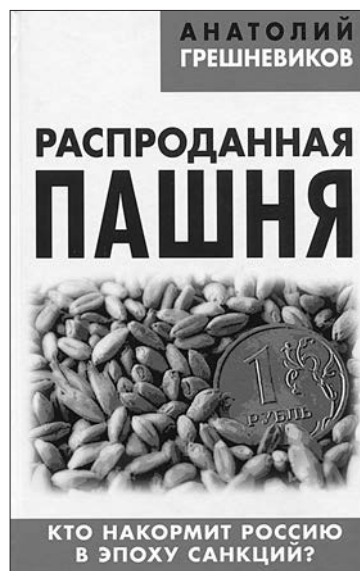
Распроданная пашня. Кто накормит Россию в эпоху санкций? — М.: Книжный мир, 2015. — 352 с.

Предлагаемая читателю книга А. И. Грешневилова посвящена кардинальным вопросам современной российской жизни: социальной справедливости, взаимоотношению народа и власти, спасению русского села.

В центре книги — трагическая судьба ярославских крестьян, попавших под каток столичных олигархов и коррумпированных чиновников.

Кому будет принадлежать русская земля? Выживет ли русское село в очередном переделе собственности? Почему на Руси живет весело и вольготно людям без чести и совести? Где найти на них управу? Кто виноват и что делать?

Ответ на эти вечные вопросы нашей жизни и дает в своей книге автор.

ЖИВОПИСНАЯ СИМФОНИЯ ФИЛИППА МОСКВИТИНА

*К 100-летию
Георгия Свиридова*

«Портрет Георгия Свиридова», гениального русского композитора, в творчестве его создателя — художника Филиппа Москвитина занимает особое место, он во многом не такой, как прежние, широко известные духовно-исторические работы прославленного московского живописца, он отличается и от привычных фото и изображений композитора. Эта картина для своего понимания заставляет душу взволноваться, сердце возрадоваться, ум проникнуть в законы природы и нравственности.

Звук и цвет имеют общую волновую физическую природу, которая сродни и водной стихии. Наверное, поэтому, по наитию души, по своей творческой одаренности художник Филипп Москвитин для изображения музыкального гения Свиридова избрал голубовато-серебристые водные оттенки, зыбкую, волновую технику исполнения, многоуровневую композицию картины-портрета, картины-размышления, картины-симфонии. Нет сомнения, что этот портрет художник пишет не по заказу, не только к юбилею великого русского композитора, но по велению своей натуры, по желанию выразить личное почтение композитору, чье творчество и мировоззрение во многом созвучны творчеству и нравственной позиции самого художника. Филипп Москвитин хочет своим живописным произведением заставить ныне живущих обратиться к гениальной, современной в своей извечной русскости музыке Свиридова, чья стилистика, конечно, отличается от произведений искусства эпохи постмодерна, но неизбывна в исконной мессианской задаче, устой-

чива в своих фольклорных истоках. Поэтому она должна быть понятна и близка и современному слушателю, и будущим поколениям.

Литературно-кинематографические реминисценции, прослеживающиеся в картине, композиционно убедительны и художественно оправданы хотя бы такими словами другого великого русского композитора, Сергея Рахманинова: «Музыка композитора должна выражать дух страны, в которой он родился, его любовь, его веру и мысли, возникшие под впечатлением книг, картин, которые он любит. Она должна стать обобщением всего жизненного опыта композитора. Начните изучать шедевры любого крупного композитора, и вы найдете в его музыке все особенности его индивидуальности. Время может изменить музыкальную технику, но оно никогда не изменит миссию музыки» (статья С. Рахманинова «Музыка должна идти от сердца»).

Свиридову выпало жить в эпоху коренных сломов, оказаться в водовороте вечных возвращений, увидеть «минуты роковые», поэтому его творчество так многообразно, разнопланово. Филипп Москвитин задался трудной задачей — отразить в портрете эту особенность судьбы великого композитора, и тем выразить вневременную истинность его музыки, стремительной, объединяющей, духовно-проникновенной, восходящей к свету. Задача для художника сложная, тем более ответственная, если вспомнить, что подобные задачи ставились художниками с начала XX века, но остались на уровне поисков в ряде модернистских направлений. Правда, намного раньше они были решены в музыке. По аналогии с направлением развития великой пятой симфонии Бетховена — «от мрака к свету» — композиционно развивается и полотно Филиппа Москвитина. Но в картине, как и в творчестве Свиридова, в этих границах бытия исследуется не просто тема рока, обобщенной человеческой судьбы, а проблема судьбы Отечества, его возлюбленной России, без чего невозможно осмыслить долю никакого русского человека.

По природе своей просветленной светом веры и любви души Свиридов не знал, тем более не отражал в музыке инфернальные уровни тьмы. Поэтому и художник в портрете композитора за нижнюю точку, от которой начинается смысловое развитие произведения, взял не образ мрака, а символический образ известного на весь мир Лебединского угольного разреза, который в своих реальных масштабах поражает воображение человека, видящего это чудо человеческого труда и упорства. Образ огромной, уходящей вглубь земли и достигающей 5 км в ширину воронки введен в картину и как напоминание о месте рождения великого композитора вблизи Курской магнитной аномалии. Он родился 3 (16) декабря 1915 года в г. Фатеж Курской губернии и стал певцом своего времени в неразрывной его связи с прошлым Отечества.

Знаменитая сюита Свиридова «Время вперед», имеющая кинематографическую природу, стала образом того неповторимого периода русской истории, когда Россия вырвалась в мировые лидеры, когда послевоенное общенародное единение и трудовой порыв были так велики, что позволили быстро залечить раны войны и впервые отправить человека в космос, создать атомное оружие и великие произведения искусства. Художник использует ритмичные и тематические особенности этой сюиты в качестве «несущей» смыслов своего нового полотна, посвященного личности и творчеству Георгия Свиридова. По аналогии с сюитой композиционное решение картины

основывается на принципе развития-восхождения. Найденный художником ранее и использованный в полотнах, посвященных миссионерскому служению великих православных просветителей, например, в картине «Святитель Иннокентий (Вениаминов) на Аляске», он очень убедителен и здесь.

Очевидно, что и Георгия Свиридова, изображенного на картине в строгой одежде черно-белых цветов, с вдохновенным лицом, художник понимает и изображает как духовного просветителя своего времени, как человека, который в убийственные богоборческие времена смело обратился к национальным духовным истокам, к русской церковной музыке, к фольклору. Стоит вспомнить, что в сюите «Время вперед» композитором интерпретируется и уральский напев, и частушки, и темы жанровой городской народной музыки. Ощущение движения, музыкального темпа в картине художником достигается совокупностью композиционно-живописных приемов. Картина, как и музыкальная классическая симфония, состоит из нескольких связанных в единое целое содержательных частей. Полотно выстроено диагонально — рассматривание портрета Свиридова художник заставляет начать с нижней точки, от левого края картины, где изображена воронка угольного разреза, своим неожиданным видом сразу привлекающая внимание. В сложном процессе — зрительного восхождения по заснеженным холмам, визуального полета над вершинами вековых елей и древних скал, взбирания по восходящему в невидимую высь крутому склону, к летящему со скоростью «время вперед» поезду, проявляются многие чувства, свершаются открытия. Возникает радость от любования зримыми образами родной природы, происходит умственное осмысление жизни композитора, сердечное проникновение в его творческий мир, а в целом, вершится трудное восхождение души созерцателя.

Ритмичность, музыкальность художественного полотна, его «звучание» достигается в результате зрительных ощущений, возникающих как следствие чередований. Чередуются круги-орбиты внутри солнечного шара в центре полотна, радужными, вложенным друг в друга слоями расходятся от слепящего центра полукружья небесных волн. Кольца-октавы угольного разреза, мерно расширяющиеся, восходящие к поверхности земли ступенями, напоминают о ритмично-гармоничном строении мира. В мелодичном единении подобны друг другу заснеженные ели. Ритмично арочное членение пролета моста, по которому в верхнем правом углу картины над снежной бездной мчится поезд. Эти чередующиеся архитектурные детали напоминают клавиши рояля, который тоже присутствует в картине, но, скорее, как атрибутивная деталь.

Георгия Свиридова, представленного в минуты сочинения музыки, художник немного отодвигает от центра полотна, чтобы показать, что хоть он и является героем картины, русским гением, создавшим лучшую светскую и религиозную русскую современную музыку, но Центр жизни и Источник творческого процесса иной. Так об этом говорил Сергей Рахманинов: «Своим дарованием я обязан Богу, только одному Богу. Без Него я ничто». В картине нет ни точных религиозных деталей, ни их аналогов, но Божие присутствие ощущается. При отдаленном взгляде на полотно огромный огненный или солнечный шар, изображенный художником над головой композитора, кажется нимбом. При ближайшем рассмотрении становится видно, что он расположен за спиной музыканта и скорее похож на клубы огня

*Портрет композитора
Георгия Свиридова.
2015 год, холст,
масло 100×105.
Художник Филипп
Москвитин*

в момент взлета космической ракеты. Но что мы видим в центре огненного шара? Это русская ракета, в которой Юрий Гагарин первым устремился к звездам? Или это небесно направленный вектор, символизирующий стремление человека во Вселенную, в Вечность? Или это пламя свечи, зажженной пред образом Божиим? Каждый зритель данный живописный образ может прочесть по-своему, в соответствии со склонностью сердца, рассмотреть в той степени отчетливости, какой обладает его духовный взгляд.

Нельзя сказать, что картина мгновенно располагает к пониманию. Точка зрения на нее художником выбрана так, что полотно сразу не впускает в свой мир зрителя, его, как нерадивого ученика, несколько отстраняет, как будто рекомендует подучиться исторически и преобразиться духовно. Но картина сама же и берет на себя роль учителя. Обилие снега напоминает, что одним из величайших произведений Георгия Свиридова является музыка к кинофильму «Метель» по одноименной пушкинской повести. Но метели на этом полотне мы не видим. Почему? Может, потому, что у Пушкина образ метели символизирует диссонансную, безблагодатную стихию, разрушающую гармонию созвучного Божиего мира. На картине мы видим не метельную ночь, а ее антитезу — спокойное зимнее утро, когда благодатно усмирившись природа, когда снег утишился. Неподвижный, источающий солнечный свет, он символизирует глубинный смысл высшей ступени духовного развития — статиса — предстояния пред Богом.

«Портрет Георгия Свиридова» Филиппа Москвитина заставляет и зрителя умиротвориться, остановиться, задуматься сердцем, просветлиться душой, в которой «метель» страстей и недобрых чувств должна преобразиться, замереть, рухнуть, а потом засиять на солнце незыблемыми, чистейшими снегами, символизирующими трудные процессы духовного очищения, самосознания и осознания смыслов творчества и законов человеческого бытия.

Валентина Ефимовская

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Ясенов Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилийнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми			
Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым			
и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник		
	Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенов Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний			
Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония			
и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 25.12.2015 г. Формат 70×100^{1/16}.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1512168.

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.